А.В. Тихонова
О.В. Козлов

ИНОСТРАНЦЫ НА СМОЛЕНЩИНЕ (1812–1861)

А.В. ТИХОНОВА
О.В. КОЗЛОВ

ИНОСТРАНЦЫ НА СМОЛЕНЩИНЕ

(1812–1861)

А.В. ТИХОНОВА
О.В. КОЗЛОВ

ИНОСТРАНЦЫ НА СМОЛЕНЩИНЕ (1812–1861)

Второе издание

Свиток
Смоленск
2023

УДК 94(470)«18»
ББК 63.3(2)521–36
Т 46

Печатается по решению редакционно-издательского совета СмолГУ

Рецензенты:
А. А. Орлов, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики Московского педагогического государственного университета;
А. Ф. Гавриленков, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, философии и работы с молодежью Смоленского государственного университета.

Тихонова А. В., Козлов О. В.

Т 46 Иностранцы на Смоленщине (1812–1861): монография / А. В. Тихонова, О. В. Козлов. — 2-е издание. — Смоленск: Свиток, 2023. — 308 с.

ISBN 978-5-907495-81-4

В монографии впервые комплексно освещена проблема пребывания иностранцев на территории Смоленской губернии в первой половине XIX века и преддверии Великих реформ Александра II. На основе анализа документов из федеральных архивов РФ, Национального исторического архива Беларуси в г. Минске, Архива внешней политики Российской империи МИД РФ, Государственного архива Смоленской области, большого числа опубликованных источников авторы рассматривают вопросы национальной и государственной принадлежности иностранных подданных, их численности, профессиональных занятий и адаптации иностранцев к условиям жизни в провинции. В книге нашли отражение сюжеты, связанные с проездом через Смоленщину монарших особ из европейских государств и иностранных путешественников.

Монография адресована историкам и всем интересующимся вопросами истории и культуры российской провинции.

УДК 94(470)«18»
ББК 63.3(2)521–36

Ключевые слова: иностранцы, иностранные подданные, Смоленская губерния, Российская империя, российская провинция, первая половина XIX века, 1812–1861, иностранные специалисты, европейцы в России, курды и турки в России.

На обложке воспроизведена литография с акварельной подкраской «Vue de Smolensk» из атласа: Montulé , E. de. Voyage en Angleterre et en Russie: pedant les année 1821, 1822 et 1823: Chez Arthys Bertrand, 1825.

Научное издание

ТИХОНОВА А.В., КОЗЛОВ О. В.

ИНОСТРАНЦЫ НА СМОЛЕНЩИНЕ (1812–1861)

Выпускающий редактор И. Штырова
Дизайн обложки В.Ю. Пореш.
Технический редактор В. Флиманков
Корректор Л. Бушуева, О. Папко, И. Марусова.
Издательство «Свиток», 214025, Смоленск, ул. Нормандия–Неман, 31–216.
Тел.: 8–910–787–82–59
Подписано в печать 12.12.2023. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 20 . Тираж 500 экз.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion Pro».

ISBN 978-5-907495-81-4

© Тихонова А.В., Козлов О.В., 2023
© Оформление. Издательство «Свиток», 2023

ВВЕДЕНИЕ

Идея собрать материал по теме «Иностранцы на Смоленщине в первой половине XIX века» возникла давно. Еще в 1990-х гг. большой исследовательский интерес авторов вызвало множество совершенно разных дел с упоминанием иностранцев из канцелярии смоленского губернатора, одного из самых значительных дореволюционных фондов Государственного архива Смоленской области. Своеобразным стимулом к осуществлению этого исследования послужила и небольшая популярная статья кандидата культурологии З. И. Пастуховой «Иностранные специалисты на Смоленщине»[1].

Выяснилось, что научной литературы по этой теме немного. Можно выделить статьи краеведческого характера о военнопленных из состава Великой армии Наполеона (И. В. Панисяка, Г. Н. Ермоленко и др[2].), публикации, посвященные «усадебной теме» (каталог А. Б. Чижкова и Н. Г. Гурской «Смоленские усадьбы»[3], сборник «Знаменитые усадьбы Смоленщины»[4], статьи историка архитектуры А. В. Чекмарева[5] и др.), работы по истории образования первой половины XIX в. (монография Н. А. Мицюк[6]) и повседневности провинциальных городов Смоленщины (Н. В. Никитиной[7]), монографию о надзоре за иностранцами в Российской

---

[1] Пастухова З. Иностранные специалисты на Смоленщине // Деловая Смоленщина. 2005. Ноябрь. № 3. С. 34.

[2] Панисяк И. Отечественная война 1812 г.: трагедия и милосердие // Край Смоленский. 2002. № 7–9. С. 27–47; Ермоленко Г. Н. Французские военнопленные 1812 года на Смоленщине // Край Смоленский. 2002. № 5–6. С. 26–33.

[3] Чижков А. Б., Гурская Н. Г. Смоленские усадьбы. Смоленск: Свиток, 2009. 192 с.

[4] Знаменитые усадьбы Смоленщины / науч. ред. Э. К. Сухова. Смоленск, 2011. 528 с.

[5] Чекмарев А. В. Усадьба Дугино Паниных // Русская усадьба. 7 (23). М.: Жираф, 2001. С. 404–433; Чекмарев А. В. Ранее неизвестные произведения семьи Жилярди в России // Русская усадьба. 22 (38). СПб.: Коло, 2012. С. 292–247.

[6] Мицюк Н. А. Женщины российской провинции XIX – начала XX века: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск, 2013. 416 с.

[7] Никитина Н. В. Становление и развитие системы здравоохранения в городах российской провинции в последней трети XVIII века (на материалах Смоленска) // Славянский мир:

империи (1801–1861)[1], в которой встречается много «смоленских сюжетов». Однако комплексного исследования, освещающего историю пребывания и деятельности иностранцев на территории Смоленской губернии после войны 1812 г. и до начала масштабных реформ 1860-х гг., до сих пор не было. Данная проблема предполагает изучение ряда вопросов, попытаемся сразу ответить на некоторые из них.

Кого считать иностранцем? Это лицо, находящееся на территории государства, гражданином или подданным которого оно не является. Относительно Российской империи правомерно говорить о подданстве, а не о гражданстве[2]. Кроме того, необходимо учитывать, что в понятие «иностранцы» намеренно не включены выходцы из Царства Польского, население Финляндии и прибалтийских губерний, так как все эти территории входили в состав Российской империи в рассматриваемый период.

Зачем иностранцы отправлялись в Россию, а в частности на Смоленщину? Главная причина, если речь идет о мирном времени и добровольном решении приехать,— стремление сделать здесь карьеру и приобрести капитал, создать для себя и своей семьи достойные условия, дать детям хорошее образование и обеспечить их будущее. Российская империя со стабильной политической системой, огромным экономическим потенциалом была привлекательна для иммигрантов. В свою очередь, Смоленская губерния с большим количеством дворянских усадеб и удобным географическим положением представляла интерес для иностранцев.

Как они попадали на территорию губернии? Некоторые из них оказались здесь в качестве военнопленных после Отечественной вой-

---

письменность, культура, история: материалы Международной научной конференции. 2016. С. 139–143; Становление и развитие системы здравоохранения в малых городах Смоленской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 4 (32). С. 236–243; Повседневность российской провинции XVIII – начала XX вв. / Л. Ф. Абросимова, С. Н. Авсенёва, А. Н. Асташова, Е. П. Ермачкова, И. Н. Колесников, Н. В. Никитина, И. А. Хвостова. Новосибирск, 2014.

[1] Тихонова А. В. «Надлежаще смотреть…» Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861). Смоленск: СмолГУ, Свиток, 2013. 256 с.

[2] Лор Э. Гражданство и подданство. История понятий // «Понятия о России»: К литературной семантике имперского периода. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 197–222.

ны 1812 г., в мирное же время иностранные подданные приезжали на территорию Смоленщины сухопутным путем в собственном экипаже или на почтовых лошадях. Избираемые при этом маршруты движения: 1) из Царства Польского (его столицы Варшавы) через белорусские губернии — в Смоленскую; 2) из Данцига в Кенигсберг, Вильну, далее через Виленскую и Витебскую губернию — в Смоленск; 3) через таможенный пункт в Радзивилове Волынской губернии в Киев, затем через Черниговскую губернию, граничащую на севере со Смоленской,— на территорию Смоленщины.

Многие предпочитали начинать путешествие в Россию морем: 1) из Любека в Кронштадт, затем в Петербург, потом уже по суше из столицы Российской империи — в Москву, а затем на Смоленщину; 2) до Риги, а затем через Лифляндскую и белорусские губернии — в Смоленскую; 3) до Одессы, а потом в Киев, через Черниговскую губернию — на Смоленщину.

Какие документы необходимо было иметь иностранцу для пересечения границы и в дальнейшем для проезда и проживания на территории Российской империи? В первую очередь, национальный паспорт с визой российского консульства или миссии. Паспорт предъявлялся на таможенном пункте, где проверяли правильность его оформления и вели беседу с иностранцем о цели его приезда и «куда он следует». На границе ему должны были выдать билет на дальнейшее движение в глубь России. Въездную пошлину первоначально иностранец платил еще до пересечения границы, но после 1841 г. она оплачивалась уже на территории России.

Если иностранный подданный прибывал в столицу Российской империи Санкт-Петербург, то после 1826 г., то есть со времени организации III Отделения Его Императорского Величества канцелярии, он обязан был нанести визит в это учреждение, осуществлявшее надзор за иностранцами. После 1860 г. (введения новых правил) иностранцев освободили от явки в III Отделение. Кроме того, в столичных городах билеты иностранцев обязательно регистрировались в управах благочиния, для чего и там следовало отметиться.

Прибыв в конкретную губернию, иностранец обязан был явиться в губернское правление и получить билет (вид) на жительство сроком на полгода, а с 1814 г. документ выдавался на год. Сам билет оформлялся по единому образцу не на гербовой, а на простой бумаге и подписывался

губернатором с приложением печати[1]. С 1815 г. в билете необходимо было указывать приметы владельца[2]. Как только подходил срок окончания действия вида на жительство, для получения нового документа иностранец должен был обратиться с прошением на имя губернатора той губернии, где проживал. Требуемый документ высылался из канцелярии губернатора в уездный суд, где иностранец получал его под расписку. За билет полагалось заплатить пошлину.

Для переезда из одной губернии в другую иностранный подданный обязан был просить у губернатора специальный билет (вид) на переезд. При этом национальный паспорт, с которым он въехал в Россию, пересылался вслед за ним из одного губернского правления в другое. С созданием III Отделения национальные паспорта иностранцев в обязательном порядке поступали на хранение в это учреждение и хранились там до момента выезда данного человека из России. С 1827 г., по предложению шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, на всей территории Российской империи виды на жительство и паспорта для проезда из одного места в другое выдавались иностранцам на гербовой бумаге 50-копеечного достоинства (пошлина поступала в пользу государственных доходов). С 1833 г. полагался штраф за каждые сутки просрочки билета на жительство, деньги от уплаты которого поступали в пользу местного Приказа общественного призрения[3]. Билет стал оформляться на гербовой бумаге достоинством 2 рубля серебром, в нем обязательным было описание примет иностранца, упоминание его имени, подданства и занятия, наличия семьи, места проживания, указание документа, на основании которого прибыл в губернию, а также даты выдачи самого билета и срока его действия. Билет подписывался гражданским губернатором и заверялся сургучной печатью.

---

[1] Солодянкина О. Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII — вторая половина XIX веков). М.: Academia, 2007. С. 52. Годовой срок действия билетов на жительство был подтвержден в Уставе о паспортах (ГАРФ. Ф. 109. 3-я эксп. Оп. 129. 1844 г. Л. 12).

[2] Тихонова А. В. «Надлежаще смотреть…» Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861). Смоленск: СмолГУ, Свиток, 2013. С. 57.

[3] Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд. (далее ПСЗ-2). Т. VIII. Ч. 1. № 6483.

С 1844 г. иностранцам (за исключением подданных Пруссии), приезжавшим в Россию по срочным паспортам, было разрешено свободно жить в империи, несмотря на сроки, назначенные в паспортах их правительств, в том случае, «если к удалению их из Империи не представится других уважительных причин»[1]. Кроме того, теперь передаче в III Отделение подлежали только паспорта, выданные российскими миссиями, национальные же паспорта у иностранцев не отбирались. При выдаче вида на жительство на территории России губернским начальством (для прибывших в порты — начальниками портов) на национальном паспорте делалась следующая отметка: «Не действителен в России и на основании этого паспорта выдан особый русский вид» с печатью[2].

В 1848 г. было введено правило об обязательной отметке российским представительством в иностранном паспорте факта разрешения его выдачи Министерством иностранных дел[3], но в 1849 г. было предоставлено право «нашим миссиям и консульствам выдавать и свидетельствовать паспорты на проезд в Россию под личною их ответственность, не испрашивая разрешения нашего Правительства» благонадежным купцам, лицам, едущим в Россию по семейным и наследственным делам или к родным, живущим в империи[4].

III Отделение в течение всего периода своего существования с 1826 по 1880 г. выступало главной инстанцией по надзору за иностранцами, координировавшей и анализировавшей всю поступающую с мест информацию. Последняя предоставлялась императору с целью принятия им окончательного решения по тому или иному делу. В губерниях вопросы надзора находились в ведении генерал-губернаторов (этот институт действовал с 1823 по 1856 г.) и губернаторов. Смоленская губерния входила сначала в состав витебского, могилевского, смоленского и калужского генерал-губернаторства, а в 1831–1856 гг.— витебского, могилевского и смоленского генерал-губернаторства. Губернаторы, осуществляя

---

1 ПСЗ-2. Т. XIX. Ч. 1. № 17545.

2 ПСЗ-2. Т. XIX. Ч. 1. № 17734.

3 Абакумов О. Ю. «…Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е– начало 1860-х гг.). Саратов: Научная книга, 2008. С. 154.

4 РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 451. 1848 г. Л. 20–20 об.

контроль над иностранцами, опирались на местную полицию. В случае нарушения законов Российской империи иностранные подданные подлежали высылке за границу, решение об этом выносило III Отделение (после одобрения императором).

С 1856 г. наметились меры по смягчению условий въезда[1]. Иностранцы по-прежнему получали годовые виды на жительство на гербовой бумаге стоимостью 2 рубля, к путевому билету или виду на жительство полагался специальный листок за дополнительную плату с информацией о видах и паспортах (на иностранном языке)[2]. Но теперь иностранцы обязаны были сдавать начальникам пограничных губерний и областей лишь паспорта, выданные российскими миссиями (до 1860 г. документы передавались на хранение в III Отделение, а затем должны были оставаться в канцеляриях начальников пограничных губерний и областей, где на основании паспортов выдавались свидетельства на право проживания в России)[3].

С 1860 г. по новым правилам иностранные подданные могли въезжать в Россию не только по национальным паспортам и вандербухам (дорожным книжкам), засвидетельствованным русскими миссиями и консульствами; паспортам, выданным российскими миссиями и консульствами за границей, но также по паспортам, на которых была надпись о выдаче русского вида, если срок действия не истек; наконец, по паспортам, выданным в России для выезда за границу, но с отметкой русских миссий и консульств не позднее года со дня выдачи[4]. Приветствовался приезд в Россию иностранных предпринимателей, а иностранные купцы получали равные права с их российскими коллегами[5]. Эти меры предваряли эпоху Великих реформ Александра II.

Сколько иностранных подданных находилось на Смоленщине в рассматриваемый период? Если к началу 1814 г. в Смоленской губернии постоянно проживало 27 иностранцев[6], то в 1841 г. их было 60 человек[7],

---

1 Тихонова А. В. Указ. соч. С. 205.

2 Там же. С. 210.

3 Там же.

4 Там же. С. 211.

5 ПСЗ-2. Т. XXXV. Ч. 1. № 35880.

6 Тихонова А. В. Указ. соч. С. 236–244.

7 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161. II-8. Оп. 82. Д. 116.

в 1844 г.— уже 100 человек («из них 1 приписан к купечеству, 3 занимаются, получив законное разрешение, воспитанием детей. Из остальных же иные промышляют разными ремеслами, а другие находятся по найму в услужении»)[1]. «Смоленские» иностранцы — это ремесленники и учителя, врачи, обслуживающий персонал в имениях (садовники, егеря, берейторы[2], компаньоны, управляющие и др.).

Число иностранцев в Смоленске и губернии в конце 1850— середине 1860-х гг.[3]

Год	г. Смоленск		Смоленская губерния в целом		
	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин	Итого
1857			84	40	124
1860	20	19	73	76	149
1861	22	25	88	77	165
1862	24	–	95	83	178
1863	11	8	95	66	161
1864	7	16	128	85	213
1865	10	15	143	85	228

При этом следует учитывать, что в эти данные не были включены семьи иностранцев, поэтому реальные цифры значительно больше. Стоит отметить еще одну важную деталь: как только иностранец принимал

1841 г. Л. 262–263 об.

[1] Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. 1844 г. Л. 3.

[2] Берейтор (нем.) — специалист, объезжающий верховых лошадей и обучающий верховой езде.

[3] Составлена по: Памятная книжка Смоленской губернии на 1860 год. Смоленск, 1860. Ч. II. С. 163; Памятная книжка Смоленской губернии на 1861 год. Смоленск, 1861. Ч. II. С. 4, 16; Памятная книжка Смоленской губернии на 1862 год. Смоленск, 1862. Ч. II. С. 6, 19; Памятная книжка Смоленской губернии на 1863 год. Смоленск, 1863. Ч. II. С. 6, 19; Памятная книжка Смоленской губернии на 1864 и 1865 год. Смоленск, 1865. Ч. II. С. 9, 17; Памятная книжка Смоленской губернии на 1867 год. Смоленск, 1867. Ч. II. С. 5, 14.

присягу на верность России, в документах его прежняя национальная принадлежность или подданство могли не упоминаться. Фамилия (имена часто переделывали на русский лад) в дальнейшем оказывалась едва ли не единственной зацепкой, свидетельствующей об иностранном происхождении ее владельца, но это требовало документального подтверждения.

Подданные каких иностранных государств приезжали на Смоленщину? По официальным данным 1841 г., 60 иностранцев из Европы были представителями 17 государств, из них 14 человек из Пруссии, 10 швейцарцев, 7 австрийцев, 7 французов, 7 подданных Великобритании, много выходцев из немецких земель[1]. Однако изучение документов позволяет значительно расширить «географию» (см. «Детали провинциальной жизни»).

Источниковой базой для настоящего исследования стали многочисленные архивные документы государственных инстанций, которые занимались надзором за иностранцами на общероссийском и губернском уровнях,— Особенной канцелярии Министерства внутренних дел (Государственный архив Российской Федерации, ф. 1165) и III Отделения Его Императорского Величества канцелярии (ГАРФ, ф. 109), Министерства иностранных дел, которое вело переписку с другими ведомствами и губернаторами относительно судеб отдельных иностранцев (Архив внешней политики Российской империи МИД РФ, «Административные дела», ф. 1 и «Фонд Санкт-Петербургского Главного архива», ф. 161), также канцелярии генерал-губернатора витебского, могилевского и смоленского (Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске, ф. 1297), канцелярии смоленского губернатора (Государственный архив Смоленской области, ф. 1).

В связи с тем, что иностранцы за свою службу могли получить дворянское достоинство, логичным было обращение к фонду Департамента герольдии Правительствующего сената (Российский государственный исторический архив, ф. 1343). Информация биографического характера, связанная с деятельностью иностранных архитекторов в России, почерпнута из фонда Н. П. Собко (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 708).

---

[1] АВПРИ. Ф. 161. II-8. Оп. 82. 1841 г. Л. 262–263 об.

Авторами использовались материалы разнообразных местных учреждений, связанных с иностранцами по административным и профессиональным вопросам: Смоленского губернского правления (ГАСО, ф. 2), Смоленской городской думы (ГАСО, ф. 1260), Сычевского уездного земского суда (ГАСО, ф. 855), Смоленского приказа общественного призрения (ГАСО, ф. 54), Смоленской врачебной управы (ГАСО, ф. 754), Дирекции народных училищ Смоленской губернии (ГАСО, ф. 45) и др. Интересные данные по контрактам, заключенным иностранцами на территории губернии, дали фонды нотариальных контор (ГАСО, ф. 1103, 1140).

В ходе исследования изучались метрические книги: проводился розыск записей, связанных с самыми важными событиями в жизни иностранных подданных (о бракосочетании, рождении детей, смерти). Представители европейских государств, проживавшие на Смоленщине, были прихожанами лютеранской церкви г. Смоленска (ГАСО, ф. 204) и смоленского римско-католического костела (ГАСО, ф. 1178). Некоторые из них, вступив в брак с православными, своих детей крестили в смоленских православных храмах (ГАСО, ф. 48).

Полезную информацию содержали опубликованные Государственным архивом Смоленской области делопроизводственные материалы по истории Смоленска 1813–1837 гг. из фондов Смоленской городской думы, Казенной палаты и канцелярии смоленского губернатора[1]. Статистические данные, биографические сведения почерпнуты из «Памятных книжек Смоленской губернии» 1855–1865 гг. Статьи с упоминаниями событий, участниками которых были иностранные подданные, информация о приездах их в губернию или отъездах за границу, материалы об открытии учебных заведений и др. взяты из дореволюционной газеты «Смоленские губернские ведомости», выходившей в Смоленске с 1838 г. Важные детали о взаимоотношениях местного населения и иностранцев содержат мемуарные источники, принадлежавшие помещикам Смоленской губернии: «Черты старинного дворянского быта» М.С. Николевой[2],

---

[1] Город Смоленск. Возвращение к жизни. 1813–1828: документы Государственного архива Смоленской области. Смоленск: Свиток, 2012. 288 с.; Будни старого Смоленска. 1929–1837 годы: сборник документов. Смоленск: Свиток, 2013. 752 с.

[2] Николева М.С. Черты старинного дворянского быта // Русский архив. 1893. Кн. 9. С. 107–120; Кн. 10. С. 129–196.

«Записки» А. И. Колечицкой[1], дневниковые записи А. А. Лесли[2], «Воспоминания, мысли, признания человека, доживающего свой век смоленского дворянина» Н. А. Щеховского[3].

Помимо глав, раскрывающих вопросы принятия гражданства, вынужденного пребывания в качестве военнопленных, социальной адаптации, профессиональной деятельности иностранных подданных, в книгу включены подборки фрагментов из документов, освещающие отдельные казусы, происходившие с иностранцами на Смоленщине. Эти «Детали провинциальной жизни», расположенные по хронологии, представляют собой цитаты из разнообразных источников и помещены после каждой главы. Являясь своеобразными заставками, напрямую не связанными с текстом глав, они, на наш взгляд, позволяют почувствовать «аромат эпохи».

Завершают книгу приложения, которые включают документы, раскрывающие сюжеты отдельных глав. Например, читатель сам может познакомиться с формулярным списком о службе смоленского врача-француза Ф. И. Валя, прочесть прошения с трагическими подробностями жизни иностранки в крепостной неволе, предписания генерал-губернатора о приеме высокопоставленного гостя из числа европейских монархов и рапорт уездного исправника о визите важной персоны, а также узнать, как отразил в своем «Русском дневнике» смоленскую крестьянскую избу баварец Э. Хесс, почувствовать праздничную атмосферу, царившую в Смоленске во время торжеств по случаю закладки в 1838 г. и открытия в 1841 г. памятника Смоленскому сражению на территории нынешнего Лопатинского сада (прежде плац-парадной площади) и т.д.

---

[1] Колечицкая А. И. Мои записки от 1820-го года / публ. Е. Э. Ляминой и Е. Е. Пастернак // Лица: биографический альманах. Вып. 6. М.– СПб.: Феникс; Athenium, 1995. С. 277–341.

[2] Отрывки из дневника А. А. Лесли 1851–1875 гг. // Лесли в войне 1812 года / авт.– сост. О. Н. Лесли. Смоленск: Маджента, 2005. С. 55–115.

[3] Щеховской Н. А. Воспоминания, мысли, признания человека, доживающего свой век смоленского дворянина // Русская старина. 1895. Т. 83. № 6. С. 61–106; т. 84. № 7. С. 89–119; № 8. С. 99–133; № 9. С. 121–146; № 10. С. 91–111; № 11. С. 131–154; № 12. С. 125–147; 1896. Т. 85. № 1. С. 191–204; № 3. С. 639–654; т. 87. № 7. С. 201–226.

При цитировании документов сохранены особенности орфографии и пунктуации оригинала. Даты приведены по старому стилю.

В выявлении документов по тематике данного исследования помощь авторам книги оказали архивисты. Мы с огромной благодарностью вспоминаем столь рано ушедшего из жизни замечательного сотрудника Государственного архива Российской Федерации Игоря Сергеевича Тихонова. Нельзя не высказать свою искреннюю признательность заведующей читальным залом ГАРФ Нине Ивановне Абдулаевой, сотрудникам читального зала Архива внешней политики Российской империи МИД РФ Алле Викторовне Абраменковой и Олегу Борисовичу Перову, благожелательным работникам читального зала Российского государственного исторического архива, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и Национального исторического архива Беларуси в г. Минске.

Самые добрые слова адресуем прежнему директору Государственного архива Смоленской области Нине Григорьевне Емельяновой и нынешнему руководителю ГАСО Анжеле Валерьевне Барковой, сотрудникам ГАСО — настоящим профессионалам своего дела: Татьяне Дмитриевне Антоновой, Леониду Леонидовичу Степченкову, Татьяне Николаевне Самуйловой, Галине Николаевне Мозгуновой, Галине Владимировне Гончаровой, Татьяне Митрофановне Кравцовой, Ирине Николавне Лышковской, Светлане Викторовне Кирилловой, Елене Геннадьевне Бородавкиной, Любови Сергеевне Логуновой, Ирине Григорьевне Хоревой и др. Благодарим за содействие в работе коллег-историков и музейщиков: Надежду Васильевну Романкову, Бориса Михайловича Романова, Любовь Игоревну Прохорову, заслуженного работника культуры Надежду Владимировну Деверилину, библиотекарей не только по профессии, но и по призванию Наталью Валентиновну Донскую и Ольгу Михайловну Михалик.

Искренне признательны рецензентам книги, ее издателю и, конечно, нашим родным, друзьям, в особенности Любови Артемовне Анищенковой, всегда находившей добрые и такие нужные слова для ободрения и совета.

НОВЫЕ РОССИЙСКИЕ ПОДДАННЫЕ

После окончания Отечественной войны 1812 г. в Смоленской губернии, разоренной военными действиями, оставалось значительное число иностранных военнопленных: по сведениям к 15 февраля 1813 г., их было 699 человек, из них 548 нижних чинов, 149 обер-офицеров и 2 штаб-офицера. Этот показатель не был высоким, из 44 губерний Смоленщина по численности военнопленных занимала 19-ю позицию, в первую пятерку вошли Саратовская, Виленская, Минская, Витебская и Киевская губернии. Зато по числу умерших военнопленных Смоленская губерния оказалась на первом месте — 7729 человек, из них 7680 нижних чинов, 48 обер-офицеров и 1 штаб-офицер[1]. Значительное число военнопленных находилось в смоленских госпиталях. Из документов канцелярии смоленского губернатора (тетрадей выдачи порционных денег в госпиталях, списков прибывающих в Смоленск и выбывающих на родину, разнообразной делопроизводственной переписки) за период с 1812 по 1815 г. были установлены именные сведения о 827 иностранных военнопленных. Среди них преобладали французы, но были и поляки, австрийцы, саксонцы, пруссаки, вестфальцы, голландцы, испанцы, итальянцы.

Указом императора Александра I от 4 июля 1813 г.[2] пленным было разрешено вступать в российское подданство, при этом нижние чины можно было сразу приводить к присяге, об офицерах же, изъявивших желание принять российское подданство, следовало сообщить в Министерство полиции для получения разрешения.

Согласно «Правилам какие наблюдать при приеме в подданство пленных», при объявлении последними желания принять российское подданство, по предписанию Министерства полиции, у иностранца следовало узнать: «1-е какой он нации и закона, 2-е откуда родом,

---

[1] Бессонов В. А. Численность военнопленных 1812 года в России // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы X Всероссийской научной конференции. М., 2002. С. 18–38; Он же. Военнопленные 1812 г. в России // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. ред. Б. П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 114.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Издание 1-е (далее ПСЗ-1). Т. XXXII. № 25415.

3-е из какого сословия тамошних жителей то есть из хлебопашцев, купцов, мещан и проч. 4-е сколько ему от роду лет, 5-е в каком войске, долго ли и каким чином и званием служил, 6-е холост или женат, 7-е где оставил отца или ближних сродственников, 8-е знает ли на своем языке грамоты, так же другие какие языки, науки, мастерство, или рукоделие и 9-е чем надеется до избрания рода жизни пропитать себя»[1]. Полученные сведения направлялись в Особенную канцелярию министра полиции.

Подав прошение и получив согласие губернского начальства, военнопленные приносили присягу на подданство России и обязаны были в течение 9 месяцев избрать род деятельности (согласно предписанию главнокомандующего в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинова губернаторам от 5 августа 1813 г.[2]). Затем срок, по предложению Комитета министров, был сокращен до 2 месяцев, что нашло отражение в предписании Вязмитинова от 4 ноября 1813 г.[3]

Гражданский губернатор той губернии, где была принесена присяга, должен был выдать новому российскому подданному паспорт на проживание в любой российской губернии, кроме присоединенной территории бывшей Польши, а также Курляндии, Финляндии, Бессарабии, Белостокской и Тарнопольской областей и обеих столиц. Военнопленные, знающие ремесла и принявшие подданство России, должны были быть записаны в мещане и на 10 лет освобождены от всех положенных по сословной принадлежности податей и повинностей, «яко новые подданные не имеющие еще оседлости и собственности». Ремесленники, по их добровольному желанию, могли определяться на частные и казенные фабрики и заводы и заключать контракт с дирекцией или хозяином[4]. Принявшие русское

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. 1813 г. Л. 23 об.

2 Миловидов Б. П. Использование военнопленных 1812 г. на работах: тенденции правительственной политики // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVI Международной научной конференции, 6–7 сентября 2010 г. / сост. А. В. Горбунов. Можайск, 2011. С. 171.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. 1813 г. Л. 48; Миловидов Б. П. Использование военнопленных 1812 г. на работах… С. 175–176.

4 Подробнее о контракте см.: Сироткин В. Г. Судьба французских солдат в России после 1812 года // Вопросы истории. 1974. № 3. С. 132–133.

подданство могли работать как «садовники, портные, сапожники и тому подобные», записываясь мещанами[1].

Последовавшие в 1813 г. циркуляры касались срока избрания новым подданным России рода занятий, сбора полных сведений о вступающем в российское подданство (национальность, вероисповедание, место рождения, возраст, сословие, место службы, семейное положение, местонахождение родственников, образование, профессия, способ пропитания), а также права проживать в губернских городах, но вне столиц[2]. По данным В. А. Бессонова, немногим более 2000 человек из числа военнопленных пожелали принять российское подданство[3].

В имеющихся документах канцелярии смоленского губернатора удалось установить 42 имени военнопленных, присягнувших на верность России за 1813–1815 гг. В связи с плохой сохранностью фондов гражданского губернатора, губернского правления, городской думы указанных лет мы не имеем точной статистики о количестве принявших подданство на территории Смоленской губернии. Нет таковой и по Российской империи: часто упоминаемая прежде цифра в 60000 военнопленных, вступивших в российское подданство, в настоящее время оспаривается специалистами[4].

Одно из первых дел о вступлении в российское подданство в Смоленской губернии было начато 1 марта 1813 г. Прошение об этом смоленскому губернатору барону К. И. Ашу[5] подал Альберт Штокман (Стокман), уроженец г. Гента (Голландия), служивший курьером короля Вестфалии. Иностранец заявлял: когда войска Наполеона шли в обратный путь, он «нехотя с ними возвратиться в … отечество остался в городе Смоленске военнопленным; где поступил в брак с италианкою Сандриею

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. 1813 г. Л. 48–49.

2 Бессонов В. А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография. Вып. IV / Труды ГИМ. Вып. 147. М., 2005. С. 63–64.

3 Бессонов В. А. Военнопленные 1812 г. в России… С. 96.

4 Миловидов Б. П. Указ. соч.

5 Семейные корни барона К. И. Аша уходят в Силезию, откуда приехал дед будущего губернатора Фридрих Аш (Asch) и поступил на русскую военную службу, (Кононов В. А. Смоленские губернаторы. 1711–1917. Смоленск: Маджента, 2004. С. 178).

Симонетовою» и теперь желал «остаться навсегда в российском верном подданстве». Штокман указывал, чем он намерен заниматься в провинции,— «производить шляпное мастерство»[1]. Подписать собственное прошение Альберт Штокман не мог («за неимением грамоты писать»), и документ за него заверил «иностранец Иван Никлас»[2].

Так как прошение «бывшего курьера короля Вестфальского» поступило еще до вышеназванного указа от 4 июля 1813 г., Смоленское губернское правление, которому губернатор предписал рассмотреть вопрос и дать иностранцу «законное удовлетворение»[3], вынуждено было, упомянув довоенное законодательство, констатировать, что ситуация в связи с войной изменилась, а «точного о принятии военнопленных во время войны в подданство и избрании ими рода жизни законоположения не существует». Поэтому об этом деле гражданскому губернатору следует иметь «сношение о сем с кем следует». Ожидая же решения, «здешней градской полиции предписать указом о дозволении проживать просителю в городе Смоленске»[4]. Вероятно, затягивание дела привело к тому, что «военнопленный голандец Стокман Алберт» передумал и заявил о своем решении отправиться с партией военнопленных в Симбирск, о чем Смоленское губернское правление было проинформировано губернатором 16 августа 1813 г.[5].

Имя голландца Стокмана из Гента значится в тетрадях выдачи порционных денег иностранным военнопленным за период с 1 марта по 12 ноября 1814 г. Он получал по 50 коп. в сутки (сумма, полагавшаяся на содержание пленным обер-офицерам)[6]. Позже А. Стокман был включен в состав партии, отправлявшейся в Белосток[7], а дальше на родину.

Процесс репатриации начался уже в 1813 г. и активно осуществлялся в 1814 г. Согласно секретному циркуляру Министерства полиции

---

1 ГАСО. Ф. 2. Оп. 14. Д. 240. 1813 г. Л. 2.

2 Там же.

3 Там же. Л. 1.

4 Там же. Л. 4 об.

5 Там же. Л. 5.

6 Бессонов В. А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным … С. 53.

7 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 306. 1814 г. Л. 29, 53.

гражданским губернаторам от 12 мая 1814 г. особо оговаривалось, что «отправление в отечество военнопленных всех наций, в России находящихся» должно было проводиться через три сборные пункта: в Радзивилове, Риге и Белостоке. Для иностранных военнопленных из Смоленской губернии сборным пунктом был назначен Белосток[1]. Партии пленных, направляемых в Ригу и Радзивилов, также проходили через Смоленскую губернию.

Еще в марте 1814 г. с прошением к губернатору о вступлении в подданство России обратились французы Проспер Трукитель и Жозеф Лаверн, уроженец Майнца Дюмон и Иоганн Клаус из княжества Брауншвейг-Вольфенбюттель. Каждый из указанных иностранцев в связи со своим желанием стать российским подданным обязан был дать «показания» о себе в Смоленское губернское правление. Сообщаемые сведения оформлялись в виде таблицы, подлинник обязательно заверялся подписью иностранца.

Для примера, приведем «показания» об Иоганне Клаусе, которые он собственноручно заверил («руку приложил»):

Вопросы	**Ответы**
1-е какой нации и закона	Немец закона Лютеранского
2-е откуда родом	Родом из герцогства Брауншвейх
3-е Из какого сословия тамошних жителей	Мещанский сын
4-е Сколько от роду лет	От роду 21 год
5-е в каком войске долго ли или каким чином или званием служит	Ни в каком войске не служил
6-е холост или женат	Холост
7-е где оставил жену отца или ближайших родственников	Отец и мать находятся в Брауншвейхе откуда и сам я родом
8-е знает ли на своем языке грамоты а также другие языки и науки мастерство и рукоделие	Грамоты на своем языке знаю а также и по руски из наук математику и географию мастерство столяр и берейтор
9-е чем надеется до избрания рода жизни пропитывать себя	Своими трудами[2].

[1] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 241. 1814 г. Л. 413.

[2] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. 1814 г. Л. 4.

В своем прошении смоленскому губернатору в марте 1814 г. Иоганн Клаус сообщил также, что был слугой у майора Фердинанда Баннама из 3-го кирасирского французского полка. Когда полк Баннама шел к Москве через Смоленскую губернию, на подступах к Вязьме, Клаус «избрав случай к свободе… получил от него Баннама аттестат полагая было возвратиться в отечество но по приходе моем в отчину артиллерии майора и кавалера Ивана Ивановича Барышникова Дорогобужскаго уезда в село Николу Погорелое взят был по человеколюбию Г-ном майором и кавалером Лукою Филипповичем Ладынином, управляющим имением упомянутаго Г-на Барышникова». Сначала иностранец жил у Ладынина в Николо-Погорелом, а затем со своим благодетелем переехал в Петербург, где проживал, получив от «тамошнего начальства» вид на жительство, «представя данной мне от майора Баннам атестат и пашпорт бывшей у меня тамошнего Вестфальскаго правления»[1].

К прошению прилагался билет № 573, принадлежавший Клаусу, «следующему ныне до Смоленска или Вязьмы на жительство». В этом документе, подписанном санкт-петербургским обер-полицмейстером 26 августа 1813 г., указывалось, что Клаус проживал в российской столице по срочному виду № 314 и внес положенную пошлину в размере 3 рублей[2]. Получив прошение иностранца и его билет, губернатор предложил Смоленскому губернскому правлению, собрав необходимые сведения, «позволить просителю учинить присягу на подданство на законном основании и снабдить для свободнаго прожития надлежащим видом взыскав с онаго за листы бумаги на прозбу употребленной указные пошлины»[3].

19 марта 1814 г. Клаус принес присягу в губернском правлении, подписав «Клятвенное обещание» (см. Приложение 1). Документ заверил пастор Фридрих Шнабелъ, также оставивший свою подпись под документом[4]. В тот же день И. Клаус получил в Смоленском губернском правлении «пашпорт», дающий ему право в течение 2 месяцев избрать «род жизни или состояние, в противном же случае сочтен будет за бродягу». В документе было оговорено, что «из военнопленных присягнувший на

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. 1814 г. Л. 2–2 об.

2 Там же. Л. 3.

3 Там же. Л. 1.

4 Там же. Л. 5–5 об.

подданство России Иоган Карлов сын Клаус» может «жить во всех Российских губерниях, кроме присоединенных к России от бывшей Польши, также Курляндии, Финляндии, Бессарабии, областей Белостокской и Тарнапольской и обеих столиц»[1]. «Пашпорт» будет приложен к прошению И. Клауса, поданному им в мае 1814 г. на Высочайшее имя о желании «быть причисленным в Смоленское мещанство»[2].

В дальнейшем иностранец не изменил своего решения, и Смоленская городская дума на заседании 5 марта 1815 г. заслушала сообщение Смоленского магистрата о Богдане Клаусе (речь идет все о том же иностранце. Это подтверждает не только фамилия, но и упоминание даты присяги на верность России — 19 марта 1814 г.). Дума постановила: «принять в Смоленское мещанство с освобождением от сего времени на десять лет от всех мещанских податей и повинностей и о причислении его в оклад с льготою на показанное время представит казенной палате доношением. О чём губернскому правлению отрапортовать и здешней городовой магистрат уведомить сообщением». В журнале Думы отмечено, что постановление исполнено 5 апреля 1815 г.[3].

12 июля 1816 г. Смоленская городская дума заслушивала «сообщение смоленскаго городоваго магистрата с приложением копии с указа Смоленской казенной палаты о записке военнопленных разных наций… в смоленское мещанство», упоминались: Богдан Клаус, Павел Бачуловский и француз Леблян[4].

О других иностранцах, просивших российское подданство в одно время с И. Клаусом, удалось узнать следующее. Из «показаний» поручика Александра Дюмона (Alexandre due Mont) известно, что ему в 1814 г. 24 года, он уроженец Майнца, «немецкой нации», из обер-офицерских детей. О своем семейном положении А. Дюмон сообщил, что холост, мать и родственники живут во

---

[1] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. 1814 г. Л. 8. 10 октября 1814 г. Комитет министров положительно рассмотрел вопрос о снятии запрета на поселение в столицах для иностранных художников, мастеровых и ремесленников. 3 ноября 1814 г. С. К. Вязмитинов сообщил об этом решении в своем циркулярном предписании губернаторам. (Бессонов В. А. Законодательная база и практика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. С. 72).

[2] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. 1814 г. Л. 6–6 об.

[3] ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 14. 1815 г. Л. 65–65 об.

[4] ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 26. 1816 г. Л. 19.

Франкфурте. Он владеет немецким и французским языками, а в России возможным занятием иностранец назвал рисование и музыку[1]. 18 марта 1814 г. по его делу Смоленское губернское правление приняло положительное решение, а 3 апреля 1814 г. он уже дал расписку в получении паспорта «для свободного в России проживания» за № 4738 от 27 марта 1814 г.[2]. Дюмон желал поехать в имение Брянского уезда Орловской губернии к помещице Подлиновой, и когда в октябре 1814 г. из предписания С. К. Вязмитинова выяснилось, что иностранец должен представить в губернское правление свидетельство на свой офицерский чин[3], на месте его не оказалось. Возвращение к данному вопросу, судя по материалам дела, произошло лишь 19 октября 1827 г., когда возникла необходимость завершения старых дел. Тогда было решено отправить уведомление о предписании главнокомандующего в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинова в Орловское губернское правление и считать дело закрытым[4].

О французе Проспере Трукителе из его прошения, поданного на Высочайшее имя, и «показаний» следует, что он родился в Париже в купеческой семье, поступил на военную службу в 57-й французский полк, где за восемь лет дослужился до унтер-офицерского чина. В ходе кампании против России иностранец был взят в плен и оказался в Смоленске. 28-летний Проспер Трукитель был холост, его родственники жили в Париже. О знании языков и конкретного ремесла иностранец сообщил: «на своем языке читать умею, а писать нет», других языков «не научился и мастерства никакого не знаю». На вопрос о возможных занятиях в России ответил: «Надеюсь пропитываться от господ, находясь у них в услужении»[5]. Так как П. Трукитель (по неграмотности) не мог сам подписать ни прошение, ни сведения о себе, их подлинность засвидетельствовал бельский купец Андрей Червяков.

23 марта 1814 г. Смоленское губернское правление приказало привести иностранца к присяге и отослать в Духовщинский городовой магистрат, «при указе коему велеть поступить по законам», о чем уведомить

---

1 ГАСО. Ф. 2. Оп. 15. Д. 3. 1814 г. Л. 3.

2 Там же. Л. 6.

3 Там же. Л. 8 об.– 9.

4 Там же. Л. 10–11 об.

5 ГАСО. Ф. 2. Оп. 15. Д. 10. 1814 г. Л. 1–2.

губернатора (отослав ему копию показаний) и казенную палату[1]. Сохранилось и «Клятвенное обещание» Трукителя, заверенное католическим священником Флорсати[2].

Соотечественник Проспера Трукителя — Жозеф Франсфор Лаверн (Josef Francois Lavergne) родился в Невеле-ле Вуазе и «во французском войске служил два года сержантом», был взят в плен под Можайском и доставлен в Смоленск. В прошении о желании принести присягу на верность России и вступить в мещанство, дополненном «показаниями», Лаверн указал, что ему 21 год, на родном языке читает и пишет, а в России также намеревается находиться «у господ…в услужении»[3]. 23 марта 1814 г. Смоленское губернское правление вынесло решение о приведении присяги и отсылки иностранца в Духовщинский городовой магистрат[4], с отсылкой бумаг губернатору и в казенную палату.

Из документов Смоленской городской думы известно, что в 1824 г. (по прошествии 10 льготных лет после записи бывших военнопленных в мещанство) новые российские подданные должны были платить полагавшиеся их сословию подати. Среди перечисленных иностранцев указаны: в Смоленске — Пьер Ерсон, Луи Бруя, Жан Шеделио, Жан Гутурб, Жозеф Мак, Жан Сажинский, Франциско Антон Иванов Компания (или Компанини), Александр Делятр (см. Приложение 2); в Рославле — Антон Липпо и Николай Сантер; в Духовщине — Жозеф Ливер, Проспер Трукитель и Кристин Рекс[5].

Из вышеперечисленных удалось проследить судьбу «австрийской нации католического закона» Николы Сантера (Nicolas Sansterre), уроженца селения Нидерфайлен из Эльзаса, денщика французского бригадного генерала Леге из 1-го пехотного корпуса французских войск. Сантер служил в армии 8 лет, но военная кампания в России оказалась, как и для многих других его сослуживцев, роковой: он был взят в плен в Красном[6].

---

1 ГАСО. Ф. 2. Оп. 15. Д. 10. 1814 г. Л. 3.

2 Там же. Л. 4–4 об.

3 Там же. Л. 5–6.

4 Там же. Л. 7.

5 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 68. 1824 г. Л. 135.

6 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. Л. 76, 108 об., 120–121, 132–132 об.

В августе 1813 г. этого иностранца хотели отправить в Пензу в составе нижних чинов из числа военнопленных, но он был оставлен в г. Рославле из-за болезни. В тетрадях порционных денег, выданных военнопленным в Рославле, Никола Сантер значился с января по июнь 1814 г.[1]. Еще в марте 1814 г. он просил о вступлении в подданство России, сообщая о себе, что ему 28 лет, холост, его отец давно умер, а мать жила в родной деревне. Никола Сантер грамотой не владел, но мог расписаться на немецком и французском языках. На момент обращения к российским властям относительно возможности принесения присяги он находился в услужении у отставного капитана Василия Никитича Большова в Рославле[2]. Решение по делу Н. Сантера затянулось, иностранца в июне 1814 г. хотели даже отправить в Белосток вместе с другими военнопленными[3].

Из представления Смоленского губернского правления смоленскому гражданскому губернатору от 16 июля 1814 г. известно, что иностранец «не присягал еще и пашпорта [ему] не дано», но уже 21 июля того же года, правление уточнило, что он родом не из Австрии, так как Эльзас «принадлежит с давних пор Франции», поэтому было решено привести Сантера к присяге и «отослать в Рославльский городовой магистрат при указе коему велеть в записке его в мещанство поступить по законам»[4], что и было исполнено, и паспорт иностранец получил[5].

Имя смоленского мещанина Николая Сантера упоминалось в 1839 г. в нотариальных документах: он арендовал у мещанина И. Т. Зуева деревянный дом «со всем принадлежащим к нему строением в 3-й части г. Смоленска на Большой Московской улице в Крестовоздвиженском приходе»[6]. Вероятно, уже сын иностранца, «смоленский мещанин, портного цеха мастер» Анисим Николаевич Сантер брал в обучение «мужскому портному мастерству» крепостных мальчиков у помещиков А. Н. Лебедева и Е. А. Путяты в 1857 г.,[7] а также сына рядового А. Логинова и крепостного

---

1 ГАСО. Ф 1. Оп. 1. Д. 306. 1814 г. Л. 33, 35; Д. 307. 1814 г. Л. 19 об.; Д. 308. Л. 1–2.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 308. 1814 г. Л. 2.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. 1814 г. Л. 57 об.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 308. 1814. Л. 8.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. 1814 г. Л. 57 об.

6 ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 20. 1839 г. Л. 11 об.

7 ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1. 1857 г. Л. 4, 6.

мальчика подпоручика А. В. Энгельгардта в 1859 г.[1]. Судя по имени, мать А. Н. Сантера была русской, сам Анисим Николаев был грамотен, так как уверенно ставил свою подпись на русском языке: «Подлинный договор подписал Смоленский мещанин, портного цеха мастер Анисим Николаев Сантер». В Смоленске мастер был, вероятно, известен своей высокой квалификацией, свидетельством чему служат заключаемые с ним договоры и установленный срок обучения — 4 года[2].

В отличие от Николая Сантера многие иностранные военнопленные уже после принятия присяги на верность России все же стремились вернуться на родину. Согласно Высочайшему указу 17 августа 1814 г., данному на имя главнокомандующего в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинова, им была дарована свобода «возвратиться, буде пожелают, в их отечество»[3]. Сначала из Акта по репатриации сделали некоторые исключения[4], но и их устранили после подписания 30 августа 1814 г. Всемилостивейшего манифеста, «в 19-м пункте которого говорилось о прощении всех, кто был связан с врагом или служил у неприятеля»[5].

По неполным данным, «в свое отечество» в первые годы после Указа о репатриации 1814 г. из России вернулось около 30 тысяч бывших военнопленных Великой армии Наполеона[6]. В 1824 г., согласно официальным источникам, «численность эмигрантов войны 1812 г.» составила около 1800 человек[7]. Сведения «касательно увольнения в свое отечество иностранцев,

---

1 ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 3. 1859 г. Л. 3 об.

2 Там же.

3 АВПРИ. Ф. 1. Разряд II. Оп. 15. 1814 г. Д. 5. Л. 7; ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 319. 1815 г. Л. 310.

4 ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 177. 1814 г. Л. 1.

5 Бессонов В. А. Военнопленные поляки. 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: сборник материалов. Вып. VII. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Труды ГИМ. М., 2008. С. 162. Среди освобожденных по Манифесту от 30 августа 1814 г. оказались лица иностранного происхождения, находившиеся прежде в русской службе, а затем поступившие в наполеоновскую армию и плененные в 1812 г. на территории России. Эти «перевертыши» были взяты под строгий надзор и, несмотря на прошения о помиловании, получили его только после издания вышеупомянутого манифеста (Бессонов В. Перевертыши. Полицейский надзор за пленными 1812 года // Родина. 2002. № 8. С. 97–98).

6 Сироткин В. Г. Указ. соч. С. 136.

7 Алфавит военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 г.

присягнувших на подданство России» предоставлялись в Министерство иностранных дел и значительно позже[1]. По данным В. Г. Сироткина, полученным на основании материалов посольства Франции в России, только французов из бывших военнопленных в 1826–1829 гг. вернулось 300 человек, в большинстве своем с семьями[2].

Правом на возвращение воспользовались 11 человек из учтенных 42, принявших присягу в Смоленской губернии, то есть 26% присягнувших военнопленных. На Смоленщине были случаи, когда решения о возвращении на родину принимались бывшими военнопленными, ставшими российскими подданными, после 15 лет пребывания в империи. Так, француз Обер, проживавший в Сычевском уезде Смоленской губернии, стал собирать бумаги на отъезд в 1829 г.[3], а в следующем году покинул Россию[4]. Уже упоминаемый выше сардинский подданный Франциск(о) Антон Иванов Компания (или Компанини), «находившийся во французской службе в 72-м полку и с 1812 года оставшийся в Смоленске», принявший подданство России в 1814 г.[5], пожелал вернуться домой в 1830 г.[6] 49-летний иностранец ссылался на плохое здоровье.

Из дела «о дозволении бывшему Сардинскому подданному Франциску Иванову Компанини, присягнувшему на подданство России и женатому на русской подданной, возвратиться в свое отечество с женой Анною Степановой и тремя сыновьями Франциском 10-ти, Александром 6 и Иваном 5 лет и дочерью Варварой 7-ми месяцев». Известно, что сам иностранец являлся уроженцем г. Вогеры в Ломбардии. Будучи

(Публикация Б. П. Миловидова) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: сборник материалов. Вып. IX. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Труды ГИМ. М., 2010. С. 278.

1 АВПРИ. Ф. 1. Разряд III. Оп. 5. Д. 25. 1827 г.

2 Сироткин В. Г. Судьба пленных солдат и офицеров Великой Армии в России после Бородинского сражения // Отечественная война. Источники. Памятники. Проблемы: материалы VIII Всероссийской научной конференции (Бородино, 6–7 сентября 1999 г.) / сост. А. В. Горбунов. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 260.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1829 г. Л. 1133.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. 1830 г. Л. 184 об.

5 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 3. 1814 г. Л. 139–139 об.

6 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. 1830 г. Л. 258–258 об.; АВПРИ. Ф. 1. Разряд II. Оп. 15. Д. 6. 1830 г.

смоленским мещанином, Ф. Компанини выплатил необходимую для отъезда трехгодичную подать, составившую 86 руб. 68 коп., и предоставил все необходимые документы[1], а 17 августа 1831 г. ему был выдан билет на выезд[2] «через Киевскую и Каменец-Подольскую губернии»[3].

Учитель французского языка Александр Делатр (Alexandre Delattre), родившийся в Камбре в 1792 г. и служивший «во время войны 1812 года сержантом в 48 пехотном полку в корпусе маршала Нея», был взят в плен при Орше[4]. 5 декабря 1813 г. иностранец принес присягу в Витебском губернском правлении[5], а 29 мая 1814 г. решением Смоленской городской думы был принят «в Смоленское мещанство с освобождением от сего времени на 10 лет от всех мещанских податей и повинностей и о причислении его в оклад со льготою на показанное время»[6]. Спустя 8 лет — 6 ноября 1822 г. Александр Делятр получил свидетельство об увольнении из мещанства для поступления на государственную службу и до следующей ревизии должен был уплатить для выхода из мещанского сословия 17 руб. 14 ½ коп[7]. Однако в 1831 г. иностранец подал прошение на имя смоленского губернатора о возвращении домой[8]. Необходимость так долго оставаться в Смоленске и вступить в российское подданство он объяснил болезнью. На улаживание всех формальностей также ушел год. Смоленская городская дума 26 февраля 1832 г. исключила иностранца из мещан, простив долг: дума выполнила тем самым предписание губернатора, «уважив … желание [иностранца] “возвратиться в свое Отечество”»[9]. В июне 1832 г. Александр Делатр получил заграничный

---

1 Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5571. Л. 1–1 об.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. 1831 г. Л. 32 об.

3 НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5571. Л. 5.

4 Там же. Л. 590–591.

5 Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII — начало XX вв.) / сост. И. Л. Вернер. Минск: Типография Макарова и К, 2012. С. 97.

6 Город Смоленск. Возвращение к жизни. 1813–1828. Документы Государственного архива Смоленской области. Смоленск: Свиток, 2012. С. 118.

7 Там же. С. 118.

8 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. 1831 г. Л. 590–591.

9 Город Смоленск. Возвращение к жизни. 1813–1828. С. 118.

паспорт у смоленского, витебского и могилевского генерал-губернатора князя Н. Н. Хованского[1] и вместе с женой, прусской подданной Катериной Кавловой Генш[2] отправился «в Камбру без возврата», избрав путь «через губернии Витебскую, Псковскую и Новгородскую до С. Петербурга и оттуда…водою»[3].

Таким образом, иностранные военнопленные, волею судьбы оказавшиеся на Смоленщине, имели возможность как принимать российское подданство, так и спустя значительные сроки отказываться от него и возвращаться домой. Сложнее дело обстояло с теми иностранцами, кто в детском или подростковом возрасте попал в плен в ходе военной кампании 1812 г. «Французы шли к нам на верную победу, на прочное житье, и в этой уверенности многие взяли с собою свои семейства»,— вспоминала знаменитая кавалерист-девица Н. А. Дурова, участница Смоленского сражения 1812 г.[4] В документах канцелярии смоленского губернатора упоминаются дети, двигавшиеся вместе с партиями своих соотечественников. Например, 7-летняя Мари, оказавшаяся в плену вместе с матерью «капитанской женой» Маргаритой Моен [Moyen][5], маленькие братья Александр и Луи с матерью Полин Каменской[6], малолетний голландец Мартын Вандервельд[7]. В смоленском военном госпитале с 1 марта по 1 апреля 1814 г. содержался французский мальчик Еремей Левесьи, затем отправленный с партией военнопленных в Симбирск[8].

Если дети были со своими матерями, то последние могли воспользоваться правом вместе вернуться на родину даже по прошествии ряда лет. Например, так поступила француженка Мария Николаевна, по первому мужу Тузо, по второму Делатре. В своем прошении на имя смоленского гражданского губернатора в мае 1826 г. она рассказала, что

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. 1832 г. Л. 235, 249.

2 НИАБ. Ф. 1297. Оп. 2. Д. 6245. Л. 1–2.

3 Там же. Л. 6.

4 Дурова Н. А. Записки кавалерист-девицы Дуровой / вступ. ст. К. А. Военского. СПб., 1912. С. 68.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. 1814 г. Л. 26.

6 Там же. Д. 206. 1813 г. Л. 52.

7 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 303. 1814 г. Л. 3 об.– 4.

8 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. 1813 г. Л. 30, 28; Д. 306. 1814 г. Л. 8, 28.

попала в Россию в 1812 г. «в числе французских пленных»[1]. Ее первый супруг Николай Иосифович Тузо был убит под Вязьмой. От него был «прижит ею» сын Николай, которому в 1826 г. исполнилось 15 лет. Он и подписал («руку приложил») прошение матери, так как она не знала «российской грамоты»[2].

В течение девяти лет француженка служила «ключницей, честно и благопристойно» в Смоленске у жены надворного советника, доктора медицины Григория Ефимовича Геймана, а затем еще три года — в доме самого врача в селе Носково Краснинского уезда, о чем предоставила свидетельства нанимателя[3]. Шесть смоленских дворян письменно подтвердили, что «оная Мария Николаевна Тузо подлинная француженка пленная с сыном»[4]. М. Н. Тузо, по второму мужу Делатре, просила выдать ей паспорт «на проезд с сыном во Францию», желая «возвратиться в отечество свое»[5].

Все необходимые формальности при этом были ею соблюдены (уплата пошлины, предоставление свидетельств, трехразовая публикация в газете факта отъезда для предъявления претензий и т.д.) смоленский губернатор И. С. Храповицкий сообщил об этом генерал-губернатору князю Н. Н. Хованскому (см. Приложение 3). Для паспорта были указаны приметы просительницы и ее сына: «Делатре при сем имеет 50и лет росту малаго, волосы на голове черные, на бровях темно русые, глаза карие, нос посредственный, рот умеренный, подбородок обыкновенный, лице смуглое, особые приметы: на правой щеке и левом глазу бородавки. А у сына ея Николая Тузо, волосы на голове и бровях светлорусые, глаза карие, нос продолговат. Рот обыкновенный, подбородок круглый, лице овальное. Немного рябоват»[6].

Маршрут проезда Марии Делатре с сыном также был четко обозначен: «отправляется из Смоленской чрез Могилевскую, Минскую и Гродненскую губернии»[7]. 19 июля 1826 г. генерал-губернатор подписал паспорт

---

1 НИАБ. Ф. 1297. Оп. 2. Д. 1419. Л. 3.

2 Там же. Л. 3 об.

3 Там же. Л. 4, 5–5 об.

4 Там же. 4 об.

5 Там же. Л. 1.

6 Там же. Л. 2–2 об.

7 Там же. Л. 14.

за № 766 на имя француженки с сыном, по этому документу им следовало покинуть Россию в течение трех месяцев[1]. Можно утверждать, что французу Николаю Тузо повезло: его мать была жива и могла принимать важнейшие решения в его жизни.

Судьбы многих детей иностранных военнопленных оказывались нередко драматическими. В мемуарах Н. Г. Добрынкина рассказана история его матери, младенцем оставшейся сиротой в 1812 г. Отец малышки, уроженец г. Болоньи, майор итальянской армии Фанте погиб в бою под Смоленском, а мать, сопровождавшая мужа во время военной кампании, умерла при родах. Сестра смоленского губернатора барона К. И. Аша взяла на воспитание сироту. Маленькую итальянку крестили в 1819 г. в православии и нарекли Марией, по крестному отцу дав ей отчество — Павловна. Впоследствии приемная дочь вышла замуж за сельского священника Г. И. Добрынкина, а их первенец Николай Гаврилович Добрынкин (1835–1902), автор воспоминаний, стал известным муромским краеведом[2].

В Национальном историческом архиве Республики Беларусь в фонде канцелярии витебского, могилевского, смоленского и калужского генерал-губернатора встретилась информация о Людвиге Фанти, который сопровождал родителей во время военной кампании 1812 г. (См. Приложение 4.) Отец Л. Фанти, служивший в итальянском конном полку в чине капитана, был убит при отходе французских войск от Смоленска, а мать пропала. Мальчик же остался «в малолетстве у помещиков Ивана и жены его Катерины Богомольцов (владельцев имения в Бабиновичском уезде Могилевской губернии.— *А.Т., О.К.*), у которых с возрастом, получил и приличное воспитание; но не имея средств, иже возможности исходатайствовать о дворянском своем происхождении надлежащих доказательств и как по основанию Высочайшаго Его Императорскаго Величества Указа 19 Октября 1831 года («О разборе Шляхты в Западных Губерниях, и об устройстве сего рода людей».— *А.Т., О.К.*), он должен избрать род жизни, то… предоставил выданные ему свидетельства: помещиком Иваном Богомольцом с подробным объяснением обстоятельства его происхождения,

---

[1] НИАБ. Ф. 1297. Оп. 2. Д. 1419. Л. 16.

[2] Чернышев В. Я. Муромский краевед Добрынкин Николай Гаврилович // Край Смоленский. 2009. № 1. С. 8–24. Мемуарист допустил явные ошибки в должности и инициалах Аша, назвав его генерал-губернатором А. И. Ашем.

и таковые ж его Предводителя (предводителя дворянства Бабиновичского уезда.— *А.Т., О.К.*) и прочих лиц, просит о учинении сношений с Итальянским Правительством о доставлении о происхождении иностранца Фанти сведения и документов»[1].

Выяснилось, что «Людвиг Фанти родился в Болонии 13 Апреля 1803 года от Серафима и Аннунциаты Фанти урожденной Роппа, которая последовав за мужем своим в Россию и не дав с тех пор о себе никакого известия, считалась умершею. Из родословных же книг оказалось, что Серафим Фанти не был дворянскаго происхождения и не имел никакого титула, исключая (буде сие дает ему право дворянства) капитанского чина, который заслужил он в военной службе»[2].

С большой степенью вероятности, можно предположить, что упомянутая в мемуарах Н.Г. Добрынкина малышка и 9-летний в 1812 г. Людвиг Фанти — брат и сестра. Беременная женщина могла потерять своего сына в ходе Смоленского сражения, такой случай был не единственным. В ноябре 1812 г. под Красным попала в плен подполковница Ланоа. Ее отправили в Вильно, по дороге она «лишилась… в несколько дней мужа ея, который вероятно и жизни лишен, так как об нем никакого сведения не имеется; да кроме того отняли у нея малолетняго сына ея в одной деревни и оставили оного у тамошнего священника»[3]. Благодаря усиленным поискам местной полиции стало известно, что сын подполковницы Ланоа «по дошедшим слухам находится Бельского уезда в имении г. генерал-майора Цыбульскаго». В связи с этим смоленский губернатор барон К.И. Аш 13 февраля 1814 г. предписывал бельскому уездному исправнику поехать на место, отыскать ребенка и отдать бельскому уездному предводителю дворянства «для отправления по принадлежности»[4]. То есть российские власти пытались помочь, но удалось ли вернуть ребенка матери — неизвестно.

«Смоленские страницы» есть и в судьбе француза Жана Вейера, сына маркитанта 84-го пехотного полка французских войск Батиста Вейера. В 1812 г. родители его были убиты, а маленький Жан в возрасте пяти лет попал в плен в местечке Ляды. Командир лейб-гвардии Его Величества

---

1 НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 6215. Л. 1–1 об.

2 Там же. Л. 5 об.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп 1. Д. 252. 1814 г. Л. 2.

4 Там же. Л. 3.

кирасирского полка Будберг, «войдя в сострадание», отдал Жана «для излечения и воспитания в местечке Дубровне Белорусско-Могилевской губернии доктору медицины Егору Цекерт, у коего и воспитывался до 1822 года»[1].

В соответствии с Высочайшим манифестом 30 августа 1814 г. Цекерт обязан был объявить в присутственное место о содержащемся у него иностранном военнопленном, но не сделал этого. Лишь из разговоров приютившего его врача Жан узнал о своем французском происхождении. В 1822 г. по договоренности со своим воспитателем Жан Вейер прибыл в Смоленск и был определен к иностранцу Даниле Графу для обучения каретному мастерству[2], которым мог бы «снискать себе… пропитание в России»[3].

6 декабря 1827 г. Жан закончил обучение и, будучи уже совершеннолетним (22 года), «принял непременное намерение возвратиться в свое отечество»[4]. В мае 1828 г. он обратился с прошением к смоленскому гражданскому губернатору И. С. Храповицкому: «приказать Смоленской градской полиции снабдить меня для беспрепятственного прожития в Смоленске сроком на один год свидетельством в продолжении коего времени я мог бы приобресть себе необходимо нужное к достижению моего отечества трудами рук моих состояния», чтобы в дальнейшем получить паспорт для выезда на родину[5]. Так как Вейер не мог рассчитывать на помощь своих родственников из-за границы, он должен был заработать на проезд и обустройство на родине. При этом сам Жан Вейер полагал, что сможет это сделать за год.

К прошению Жан Вейер приложил свидетельство доктора медицины Егора Цекерта от 26 июня 1826 г., в котором тот подтверждал описанные Жаном Вейером обстоятельства (см. Приложение 5). Свидетельство было заверено подписью и личной сургучной печатью доктора Цекерта[6].

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. 1828 г. Л. 1.

2 Данила Граф или Краф был каретных дел мастером (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 21 об., 19).

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. 1828 г. Л. 1 об.

4 Там же. Л. 2.

5 Там же. Л. 2 об.

6 Там же. Л. 3.

4 августа 1828 г. губернатор предписал смоленской городской полиции выдать Жану узаконенный годовой вид на жительство в Смоленске, что и было выполнено[1]. Однако попытки властей навести справки о родственниках Вейера за границей результата не дали[2]. Дальнейшая судьба Вейера неизвестна: остался ли он в России, приняв здесь подданство, или сумел выехать на родину.

Так же как и Вейер, в возрасте пяти лет, в России в 1812 г. оказался Иван Берман. Он был привезен офицером Московского гренадерского полка Балкашиным «без всяких бумаг» в Бельский уезд в имение родителей офицера и оставлен там на их попечение[3]. «По малолетству» Берман не знал своего подданства[4], а когда в возрасте 26 лет он решил дать присягу на верность России, то в документах III Отделения Собственной Е. И.В. канцелярии был записан «прусским подданным»[5]. 10 июля 1833 г. Иван Берман в Смоленском губернском правлении принес присягу на верность Российской империи, а 27 июля того же года получил «билет на избрание рода жизни на 2 месяца»[6]. В документах III Отделения Собственного Е. И.В. канцелярии указано, что он служил почтальоном[7].

Обычно дети иностранных военнопленных, став взрослыми, редко возвращались на родину: многие не знали языка родной страны, не имели родственников, готовых их принять, а также не обладали для переезда материальными средствами. Поэтому логичным шагом для них было принятие российского подданства. Характерно, что из военнопленных, которые вступили в российское подданство в Смоленской губернии и прожили здесь более 20 лет, никто не воспользовался правом на возвращение, дарованным Именным указом Николая I от 31 октября 1834 г., объявленным гражданским губернаторам министром внутренних дел[8].

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. 1828 г. Л. 10, 11.

2 Там же. Л. 13–13 об.; НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 3131. Л. 9 об.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. 1833 г. Л. 54.

4 Там же.

5 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 14.

6 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. 1833 г. Л. 53 об., 54.

7 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 14.

8 ПСЗ-2. Т. IX. Ч. 2. № 7524.

ДЕТАЛИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Из прошения военнопленного сержанта Станислава Серпутовского смоленскому гражданскому губернатору К. И. Ашу от августа 1813 г.: «Уроженец я прускаго владения, продолжал службу в польской конной Артиллерии, и при преследовании из Москвы французских войск взят в плен Российскими войсками под Вязьмою в деревне Тихонове и с того времяни находясь в России ныне имею ревностное желание остаться в подданстве Российском учинить в том верно подданническую присягу».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. 1813 г. Л. 19.

Из письма графа Н. П. Панина смоленскому гражданскому губернатору К. И. Ашу от 12 декабря 1813 г. В документе перечислены иностранцы, проживавшие в доме графа в имении Дугино:

«1-е Гн надворный Советник Фогель, коему препоручено воспитание сына моего, хотя гановерской уроженец но имеет право на все преимущества российскаго дворянина…

2-е Гжа Сестие находящаяся при воспитании дочерей моих принадлежит к числу тех нещастных кои насильственно порабощены французскому правительству. Она родилась в бывшей Женевской республике…Я покорнейше и убедительнейше вас прошу снабдить ее пашпортом на неограниченное время буде возможно, в противном же случае хотя на один год с позволением переезда из одной губернии в другую при детях моих. Сие снисхождение тем менее кажется затруднительно что Г-жа Сестие честностью своею заслужила полную мою доверенность и что я охотно за нее поручаюсь буде сие возтребуется.

3-е Иван Рейс уроженец шведской, отправляет звание дядки при сыне моем. Он в пашпорте написан французом ошибкою и от невежества полиции которая почитала Стокголм французским городом. …прошу позволения сему доброму человеку следовать везде за сыном моим и за поведение его отвечаю.

4-е Здешней садовник мой Яков Макгель (прежде читался как Манеель, но по другим документам Мак Гиль.— *А.Т., О.К.*) уроженец из Англии и хотя ему не столь нужно иметь позволение на безпрепятственные переезды вы сами почувствуете Милостивый

Государь мой, что обязанность всякой раз просить о том позволения была бы для меня весьма обременительна.

5-е Федор Колбе пруской уроженец отправляет в доме моем должность камердинера. Он подал прошение о принятии его в российское подданство и я ссылаюсь на особенное письмо, которое я имел честь адресовать вашему превосходительству вчерашняго числа.

6-е Немецкой егерь Иван Краутель имеет под надзором своим все леса в вотчинах моих и по сей должности довольно затруднительно было есть ли б не уволили его от испрошения позволения всякой раз когда дела мои потребуют его присудствия в другом месте».

Граф Н. П. Панин ручался за этих людей и просил выдать им документы для свободного передвижения по территории Российской империи, чтобы они могли его сопровождать в случае необходимости.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 47.

Из журнала заседаний Смоленской городской думы от 20 августа 1814 г. за № 1: в ответ на рапорт Смоленской ремесленной управы о том, что «до нашествия неприятеля иностранец Мартин Кутлер состоял записанным на праве гостя в столярном цеху. А по справке в градской думе оказалось что поданным в оную думу иностранцы Мартын и Иван сыны Кутлеровы прошением просили о даче им для проезда в Москву для окончания науки в столярном мастерстве свидетельство». Дума приняла решение выдать два свидетельства детям умершего Мартина Кутлера братьям Мартыну и Ивану.

ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 3. 1814 г. Л. 308–308 об.

Текст открытого предписания № 8611, данного московским гражданским губернатором Е. А. Дурасовым от 30 июля 1816 г.:

«Объявитель сего проживавший в губернском городе Костроме, уроженец города Касселя военнопленный докторской сын Циммерман, во исполнение предписания г. Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора следует на правах военнопленных существующих в свое отечество; почему предписывается град-

ским и земским полициям давать ему по тракту от г. Москвы до Смоленска по одной обывательской подводе с проводником за указные прогоны и снабдить продовольствием за установленную плату; по приезде же в Смоленск должен он явиться к тамошнему Г. Гражданскому Губернатору для дальнейшаго отправления.

Казенной на нем амуниции: куртка с панталонами, шинель и фуражка серого сукна, сапоги, чулки и рукавицы».

Резолюция смоленского гражданского губернатора К. И. Аша: «Вместо онаго выдано другое до Минска».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 331. 1815 г. Л. 62.

ИНОСТРАНКИ В КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Случайно обнаруженное в одном из объемных журналов исходящих бумаг смоленского гражданского губернатора письмо стало началом дальнейшего «расследования». Документ оказался копией прошения прусской подданной Шарлотты Витенштейн, в России названной Терезией Ивановою[1]. Прошение было адресовано вдовствующей государыне императрице Марии Федоровне, известной своей благотворительной деятельностью и особым вниманием к женскому образованию и воспитанию. Следует отметить, что отец Марии Федоровны (до перехода в православие Софии-Доротеи-Августы-Луизы), принц Фридрих-Евгений, состоял в прусской службе и лишь под старость сделался владетельным герцогом Вюртембергским. Потому прусская подданная Шарлотта (Терезия) обращалась к бывшей своей соотечественнице, особо надеясь на ее помощь и защиту.

В датированном 7 января 1822 г. прошении Шарлотта Витенштейн описывала свои злоключения в России и осмеливалась «припасть к священным стопам Вашего Императорскаго Величества, и молить о оказании милости, гонимой роком невинно страждущей Вашей верноподданной»[2]. Судьба, действительно, была немилосердна к просительнице: «будучи рождена под властию прусского короля, от капитана 24 чернаго гусарскаго полка Генриха Блюма Витенштейна … отдана была отцом на воспитание родной …тетке, вестфальской полковнице 12-го уланскаго полка Ласковской, которая по нашествию общаго врага Европы Наполеона Бонапарте, принуждена была отправиться с мужем своим» и племянницей в Россию. 14-летняя Шарлотта подчеркивает, что противилась этому семейному решению, но вынуждена была подчиниться[3]. В ходе сражения под Можайском тетка была убита на глазах девочки, а она сама была ранена в правую руку, взята в плен и отправлена в Смоленск[4].

---

[1] В документах XIX в. употребляется «Шарлота», а в современной орфографии — Шарлотта. В документах и фамилию героини нередко переиначивают — «Винтштейн», «Винтеин».

[2] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1822 г. Л. 208.

[3] Там же.

[4] Там же.

В документах канцелярии Смоленского губернатора сохранились списки военнопленных, находившихся в смоленских «гошпиталях» с апреля 1813 г. по август 1814 г., где есть упоминания о женщинах. Из 827 военнопленных, учтенных по документам канцелярии смоленского губернатора за 1812–1815 гг.,— 53 женщины и 6 детей[1]. У многих женщин не обозначены ни национальность, ни подданство. Среди прочих было 12 француженок, 4 итальянки, 3 уроженки Пруссии, 2 голландки и 1 шведка. Согласно тетрадям «на записку в приход и расход отпущенной на раздачу военнопленным порционной суммы», женщинам вне зависимости от национальной принадлежности полагалось по десять копеек в сутки[2] (что в 2 раза больше, чем получали нижние чины, но в 5 раз меньше, чем офицеры)[3].

В тетрадях порционных денег, выдаваемых военнопленным в Смоленском военном госпитале, только с 16 апреля по 1 июня 1813 г. упомянуто пять военнопленных иностранок: Мариам Финариско, Агафья Хмелиовская, Софья Зеленская, Мариам Домбровская, Варвара Заенчовская или Заензовская[4]; с 4 по 13 июля 1813 г. двое — Емалия и Матрона Валеровы[5]; с июня по 1 августа 1813 г.— некая Кардинель[6]; с 21 июня по 1 сентября 1813 г. подданные Пруссии Анна Дюре и Маргарита Крау[7].

Кроме того, в тетрадях порционных денег, выдаваемых военнопленным в Смоленском военном госпитале, указаны «солдатские женщины»: с 6 мая по 16 августа 1813 г.— француженки Мария Терезия и Карнилия Дюйграф с дочерью Емалией[8]; с 7 по 16 августа 1813 г.— француженки Луиза Кормузен и Ева с сыном, состоявшим в нижних чинах[9]; с июня по

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. 1814 г. Л. 27 об.– 28; Д. 206. 1813 г. Л. 7, 52; Д. 209. 1813 г. Л. 31–32, 41–42, 53; Д. 210. 1813 г. Л. 8, 12–14, 20, 22, 23, 26, 29; Д. 212. 1813 г. Л. 10, 23–25, 28, 32; Д. 213. 1813 г. Л. 70, 72, 77–78.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 213. 1813 г. Л. 6.

3 Там же. Д. 209. 1813 г. Л. 27.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 209. 1813 г. Л. 32, 41, 42.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. 1813 г. Л. 24.

6 Там же. Л. 10, 23, 32.

7 Там же. Л. 31, 36.

8 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. 1813 г. Л. 7; Д. 209. 1813 г. Л. 43, 53; Д. 212. 1813 г. Л. 10, 25, 32; Д. 213. 1813 г. Л. 78.

9 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. 1813 г. Л. 7; Д. 213. 1813 г. Л. 78.

16 августа 1813 г.— итальянка Жозефина и француженка София Гронже, последняя затем по болезни находилась в Духовщинском уезде[1]. Солдатка «голландской нации» Иоганна Шнирелянд оставалась в госпитале «по болезни» с 16 апреля 1813 г. по 21 марта 1814 г.[2].

Упоминаются в списках и военнопленные «офицерские женщины»: француженка Луиза Николаева, вдова подпоручика лейб-гвардии егерского полка, прибывшая из Белого в Смоленск в мае 1813 г. и находившаяся в Смоленском госпитале до 16 августа 1813 г.[3]; итальянка Сесиль Гварц, указанная в тетради порционных денег с 16 апреля по вторую половину июля 1813 г.[4]; итальянка Карнилия Данилова и рожденная в Баварии Мариам, бывшие в госпитале с июня по 16 августа 1813 г.[5], а также капитанша Маргарита Франтишка с малолетней дочерью — с июня 1813 г. по 2 августа 1814 г.[6].

В отличие от этих женщин-военнопленных Шарлотта Витенштейн покинула Смоленск или в том же 1812 г. или в самом начале 1813 г. Она, будучи «отправлена в Бобруйск, отдана онаго Города Коменданту 2-го пионернаго полка полковнику Берх, у котораго жены… жила два года и ею выдана замуж за унтер офицера того же полка дворянина Шванскаго. По прошествии полутора года он умер». В своем прошении на имя вдовствующей императрицы Марии Федоровны Шарлотта рассказала дальнейшую историю своей жизни: «Я терпела ужаснейшую бедность, но по просьбе моей получила свободный пашпорт для проезда в свое Отечество; но не имея средства по не состоянию моему возвратиться в оное, принуждена была проживать трудами рук своих в Могилевской губернии, в местечке Новом Быхове. В оном стоял 46-го Егерскаго полка майор Ильин. Не имев пропитания я мыла белье на офицеров и вышеупомянутаго майора,

---

[1] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. 1813 г. Л. 7, 8; Д. 209. 1813 г. Л. 55; Д. 212. 1813 г. Л. 10, 23–25, 32; Д. 213. 1813 г. Л. 78.

[2] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. 1813 г. Л. 7; Д. 209. 1813 г. Л. 32, 41, 42, 53; Д. 210. 1813 г. Л. 8, 12–14, 20, 22, 23, 26, 29; Д. 212. Л. 24, 25, 32; Д. 213. 1813 г. Л. 70, 72, 77, 78.

[3] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. 1813 г. Л. 10, 22, 24, 32; Д. 206. 1813 г. Л. 7; Д. 213. 1813 г. Л. 78.

[4] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. 1813 г. Л. 7; Д. 209. 1813 г. Л. 32, 41, 53; Д. 212. 1813 г. Л. 10, 24, 25, 32; Д. 213. 1813 г. Л. 78.

[5] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. 1813 г. Л. 10, 24, 25, 32; Д. 206. 1813 г. Л. 7; Д. 213. 1813 г. Л. 78.

[6] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 10, 13, 23, 24, 28; Д. 306. 1814 г. Л. 44, 48.

который видя крайнюю мою бедность, уговаривал меня выйти замуж за свободнаго человека живущаго у него (при капитане Касперовиче и порутчике Мацкевиче), на что я согласилась терпев мучительную бедность; но не вышед еще замуж я узнала, что он крепостной человек. Я сказала Господину Майору: что не желаю выйти замуж. Тогда он спросил у меня пашпорт, который я ему и подала; но он взяв оный, скрыл его от меня, сказав: что есть ли я не выйду замуж за его человека, то он даст мне пятьсот розог. Будучи иностранкою, под его караулом и не знав русских прав, я в страхе согласилась выйти замуж. Протоиерей Иван не спросив меня по обряду грекороссийской церкви моего желания, и будучи возвращена майором (который находился при браке) заключил невольный брак»[1]. (Полный текст прошения см. Приложение 6.)

Так, Шарлотта Витенштейн, а теперь в России Тереза Иванова, оказалась крепостной, без всяких прав и документов о ее иностранном подданстве. Добавим, что она не знала русского языка, не имела средств к существованию, а также ясных представлений о реалиях российской действительности. В воспоминаниях Т. П. Пассек (1810–1889) «Из дальних лет» приводится любопытная история о бабушке мемуаристки. Дед Пассек, Петр Алексеевич Яковлев, находясь в Петербурге, «довольно часто бывал в доме голландского посланника фон Сухтелена, там он видал молоденькую швейцарку компаньонку дочерей посланника, стройную, высокую блондинку Шарлоту Христину Папст; он влюбился в нее и увез ее в свое имение — Тверской губернии, Корчевского уезда, село Новоселье, где обещал, по приезде в имение, обвенчаться с нею, и, конечно, не обвенчался; но, опасаясь, чтобы она не оставила его, уничтожил ее вид на жительство и другие бывшие у нее бумаги, вследствие чего она провела всю жизнь в России без всякого вида, сперва на поручительстве Петра Алексеевича, потом своих зятьев. За ней оставили имя Христины, а по Петру Алексеевичу назвали «Петровной»; так она и прозывалась до конца своей печальной жизни. Не зная другого языка, кроме французского и английского, в деревне она могла объясняться только через посредство Петра Алексеевича да француза-садовника Прово и его жены Елизаветы Ивановны»[2]. Несомненно, Христине Папст повезло больше,

---

[1] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1822 г. Л. 208–209.

[2] Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1963. Т. 1. С. 52.

чем Шарлотте Витенштейн: Христина стала невенчанной женой помещика, не испытывала нужды, а ее дети получили права законных детей дворянина. Но способ удержать иностранку, которым воспользовался П. А. Яковлев, уничтоживший ее вид на жительство, видимо, тогда был распространен.

Спустя время крепостная Тереза Иванова узнала, что «муж находится только у его [Ильина] в услужении; а принадлежит по крепостям, отставному капитану Ивану Владимировичу Г. Сорневу, находящемуся Смоленской губернии в Духовщинском уезде»[1]. Тереза предприняла отчаянный поступок: она решилась бежать от своего хозяина майора Ильина, чтобы обратиться к истинному владельцу своего мужа. Но злоключения ее не закончились: не застав Сорнева в его имении, иностранка попыталась объясниться с матерью помещика, которая не поверила ей.

Тереза описывает свои дальнейшие мытарства: сначала мать Сорнева отправила женщину в Духовщинский нижный земский суд; тот отослал ее «в Смоленск, из Смоленска в Могилев», а из-за отсутствия майора Ильина в Могилевской губернии, отослали иностранку в Витебск, «из Витебска для суждения по лифляндским правам в Ригу», оттуда после допроса, «опять в Могилев; а из онаго города в Смоленск, который переслал … в Духовщинский уездный суд». В Духовщине Сорнев под росписку сумел получить крепостную, сжалившись над ней, «советовал подать в Смоленское губернское правление просьбу, о даче … свободнаго пашпорта», но правление отказалось «снабдить оным, а отослало опять к господину Сорневу»[2].

Столь знакомая российская судебная волокита, которой, как известно, особенно славилось отечественное правосудие до судебной реформы 1864 года… «Верноподданнейшая Тереза Витенштейн» ждала справедливого решения: «Я надеюсь, что буду иметь свободу по одному милостивому вниманию Вашему; уверена, что доставите сладостное удовольствие престарелым родителям моим, обнять потерянную дочь их; и вместе со мною славить им Всемилостивейшею Государыню». Дожидаясь исхода дела, Тереза не возвращалась к мужу, а жила в имении отставного лейтенанта флота Василия Николаева Клачкова в Духовщинском уезде Смоленской губернии[3].

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1822 г. Л. 209.

2 Там же.

3 Там же. Л. 209 об.

Прошение Терезы Ивановой, по соизволению императрицы Марии Федоровны, было доставлено министру юстиции, который 19 февраля 1822 г. в своем отношении смоленскому гражданскому губернатору указывал на необходимость, «удостоверившись в справедливости показаний просительницы», «предложить Губернскому Правлению об учинении по настоящему предмету на законном основании определения»[1]. При этом министр юстиции явно был настроен на благополучный для Терезы исход: он обращал внимание на «насильную отдачу ее в замужество» и согласие Сорнева выдать ей паспорт для возвращения на родину. На отношении министра юстиции в канцелярии смоленского губернатора сделали пометы о трижды посланных распоряжениях в Духовщинский суд за 1822 г. и единожды (6 июня) за 1824 г. К сожалению, бумаги Духовшинского суда за эти годы утрачены. Поиски же информации в документах канцелярии смоленского губернатора и Смоленского губернского правления увенчались успехом: в отношении управляющего Министерством внутренних дел В. С. Ланского смоленскому гражданскому губернатору И. С. Храповицкому от 13 октября 1824 г. за № 1913 говорилось, что «дочь Прусской службы капитана Винтштейна», находящаяся в замужестве за дворовым человеком, просит о даровании свободы своему мужу. Губернатору было рекомендовано, рассмотрев просьбу (копия очередного прошения Терезы прилагалась), «сделать зависящие от губернского начальства распоряжения, о доставлении просительнице удовлетворения на основании законов», уведомив об этом Министерство внутренних дел[2].

Из копии нового прошения Терезы Витенштейн, датированного 26 августа 1824 г. и адресованного российскому императору, узнаем новые подробности ее судьбы. Она указывала имена свидетелей угроз ей со стороны майора Ильина, когда она не соглашалась выйти замуж за дворового — «капитана Кашперовича, поручика Масиевского и фельдфебеля Соколова»; объясняла, что решилась бежать потому, что «майор Ильин стал делать… притеснения, безвинные нападки и жестокие наказания», будучи беременной, Тереза «от больших наказаний розгами и палками родила неживого мужеска пола младенца». К тому же, через полтора года своего рабства иностранка узнала, что

---

[1] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1822 г. Л. 207.

[2] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. 1824 г. Л. 854–854 об.

ее муж не является крепостным майора Ильина, а уступлен ему «за триста рублей капитаном Иваном Сорневым» без оформления сделки. Тереза, не желая «более терпеть от майора Ильина истязаний, решилась прибегнуть под покровительство капитана Сорнева» и в 1819 г. пришла к нему в дом, но вместо владельца встретилась с его матерью Марьей Сорневой. Дальнейшие злоключения известны из прежнего прошения Терезы. Наконец, когда Смоленское губернское правление отдало иностранку капитану Ивану Сорневу, он передал ее «в услужение флота капитан-лейтенантше Катерине Клачковой». Тереза сообщала, что «в 1821 году приняла христианскую веру» и до сих пор, находясь у помещицы, не имела «ни от кого никакой себе защиты и покровительства, равно и настоящего прибежища»[1]. Теперь Тереза просила «решить ее судьбу», выдав законный вид на жительство и предоставив свободу ей и супругу: «я не отвергаю себя от законного брака и желаю жить вместе с мужем моим, но только чтоб не быть в подданстве, которому подвергнут муж мой, и быть под игом рабства майора Ильина; и претерпевать от него несносные истязания»[2]. (Полный текст прошения см. Приложение 7).

Какие же действия предприняли губернские власти, которым «спустили» данное прошение для окончательного решения? На отношении из Департамента полиции в канцелярии смоленского губернатора была сделана очередная помета о соответствующем распоряжении в Смоленское губернское правление 23 октября 1824 г. Но решение дела вновь затягивалось: в мае 1826 г. в журнале исходящих бумаг упоминалось предписание Смоленского гражданского губернатора Духовщинскому уездному суду, в котором губернатор требовал «решить дело сие на законном основании без малейшаго промедления и о последующем донести мне для донесения министру внутренних дел предваря при том что в случае дальнейшей медленности я принужден буду подвергнуть членов суда строгому взысканию»[3].

В описях фонда Смоленского губернского правления встретилось «Дело по сообщению Могилевского губернского правления о высылке

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. 1824 г. Л. 855 об.– 856.

2 Там же. Л. 856 об.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. 1826 г. Л. 810.

сведений о иностранке Терезе Ивановой» на 30 листах, имеющее крайние даты 7 июля 1820 г.— 23 марта 1830 г.[1]. Казалось бы, разгадка близка, но, согласно описи, дело «выбыло», то есть было утрачено.

И все же о дальнейшей судьбе иностранки удалось узнать, когда для исследования стали доступны документы канцелярии смоленского губернского прокурора. Одно из дел этого фонда касалось «иностранки Терезы Витенштейн». Исполнявший должность Смоленского губернского прокурора И. П. Делло должен был ответить на отношение директора Общей канцелярии министра юстиции В. А. Солоницына от 31 мая 1829 г. за № 1473, в котором последний просил сообщить, как было исполнено распоряжение министра юстиции от 19 февраля 1822 г. относительно «справедливого решения» по делу вышеназванной иностранки.

Следовательно, по прошествии семи лет (с 1822 по 1829 г.) власти озаботились судьбой прусской подданной, что объясняется «блаженной памятью» о скончавшейся в октябре 1828 г. вдовствующей императрице Марии Федоровне, к которой и обращалась иностранка[2]. 12 июня 1829 г. И. П. Делло в своем ответе В. А. Солоницыну представил справку «по делу иностранки Терезы Витенштейн, о дозволении ей возвратиться в Отечество к своим родственникам»[3]. Кратко изложив все обстоятельства дела, сопровождавшегося бюрократической и судебной волокитой, И. П. Делло сообщал, что из рапорта Духовщинского уездного суда смоленскому губернатору от 8 июня 1826 г. стало известно о смерти иностранки, наступившей «назад тому уж год»[4]. Поэтому дело было закрыто (вероятно, к облегчению местных чиновников, затягивавших его решение), а его материалы сданы в архив.

Еще одну не менее интересную историю иностранки, оказавшейся в крепостной зависимости, рассказал в своих записках А. А. Лесли. Он упоминает о француженке Марии Федоровне, которая служила няней при детях сестры Натальи Петровны Бревери. Эта иностранка в юном возрасте в 1812 г. оказалась в России, позже вышла замуж за дворового человека помещика Цызырева, а затем, желая выкупиться на волю вместе

---

1 ГАСО. Ф. 2. Оп. 21. Д. 414. 1820 г.

2 ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 192. 1829 г. Л. 1–1 об.

3 Там же. Л. 3.

4 Там же. Л. 4 об.

с семейством, «ходила в Париж, пешком большую часть дороги; там у родных и от других пожертвования собрала, а на возвратном пути от Прусского короля получила значительное пособие, который к нашему правительству писал, прося содействовать ее освобождению от крепостной зависимости. От имени Государя Николая Павловича писали об этом к Цызыреву. В Париже много об этом говорили, как француженка свободная сделалась крепостною»[1].

Эта история кажется малоправдоподобной, однако в газете «Смоленские губернские ведомости» за 1840 г. встретилась информация, ее подтверждающая: «Вдова, урожденная Французская подданная Виктуар Лаком, вышедшая в замужество за крепостного человека, помещика Цызырева, и по св. крещении названная Марьею Федоровою, едет во Францию, для получения наследства, оставшегося ей после смерти отца ея, проживавшаго в городе Нанси.

О чем Губернское Правление, на основании 250 ст. Тома XIV Устава о паспортах, публикует во всеобщее известие»[2].

В документах канцелярии смоленского губернатора сохранилось препроводительное письмо смоленского, витебского и могилевского генерал-губернатора П. Н. Дьякова смоленскому гражданскому губернатору П. И. Трубецкому от 12 октября 1840 г. за № 5700 к заграничному паспорту, данному по разрешению А. Х. Бенкендорфа для поездки «жены крепостного человека помещика Цызырева французской уроженки Марьи Федоровой» во Францию «для получения наследства сроком на один год»[3]. Следовательно, факт крепостного состояния мужа не лишал француженку собственной свободы передвижения и права решать имущественные вопросы за границей. Возможно, эта поездка на родину была для иностранки не первой.

А. А. Лесли отметил в мемуарах, что памятный «поход» француженки имел положительный результат: «были сделаны перемены в законе об отъезде за границу с крепостными людьми, которым велено было сперва дать вольную». Вероятно, имеется в виду требование, по которому кре-

---

1 Лесли в войне 1812 года / авт.-сост. О. Н. Лесли. Смоленск: Маджента, 2005. С. 77.

2 Об отъезде за границу // Смоленские губернские ведомости. 1840. 28 октября (№ 44). Часть официальная. С. 224.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. 1840 г. Л. 331–331 об.

постные, выезжая за границу с хозяевами, именовались слугами, а потому, находясь за границей, считались свободными людьми. «Вопрос о свободе крепостных стал развиваться у нас и за границей, и ее хождение туда сильно подвинуло этот вопрос вперед и здесь и заграничным влиянием на наше правительство»[1].

Именным указом, объявленным управляющему Министерством внутренних дел генерал-адъютантом А. Х. Бенкендорфом «О правилах, соблюдаемых при освобождении от крепостных работ иностранных выходцев» от 28 января 1827 г., предписывалось: «чтобы военные губернаторы и военные начальники представляли о подобных людях Всеподданнейшими рапортами Его Императорскому Величеству по III-му Отделению Собственной Его Величества канцелярии, которой обязанностию будет о Высочайших разрешениях, уведомлять Министерство Внутренних дел, для должного к исполнению оных распоряжения»[2].

В документах канцелярии смоленского губернатора за 1831 г. упоминается еще одна история иностранки, ставшей крепостной, некоей Берты Христины Рикварт, вышедшей замуж за крепостного человека помещика Денисовича. Особо оговорено, что помещик не должен считать иностранку «своею крепостною, как происходящую от родителей вольного вольности»[3], при этом подчеркивалось «требование… относительно прав вольного происхождения упоминаемой Рикварт, выполнено было со стороны Денисовича, на основании существующих на сей предмет узаконений»[4]. Следовательно, несмотря на брак с крепостным, иностранки сохраняли права свободного человека.

На практике же многое зависело от позиции владельца. Это отчасти подтверждает Н. С. Лесков в своем рассказе «О петухе и его детях (Геральдический казус)» из «Заметок неизвестного», упоминая о судьбе француженки, вышедшей замуж за русского крепостного, так как «в законах империи Российской была не сведуща и не постигала, что через такой брак с человеком русским невольного положения она сама лишилась свободы

---

1 Лесли в войне 1812 года. С. 77.

2 ПСЗ-2. Т. II. № 851.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. 1831 г. Л. 155 об.

4 Там же.

и дети ее делались крепостными»[1]. Судьба француженки из рассказа Лескова оказалась трагической. Реальная же история Марии Федоровны (Виктуар Лаком) сложилась удачнее: о ее иностранном происхождении помнили. Дочь француженки вышла замуж за дорогобужского мещанина, который занимался «позолотой резьбы и проч.», и была принимаема в смоленских дворянских домах[2].

Справедливости ради стоит заметить, что и сами иностранные подданные, успешно работавшие в Российской империи, в том числе на Смоленщине, привыкали к российским реалиям и, получая права на дворянское достоинство, приобретали землю и собственных крепостных[3], так как это поднимало материальный и социальный статус иностранцев.

ДЕТАЛИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Из журнала заседаний Смоленской городской думы от 9 февраля 1816 г. за № 1: «СЛУШАЛИ: сообщение Смоленского городоваго магистрата с приложением просьбы гражданина жительствующаго в Моравии в городе Брно каменных дел мастера Иосифа Шляпечки об объявлении купцам и мещанам не пожелает ли кто по знании ево в строении каменных мостов и домов, в делании черепицы и мощении улиц подрядить ево и буде на то желающие найдутся, то дать ему знать с присовокуплением кондиции (условий договора.— *А.Т., О.К.*). ПРИКАЗАЛИ: с означеннаго прошения копию препроводить в здешнюю градскую полицию дабы благоволила она обывателям города объявить не пожелает ли кто просителя Иосифа Шляпечку подрядить…»

ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 25. Л. 45.

Из отношения петербургского военного генерал-губернатора С. К. Вязмитинова смоленскому гражданскому губернатору К. И. Ашу от 31 октября 1817 г. за № 105: «Родственники старшаго

---

[1] Лесков Н. С. Заметки неизвестного. URL: http://dugward.ru/library/leskov/leskov_zametki_neizvestnogo.html.

[2] Лесли в войне 1812 года. С. 77.

[3] Подробнее об отношении иностранцев к крепостной зависимости см.: Тихонова А. В. Иностранцы о крепостном состоянии в России первой половины XIX века // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 4(36). С. 301–314.

адъютанта французской службы Камилла Додье [Camille Daudier] не получая от него никакого сведения, просили учинить об нем в справку. Офицер сей, сколько известно, писал в Декабре 1812-го года из Смоленска.

Сообщая о сем Вашему Превосходительству, я прошу учинить о пленном сем надлежащую выправку, и мне о последующем донести, с доставлением в случае смерти его, законного о том свидетельства».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. 1817 г. Л. 507.

Из уведомления «Комитета, Высочайше учрежденного в 18 день августа 1814 года» (позже известного как Александровский комитет о раненых) от 13 февраля 1818 г. за № 641 о получении от смоленского гражданского губернатора 25 руб. ассигнациями и 65 коп. серебром, собранных «в пользу инвалидов на основании доклада Высочайше конфирмованнаго в 23-й день Марта 1816 года по случаю данного в городе Поречье иностранцем Троком гимнастическаго представления».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. 1818 г. Л. 242.

Из отношения управляющего министерством полиции С. К. Вязмитинова смоленскому гражданскому губернатору К. И. Ашу от 2 сентября 1818 г. за № 1099: «Г. Управляющий Государственною коллегиею Иностранных дел, по ходатайству французского поверенного в делах, отнесся ко мне с прозьбою, о доставке сведений, о настоящем местопребывании артиллерийского капитана Графа Альфонса Дамуассо (Damoijscou:), оставшагося в 1812го году военнопленным в России; В случае же смерти его желает иметь надлежащее о том свидетельство. В ноте французскаго поверенного в делах сказано: что означенный Дамуассо вместе со своим отрядом, близ Смоленска взят в плен; почему я и предлагаю Вашему Превосходительству учинить о том выправку, и буде по оной окажется сие известие справедливым, то в таковом случае поступить согласно вышеизложенному требованию; о последующем же в непродолжительном времени меня уведомить».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1818 г. Л. 200–200 об.

***Из отношения управляющего министерством внутренних дел графа В. П. Кочубей смоленскому гражданскому губернатору К. И. Ашу от 8 декабря 1820 г. за № 1017*: «**Г. Управляющий Министерством Иностранных дел сообщил мне, что служащий в 3м Карабинерном полку офицер Лыкошин задолжал Рейнскому купцу Лермиту Грандвалю пятьсот тринадцать франков…

Согласно сему я относился к Г. Санктпетербугскому военному Генерал губернатору, об объявлении претензии Грандваля жительствующему в сей столице подпоручику Якову Лыкошину, но сей, как Граф Милорадович уведомил меня, отозвался, что до него сей иск не относится, а простирается на капитана Александра Иванова Лыкошина, проживающаго Смоленской губернии Бельскаго уезда в селе Казулине.

Сообщая о сем Вашему Превосходительству я прошу вас, Милостивый Государь мой приказать объявить претензию Грандваля Гну Лыкошину, и буде он не представит к опровержению сего иска законных доказательств, то понудить его к удовлетворению Грандваля и о последующем в непродолжительном времени уведомить меня».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. 1820 г. Л. 447–447 об.

В отношении Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел на имя смоленского гражданского губернатора от 30 июня 1822 г. за № 452 сообщалось об «изобретении могилевским аптекарем Бранденбургом хлеба, испеченного из обыкновенной муки с примесью Исландскаго моху», которым можно заменять обыкновенный хлеб, «в случае недостатка онаго… Исландский мох давно употребляется жителями Северных стран Европы не редко вместо хлеба; бывает даже единственною их пищею и они от сей пищи остаются совершенно здоровы».

К документу прилагался экземпляр сочинения Бранденбурга «О пользе употребления в пищу так называемого исландскаго моху».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1822 г. Л. 491.

***Из журнала заседаний Смоленской городской думы от 29 июля 1824 г. за № 3*:** «Сообщение здешней градской полиции от 24-го

сего июля с № 4295-м коим уведомляет, что шведки Елены Карловой (от которой рожден сын Петр по крестному отцу Григорьев); с давних времен находится умершею, а сын ея Петр Григорьев в здешнем городе отыскан… Для отобрания от него показаний в сию Думу препровожден. Приказали: Сообщение приобщить к делу и обще с делом доложить присутствию немедленно».

ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 64. 1824 г. Л. 445–446.

***Из журнала заседаний Смоленской городской думы от 27 марта 1826 г. за № 2**:* «Петр Григорьев призван был в присудствие сей думы и допрашиван, которой и показал, что когда мать его шведка Елена Карлова вышла в Россию и с какого места, он Петр не знает, а рожден он в доме Г. Коллежского советника фон Шрейдера живущаго в здешнем городе в Верхне-Николаевском приходе и крещен [в] той Николаевской церкви приходским священником, а по рождении до 1820 года имел в нем жительство при матери по смерть ея, а после смерти ея с 1820 года находился по разным местам в услугах».

ГАСО. Ф. 1260. Д. 78. 1826 г. Л. 216 об.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ САМОЙ ГУМАННОЙ ПРОФЕССИИ

Об иностранных врачах, которые практиковали в Смоленске к 1812 г., известно мало, а потому столь ценными являются сведения из списка обывателей Смоленска за 1812 г. Судя по обстоятельным записям этого источника с указанием семейного положения и недвижимого имущества горожан, документ был составлен до начала военных действий. В нем указано имя уроженца Пруссии Карла Степановича Крауза, вольнопрактикующего врача. Ему было 45 лет, и он проживал с женой и 8 детьми (3 сыновьями и 5 дочерьми) в собственном двухэтажном каменном доме («с разными подворными строениями») в 1-й части Смоленска «в Воскресенском приходе»[1]. Этот вольнопрактикующий врач упоминается в документах канцелярии смоленского губернатора за 1832 г.[2]. 28 декабря 1835 г. штаб-лекарь Крауз умер[3], и городская дума через местную полицию наводила справки, желают ли его наследники продолжать иметь в содержании городскую землю (10 десятин) при деревне Сторожище[4]. В 1843 г. недвижимость, которая была в городе за наследниками штаб-лекаря Крауза, оценивалась в 12 тыс. руб.[5], а в 1846 г. только в 1-й части города в 3428 руб.[6].

Удалось установить, что в Смоленске инспектором врачебной управы служил подданный Великобритании, статский советник Метике, который работал в России с 1786 г.[7]. В 1817 г. он получил чин статского советника[8]. Еще при поступлении на службу этот врач заключил контракт, согласно которому в год он получал жалование по 700 руб. в год. В случае же его смерти после 20 лет беспорочной службы вдове предусмотрен был

---

1 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1. Л. 134 об.– 135.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. 1832 г. Л. 1142.

3 ГАСО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 13. Л. 3 об.

4 Будни старого Смоленска. 1929–1837 годы: сборник документов. Смоленск: Свиток, 2013. С. 665.

5 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 218. Л. 10.

6 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 329. Л. 9 об.

7 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. 1832 г. Л. 631.

8 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Л. 2. 1818 г. Л. 312.

пенсион в 350 руб. дополнительно к выслуженной пенсии. В реальности врач отслужил 42 года, а после его смерти вдова статская советница Анна Метике получала лишь 500 руб. пенсиона по службе, но в 1832 г. решилась просить «по бедному состоянию сверх всемилостивейше пожалованного ей за службу [мужа] по 500 руб. в год, [дополнительно] того по 350 руб. пенсиона, который предположен согласно Высочайшей воле Государыни Императрицы Екатерины по заключенному в 1786 году доктором… контракту»[1]. Министр внутренних дел удовлетворил просьбу вдовы английского врача, столь долго и беспорочно трудившегося в России. Об этом генерал-губернатор князь Н. Н. Хованский сообщил в своем отношении от 3 октября 1832 г. за № 3638 на имя смоленского гражданского губернатора Н. И. Хмельницкого[2].

После Отечественной войны на Смоленщине остались работать иностранные медики, которые прежде служили в Великой армии Наполеона. Они оказались в русском плену, а затем поселились в помещичьих усадьбах и врачевали их владельцев и местных крестьян. В документах встречаются имена некоторых из них. Так, итальянец, лекарь в походных госпиталях итальянской армии Франсуа Палиари (Paglieri) лечил в селе Мошенец в Рославльском уезде, принадлежащем штабс-капитану А. Лешевич-Бородуличу. Иностранец заслужил такое уважение владельца, что тот стал мечтать о заведении госпиталя и аптеки под началом этого итальянского медика[3] (см. Приложение 8). В отношении главнокомандующего в г. Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинова смоленскому гражданскому губернатору от 28 февраля 1814 г. за № 59 говорилось: «Вследствие представления Вашего Превоходительства от 29 прошедшего Генваря о желании, объявленном пленном лекаре Палиари вступить в подданство России и производить врачебную практику, я прошу Вас, объявить врачу сему, что для получения права на отправление врачебной практики в России, он должен выдержать экзамен в ближайшем Российском Университете, для чего Ваше Превосходительство можете снабдить его надлежащим на проезд паспортом»[4].

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. 1832 г. Л. 631.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. 1832 г. Л. 376–377.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. 1813 г. Л. 21.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 241. 1814 г. Л. 214.

Француз, подлекарь с 1803 г. при штаб-докторе Ларшамбо (L`Аршамбо) в 4-й итальянской армии Людовик Гренан (Grenanne) оказывал медицинскую помощь в имении капитана А. И. Каховского в Бельском уезде[1] и «во время свирепствования в тамошних местах епидемических болезней пользование Его принесло значительную пользу помещикам и их крестьянам»[2] (см. Приложение 9). В дальнейшем Л. Гренан принял подданство России и 17 февраля 1814 г. был снабжен «для избрания рода жизни пашпортом»[3].

Уроженец Вестфалии, пленный врач Каспер Вильгельм Либерт лечил крестьян в имении действительной статской советницы Рибопьер в Вяземском уезде[4]. Из рапорта Вяземского уездного исправника смоленскому гражданскому губернатору от мая 1813 г. за № 569 известно, что К. В. Либерт «преподает врачевание крестьянам с пользою, поведения скромного», «оказался во врачевании знающ»[5]. Врач подтвердил свои знания, получив свидетельство штаб-лекаря в Императорской медико-хирургической академии[6].

Особое место среди бывших пленных медиков, лечивших в Смоленской губернии и оставивших о себе добрую память, занимает французский врач Франц Иванович Валь. В своей статье о военнопленных в Смоленской губернии после 1812 г. И. В. Панисяк упомянул о Вале, опираясь на дневниковые записи А. А. Лесли[7], а также указал на факт захоронения Франца Ивановича Валя на Смоленском Богословском кладбище без указания даты (на основе опубликованных материалов к «Русскому провинциальному некрополю»)[8].

Согласно формулярному списку, сохранившемуся в фонде Смоленского губернского правления, Франц Иванович Валь родился около 1792 г.,

---

1 Ермоленко Г. Н. Французские военнопленные 1812 года на Смоленщине // Край Смоленский. 2002. № 5–6. С. 31.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. 1813 г. Л. 36.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 201. 1813 г. Л. 8 об., 9.

4 Ермоленко Г. Н. Указ. соч. С. 31.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 163. 1813 г. Л. 2–3.

6 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. 1814 г. Л. 250.

7 Панисяк И. Отечественная война 1812 г.: трагедия и милосердие // Край Смоленский. 2002. № 7–9. С. 43.

8 Река времен. Книга истории и культуры. М.: Эллис Лак, 1996. Кн. 4. С. 51.

так как в 1853 г. (на момент составления документа) ему был 61 год[1] (см. Приложение 10). В графе «Из какого сословия происходит» указано: «Из военно-пленных французов во время их нашествия в 1812 году»[2]. С большой долей вероятности можно предположить, что Ф. И. Валь был задействован как медик уже в ходе военной кампании 1812 г. Российские власти в 1813 г. издали специальное Положение о приеме на службу иностранных врачей и лекарей на время кампании. При этом иностранных медиков разделяли на три класса. Третий класс (Ф. И. Валь был отнесен к лекарю 3-го отделения), согласно Положению, составляли: «подлекари, находящиеся большею частью в Германии, где они известны под названием Хирургов, то есть обучавшиеся только Анатомии, Физиологии и Практической Хирургии и знающие Латинский язык в такой мере, чтобы могли удобно разбирать рецепты в Латинских фармакопеях и писать оные правильно»[3]. Хирург во время войны — сверхнужная профессия, потому вряд ли Ф. И. Валь не был задействован как врач.

Оставшись в России, Ф. И. Валь обязан был пройти экзамен, чтобы заниматься врачебной практикой. Он успешно выдержал это испытание в Императорской медико-хирургической академии 2 марта 1815 г., подтвердив звание лекаря 3-го отделения. Пройти экзамен было достаточно сложно[4], и многие иностранные врачи не решались его сдавать. Так, в воспоминаниях М. Д. Бутурлина упоминается страсбургский уроженец К. П. Бест, который служил домашним медиком у Н. А. Дивова, а до этого у князя Е. А. Грузинского. В прошлом хирург в наполеоновской армии, он «был труженик над своей наукой и выписывал иностранные медицинские журналы, чуть ли не до последних дней жизни, но не решался выдержать надлежащий для практики публичный экзамен от лени, мешкотности или робости, не знаю; в течение сорокалетнего своего пребывания в России он

---

1 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 253. Л. 1 об.

2 Там же.

3 Полное собрание законов Российской империи. Издание 1-е (далее ПСЗ-1). Т. XXXII. № 25508. Высочайше утвержденное Положение, на основании коего имеют ныне быть принимаемы в Российскую Военно-медицинскую службу иностранные врачи от 31 декабря 1813 г.

4 Миловидов Б. П. Военнопленные медики Великой армии // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Материалы Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2006. Вып. XIV. С. 185.

все будто бы готовился выдержать университетское испытание и помер с этим благим намерением, не выучившись, как истый немец, свободно объясняться по-русски»[1]. Кстати, отсутствие официального права лечить заставляло К. П. Беста вместо выписки рецепта обращаться к своему другу аптекарю с неофициальной запиской-прошением о приготовлении нужного лекарства[2].

Ф. И. Валь решился на экзамен, так как был намерен заниматься постоянной врачебной практикой, а не быть приживалом-медиком при каком-то богатом вельможе и полностью зависеть от расположения благодетеля. С 1815 по 1822 г. Ф. И. Валь работал вольнопрактикующим врачом, так как следующая запись в его формулярном списке (после сообщения об успешном экзамене) гласит, что с 26 октября 1822 г. он по собственному прошению был принят ординатором в артиллерийский госпиталь в Санкт-Петербурге. «На время перенесения коммуникации через реку Неву» 3 декабря 1824 г. лекарь Ф. И. Валь был командирован в батальон учебного карабинерного полка. Дело в том, что 7 ноября 1824 г. в Петербурге произошло самое сильное наводнение за всю историю города. Максимальный уровень подъема воды составил 4,1 м выше ординара. Как раз это наводнение было описано Пушкиным в «Медном всаднике. Петербургской повести» (1833). Наводнение внесло коррективы в службу Ф. И. Валя. В апреле 1825 г. он брал отпуск для поездки за границу, а 17 июня вернулся на службу. 3 сентября 1825 г. по прошению иностранец был отставлен[3].

Вскоре Ф. И. Валь переехал в Смоленск, где стал работать вольнопрактикующим врачом[4]. В марте 1830 г. Ф. И. Валь вынужден был обратиться к витебскому, могилевскому, смоленскому и калужскому генерал-губернатору по поводу объявления гражданским генерал-штаб-доктором незаслуженного, по мнению Валя, ему выговора. Недовольство начальства было вызвано тем, что Ф. И. Валь, будучи вольнопрактикующим врачом, не явился на освидетельствование трупа. Валь объяснил свой поступок болезнью (простудил раненую ногу). Тем более что о болезни

---

1 Бутурлин М.Д. Записки графа М.Д. Бутурлина: в 2 томах / науч. ред. М.А. Полякова М.: Изд. дом «Любимая книга», 2006. Т. 2. С. 148.

2 Там же. С. 149.

3 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 253. Л. 2 об.– 3.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. 1830 г. Л. 7.

он предупредил Смоленскую врачебную управу. К тому же, как сообщал врач, он плохо знал русский язык, а потому не мог качественно провести дознание. Дело разрешилось в пользу Ф. И. Валя (хотя врачебная управа сообщила, что в день, назначенный для освидетельствования трупа, врач, несмотря на болезнь, выписывал рецепты[1] и даже ездил к больным[2]). Из–за плохого знания русского языка, признанного врачебной управой, Валь в дальнейшем был отстранен от подобных медицинских обследований[3]. Любопытно, что к моменту конфликта Ф. И. Валь жил в России уже 18 лет, тем не менее, не мог свободно говорить и писать по-русски[4].

Если квалифицированный медицинский персонал был востребован в спокойной обстановке провинциального города и села, то во время эпидемий нужда в нем оказывалась особенно острой. В ситуации, когда количество заболевших резко превышало норму, было важно остановить распространение болезни. Среди опасных эпидемических заболеваний XIX в. печальное лидерство удерживала холера. В 1830 г. она свирепствовала в приволжских и южных губерниях России. «Смоленская губерния и смежные с ней от востока, Благодарение Всевышнему, находятся совершенно в безопасном от холеры положении», — сообщалось в предписании витебского, могилевского, смоленского и калужского генерал-губернатора князя Н. Н. Хованского смоленскому гражданскому губернатору Н. И. Хмельницкому. Этот документ от 2 октября 1830 г. за № 4648 под названием «О предосторожностях противу болезни холеры» имел гриф «Весьма нужное»[5] и содержал рекомендации полиции, медицинским чиновникам, вольнопрактикующим врачам. Необходимо было следить за ситуацией и в случае обнаружения заразной болезни или холеры «(от чего Боже сохрани)… тотчас доносить о том высшему Начальству, как следует по порядку»[6]. Жители городов и сельской местности обязывались соблюдать «чистоту и опрятность, даже в самой одежде», «не употреблять в пищу

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. 1830 г. Л. 389 об.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. 1830 г. Л. 6.

3 Там же. Л. 9–11.

4 Там же. Л. 5 об.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. 1830 г. Л. 634.

6 Там же. Л. 634 об.– 635.

сырых плодов, как то: яблок, груш, слив, арбузов, дынь и грибов», рекомендовалось использовать их только в соленом или моченом виде[1]. По возвращении из столицы генерал-губернатор издал новое предписание «О предохранении себя от болезни и об очищении воздуха» от 6 октября 1830 г. за № 4754. В нем содержались «наставления» о профилактических мерах против холеры: соблюдение чистоты в помещениях и очищение воздуха «посредством хлориновой извести», раствора марганца и поваренной соли. При этом предписание содержало текст рецепта необходимых растворов, который следовало «напечатать немедленно в губернской типографии потребное количество экземпляров и разослать их по городам и уездам»[2]. Однако миновать холеры Смоленской губернии не удалось.

Летом 1831 г. Ф. И. Валь участвовал в ликвидации эпидемии холеры как в губернском городе, так и в Краснинском и Смоленском уездах. 4 сентября 1831 г. «за оказанные им усердие и успех при пользовании больных людей и за полезную готовность на помощь ближнему изъявленные им» врачу была объявлена письменная признательность губернатора, а также «изъявлена признательность начальства… с Высочайшего соизволения по удостоению Комитета Гг. Министров»[3].

В дальнейшем деятельность Валя не раз получала положительную оценку властей. «По приглашению управляющего Смоленской удельной конторой от 29 декабря 1832 г.» Франц Иванович в течение трех лет безвозмездно лечил государственных крестьян[4]. В благодарность за это врач был «Всемилостивейше» пожалован в 1833 г. бриллиантовым перстнем. В 1835 г. «по словесному поручению Г. Начальника губернии» с успехом лечил «от воспалительной и нервной горячки» более 300 крестьян помещика Аничкова в Смоленском уезде и справился с эпидемией[5]. В 1835, 1836 и 1838 гг. Валь занимался освидетельствованием рекрутов при губернском рекрутском присутствии[6].

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. 1830 г. Л. 635 об.– 636.

2 Там же. Л. 637–638.

3 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 253. Л. 2 об.– 4.

4 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 253. Л. 3 об.

5 Там же. Л. 4 об., 5 об.

6 Там же. Л. 5 об.

В формулярном списке этого врача был зафиксирован факт его мастерства как хирурга: он сделал успешную операцию по удалению раковой опухоли священнику г. Поречья Льву Еленеву. Тот в благодарность обратился к министру внутренних дел, прося обратить внимание «на искусство, человеколюбие и бескорыстие» Ф. И. Валя. 27 ноября 1841 г. «за сей похвальный подвиг» по приказанию министра внутренних дел Смоленской врачебной управой врачу была «изъявлена признательность»[1].

В фонде Смоленской врачебной управы сохранилась копия акта, составленного в августе 1848 г. жителями города Смоленска, «преисполненными чувствами истинной благодарности к вольнопрактикующему врачу Францу Ивановичу Валю, проживающему в Смоленске двадцать пять лет, за оказываемые в болезненных случаях всегда и всякому, не различая звания и состояния, пособия, и в особенности людям бедного состояния, а более того убедились в самоотвержении его во время поразившей город Смоленск смертынской холеры» (см. Приложение 11). В условиях эпидемии 1848 г. Валь помогал нуждающимся, «пренебрегая собственною опасностью и спокойствием во всякое время дня и ночи», причем оказывал помощь безотлагательно и безвозмездно, «и даже он самым бедным доставлял необходимые лекарства собственно от себя».

В акте были приведены и «прежние его подвиги»: в 1831 г., будучи вольнопрактикующим врачом, И. Ф. Валь во время эпидемии холеры помогал не только жителям города, но и «по отлучке уездного врача» выполнял его обязанности в Смоленском уезде. В документе упоминалась не только операция священнику Льву Еленеву но и недавняя, ко времени составления акта, успешная операция духовщинскому помещику князю Тенишеву. Как указывали авторы, Валь лишился двух сыновей, молодых офицеров, один из которых служил в Финляндском драгунском полку, а другой — инженером путей сообщения. «Эти молодые люди, единственная надежда при преклонных летах отца их, не имеющего никакого почти состояния, сражены смертию,— последний умер от холеры, находясь на службе в городе Ярославле; сведение о его смерти Г. Валь получил во время жесточайшего свирепствования в городе Смоленске холеры, и мы были свидетелями как Г. Валь, сраженный этою горестию не хотел оставить своих человеколюбивых занятий и, с опасностью собственной жизни,

---

[1] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 253. Л. 5 об., 6 об.

посещал всех тех, кто молил его о помощи»[1]. Авторы акта подтверждали свои собственные слова ссылкой на «значительных лиц в уездах, пользовавшихся его [Валя] пособиями» и просили губернатора включить информацию о действиях врача в доклад государю для награждения врача за человеколюбие[2].

Смоленский гражданский губернатор сделал соответствующий запрос о Ф. И. Вале в Смоленскую врачебную управу. В поступившем ответе от 4 ноября 1848 г. за № 1723 медицинские чиновники старались всячески принизить роль врача: о том, что Валь выполнял обязанности уездного врача во время эпидемии, им неизвестно; об успешных своих операциях Ф.И. Валь в управу не сообщал, потому она сведений не имеет. Из двух сыновей Ф.И. Валя один умер более года назад (как будто это уменьшает горе родителя), а другой, действительно, недавно во время эпидемии[3]. По мнению врачей управы, Ф. И. Валь лечил «пораженных холерою исключительно кровопусканием и каплями под названием противу холерных, незаключающими в себе во все этого достоинства»[4]. Вёл себя самоотверженно, не заботясь о собственном здоровье, но управа видела в этом исполнение «непременного и священного долга каждого медика»[5].

Мнение Смоленской врачебной управы заканчивалось пассажем о том, что управа, «имея в то время всю возможность следить за действиями и успехами врачей по участию их в прекращении эпидемии преимущественно в самом городе, не может согласится с Гг. подписавшимися в Акте»[6]. Документ, составленный управой, свидетельствует о том, что между Ф. И. Валем и губернским врачебным начальством были сложные отношения. Тем не менее обращение смолян было рассмотрено губернскими властями и, по представлению министра внутренних дел, 31 января 1849 г. ему была объявлена признательность начальства[7], ко-

---

1 ГАСО. Ф. 754. Оп. 2. Д. 59. Л. 4–4 об.

2 Там же. Л. 5.

3 Там же. Л. 3 об.

4 ГАСО. Ф. 754. Оп. 2. Д. 59. Л. 3 об.

5 Там же. Л. 6.

6 Там же. Л. 6 об.

7 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 253. Л. 6 об.– 7.

торую, по предложению начальника губернии от 12 февраля 1849 г. за № 1776, объявила Валю Смоленская врачебная управа[1].

6 ноября 1848 г. Франц Иванович был определен врачом в Смоленский детский приют. За труды на этом поприще Ф. И. Валь дважды (5 ноября 1849 г. и 13 января 1853 г.) удостаивался благоволения императрицы[2]. Высочайшим приказом по Министерству внутренних дел от 28 февраля 1853 г. за № 42 врач за выслугу лет был произведен в титулярные советники[3]. Сохранилось «клятвенное обещание» (присяга) врача Смоленского детского приюта Ф. И. Валя в связи с присвоением ему этого чина. Присяга была собственноручно подписана врачом и засвидетельствована чиновниками врачебной управы[4].

В формулярном списке Ф. И. Валя за 1853 г. есть сведения о его вероисповедании и семейном положении. Франц Иванович Валь, римско-католического вероисповедания, был женат дважды. От первого брака имел дочь Елизавету, родившуюся 6 августа 1816 г., протестантского вероисповедания. Во втором браке был женат на дочери коллежского асессора Столпакова, православного вероисповедания[5]. Следовательно, в семье Валя царила веротерпимость: сам католик, дочь протестантка, жена православная. Сыновья к моменту составления формулярного списка умерли. Известно, что один из них был лютеранином[6].

Из недвижимого имущества, отмеченного в формулярном списке Валя за 1853 г., упомянут «деревянный дом в Смоленске»[7]. В «Именных списках Смоленской городской думы для сбора с оценки обывательских домов,

---

1 ГАСО. Ф. 754. Оп. 2. Д. 59. Л. 9 об.

2 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 253. Л. 6 об.– 7, 7 об.– 8.

3 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 253. Л. 7 об.; Ф. 754. Оп. 2. Д. 88. Л. 2.

4 ГАСО. Ф. 754. Оп. 2. Д. 88. Л. 21.

5 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 253. Л. 2 об.– 3.

6 ГАСО. Ф. 754. Оп. 2. Д. 59. Л. 4 об. Один из сыновей Ф. И. Валя, Эдуард Валь, был учеником частного учебного заведения М. Петрушевского в Смоленске в 1838 г. В списке обучающихся указано, что Эдуард Валь, сын доктора, лютеранского вероисповедания, поступил в учебное заведение 19 марта 1837 г., платит за обучение 800 руб. в год, успехи и поведение хорошие (ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 289. Л. 2 об.). Но уже в списке за первую треть 1839 г. Эдуард Валь не значится (ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 289. Л. 12–14).

7 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 253. Л. 1 об.

состоящих в первой части города Смоленска» указан дом штаб-лекаря Валя. Любопытно, что в 1842, 1843, 1845 гг. он был оценен в 4000 руб.[1], а в 1847, 1848 гг.— в 1142 руб. 86 коп[2]. Следовательно, оставшись жителем первой (центральной) части города, Ф. И. Валю к 1847 г. пришлось сменить дом на более скромный.

Интересные детали о характере лекаря Франца Ивановича Валя содержат дневниковые записи о 1812 г. А. А. Лесли: «Доктор Валь — пленный французский фельдшер, оставшийся в Смоленске с 1812 года. Его все любят за его добрый и веселый характер»[3]. Вероятно, к Валю горожане настолько привыкли, что, зная о его прошлом военнопленного в 1812 г., считали, что и в Смоленске он остался сразу после военной кампании, хотя, судя по формулярному списку, это не так.

А. А. Лесли свидетельствовал о Ф. И. Вале: «Бедных он лечит даром, дает лекарство без денег; иным со своего стола посылает кушанья. А сам не имеет большого состояния, и вообще у него между достаточным дворянством небольшая практика, как он лечит сильными средствами; но иногда это спасает»[4]. Под «сильными средствами», вероятно, подразумевалось хирургическое вмешательство.

Возможно, первоначально Ф. И. Валь не брал плату, стараясь получить клиентуру как вольнопрактикующий доктор. Так поступали многие иностранные врачи из бывших военнопленных. Например, французский врач Дезире Фюзейе, оказавшись в уездном городе Спасске Казанской губернии, «принял решение лечить всех нуждающихся бесплатно. После того как были вылечены несколько больных, страдающих офтальмией и язвой, французский врач приобрел столь широкую известность, что к нему начали приезжать больные не только из Казанской, но и из соседней Симбирской губернии. <…> Несмотря на его твердое намерение не брать никакой платы за лечение, крестьяне несли ему яйца, масло, мед, уток, гусей, кур, которыми он делился с товарищами по плену. Мещане приносили холст, муку и т.п., а дворяне платили деньги. Фюзейе ничего не хотел брать, но помещики советовали ему не отказываться от подношений, так как люди

---

1 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 199. Л. 21 об.; Д. 218. Л. 17; Д. 262. Л. 34 об.

2 ГАСО. Ф.1260. Оп. 1. Д. 161. Л. 15; Д. 392. Л. 13 об.

3 Лесли в войне 1812 г.

4 Там же. С. 58.

были недовольны отказами, полагая, что врач не хочет их лечить»[1]. Видимо, также начав практику в новом для него городе без взимания строгой платы, чтобы приобрести клиентуру и хорошую репутацию среди смолян, Ф. И. Валь в дальнейшем этому правилу не изменил.

Н. А. Щеховской в своих записках «Воспоминания, мысли, признания человека, доживающего свой век смоленского дворянина», упоминая о своем рождении в 1836 г., рассказывает, что именно этому французскому медику обязан своим счастливым появлением на свет. Отец мемуариста, зная о приближении у жены трудных родов, «поскакал по ужаснейшей весенней дороге, гоня, как говорится, в хвост и в гриву, за пятьдесят верст, в город Смоленск, который ему вовсе не был знаком. Приехав ночью, он объездил квартиры нескольких врачей и одних не застал дома, а другие ни за какие деньги не соглашались ехать по такой дороге. Кто-то сказал отцу, что есть в городе еще один врач, француз по фамилии Валь. В квартире Валя сказали, что он поехал на званый вечер к Гедеоновым, и отец решился отправиться к ним, не будучи вовсе знаком с этим домом». Войдя в гостиную в грязном платье и узнав по описанию врача, мужчина объяснил причину своего неожиданного визита, и Валь тут же «с невозмутимым видом» поднялся и, узнав, что кроме ямской телеги ехать не на чем, «уже на улице проговорил: "ню, так ни люче на моих дрожках поедем". Роды прошли благополучно»[2].

Н. А. Щеховской оставил описание внешности французского доктора: «Валь был человек невообразимой толщины, с умнейшим и добродушнейшим, красным лицом»[3], «добродушный толстяк, обжора и весельчак»[4]. В дневниковых записях А. А. Лесли приведены некоторые шутки Валя: «Валь у всех спрашивает: "А фи слышали, што Паскевич конфузию получил?! Был при Силистрии — ничефо не снал, а приехал домой — и сказал: "Ах, конфузия!" Валь часто смешные анекдоты рассказывает

---

[1] Хомченко С. Н. Военнопленные армии Наполеона в Казанской губернии в 1812–1814 гг. // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы: материалы II Международной научной конференции (Бородино, 3–5 сентября 2007 г.) / сост. А. В. Горбунов. Можайск, 2008. С. 300–301.

[2] Щеховской Н. А. Воспоминания, мысли признания человека, доживающего свой век смоленского дворянина // Русская старина. 1895. № 6. С. 72.

[3] Там же.

[4] Там же.

и сам сочиняет разные рассказы смешные. Еще рассказывают: один инженерный путей сообщения подполковник приезжает к Валю и просит его пустить кровь.— “Зашем фам? фи сдароф!” — “Сегодня будет Клейнмихель: наверно, будет меня распекать. Я очень толст,— боюсь, не сделался бы удар”.— “Но штош он будет фам говорить?! Фи плут?! Мошенник?! Обокрали казну?! Но фи просит фашу жену фам почаще это говорить, и фи привыкните, и, когда Клейнмихель фам будет бранить, фи будете слушать и нишефо,— и фам не надо пускать кровь”»[1].

Нестяжательство, сострадание и веселый нрав, как у Валя,— сочетание качеств, которое встречалось не только у иностранных[2], но и у российских врачей. Так, в «Записках» графа М. Д. Бутурлина упоминается тарусский уездный доктор в Калужской губернии В. Я. Яковенко (умер в 1864 г.), который «приучил всех своих пациентов безразлично (в том числе и тех, что были с хорошим состоянием) к безвозмездной своей практике, так что это вредило не только его личным интересам, но впоследствии невыгодно отозвалось и на гонорарные отношения его преемников: упрек, равняющийся похвале. Паче всего любил он человечество, а затем свою науку. Пациент интересовал его как ближний, коему он желал оказывать посильную помощь, и как субъект, над которым представлялся случай проверить теоретические медицинские данные; а остальное (возмездие) как придется. Платят ему за визит, он принимает с благодарностью; не дают ничего, он и не заикнется и никогда из-за этого не перестанет навещать страждущего. А нуждающийся чиновничий и мещанский люд он снабжал даровыми от себя медикаментами, коими запасался в те времена, когда в Тарусе не было никакой вольной аптечки. Местные же самоварники-купчики расплачивались с ним (за редкими исключениями) съестными припасами, колониальными продуктами или товарами, входившими в круг их торговли <…> Оставляя в стороне профессиональные его достоинства, я скажу, что остроумием и всегдашним своим юмором он был душой общества… Когда медицинские средства не помогали больному, Виктор Яковлевич всячески старался развлечь тревожное его состояние смешными рассказами и прибаутками, и пациент при виде

---

[1] Лесли в войне 1812 г. С. 59.

[2] Вспомним знаменитого московского доктора Фридриха Иозефа, в русской транскрипции Федора Петровича Гааза (1780–1853).

веселого расположения духа своего доктора успокаивался мыслью, что состояние его здоровья не внушало никакой опасности»[1]. Похоже, что и шутки Ф. И. Валя играли роль психологической помощи больному.

Н. А. Щеховской передает в своих мемуарах рассказ о том, как Валь постоянно навещал больного, «разбитого параличом богача Хра–го», и видел, как заботливо ухаживала за ним его экономка из крепостных. Приехав в очередной раз, он застал больного уже в агонии, а сиделку — в слезах. «Валь преспокойно уселся в кресла; повернув к экономке свое толстое чрево и внимательно и долго разглядывая ее, он спросил: "о чем ты плячешь?" Экономка рассказала, что наследники уже давно стерегут смерть Хра–го, у которого есть большие деньги, и что ее выгонят ни с чем, тогда как старик всегда хотел оставить деньги ей, за ее заботы о нем, но не успел сделать завещания.— А где лежат деньги? — спросил Франц Иванович и, узнав, что они под подушкою, прехладнокровно запустил руку под изголовье умирающего, вытащил деньги и, отдавая экономке, сказал: "на, возьми, не плячь, я скажу, что их завсем не было". Экономка эта впоследствии вышла замуж, содержала кондитерскую и после смерти Валя рассказывала это всем»[2].

Характерно, что и Лесли, и Щеховской указывали на особенности произношения русских слов французом Ф. И. Валем, что свидетельствовало о сохранении у него акцента, несмотря на многолетнее пребывание в России. Известно, что Франц Иванович Валь принес присягу на верность Российской империи, в 1837 г. он был указан в списке принявших подданство, составленном в III Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии[3]. На столь важный шаг французский врач решился спустя 25 лет своей работы в России.

О том, что для смолян Ф. И. Валь стал «своим», свидетельствует эпитафия «Другу человечества», выполненная на гранитном памятнике на его могиле. Информация об этом указана в некрополе и подтверждена Н. А. Щеховским[4]. Удалось найти метрическую запись о смерти доктора

---

1 Бутурлин М. Д. Указ. соч. Т. 2. С. 139–140.

2 Щеховской Н. А. Указ соч. № 6. С. 73.

3 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 34 об.

4 Река времен. Книга истории и культуры. М.: Эллис Лак, 1996. Кн. 4. С. 51; Щеховской Н. А. Указ. соч. № 6. С. 72.

Валя[1]: врач Смоленского детского приюта, лекарь Франц Иванович Валь, римско-католического исповедания, 63 лет от роду, скончался 9 мая 1855 г. «с причащением Св. тайн»[2]. Тело врача было погребено настоятелем римско-католического костела на лютеранском кладбище в Смоленске 11 мая 1855 года[3]. Место захоронения было выбрано не случайно: первая жена и один из сыновей, умершие прежде Ф. И. Валя, являлись лютеранами. На страницах «Памятной книжки Смоленской губернии на 1855 год», в связи со смертью «всеми любимого и уважаемого врача», упоминалось, что «в течение долговременной практики (свыше сорока лет) он многим, многим оказал помощь своим искусством, и, можно сказать, вряд ли есть семейства, которые не были бы ему чем либо обязаны; всем бедным он не только помогал как врач, но и как истинный христианин, оказывал существенные пособия. За то кончину его горько оплакивали бедные и страждущие, тело его сопровождали все: и богач, и бедняк, и знатный и незнатный, с одним искренним сожалением о потере его… Мир праху твоему добрый человек… В благодарность, будет сооружен по подписке памятник на его могилу»[4].

Могила врача ныне утрачена. Смоленское лютеранское кладбище, находившееся в районе современной улицы Бакунина, не сохранилось до наших дней. Но осталась память о надписи на гранитном памятнике — «Другу человечества»… Это выражение появилось в эпоху античности по отношению к Прометею. В России в связи с известным высказыванием Н. М. Карамзина оно было адресовано Ж.-Ж. Руссо. Может быть, при упоминании провинциального лекаря пафос крылатой фразы «Amicus humani generis» не был столь явным, но остался глубинный смысл: задача настоящего доктора — прийти на помощь больному вне зависимости от его национальности, вероисповедания, пола, возраста, политических взглядов, материального положения. Миссия врача — помочь человеку,

---

[1] Авторы выражают благодарность сотрудникам Государственного архива Смоленской области, создавшим электронную базу для поиска персональных данных по метрическим книгам Смоленского римско-католического костела за 1835–1918 гг.

[2] ГАСО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 4 Запись № 17. Л. 87 об.

[3] Там же.

[4] Смоленские воспоминания 1855 года // Памятная книжка Смоленской губернии на 1855 год. Смоленск: Тип. губ. правления, 1855. Ч. II. С. 3.

в соответствии с этим постулатом и действовал Франц Иванович Валь, который работал в Смоленске многие годы.

Некоторые из его коллег приезжали в губернский город на короткий срок. Так, в июне 1838 г. газета «Смоленские губернские ведомости» сообщала своим читателям: «Число наших врачей умножилось; сюда приехал с своим семейством из Псковской губернии на всегдашнее жительство из иностранцев Доктор Медицины Сентимер, Врач не молодых лет, который обучался Медицине в Венском Университете в Австрии и в Париже и уже двадцать четыре года по экзамену имеет диплом Русского Доктора Медицины»[1]. Полное имя врача — Флориан Флорианов Сентимер. Это удалось узнать из его прошения, направленного в августе 1838 г. директору народных училищ Смоленской губернии с просьбой возвратить документы его сыновей Александра и Виктора[2].

В прошлом Флориан Сентимер (ок. 1786 — между 1836 и 1847) являлся военным врачом в наполеоновской армии и попал в русский плен в 1812 г., затем лечил раненых в госпиталях Орла. В 1814 г. он вступил в подданство России. За свою службу иностранец получил право на дворянство и в 1824 г. был внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги Московской губернии[3]. В 1821–1825 гг. он состоял при управлении округа Главного управления путей сообщения[4]. К моменту переезда в Смоленск Сентимер был уже известным вольнопрактикующим врачом в Москве. Он обращался к российскому правительству с просьбой о денежном пособии для издания его собственного сочинения

---

[1] Смоленские губернские ведомости. 1838. № 25 (27 июня). С. 124.

[2] ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 251. Л. 20.

[3] РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 2457. 1854 г. (Формулярный список Ф. Сантимера. 1824 г.); Оп. 51. Д. 251. 1784–1829 гг.; Д. 298. 1819–1822 гг. (Родословная книга Московской губернии).

[4] Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1821. Ч. 1. СПб., 1821. С. 904; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1822. Ч. 1. СПб., 1822. С. 718; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1823. Ч. 1. СПб., 1823. С. 740; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1825. Ч. 1. СПб., 1824. С. 772; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1825. Ч. 1. СПб., 1825. С. 765.

о холере[1]. В 1833 г. в университетской библиотеке в Москве вышла его работа «Еще нечто о холере»[2]. Позднее другое его сочинение вышло в свет на немецком языке в Лейпциге в 1836 г.[3] и было переиздано на русском языке под названием «Холера излечима!» только в 1872 г.[4]. Известно, что и дочь Ф. Сентимера, оставшись беспридданицей, довольно успешно занималась писательским трудом[5].

2 сентября 1838 г. Ф. Сентимеру поступило «лестное предложение» от директора училищ Смоленской губернии занять должность врача при благородном пансионе смоленской губернской мужской гимназии. Однако ссылаясь на домашние и хозяйственные обстоятельства и предполагая возможный переезд в другой город «для выгоднейшей практики», иностранный доктор отклонил это предложение[6] и вскоре покинул Смоленск.

Иностранные врачи в течение многих лет трудились в уездах Смоленской губернии. Так, в Ельнинском уезде в «Списке иностранцев» от 2 февраля 1814 г. указан австриец Ефрем Готлиб Фриденталь, родом из Вены. Этот доктор прибыл в Россию еще в 1804 г. и подтвердил свой диплом в Санкт-Петербургской медицинской академии[7]. Жители двух уездных городов Смоленщины сумели оценить подготовку немецкого штаб-лекаря Франца Ивановича Гордто. Он «в течение 20 лет работал в Хозяйственном правлении Императорской медико-хирургической академии, в 1830 г. был переведен по собственному желанию в Рославль, а в 1831 г.— в Сычевку на должность уездного врача»[8]. Затем он состоял

---

1 Макарова Н. В. Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I. М.: Экон-информ, 2012. С. 248.

2 Сентимер Ф. Еще нечто о холере. М.: Университ. типография, 1833. 28 с.

3 Евсеева М. К. Сентимер, Сентимерова Елизавета Флориановна (ок. 1817 – не ранее 1890) // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая рос. энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 580.

4 Сентимер Ф. Холера излечима! Сочинение д–ра медицины Флориана Сентимера, для врачей и не для врачей. Киев, 1872. 18 с.

5 Евсеева М. К. Указ. соч. С. 580–581.

6 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 261. Л. 6.

7 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 72.

8 Никитина Н. В. Становление системы здравоохранения в российской провинции

оператором в Смоленской врачебной управе и 18 мая 1840 г. Именным Высочайшим указом, данным Правительствующему сенату, получил за выслугу лет чин коллежского советника[1].

В Поречье городовым врачом много лет работал иностранец Александр Францев Селю, выпускник Московского университета 1823 г., сдавший экзамен на степень лекаря 1-го отделения. К этому разряду относились «Докторы Медицины и Хирургии или Лекари, знающие Анатомию, Физиологию, Патологию, Терапию, Хирургию, Материю Медику, Ботанику, химию, Физику, повивальное искуство и Судебную Медицину, и занимавшиеся уже как лечением внутренних болезней, так и производством Хирургических операций»[2], то есть это были врачи-универсалы. Селю служил в Московском госпитале, а затем при Белевском пехотном полку. Работал врачом в условиях боевых действий в 1831 г. во время подавления польского восстания. В 1833 г. А. Ф. Селю получил чин коллежского асессора, занимая должность поречского городового врача[3]. Он исполнял свои обязанности в Поречье до конца своих дней в августе 1858 г.[4], о чем свидетельствуют документы канцелярии смоленского губернатора.

Рославльским городовым врачом более десяти лет (1849–1860) служил бывший баденский подданный Август Иванович Дурлахер (ок. 1778 – после 1860). Будучи выпускником медицинского факультета Гейдельбергского университета, он получил право быть вольнопрактикующим врачом и акушером. 19 января 1846 г. Дурлахер успешно сдал экзамен в Московской медико-хирургической академии, а 21 сентября 1849 г. был принят на должность городового врача в Рославле[5]. Этому событию предшествовало принесение Дурлахером присяги на верность России в Черниговском губернском правлении 23 марта 1849 г.[6]. Известно, что

XVIII – первой половины XIX вв. (по материалам Смоленской губернии) // Смоленский медицинский альманах. 2015. № 3. С. 42.

[1] О награждении чином // Смоленские губернские ведомости. 1840. 19 августа (№ 34). Часть официальная. С. 182.

[2] ПСЗ-1. Т. XXXII. № 25508.

[3] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1981. Л. 1–13.

[4] ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 68. 1859 г. Л. 1.

[5] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 664. Л. 4–5.

[6] Там же. Л. 1 об.

в Рославле Август Иванович Дурлахер в 1856–1860 гг. был также врачом и в уездном духовном училище. Настоятель Спасского монастыря, штатный смотритель духовного училища игумен Аркадий свидетельствовал, что этот врач «дает за свой счет лекарства ученикам училища»[1].

В Рославльском уезде в собственном имении с детьми жил находившийся уже в отставке коллежский асессор, иностранный врач Богдан Иванович Штриттер[2]. К 1840 г.— к моменту, когда он принес присягу на верность России, ему было 54 года. Из ведомости о принятии им российского подданства известно, что Б. И. Штриттер — уроженец Нассау, в 1808 г. окончил Вюрцбургский университет в Баварии, затем служил лекарем в Симбирском гренадерском полку. Супруга Штриттера «капитанская дочь Наталья Михайлова Полтева» умерла к 1840 г., оставив мужа с 4 сыновьями и 2 дочерьми, православного вероисповедания. После принятия подданства Штриттер был причислен «к дворянству Смоленской губернии по Рославльскому уезду»[3], тем самым он обеспечивал детям принадлежность к дворянскому сословию. Вероятно, Штриттер хорошо владел русским языком, о чем свидетельствует уверенная подпись в ведомости[4]. В январе 1845 г. отставной штаб-лекарь «Штритер Богдан Иванов» указан в списке врачей-дворян, составленном Смоленской врачебной управой[5].

В своих «Записках» помещица имения Щелканово Краснинского уезда Смоленской губернии А. И. Колечицкая упоминает о знакомстве со швейцарским врачом Мандилени (Mandileny). С ним мемуаристка познакомилась благодаря семейству Пелагеи Ивановны Малашевой, жившей в Коханове близ Черепово Рославльского уезда. О швейцарце Мандилени А. И. Колечицкая отзывалась восторженно: «премилый молодой доктор… воспитанник знаменитого Песталоцци (известный

---

1 Никитина Н. В. Развитие просвещения и культуры в российской провинции в конце XVIII – первой половине XIX вв.: на материалах Западного региона России: дис. …канд. истор. наук. Брянск, 2006. С. 207–208 (со ссылкой: ГАСО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 9. 1860 г. Л. 21 об.— 25 об.).

2 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 264.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. 1840 г. Л. 77.

4 Там же.

5 Юденич И. Эпитафия Евстафию. Вяземские врачи Юденич и Филонов // Край Смоленский. 2019. № 1. С. 13.

швейцарский педагог.— *А.Т., О.К.*): искусный врач по совершенно новой методе, приводящей в ужас привыкших к шарлатанству здешних докторов, которые и на сахарную воду — пожалуй — пропишут рецепт в аптеку; но я верю Mandileny, показавшему свое искусство в болезни моей маменьки и моей Анни (дочери А. И. Колечицкой.— *А.Т., О.К.*)»[1]. В 1821–1822 гг. этот доктор жил в Черепово, несколько его писем из этого имения опубликовал А. М. Ремизов[2]. Известно, что с 1823 г. этот врач с женой Анной жил в Москве[3], где уже в конце 1820-х гг. имел собственный дом в первом квартале Арбатской части города.

Удалось выяснить, что Людвиг Мандилени (1788–1860), уроженец Фрибурга (Швейцария), окончил медицинский факультет Парижского университета, где в 1820 г. защитил диссертацию «Сохранение здоровья военных» (Conservation de la santé les gens de guerre), а его «новая метода» — ортопедия[4]. Положение Комитета министров «О дозволении лекарю Мандилени учредить в Москве Ортопедическое и Гимнастическое заведение» получило Высочайшее утверждение 17 декабря 1829 г. Это нововведение было признано «полезным»[5]. Большую статью под названием «Ортопедический институт» поместил Н. А. Полевой в своем журнале «Московский телеграф». Автор статьи отмечал большой практический опыт Мандилени в России и упоминал его путешествие по Европе, в ходе которого доктор «посетил Ортопедические Институты Любекские, Берлинские, Вюрцбургские, Парижские и Лионские; входил в подробные совещания с врачами всех сих мест, и со многими отцами семейств, коих дети и родственники были пользуемы в Ортопедических Институтах. Сими средствами мог он, вполне и подробно, узнать все полезные средства Ортопедии в настоящем

---

1 Колечицкая А. И. Мои записки от 1820-го года / публ. Е. Э. Ляминой и Е. Е. Пастернак // Лица: Биографический альманах. Вып. 6. М.— СПб.: Феникс; Athenium, 1995. С. 303–304.

2 Ремизов А. М. Россия в письмах. Жичливая жена. Письма 1783–1835 гг. // В год войны. Пг., 1915. С. 71–75.

3 Колечицкая А. И. Указ. соч. С. 331.

4 Подробнее о Л. Мандилени см.: Тихонова А.В. Его талант врача первыми оценили смоляне: швейцарский доктор в России Л. Мандилени (1788–1860)// Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4. С. 304–323.

5 ПСЗ-2. № 3347.

ея состоянии»[1]. Заведение Мандилени было открыто в Москве 1 мая 1830 г. Читателей заверяли, что здесь пациенты смогут получить как медикаментозное лечение, так и физическую нагрузку, необходимую для исправления патологии. Ортопедический институт имел специальные кровати, физические тренажеры, оборудование для проведения лечебных ванн и массажа. Так как лечение было длительным, предусматривалась даже возможность обучения (в зависимости от хода лечения) Закону Божьему, русскому и французскому языкам, географии и истории[2].

12 ноября 1830 г. генерал-губернатор витебский, могилевский, смоленский и калужский князь Н. Н. Хованский писал смоленскому губернатору Н. И. Хмельницкому об открытии в Москве Ортопедического института доктора Мандилени. Генерал-губернатор просил «сделать об оном известным дворянство и другие сословия Смоленской губернии… не пожелает кто, если имеет надобность, воспользоваться преподаваемым средством к врачеванию телесных недостатков»[3].

Показателем успеха швейцарского доктора стало одобрение начальником военно-учебных заведений идеи ввести в 1832 г. в подведомственных ему учреждениях «гимнастику не в виде простой забавы, но в виде науки, долженствующей развивать и укреплять телесные силы воспитанников»[4]. Учителем гимнастики был назначен швед Паули, который «для опыта» отобрал в Московском кадетском корпусе 16 воспитанников и отправился с ними именно «в Московское ортопедическое заведение доктора Манделини для образования их в оном в виде помощников учителей гимнастики. С этого времени Паули были зачислен в Лицей (Царскосельский лицей.— *А.Т., О.К.*) учителем, но действительные его занятия начались только с 1835 года»[5].

Ортопедическое заведение Мандилени располагалось в Москве в усадьбе Ивашевых, оно продолжало работать до 1843 г. Затем в этом здании была устроена Полицейская больница, созданная по предложению зна-

---

1 Московский телеграф, издаваемый Н. Полевым. Ч. 33. № 12. М., 1830. С. 7.

2 Там же. С. 16–17.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. 1830 г. Л. 710.

4 Селезнев И. Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1861. С. 375.

5 Там же.

менитого доктора Федора Петровича Гааза, где он и трудился до конца своих дней. Ныне в здании по адресу: Москва, Малый Казенный пер., д. 5 — находится НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков[1].

Известно также, что доктор Лев Яковлевич Мадилени состоял «московским членом» Российского общества врачебных и физических наук в 1829–1833 гг.[2]. Признанием заслуг врача стало получение им прав дворянского достоинства и внесение иностранца в III часть дворянской родословной книги Московской губернии в 1840 г.[3]. Так что можно смело утверждать, что смоленская помещица одной из первых разглядела в молодом иностранном докторе будущую знаменитость и предположила, что его «метода» имеет хорошие перспективы.

Не только среди докторов, но и среди смоленских аптекарей были иностранцы. Еще в 1774 г. приехал в Россию уроженец Данцига «Мануйла Богданов сын Шеио», который в ходе «разбора иностранцев», проводившегося в 1813 г., упоминался вместе с женой Катериной и тремя детьми. Шеио сначала служил аптекарем в смоленской казенной аптеке, а после отставки был вольным аптекарем и имел аптеку в собственном доме в Смоленске[4]. В 1813 г. в смоленской вольной аптеке подаптекарем служил выходец из Саксонии, уроженец города Эссена «Данила Егоров сын Шлосиер», поселившийся в России с 1807 г.[5]. Швед Федор Федорович Кревс, уроженец города Стремсунда, приехавший в Россию в 1805 г., в 1813 г. указан подаптекарем в каменном полевом магазине в Смоленске[6].

С 1820-х гг. смоленским аптекарем служил прусский подданный Емануил Мего[7], затем владелицей вольной аптеки в губернском городе стала его вдова

---

[1] Подъяпольская М. Усадьба Нарышкиных–Александровская больница. URL: https://um.mos.ru/houses/usadba–naryshkinykh–aleksandrovskaya–bolnitsa/ (дата обращения: 03.01.2018).

[2] Месяцесловов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова… СПб., 1829. Ч. 1. С. 521; Там же. СПб.,1833. Ч. 1. С. 479.

[3] РГИА. Ф. 1343. Оп. 51 Д. 350. URL: http://www.fgurgia.ru/old/showObject.do?object=27935036 (дата обращения: 03.01.2018).

[4] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 20 об., 21.

[5] Там же. Л. 21 об., 19.

[6] Там же.

[7] РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 734. Л. 25.

Екатерина Ивановна Мего[1], а с 1846 г. после ее смерти наследником стал ее сын Александр[2]. Он родился в Смоленске, имел российское подданство и продолжал семейное дело, владея смоленской вольной аптекой. Кроме того, в 1850 г. А. Мего указан аптекарем смоленского тюремного замка[3]. В метрической записи о смерти 56-летнего Александра Мего, наступившей 21 февраля 1857 г. и зафиксированной пастором Смоленской лютеранской церкви в метрической книге, он также указан провизором аптеки в Смоленске[4].

Судя по именам, лица иностранного происхождения, но уже подданные России, служили провизорами в уездных аптеках Смоленской губернии в 1830–1850-е гг.: Людвиг Богданович Барт[5], Эдуард Карлов Гофман[6], Федор Иванович Гуммель[7], Роберт Иордан и Людвиг Людвигович Пуле[8] и др.

Из повивальных бабок (акушерок), работавших в Смоленской губернии, иностранкой была Каролина Федоровна Штелер, дочь капитана прусской службы. Она окончила «курсы искусства повивального мастерства в Императорском Виленском университете» и сдала экзамен, получив 18 ноября 1827 г. соответствующий аттестат[9]. С этого времени она служила в Ельне, а при своем увольнении, по собственному прошению, получила из Смоленской врачебной управы аттестат от 26 июля 1841 г., свидетельствующий о том, что «при нахождении ее на службе при хорошем поведении исполняла свою должность с усердием»[10]. На выдачу такого документа не

---

[1] Видимо, аптека приносила хороший доход, так как в 1825 г. аптекарша Екатерина Мего имела в 3-й части Смоленска два дома: деревянный, оцениваемый в 1 тыс. руб. асс. и каменный – в 10 тыс. руб. ассигнациями (ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 71. 1825 г. Л. 20 об.). В 1837 г. каменный дом в 1-й части Смоленска, принадлежавший Е. И. Мего, был оценен предположительно как приносящий чистого дохода в год 3500 руб.

[2] Будни старого Смоленска. 1929–1837 годы. С. 705. Оценка дома «аптекарши Екатерины Мего» в 1-й части Смоленска в 1846 г. составила 7142 руб. (ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 329. Л. 10).

[3] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 1391.

[4] ГАСО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 13. Л. 25 об.– 26.

[5] ГАСО. Ф. 754. Оп. 2. Д. 16. 1837 г. Л. 1–3.

[6] ГАСО. Ф. 754. Оп. 2. Д. 64. 1849 г. Л. 1–8.

[7] ГАСО. Ф. 754. Оп. 2. Д. 126. 1862 г. Л. 4–6.

[8] ГАСО. Ф. 754. Оп. 1. Д. 431. 1858 г. Л. 1–17.

[9] ГАСО. Ф. 754. Оп. 1. Д. 148. 1841 г. Л. 6

[10] ГАСО. Ф. 754. Оп. 1. Д. 148. 1841 г. Л. 6 об.

повлияло событие, произошедшее с Каролиной Штелер в 1831 г., когда иностранке было 25 лет. Инцидент не касался ее профессиональных качеств, но мог серьезно повлиять на ее дальнейшую судьбу[1].

Дело в том, что тогда Каролина Штеллер признавалась: в ходе ссоры с женой живописца Федотова[2] «выведенная ругательствами над поляками (имеется в виду восстание 1830–1831 гг.— *А.Т., О.К.*) и ею из терпения, в пылу гнева, не помня самую себя, … имела безумие сказать, что не любит ни русских, ни русского Государя». Эти «безрассудные слова» стали известны местному начальству и были донесены III Отделению Собственной Е.И.В. канцелярии. С иностранкой следовало поступить «по всей строгости законов» как с преступницей, оскорбившей императора[3]. Каролина Штелер обратилась с прошением к Николаю I, «чистосердечно» выражая «искреннее раскаяние» и умоляя простить ей дерзость. Российский государь проявил великодушие. Его собственноручная резолюция гласила: «Велеть оставить, прекратив дело»[4] (см. Приложение 12).

Ветеринарией в Смоленской губернии ведал иностранец — Константин Адамович Фрост. Он с отличием окончил Санкт-Петербургскую медицинскую академию (причем в числе казенных воспитанников) и был утвержден ветеринарным лекарем 1-го отделения. 14 мая 1836 г. Фрост занял должность смоленского ветеринарного врача, а с 1 января 1837 г.— старшего губернского ветеринарного врача. К 16 февраля 1849 г. К. А. Фрост был награжден чином коллежского асессора, дававшим право на дворянство[5]. Свою должность врач занимал вплоть до 1867 г.[6].

Кстати, практиковали на Смоленщине и врачи модного для начала XIX в. направления — «магнетизеры» (гипнотизеры), последователи учения Франца Антона Месмера (1734–1815) о «животном магнетизме». Согласно этой тео-

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. 1831 г. Л. 488–488 об.

2 О художнике и его семье см: Иванов М., Степченков Л. «Живописец свободного звания». Материалы к биографии А. М. Федотова // Край Смоленский. 2019. № 1. С. 3–10.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. 1831 г. Л. 489.

4 Там же. Л. 489 об.

5 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 2401. Л. 1–28.

6 ГАСО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 211. 1860 г. Л. 3–3 об.; Памятная книжка Смоленской губернии на 1861 год. Смоленск, 1861. Ч. I. С. 17; Памятная книжка Смоленской губернии на 1862 год. Смоленск, 1862. Ч. I. С. 13; Памятная книжка Смоленской губернии на 1863 год. Смоленск, 1863. Ч. I. С. 15; Памятная книжка Смоленской губернии на 1867 год. Смоленск, 1867. Ч. I. С. 132.

рии, «животный или «жизненный» магнетизм (флюид) может передаваться на любые живые и неживые объекты, действовать на любых расстояниях, может накапливаться или усиливаться за счет зеркал или звука. По мнению Месмера, неравномерное распределение флюида в организме вызывает болезни, а добиваясь гармонического перераспределения флюида, можно излечить болезнь. Магнетизеры предполагали, что в состоянии магнетического сна или транса некоторые люди могут предвидеть будущее и прозревать далекое прошлое, способны видеть внутренние органы — как свои, так и других людей, распознавать болезни, определять средства лечения и тому подобное»[1].

В своих воспоминаниях «Черты старинного дворянского быта» смоленская помещица М. С. Николева упоминает о том, что владелица имения Богодилово близ города Ельни Варвара Сергеевна Салтыкова, страдая ревматизмом, никуда не выезжала, а лекарем ее был «магнетизёр Шульц приобретший в то время известность»[2]. Возможно, речь идет о докторе медицины, главном штаб-лекаре московской полиции из лифляндских немцев Антоне-Отто-Леопольде фон Шульце, который был сторонником данной теории и в одной из публикаций высоко оценивал практику витебского медика, оператора и инспектора Витебской врачебной управы Карла-Филиппа Врангеля (на русский манер Карла Ивановича) фон Гюбенталя (1786?–1858). Этот витебский врач родился в России в немецкой семье, он с успехом применял психотерапию в 1817–1821 гг.[3]. Саму же теорию Месмера к середине XIX в. признали лженаукой под влиянием успехов физики в изучении природы электромагнетизма[4].

В случае, когда за лечение брались псевдо-медики, на страже здоровья был закон. Именной указ Николая I, объявленный 6 декабря 1827 г. управляющему Министерством внутренних дел санкт-петербургским военным генерал-губернатором, красноречиво назывался «О высылке Прусского

---

1 Шишанов В. А. К библиографии публикаций Карла Гюбенталя и о нем // Віцебскі край: матэрыялы II Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 385-годдзю выхаду ў свет «Буквара» Спірыдона Собаля, 24 лістапада 2016 г., Віцебск / гал. рэд. Т. М. Адамян. Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2017. Т. 2. С. 127.

2 Николева М. С. Черты старинного дворянского быта // Русский архив. 1893. Кн. 10. С. 165.

3 Шишанов В. А. Указ. соч. С. 127.

4 Там же. С. 128.

подданного Дитриха, выдающего себя за врача, как обманщика, за границу, и о поступании впредь таким же образом при подобных случаях»[1].

Последние встречались и на Смоленщине: в 1831 г. Смоленская врачебная управа уведомила губернатора, что в Духовщинском уезде проживает подпоручик Николай Прейс, который «выдает себя за вольнопрактикующего медика и не имея на то никакого права занимается зловредным лечением людей». Начальник губернии 14 августа 1831 г. дал необходимые предписания духовщинскому исправнику: «отыскав непременно помянутого шарлатана Прейса выслать его в здешнюю врачебную управу для поступления с ним по законам и … о последующем донести»[2]. Нашли ли такового или он успел покинуть Смоленщину, осталось неизвестным.

Для первой половины XIX в. врачи-иностранцы в российской провинции — явление привычное, однако уже в 1850-е гг. правительство при принятии иностранных профессионалов на службу выдвигает следующие обязательные требования: не только сдачу экзамена в Медико-хирургической академии или в одном из российских университетов, но и обязательное знание русского языка. В дальнейшем, в силу трудности выполнения этого требования, произошло сокращение числа врачей-иностранцев в Российской империи. С другой стороны, в случае прохождения испытания и поступления на российскую службу иностранные врачи в дальнейшем были заинтересованы в принятии российского подданства.

ДЕТАЛИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Из журнала исходящих бумаг Канцелярии смоленского губернатора от 10 октября 1825 г. за № 7857: предписание «Ельнинскому Земскому Суду.

Препровождая… на пребывание два билета за подписом моим 1-й, Великобританскому подданному уроженцу гор. Эксетера дворянину Дункин Макгрегору за № 148, а вторый Британскому подданному уроженцу из С. Петербурга купеческому сыну Докоп-Беллю за № 147. Предписываю выдать им таковые, кои имеют пребывание Ельнинского уезда у вдовы генерал-майорши Г-жи Пасиковой».

---

[1] ПСЗ-2. Т. II. № 1601.

[2] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. 1831 г. Л. 820.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. 1825 г. Л. 471 об.

Из предписания генерал-губернатора Витебского, Могилевского, Смоленского и Калужского князя Н. Н. Хованского состоящему в должности смоленского гражданского губернатора от 18 мая 1829 г. за № 2588: довести до сведения «жительствующего Ельнинскаго уезда в имении князя Долгорукова саксонскаго подданнаго Карла Бетхера», который обращался с прошением к Министру внутренних дел «о принятии сына его Константина в военно-сиротский дом или Морской кадетский корпус, в возмездие за спасение утопавшего в озере крестьянского мальчика Ефима», что просьба иностранца отклонена. Причиной такого решения стало следующее обстоятельство: это «произшествие случилось тому около двух лет, и …о человеколюбивом поступке сына иностранца Бетхера не было со стороны местного губернского начальства доведено в свое время до сведения Министра Внутренних дел; то… ныне за силою Высочайшаго повеления, 15 Декабря 1828 года состоявшегося», вопрос не может быть решен «в пользу иностранца Бетхера».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. 1829 г. Л. 324–325.

В журнале исходящих бумаг из канцелярии смоленского гражданского губернатора от 3 июня 1829 г. за № 7634 указано отношение Литовско-Виленскому губернатору о выдаче билета «сего числа № 696 на проезд в Вильно прусскому подданному чистелю бумажных материй Фридриху Кулле прибывшему в Россию в 1819 году».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1829 г. Л. 8 об.

В журнале исходящих бумаг из канцелярии смоленского гражданского губернатора от 21 октября 1829 г. за № 12492 указано обращение к Смоленскому епископу с просьбой выслать билет иностранца, хранящийся в консистории, по указу которой «священником тамошнего села Старыгина в прошлом июле приведен на верность подданства России иностранец Прокопий Виттак». Билет требуется «для доставления III-му Отделению Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии подробных сведений об иностранцах принявших подданство России».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1829 г. Л. 889 об.

Из отношения министра внутренних дел Закревского смоленскому гражданскому губернатору Н. И. Хмельницкому от 28 июня 1830 г. за № 2908 известно о просьбе французского поверенного навести справки о Жане Батисте Гиларии Брюделе (Jean Baptiste Helaire Brudelle), бывшем сержанте 15-й роты 1-го пехотного артиллерийского полка из 8-го корпуса Великой армии. «Во время отступления французских войск в 1812 году, остался в Смоленске, и, как говорят, получил позволение завести там школу взаимного обучения. С тех пор семейство Брюделя не имеет о нем никакого известия». Министр поручал губернатору «сделать удовлетворение домогательства Французскаго повереннаго в делах, надлежащие распоряжения, и о последствиях донести».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. 1830 г. Л. 603–603 об.

В журнале исходящих бумаг из канцелярии смоленского гражданского губернатора от 17 марта 1831 г. за № 3045 указано предписание Вяземскому земскому суду о выдаче билета по принадлежности и с распиской. Сам билет «Великобританскому подданному берейтору Карла Фридриха Джону Котцу … для свободного проезда в город Москву» был отправлен в суд вместе с этим предписанием. Тем же числом предписание ***№ 3046*** Дорогобужскому земскому суду о выдаче билета на пребывание в уезде «швейцарскому уроженцу, гувернеру Луи Давыду Денушелю».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. 1831 г. Л. 343.

В журнале исходящих бумаг из канцелярии смоленского гражданского губернатора от 19 июня 1831 г. за № 6832 указано предписание Дорогобужскому земскому суду о выдаче билета по принадлежности. Сам «билет французскаго подданнаго студента Карла Фридриха Марконети на свободное в Смоленской губернии по 12 число декабря пребывание» был отправлен в суд вместе с этим предписанием.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. 1831 г. Л. 51 об.

В журнале исходящих бумаг из канцелярии смоленского гражданского губернатора от 27 июля 1831 г. за № 7840 указано отно-

шение к управляющему Смоленской удельной конторы «поспешить с доставлением …сведения… о турецком уроженце Павле Дмитриеве, причисленном на приводе к присяге на верность подданства России к удельным Верховскаго приказа крестьянам».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. 1831 г. Л. 203 об.

В журнале исходящих бумаг из канцелярии смоленского гражданского губернатора от 17 августа 1831 г. за № 8466 указано предписание Бельскому земскому суду о выдаче билета «на свободное пребывание» в уезде «прусскому подданному садовнику Карлу Швейну» с распиской. Сам билет препровожден вместе с предписанием.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. 1831 г. Л. 272.

В журнале исходящих бумаг из канцелярии смоленского гражданского губернатора от 19 августа 1831 г. за № 8521 указано предписание Сычевскому земскому суду о выдаче билета на свободный проезд в г. Москву «гражданину шведскому подданному Иоганну Рейсу». Сам билет препровожден вместе с предписанием.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. 1831 г. Л. 283 об.

В журнале исходящих бумаг из канцелярии смоленского гражданского губернатора от 15 сентября 1831 г. за № 9822 указано отношение директору Департамента мануфактур и внутренней торговли Я. А. Дружинину. Ему сообщалось о полученном членом Смоленского мануфактурного комитета генерал-майором Апухтиным согласии санкт-петербургского кожевенного заводчика иностранца Гинтера «принять безплатно на пять лет до шести человек учеников из Смоленских мещан, от 16-ти до 17-ти летняго возраста.

В следствие сего Комитет пользуясь столь полезным случаем улучшить выработку здешних кожевенных изделий, поручал члену своему Градскому Главе обратиться с предписанием к Здешним Гражданам с тем не пожелает ли кто из них воспользоваться благосклонным вызовом Гинтера, и как таковых желающих нашлось уже шесть человек, то я покорнейше прошу Ваше пре-во оказать Комитету Благослонное Ваше содействие в сем деле и приказав

объявить о том Гинтеру почтить меня уведомлением, о его ответе, дабы к отправлению на его заведение означенных таковых людей можно было сделать основательное распоряжение».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. 1831 г. Л. 420.

В журнале исходящих бумаг из канцелярии смоленского гражданского губернатора от 30 октября 1831 г. за № 11411 указано уведомление Конторе московской сенатской типографии о препровождении 3 руб. для троекратной публикации в «Ведомостях» о том, что проживающий в Сычевском уезде Смоленской губернии «Ганноверский уроженец Егерь Костан Гофман, отъезжает Саксонской нации в г. Дрезден».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. 1831 г. Л. 594.

Из ведомости о принятии присяги на верность России от 4 октября 1831 г. полковника 8-й артиллерийской бригады графа Виктора Ивановича де Шамборанта, причисленного к дворянству Санкт-Петербургской губернии. Он родился «в Орденском Департаменте в городе Мугоне во Франции» и «в 1793-м году прибыл в Россию с его отцем с каким пашпортом упомнить не может». На момент принятия присяги В.И. де Шамборант был женат и имел детей: сыновей Виктора и Николая, дочерей Александру и Екатерину.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. 1831 г. Л. 11.

В журнале исходящих бумаг из канцелярии смоленского гражданского губернатора от 16 ноября 1831 г. за № 11946 указано предписание Смоленскому земскому суду о выдаче билета «на свободное пребывание» в уезде «великобрианскому подданному, дворянину Виллиаму Найти» с распиской. Сам билет препровожден вместе с предписанием.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. 1831 г. Л. 688.

«ПОСВЯЩАЮЩИЕ СЕБЯ ВОСПИТАНИЮ ЮНОШЕСТВА»

Иностранные учителя и гувернеры в провинции, как и врачи, не были редкостью. Их авторитет поддерживался самим фактом приглашения к наследникам престола и великим князьям иностранцев в качестве педагогов и воспитателей. Однако деятельность иностранных наставников в России после военной кампании 1812 г. стараются взять под государственный контроль: с них начинают требовать письменные свидетельства о способностях и знаниях, которые выдавались им училищным начальством конкретной губернии[1].

По-прежнему распространенным явлением было наличие в усадьбах русских сановников камердинеров, компаньонов, садовников, егерей и, конечно, учителей из числа иностранных подданных. Так, в имении Дугино Сычевского уезда у графа Никиты Петровича Панина в январе 1814 г. проживали: домашняя учительница, подданная Швейцарии Мария Сестие; воспитатель, ганноверский уроженец Иван Егорович Фогель; дядька при сыне Н. П. Панина, швед Иван Рейс; егерь, австриец Иван Краутель с женой; садовник, англичанин Яков Макгель[2] и камердинер, представитель Пруссии Федор Колбе[3].

О швейцарской учительнице Марии Сестие граф писал смоленскому гражданскому губернатору барону К. И. Ашу: «Г-жа Сестия находящаяся при воспитании дочерей моих принадлежит к числу тех нещастных кои насильственно порабощены французскому правительству. Она родилась в бывшей Женевской республике. … Я покорнейше и убедительнейше вас прошу снабдить ее пашпортом на неограниченное время буде возможно, в противном же случае хотя на один год с позволением переезда из одной губернии в другую при детях моих. Сие снисхождение тем менее кажется

---

[1] Первоначально свидетельство было бесплатным, с 1823 г. вводилась плата в размере 50 руб., поступавшая в казну в пользу Приказа общественного призрения, (Солодянкина О. Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). М.: Academia, 2007. С. 61).

[2] Прежде читался Манеель. В копии аттестата английский садовник именуется Яковом Мак Гилем (ГАСО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 2497. Л. 6).

[3] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 44.

затруднительным что Г-жа Сестие честностью своею заслужила полную мою доверенность и что я охотно за нее поручаюсь буде сие востребуется»[1].

Сама М. Сестие в прошении смоленскому губернатору указывала, что имела паспорт из Женевы 1804 г., «явленный и записанный в Риге и Москве», благодаря чему и получала билеты на жительство в России. В частности, она сообщала: «В 1813 году я бы исходатайствовала билет в упомянутом [Московском] правлении, но оно еще не было восстановлено». К письму прилагалась копия свидетельства, подписанного директором училищ Московской губернии и двумя старшими учителями гимназии от 19 июля 1812 г. за № 483, о том, что по результатам испытания во французском языке в Московской губернской гимназии «оказалось, что она [Сестие] знает означенный язык по правилам грамматическим»[2]. 19 января 1815 г. швейцарская учительница, по позволению управляющего Министерством полиции, получила вид, дающий ей право «сопутствовать Господину действительному Тайному Советнику Графу Панину в проездах чрез разные губернии»[3]. Известно, что Мария Сестие и в 1816 г. проживала в Дугино, занимаясь воспитанием дочери графа[4]. Позже швейцарка выезжала на родину, но вновь возвращалась в Россию: согласно алфавитному списку Особенной канцелярии Министерства полиции о прибывших в Россию иностранцах в 1817–1818 гг. она прибыла в Кронштадт с паспортом поверенного в делах в Берне П. А. Крюденера 27 июля 1818 г., а выбыла из Москвы 30 апреля 1826 г.[5].

Другой педагог из Дугино Иван Егорович Фогель в письме барону К. И. Ашу лично изложил свою биографию: «Родившись в Ганновере я прибыл в Россию в 1786 году и в краткое время был определен в должность профессора при кадетском Сухопутном корпусе, где, за десятилетнюю службу, по силе указа месяца декабря 1790 года, пожалован надворным советником дав в месяце сентябре 1796 года присягу верности российской Империи. <…>

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 47 об.

2 Там же. Л. 52–52 об. Копия свидетельства М. Сестии имеется в деле (ГАСО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 2497. Л. 23–23 об.).

3 ГАСО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 2449. Л. 31.

4 Там же. Л. 22 об.

5 ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 87. Л. 186 об.

К сему же в генваре месяце настоящаго года Герольдиею по моей просьбе дан титул дворянства и моим детям родившимся после вступления моего в подданство России, которые теперь находятся в волонтерном корпусе в Санкт-Петербурге руководствуясь сими выгодами, которые тем выше цену, что я отец семейства осмеливаюсь покорнейше просить» не вносить мое имя в список «чужестранцев живущих в Смоленской губернии»[1]. Фогель действительно не попал в список в ходе «разбора иностранцев» в Смоленской губернии в конце 1813 — начале 1814 г. Единственный иностранный наставник, помимо М. Сестие, указанный в вышеупомянутом списке,— это «экзаменованный учитель» Николай Иванов Сушарт, уроженец Пруссии. Он приехал в Россию в 1803 г. и проживал в Ельнинском уезде в феврале 1814 г. Интересная деталь: в документе был отмечен факт недавнего принятия иностранцем «греко-российского закона»[2].

В дальнейшем зарисовки, касающиеся домашних педагогов-иностранцев, встречаются в воспоминаниях смоленских дворян. Так, М. С. Николева, упоминая о домашнем образовании своего брата Якова и сестер Надежды, Татьяны и Екатерины, вспоминает об учителях из числа французских эмигрантов, которых «родители … привозили из Москвы» в усадьбу Заустье (Покровское) Ельнинского уезда. «Замечательнее» других, по мнению М. С. Николевой, оказались двое. Первому, аббату Вьёбуа (Viex-Bois), довольно быстро «указали обратный путь в Москву» по причине того, что он «вскоре по приезде» влюбился в мать мемуаристки, «бросился пред нею на колени и стал изъясняться в любви, позабыв, что …[она] не понимает по французски». Сменивший незадачливого француза 40-летний Рипомонти (Ripomonty) оказался «прекраснейший и почтеннейший человек» и опытный педагог. Он учил «языкам Французскому и модному тогда Итальянскому, но и прочим наукам, даже религии», показал себя хорошим воспитателем, который обращал внимание на нравственность своих подопечных. Рипомонти обучал через игру и труд, а в качестве стимула использовал похвалу: «в знак одобрения снимал свой парик, потрясал его над головой ученицы, в тоже время склоняя пред нею свою лысую голову и приговаривая, что и старость не стыдится

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 50–51 об.

2 Там же. Л. 69.

отдавать должную дань молодости. Этим очень ценили его воспитанницы и наперерыв старались получить такую награду»[1]. Иностранец прожил в семье Николевых много лет, и М. С. Николева отмечает: этот наставник очень «привязался к семейству нашему, и много лет спустя, бывши в Москве и встретив сестер моих, так обрадовался, что заплакал и бросился обнимать бывших учениц»[2].

Запомнился М. С. Николевой и учитель пения итальянец Тоди, которого нанял дворянин Хлюстин, владелец имения по соседству. Тоди преподавал в доме этого помещика пение и сформировал хор из певчих. Родители мемуаристки пригласили итальянского музыканта в качестве учителя для своей дочери Елены. Он уверил нанимателей, что у девушки «хорошие способности». Как выяснилось, надежды не оправдались, и опытный музыкант, конечно, это предвидел, но, «вероятно из своих выгод»[3], стремясь получить дополнительный заработок, убеждал родителей М. С. Николевой в обратном.

Любопытно, что в смоленских усадьбах в 1820-х гг. в качестве преподавателей иностранного языка встречались не только французы, но и англичане, который в это время входит в моду: галломания сменяется англоманией. В записках владелицы Казулино Бельского уезда и Щелканово Краснинского уезда А. И. Колечицкой встречается целый список гувернанток, в течение трех лет обучавших ее единственную дочь Аннет: «<1826 год> 18-е генваря. Казулино. <…> Сегодня утром приехала англичанка, которую я ждала из Петербурга, Miss Kitty Feveryear; она производит впечатление хорошо воспитанной особы. Как я буду счастлива, если Небо пошлет мне в ней человека, полезного для воспитания моей Аннет, ей всего восемь лет, а сколько гувернанток мне пришлось переценить: француженка M-me Hamaid была подходящей, но она начала вести себя слишком легкомысленно, и я вынуждена была ее отослать; англичанка Mistriss Key была слишком старая; Blackwood слишком раздражительная; повезет ли мне теперь»[4].

---

[1] Николева М. С. Черты старинного дворянского быта. Воспоминания // Русский Архив. 1893. Кн. 3. № 9. С. 116.

[2] Там же. С. 116–117.

[3] Николева М. С. Указ. соч. Кн. 10. С. 148.

[4] Колечицкая А. И. Указ. соч.

А. И. Колечицкая интересовалась и педагогическими новинками. У смоленских помещиков Малашевых в начале 1820-х гг. она познакомилась с молодым швейцарским доктором Мандилени, который, по ее словам, был воспитанником Песталоцци. Швейцарец, пишет Анастасия Ивановна, «мне привозит заграничные журналы и книги, много рассказывает о методе воспитания Песталоцци в образцовом его заведении Говфиле близ Ивердена в Швейцарии»[1].

Уровень знаний и благонадежность иностранных наставников государственные власти старались держать под своим неусыпным котролем. Характерный тому пример — предписание генерал-губернатора витебского, могилевского, смоленского и калужского князя Н. Н. Хованского смоленскому гражданскому губернатору И. С. Храповицкому от 7 декабря 1827 г. за № 5086 с требованием «первою почтою», «немедленно» доставить отзыв помещика Шупинского и «аттестатов прусскаго подданнаго Фердинанда Резенера, выданных ему как в Пруссии, так и в России о праве заниматься обучением юношества»[2].

Внимание со стороны государственных властей к деятельности наставников-иностранцев предполагало не только санкции в случае нарушения ими закона, но и гарантии безопасности, социальной помощи в случае необходимости. Так, в феврале того же 1827 г. итальянка Адриенна Копелло получила единовременное пособие в 500 руб. от Императорского человеколюбивого общества[3]. Этот шаг стал ответом на ее прошение о поддержке в трудной жизненной ситуации. Работавшая «смотрительницею за детьми иностранка Адриенна Копелло, урожденная Гюар» обращалась к императору, описывая свое трудное материальное положение: «она осталась сиротою без матери и отца, и что отец ея занимался преподаванием уроков танцования»[4], ее муж болен и оказался в больших

---

[1] Колечицкая А. И. Указ. соч. С. 304. Речь идет о знаменитом швейцарском педагоге И. Г. Песталоцци (1746–1827), идеями и методикой которого интересовался император Александр I (Орлов А. А. «Школы для всех». Ланкастерская система обучения в России в первой четверти XIX века (1814–1826 гг.). М.: РИЦ МГПУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 103–104, 131–132).

[2] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. 1827. Л. 866.

[3] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. 1827 г. Л. 123.

[4] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1826 г. Л. 56.

долгах (до 10 тыс. руб.). Сама итальянка с мужем и двумя малолетними детьми проживала у коллежского секретаря Нахимова в Сычевском уезде и получала за свою работу у помещика 1 тыс. руб. в год, стараясь из этих средств выплачивать долги мужа. В результате она «имеет нужду, пособия от казны никакого не получала, поведения по удостоверению Гг. дворян она весьма хорошего и заслуживает монаршего воззрения»[1].

В годы правления Николая I меры допуска иностранных учителей к преподаванию в России постепенно ужесточались. Соблюдение устава учебных заведений 1828 г. обязывало иностранцев, желавших заниматься в России обучением, получать свидетельства от российского учебного начальства[2]. Уже при выдаче виз для въезда потенциальных наставников юношества российские миссии и консульства должны были наводить справки «о их поведении, всегда действующем на ум и сердце воспитанников»[3]. Согласно Именному указу Николая I от 12 июня 1831 г., данному министру народного просвещения, директора губернских гимназий обязаны были осуществлять осмотр частных учебных заведений и в случае возникающих сомнений в нравственной стороне обучения ставить в известность гражданского губернатора для дальнейших действий вплоть до закрытия[4]. Само право на открытие частного пансиона иностранец получал лишь после пятилетнего проживания в России. К тому же иностранный педагог должен был иметь не только свидетельство о своих знаниях, но и удостоверение о добропорядочности от местного гражданского начальства или «от мест и лиц, у которых прежде» находился[5].

По предписанию министра внутренних дел от 8 июля 1831 г., смоленский губернатор также должен был осуществлять «*без всякой однако огласки* надзор за поведением и нравственностью иностранцев и иностранок, содержащих частные учебные заведения и обучающих юношество в сих заведениях или в домах частных»[6]. Именной указ, данный Сенату от 25 марта 1834 г. «О воспрещении принимать в должности по домашнему

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1826 г. Л. 1042 об.—1043.

2 ПСЗ-2. Т. III. № 2502.

3 АВПРИ. Ф. 1. Разряд II. Оп. 23. 1830 г. Д. 2. Л. 3–4 об.

4 ПСЗ-2. Дополнение к VI тому. Ч. 1. № 4647а.

5 Там же.

6 ГАСО Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. 1831 г. Л. 794.

воспитанию иностранцев, не получивших аттестатов от Русских университетов»[1], возлагал ответственность за неисполнение и на иностранца, и на его русского нанимателя. Аттестаты (свидетельства) обязаны были иметь все: домашние учителя, гувернеры и воспитатели.

Высочайше утвержденное 1 июля 1834 г. «Положение о домашних наставниках и учителях»[2] провело границу между домашними надзирателями или надзирательницами, задачей которых была забота лишь о физическом здоровье воспитанников; домашними наставниками, которые должны были окончить университет; и домашними учителями или учительницами, обязанными пройти специальное испытание в университете, лицее или гимназии. За свидетельство «на право обучать в частных домах» предусматривалась прежняя плата в размере 50 руб.[3]. За обучение без свидетельств полагался первоначально штраф в 250 руб. ассигнациями (75 руб. серебром). При повторном обнаружении нарушения иностранцу грозила высылка из России[4].

Домашних наставников и учителей обязали предоставлять директору училищ ежегодные отчеты о своей деятельности и одобрительные свидетельства от работодателей и уездного предводителя дворянства[5]. Иностранные учителя на Смоленщине подчинялись директору народных училищ губернии в соответствии с «Дополнительными правилами о домашних наставниках и учителях», утвержденными Министерством народного просвещения 2 августа 1834 г. Надзорные функции осуществляли почетные попечители гимназии[6].

Примером плодотворной деятельности на ниве просвещения в Смоленской губернии служит работа учителя и гувернера, подданного Швейцарии, католика Филиппа Антоновича Гау (Го, Gau), родившегося в Женеве 20 ноября 1792 г.[7] и прибывшего в Россию в 1816 г.[8]. Известно, что в 1837 г.

---

1 ПСЗ-2. Т. IX. Ч. 1. № 6928.

2 Там же. № 7240.

3 РГИА. Ф. 733. Оп. 8. Д. 461. 1843 г. Л. 11–11 об.

4 ПСЗ-2. Т. IX. Ч. 1. № 7240. § 66, 67.

5 Солодянкина О. Ю. Указ. соч. С. 61.

6 Там же.

7 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 909. Л. 10.

8 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 402. 1853 г. Л. 14.

он прошел испытания в Московском университете и «показал познания в грамматических правилах французского языка хорошие, и сверх того, в присутствии испытателей, дал с успехом пробную лекцию по предмету французской грамматики. А потому дозволено ему Гау преподавать французский язык, на праве домашнего учителя, и исправлять его должность». Свидетельство за № 3766 было выдано Ф. Гау канцелярией Московского учебного округа 4 ноября 1837 г.[1] (см. Приложение 13).

Сохранились аттестаты смоленских дворян, подтверждающие, что Филипп Гау преподавал их детям в г. Смоленске французский язык и осуществлял надзор за их поведением, «вел себя благопристойно и исполнял обязанность свою отлично хорошо» (аттестат статской советницы К. Н. Щепкиной от 31 мая 1838 г.)[2], «с отличным рвением и старанием» (аттестат вдовы генерал майора Веры Мезенцевой, урожденной графини Зубовой от 1 января 1844 г.)[3].

Ф. Гау, являясь гувернером и наставником, преподавал дворянским детям не только французский язык, но и географию, всеобщую и русскую историю (аттестаты помещицы Луизы Голынской от 28 мая 1846 г.[4]; коллежского советника А. Н. Хитрово от 28 мая 1849 г.[5]; майорши А. Коробановой от 12 ноября 1853 г., 15 ноября 1855 г., 2 ноября 1856 г., 4 ноября 1857 г., 17 мая 1858 г.[6]; статского советника Ф. Квецинского от 5 сентября 1859 г., 11 октября 1860 г.[7]; коллежского секретаря Н. О. Попова от 20 октября 1861 г., от 20 октября 1862 г., от 20 сентября 1863 г.[8]; статского советника И. А. Бера от 24 ноября 1864 г.[9]). Все пользовавшиеся его услугами свидетельствовали, что Филипп Гау «исправлял

---

1 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 909. Л. 10. В копии документа сделана описка, вместо 1837 г. указан 1847 г., что подтверждается документами: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1467. Л. 1 и ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 256. Л. 1.

2 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 256. Л. 1.

3 Там же. Л. 2.

4 Там же. Л. 3.

5 Там же. Л. 4.

6 Там же. Л. 6, 8, 10, 12, 14.

7 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 256. Л. 16, 18.

8 Там же. Л. 21, 23, 25.

9 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2147. Л. 57.

обязанности свои отлично», а своей «примерною нравственностию заслужил полное… уважение»[1].

Основываясь на аттестатах и устных характеристиках «благородных особ» Смоленский уездный предводитель дворянства выдал свои положительные свидетельства о деятельности и поведении Ф. Гау (№ 505 от 30 ноября 1849 года, № 1280 от 18 ноября 1855 г., № 850 от 9 ноября 1856 г., № 584 от 4 ноября 1857 г., № 939 от 16 мая 1858 г., № 484 и 486 от 13 октября 1860 г., № 519 от 25 октября 1861 г., № 746 от 25 октября 1862 г., № 435 от 23 сентября 1863 г., № 403 от 2 ноября 1864 г.[2]). Аттестаты дворян и свидетельства предводителя дворянства, доставленные в дирекцию училищ, удостоверяли благонадежность иностранного учителя и были обязательным условием пребывания его на территории Российской империи[3].

В фонде дирекции училищ Смоленской губернии сохранились отчеты домашнего учителя Филиппа Гау (Го) о проводимых им уроках. Например, с августа 1854 г. по ноябрь 1855 г. с детьми Самбекина, внучками майорши Коробановой, которым иностранный педагог преподавал грамматику французского языка, историю (всеобщую и русскую), географию (Европы и России) и арифметику[4]. В следующем годовом отчете Ф. Гау (с 15 ноября 1855 г. по 15 ноября 1856 г.) было указано, что он занимался с теми же ученицами переводами с русского на французский и наоборот, продолжал изучать историю, расширять материал по арифметике, а также была «пройдена география Азии, Африки, Америки и Австралии, с черчением карт»[5]. Также имеются отчеты о занятиях с детьми Самбекина в доме Коробановой от 15 ноября 1856 г. по 2 ноября 1857 г.[6] Сохранились данные и об обучении Ф. Гау сына коллежского секретаря Н. О. Попова Олимпия русской истории и французскому с 20 октя-

---

1 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 256. Л. 3

2 Там же. Л. 1–26; Оп. 1. Д. 2147. Л. 56.

3 По вопросу о домашнем учении (о домашних наставниках и учителях, первоначальных учителях и учительницах, первоначальных учителях и учительницах) // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. № 1–3. С. 138–139.

4 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1635. Л. 31.

5 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1702. Л. 37.

6 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1763. Л. 47 об.

бря 1862 г. по 20 сентября 1863 г.[1]. В семьях смоленских дворян Ф. Гау преподавал подолгу: у В. Мезенцевой — 5 лет, у Л. Голынской — 2 года, у А. Н. Хитрово — 3 года, у А. Коробановой — 9 лет, у Ф. Квецинского — 2 года, у Н. О. Попова — 2 года.

Педагогическая деятельность и практический опыт Ф. Гау были замечены и оценены не только нанимавшими учителя помещиками, но и местной администрацией. В связи с увольнением одного из комнатных надзирателей благородного пансиона[2] при Смоленской гимназии на эту должность была предложена кандидатура Филиппа Антоновича Гау[3]. 12 февраля 1850 г. попечитель Московского учебного округа дал на это свое разрешение[4]. Обучавшийся в Смоленском благородном пансионе Н. А. Щеховской запомнил этого старика-француза как почтенного и доброго человека, который плохо говорил по-русски, несмотря на значительный срок его жизни в России[5].

Ф. Гау выполнял обязанности «с примерным усердием и деятельностью», а потому дирекция училищ Смоленской губернии ходатайствовала об оплате причитающегося ему жалования и квартирных «со дня допущения к должности», то есть с 15 октября 1849 г., на что было также получено разрешение[6]. На должности комнатного надзирателя Филипп Гау пробыл до 1 июля 1851 г. и оставил ее по собственному желанию, о чем 12 июля 1851 г. дирекция училищ Смоленской губернии уведомила попечителя Московского учебного округа[7]. 12 октября 1851 г. Ф. Гау получил отличный аттестат за № 1217 о своей деятельности от исправлявшего должность директора училищ Лыкошина[8].

Поворотным событием в жизни и преподавательской деятельности Ф. Гау стало принятие им в 1853 г. присяги на подданство России.

---

1 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2147. Л. 3 об.

2 Занимавший пост надзирателя в благородном пансионе обязан был свободно владеть хотя бы одним иностранным языком и во время своего дежурства общаться на нем с воспитанниками.

3 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1172. Л. 3.

4 Там же. Л. 11.

5 Щеховской Н. А. Указ. соч. № 9. С. 142.

6 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1172. Л. 12–13.

7 Там же. Л. 25.

8 Там же. Л. 26.

Свидетельство об этом за № 9529 было выдано ему Смоленским губернским правлением 18 августа 1853 г.[1], а уже 13 ноября 1853 г. Ф. Гау обратился к директору училищ Смоленской губернии с просьбой «об утверждении … в службе по учебной части»[2]. Исправлявший обязанности директора училищ Смоленской губернии уведомил об этом попечителя Московского учебного округа, и тот 19 марта 1854 г. сообщил о разрешении Ф. Гау заниматься педагогической деятельностью, основываясь на решении Правительствующего Сената от 25 февраля 1854 г. за № 10169[3]. В мае 1855 г. Ф. Гау упоминается в связи с его просьбой к дирекции училищ Смоленской губернии об отпуске и предполагаемой поездке в Тамбовскую губернию. В этом документе Филипп Антонович указан домашним учителем, состоявшим в 14 классе (коллежский регистратор)[4].

Известно, что Филипп Гау был женат на дочери старшего учителя Полоцкого дворянского училища, лютеранке Камилле-Иоганне-Софии Гофмейстер[5]. Их бракосочетание состоялось в Смоленске в римско-католической приходской церкви 27 ноября 1847 г.[6]. Камилла, став женой домашнего учителя, вскоре сама решила посвятить себя преподавательской деятельности. Она обратилась с просьбой в дирекцию училищ Смоленской губернии о разрешении открыть в Смоленске свой частный женский пансион[7], о чем 3 июля 1853 г. дирекция ходатайствовала перед попечителем Московского учебного округа. «По образу жизни и домашним обстоятельствам просительницы и по понятиям как Г.[господина] Гау так и жены его можно с достоверностию предполагать что предполагаемый пансион вполне соответствовать будет видам правительства; кроме же этого пансиона имеется в г. Смоленске еще только один содержимый Г-жою Котович»[8].

При ходатайстве были приложены все необходимые документы: копия с метрического свидетельства о рождении и крещении Камил-

---

1 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1467. 1853 г. Л. 1.

2 Там же.

3 Там же. Л. 3.

4 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 256. Л. 2.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 402. 1853 г. Л. 14.

6 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1467. 1853 г. Л.10.

7 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1457. Л. 1.

8 Там же. Л. 2–2 об.

лы-Иоганны-Софии Гау, свидетельства о конфирмации, бракосочетании, поведении, об испытании в науках и план предполагаемого к открытию пансиона (см. Приложение 14). 29 июля 1853 г. попечитель Московского учебного округа ответил отказом, ссылаясь на то, что на основании § 3 Положения о частных учебных заведениях от 12 января 1835 г. и ст. 1370 Законов о состояниях (т. 9 Свода Законов изд. 1842 г.) жена иностранца не может содержать частное учебное заведение. Попечитель нашел нужным поставить на вид Дирекции народных училищ Смоленской губернии, что она «не имела права выдавать Гау [Камилле] свидетельства на преподавание русской литературы, французского и немецкого языков, истории и географии»[1]. На основании Положения от 1 июля 1834 г. это право было только у Попечителей учебных округов, а гимназии, согласно циркуляру министра народного просвещения от 16 декабря 1834 г. за № 12495 могли выдавать лишь свидетельства на право обучения арифметике, чтению и письму на русском и иностранных языках. Документы Камилле Гау были возвращены, кроме неправильно составленного свидетельства на право преподавания[2]. Директор гимназии, исправляя ситуацию, выдал Камилле-Иоганне-Софии Гау свидетельство за прежним номером и прежним числом (№ 765 от 21 июня 1853 г.) на право «обучать в частных домах» арифметике, чтению и письму на французском и немецком языках, по которым знания госпожи Гау были оценены как «хорошие»[3].

О серьезности намерений К. Гау по открытию частного учебного заведения в г. Смоленске в собственном доме свидетельствует разработанный план обучения, представленный в Дирекцию училищ Смоленской губернии. Предполагалось, что в пансионе обязательными предметами будут «Закон Божий, Русский язык, Арифметика, История, География, Французский и Немецкий языки, рисование, чистописание, рукоделие, музыка и танцы» (прилагался и образец расписания на шесть дней в неделю с воскресным выходным). Преподавать Закон Божий должен был приглашенный священник, французский — Филипп Гау, а остальные предметы — сама госпожа Гау. Только в случае, если число воспитанниц

---

1 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1457. Л. 4–4 об.

2 Там же. Л. 4 об. – 5.

3 Там же. Л. 6.

будет более десяти, основательница пансиона обещала приглашать в качестве преподавателей учителей гимназии[1].

Принятие Филиппом Гау присяги на подданство России в августе 1853 г. повлекло за собой новое ходатайство дирекции училищ перед попечителем Московского учебного округа от 4 сентября 1853 г. за № 1036. В качестве доводов для открытия частного пансиона Камиллы Гау теперь стал факт присяги Филиппа Гау, его 13-летняя деятельность домашнего учителя и 2-летняя работа надзирателем в благородном пансионе[2]. К новому ходатайству прилагались документы о присяге Ф. Гау.

Согласие было получено: в своем отношении от 22 октября 1853 г. за № 2925 попечитель Московского учебного округа сообщил директору училищ Смоленской губернии, что товарищ министра народного просвещения «не возражает против открытия госпожей Гау в Смоленске частного пансиона для девиц»[3]. Об этом решении госпожа Гау была уведомлена директором училищ Смоленской губернии 4 ноября 1853 г. Примечательно, что в этом документе она уже именовалась в русской транскрипции Анной Карловной[4].

Об открытии собственного пансиона Анна Го (Гау) объявила смолянам в ноябрьском номере «Смоленских губернских ведомостей» в том же 1853 г. (см. Приложение 15). Условия обучения соответствовали упомянутому выше «Плану», но в информации «Ведомостей» содержались и любопытные подробности. Так, владелица пансиона предполагала передать преподавание учебных предметов учителям гимназии (кроме Закона Божьего, для которого будет приглашен священник). Сами занятия «будут происходить утром от 9-ти до 12-ти часов и после обеда от 2-х до 4-х часов». Деньги за обучение (для полных пансионерок (живущих) 175 руб. сер. в год и полупансионерок (приходящих) 100 руб. сер.) следовало вносить за полгода вперед, при этом полные пансионерки (то есть живущие в пансионе) предоставляли единовременно «на первоначальное обзаведение 25 руб. серебром. Воспитанницы в классах имеют на себе

---

1 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1457. Л. 7–7 об.

2 Там же. Л. 3.

3 Там же. Л. 8.

4 Там же. Л. 12.

платья коричневого цвету, с черными передниками, по образцам, принятым в казенных заведениях»[1].

Филипп Гау застал первое десятилетие работы пансиона и, возможно, даже преподавал в нем французский язык. Согласно метрической записи смоленского римско-католического костела, швейцарский педагог умер в возрасте 75 лет в Смоленске 11 мая 1865 г.[2]. В апреле 1866 г. «жена бывшего домашнего учителя, коллежского регистратора Филиппа Антоновича Го Анна Карловна Го», намереваясь временно уехать из Смоленска, просила директора училищ Смоленской губернии выдать ей документы, свидетельствующие о происхождении мужа и копии с его формулярного списка о службе[3].

Как упоминалось выше, Анна Карловна Го имела свидетельство на право быть домашней учительницей. В фонде Дирекции училищ Смоленской губернии сохранились многочисленные прошения о выдачи свидетельств, в том числе и от иностранок. Примером может служить обращение чиновницы 10-го класса Марьи Ивановны Древс, которая 17 августа 1838 г. просила за свою воспитанницу Амалию, дочь подпоручика австрийской службы Григория Виктора Винтера и Анны Гиршвельд, родившуюся 2 ноября 1820 г. и крещенную в Смоленской евангелическо-лютеранской церкви. Среди свидетелей крещения была и автор прошения — повивальная бабка Марья Ивановна Древс. Пастор Лангенбек 21 февраля 1838 г. подписал свидетельство о крещении и конфирмации Амалии Григорьевны Винтер, подтвердив ее успехи в обучении и «нравственное, беспорочное поведение»[4]. Представив этот документ, М. И. Древс просила директора училищ Смоленской губернии подвергнуть ее воспитанницу «испытанию и снабдить законным свидетельством», которое дало бы ей право «обучать языкам: российскому, французскому, немецкому и арифметике»[5]. В октябре 1838 г. Амалия Винтер получила свидетельство, о чем имеется пометка на прошении ее крестной с указанием следующих успехов: «знания

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 1853 г. Л. 1–1 об.

2 ГАСО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 4. Запись № 13. Л. 122.

3 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2270. 1866 г. Л. 25.

4 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 250. Л. 24.

5 Там же. Л. 23.

оказались в письме и чтении на русском и французском языках хорошо, а в немецком очень хорошо, в арифметике хорошие»[1].

Уже в декабре 1854 г. подвернуться испытанию для получения свидетельства, дающего право быть домашним учителем немецкого языка, желал прусский уроженец, принявший российское подданство 18 января 1847 г., краснинский купец 3-й гильдии Сергей Иванович Яфф[2]. 29 января 1855 г. в результате испытания в Смоленской гимназии он показал отличные знания немецкого языка[3] и вскоре был исключен из купеческого звания[4], а 14 марта 1856 г. получил свидетельство на звание домашнего учителя[5].

В 1830–1850-х гг. иностранные гувернеры и учителя, проживавшие в усадьбах смоленских помещиков, в обязательном порядке имели подобные свидетельства.

Так, в Смоленском уезде у помещика Николая Шупинского в Талашкино «обучением музыки» в 1839–1840 гг. занималась 40-летняя парижанка Каролина Лельевер [Lelièvre], урожденная Булель, имевшая дочь Каролину[6]. В 1844 г. у Н. Шупинского музыку преподавала другая уроженка Парижа, 44-летняя Каролина Мельгавер, прибывшая в Россию в 1834 г.[7] Прежняя же учительница Каролина Лельевер в 1845 г. работала в семье дворянина Аничкова в сельце Мощинки[8].

В 1846–1850 гг. в Смоленском уезде детей гвардии штабс-капитана Петра Петровича Энгельгардта обучал иностранец Александр Андреевич Гессе[9]. Судя по его отчетам, поданным в Дирекцию училищ Смоленской губернии, он занимался со своими подопечными немецким, арифметикой, историей и географией[10]. В 1853–1854 гг. А. А. Гессе информи-

---

1 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 250. Л. 23 об.

2 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1603. Л. 1.

3 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1603. Л. 6.

4 Там же. Л. 14.

5 Там же. Л. 16.

6 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. 1841 г. Л. 43, 64.

7 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 66. 1844 г. Л. 44.

8 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 283. 1846 г. Л. 10.

9 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. 705. Л. 16–17; Д. 792. Л. 35; Д. 909. Л. 46–47; Д. 910. Л. 27; Д. 1098. Л. 23.

10 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 909. Л. 47; Д. 1098. Л. 23 об.

ровал училищное начальство, что в Смоленском уезде он обучал детей штабс-капитана Александра Энгельгардта и предоставлял отчет о своих занятиях и два свидетельства о поведении от предводителя дворянства и местной помещицы[1].

В документах канцелярии смоленского губернатора упоминается Иоганн Александр Андреевич Гессе, подданный Любека, приехавший в Россию в 1839 г. и в 1844 г. принявший присягу в Смоленской губернии. На тот момент иностранец был указан преподавателем музыки[2] (см. Приложение 16). Возможно, это один и тот же человек, только к 1846 г. ставший «экзаменованным учителем» по вышеперечисленным предметам, которые он преподавал детям из рода Энгельгардтов.

В Бельском уезде в 1840–1841 гг. учителем детей штаб-ротмистра Владимира Лыкошина служил Теобольд Фребус из Веймара[3].

В Гжатском уезде в 1830 г. в доме Воейкова гувернантками служили англичанки Сусанна Кларк и ее дочь Марья, которые уехали в Москву[4], в 1831 г. в Скугорево у Воейкова проживал сардинский подданный, учитель Жозеф Франк, также уехавший в Москву[5]. В 1841 г. у Петра Воейкова в Скугарево учительницами указаны англичанки Сусанна Финен и Сусанна Кларк (вторая уже упоминалась в 1830 г.)[6]. В 1833 г. в доме графа Орлова-Денисова в Гжатском уезде работал 27-летний швейцарец-гувернер Самуель Ульман, приехавший в Россию в 1826 г. В имении иностранец жил вместе со своей женой Марьей Федоровной 27 лет, согласно билету на жительство, выданному смоленским гражданским губернатором 4 ноября 1833 г. сроком до 31 апреля 1834 г.[7]. В 1839–1840 гг. в имении князя Николая Долгорукова в том же Гжатском уезде «обучением детей» занимался иностранный учитель Август Неимеер, имевший большую семью жену и шестеро детей[8], а в доме Пенского преподавал

---

1 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1443. Л. 24; Д. 1552. Л. 26.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. 1844 г. Л. 77 об., 79.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. 1841 г. Л. 40.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. 1830 г. Л. 980.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. 1831. Л. 698.

6 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1840 г. Л. 20–20 об.; 27–28.

7 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. 1834 г. Л. 35

8 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1840 г. Л. 11 об.; Д. 38. 1841 г. Л. 21.

учитель Адам Мачинский (подданство обоих учителей неизвестно)[1]. В 1840–1841 гг. в сельце Соловьево того же уезда у Петра Кушникова учителем служил француз Полет, а гувернанткой была его жена Софья, уроженка Риги[2]. В 1841 г. в гжатском сельце Жукове упоминаются две учительницы-швейцарки Юлия Боасье и музыкантша Генриетта Говард, обучавшая музыке детей помещика[3].

В Дорогобужском уезде в 1840 г. у штабс-капитана Ильи Повало-Швыйковского сначала иностранный язык преподавал парижский гравер Жан Мария Рожер[4], а затем в том же году его сменил француз Иосиф Рулан[5]. У Барышниковых в 1840 г. «малолетних детей» иностранным языкам обучали швейцарка из Базеля Амалия Ландерф и ее соотечественник из Лозанны Жан Вассерваль[6]. Последний упоминался как гувернер еще в 1831 г., когда он служил в Юхновском уезде[7]. Из документов Санкт-Петербургского Главного архива, хранящихся в АВПРИ, удалось узнать, что Ж. Вассерваль учительствовал в Дорогобужском уезде у Барышникова до своей смерти 28 января 1849 г. в возрасте 51 года. 31 января 1849 г. швейцарец был похоронен «близ кладбища православных» в селе Бражино Дорогобужского уезда[8].

В ведомости при рапорте дорогобужского исправника от 30 ноября 1853 г. упоминаются «смотрительницы за детьми» две француженки: Вереина Брест, которая проживала у князя Голицына по билету, выданному смоленским гражданским губернатором по 28 июля 1854 г., и Аменанда Дюфло, работавшая у помещика Пенского «по билету Смоленского гражданского губернатора сроком по июнь месяц 1854 года»[9]. В 1854 г. в имении майорши Апрелевой Дорогобужского уезда французскому языку ее детей обучал француз

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1840 г. Л. 95 об.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1840 г. Л. 17, 25; Д. 38. 1841 г. Л. 42 об.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. 1841 г. Л. 57–57 об.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1840 г. Л. 47.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. 1840 г. Л. 173.

6 Там же.

7 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. 1831 г. Л. 283 об.

8 АВПРИ. Ф. 161. Разряд II-7. Оп. 81. 1850 г. Д. 130. Л. 1–2.

9 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 402. 1853 г. Л. 23.

Людвиг Мотон[1]. В дальнейшем выяснилось, что он принял русское подданство в 1836 г. и служил учителем французского языка в 5-классном Кейдановском дворянском училище Ковенской губернии. «За усердие к службе» Л. Мотон был награжден письменной благодарностью и премией в размере тройного жалования[2]. В феврале 1862 г. этого французского педагога приняли на должность надзирателя в Смоленскую губернскую гимназию[3].

В Ельне в 1845–1846 гг. немецкому языку обучала детей уроженка Любека Шарлотта Луиза Асмус[4]. В Поречском уезде в 1846 г. в имении Успенском у штабс-капитана Александра Вонлярлярского работали австрийка Амалия Эмилия Сатцонговен, занимавшаяся присмотром за маленькими детьми, и учитель-швейцарец Исаак Метроль[5]. По требованию губернатора швейцарский гражданин предоставил копию свидетельства, выданного ему Московской губернской гимназией. Из документа следует, что Карл Исаак Метроль, уроженец кантона Ваадт, протестант, был экзаменован для последующего первоначального обучения французскому языку в частных домах. Испытания показали, что «Метроль читает и пишет на французском языке правильно». 29 апреля 1837 г. ему было выдано свидетельство о том, что он может «безпрепятственно обучать в частных домах чтению и письму на французском языке»[6]. Подлинный документ был подписан директором училищ Московской губернии и учителями гимназии[7].

В Рославле в доме надворного советника Гусева с 29 июля 1845 г. проживал 55-летний парижанин Жан Жак Делаваль, «профессор французской словесности». Он обозначен и в 1846–1847 гг. в ведомостях «французских подданных, не принявших на подданство России присяги»[8]. В доме у того же дворянина Гусева учителем в 1846 г. служил и сардинец Павел Пейрото[9].

---

1 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1593. Л. 7.

2 Там же. Л. 8.

3 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2017. Л. 5.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 283. 1846 г. Л. 79, 76.

5 Там же. Л. 61, 66; Ф. 1. Оп. 3. Д. 785. 1847 г. Л. 8.

6 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 283. 1846 г. Л. 62, 65.

7 Там же. Л. 65.

8 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 347. 1846 г. Л. 16; Оп. 3. Д. 788. 1847 г. Л. 8.

9 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 283. 1846 г. Л. 8 об.

В Сычевском уезде в 1846 г. у княгини Урусовой «обучением детей» занималась «экзаменованная учительница», 22-летняя швейцарская гражданка Мария Дальп, прибывшая в Россию еще в 1841 г.[1]. В Юхновском уезде в 1847 г. в доме губернского секретаря Николая Федоровича Воронца «смотрительницей за детьми» работала швейцарка Мария Анна Вагнер, прибывшая из Тверской губернии[2]. Характерно, что, судя по упоминанию в ведомостях билетов на жительство, выдаваемых иностранцам губернским начальством, они по-прежнему были рассчитаны лишь на один год.

После 1848 г., когда был введен запрет на въезд иностранных учителей в Россию в связи с революционными событиями в Европе, наставники-иностранцы редко упоминаются в документах по Смоленской губернии. При этом речь идет о тех, кто уже давно учительствовал в России и зарекомендовал себя с положительной стороны. Если иностранец-педагог был хорошо известен в губернском городе как отличный профессионал и благонадежный человек, он мог открыть собственное образовательное учреждение.

Именно так произошло с уроженцем Саксонии Егором Кондратьевичем Штанге (ок. 1770–1851)[3]. Он жил в России с 1793 г., здесь получил образование и с 1804 г. (с момента открытия) в Смоленской мужской гимназии служил в этом учебном заведении учителем немецкого языка[4]. Кроме того, Е. К. Штанге «заведовал неподвижной (фундаментальной) библиотекою, а с 1821 по 1824 г., вследствие перемещения старшаго учителя математики и физики Дьячкова в Харьков, исправлял его должность с положенным по штату жалованьем»[5]. Штанге вышел в отставку 23 января 1835 г., оставив службу, «каковую проходил с ревностным

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 283. 1846 г. Л.55–56, 73 об.– 74.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 785. 1847 г. Л. 14.

3 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 3094. Л. 27 об.– 28.

4 Мицюк Н. А. Женщины российской провинции XIX – начала XX века: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск, 2013. С. 57; Аксенов М. В. Историческая записка о Смоленской губернской гимназии. Ч. I (1786–1833 гг.). Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1912. С. 62, 99.

5 Аксенов М. В. Указ. соч. С. 176.

усердием при благородном поведении», что было отмечено в «Аттестате»[1]. 12 июня 1848 г. Егор Кондатьевич, к тому времени титулярный советник в отставке[2], подал прошение директору училищ Смоленской губернии, ходатайствуя об открытии в Смоленске частной школы «для обучения детей обоего пола»[3] немецкому языку.

Учитель предоставил в дирекцию училищ необходимые документы: «1-е, аттестат о службе; 2-е, свидетельство о поведении; 3-е, прошение некоторых жителей г. Смоленска; 4, план предполагаемого к открытию частного учебного заведения»[4]. В плане указывалось, что преподавателем будет сам Штанге, число учеников не превысит десяти человек, а плата за обучение составит в год от 15 до 20 руб. серебром[5].

24 августа 1848 г. директор училищ Смоленской губернии обратился к попечителю Московского учебного округа и, препровождая документы учителя, лично просил начальство «не оставить своим ходатайством о дозволении»[6]. Именно это замечание позволяет судить о хорошей репутации Е. К. Штанге, иначе директор училищ не стал бы ему помогать. 6 октября 1848 г. попечитель Московского учебного округа уведомил о положительном решении вопроса товарищем министра народного просвещения, и директор училищ 23 октября 1848 г. сообщил об этом просителю[7].

Учебное заведение Е. К. Штанге было открыто. Во втором полугодии 1848 г. в нем обучалось 6 человек (2 — из купцов, 4 — из иностранцев), плата составляла 60 руб. в год[8]. В первом полугодии 1850 г. в нем обучалось 9 человек (1 — из дворян, 2 — из обер-офицерских детей, 3 иностранца, 3 мещан), при этом 8 человек платили 60 руб. в год и один ребенок учился бесплатно[9], во втором полугодии — 4 человека (1 — из обер-офицерских

---

1 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 100. Л. 11.

2 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 930. Л. 5, 1

3 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 100. Л. 4–4 об.

4 Там же. Л. 3 об.

5 Там же. Л. 4.

6 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 930. Л. 3 об.

7 Там же. Л. 5–6.

8 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 890. Л. 70 об.–71.

9 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1100. Л. 49 об.–50.

детей и 3 иностранца), плата оставалась прежней, один человек продолжал обучаться бесплатно[1].

Однако уже 23 февраля 1851 г. директор народных училищ уведомил попечителя Московского учебного округа о закрытии школы[2] в связи со смертью устроителя[3]. Дело отца решила продолжить дочь Е. К. Штанге Софья. Она обратилась с соответствующим прошением[4] (см. Приложения 17–20) и стала содержательницей «частной школы первоначального обучения детей женского пола», которая была открыта с разрешения министра народного просвещения (соответствующий документ за № 3502 был датирован 29 апреля 1853 г.) (см. Приложения 21–22). Софья Егоровна Штанге сама вела занятия по чтению, письму на русском и немецком языках, арифметике и чистописанию, а Закону Божьему учил православный священник[5]. Девочки обучались рукоделию[6]. В 1853 г. в школе учились 8 человек, из них 2 — из дворян, 5 — из обер-офицерских детей и 1 — из купцов[7], в 1858 г.— 5 человек (4 — из мещан, 1 — из духовенства)[8]. Школа С. Штанге упомянута в ведомости учебных заведений Смоленской губернии и в 1860 г.[9], в Памятных книжках Смоленской губернии на 1858, 1861, 1862, 1863, 1864 и 1865 гг.[10].

---

1 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1100. Л. 58 об.– 59.

2 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 930. Л. 6.

3 РГИА. Ф. 733. Оп. 10. Д. 526. Л. 1–4. В метрической книге лютеранской церкви в г. Смоленске есть запись о смерти Генриха Карла Штанге (Heinrich Carl Stange), уроженца Лейпцига, 82 лет от роду, 7 февраля 1851 г. Захоронение состоялось на лютеранском кладбище города 10 февраля 1851 г. (ГАСО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 13. Л. 17 об.– 18).

4 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1456. Л. 1–1 об.

5 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1897. Л. 17 об.– 18.

6 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1428. Л. 25 об.

7 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1428. Л. 25 об.– 26.

8 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1818. Л. 12 об.– 13.

9 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1897. Л. 17 об.– 18.

10 Памятная книжка Смоленской губернии на 1858 год. Смоленск, 1858. Ч. I. С. 23; Памятная книжка Смоленской губернии на 1861 год. Смоленск, 1861. Ч. I. С. 30; Памятная книжка Смоленской губернии на 1862 год. Смоленск, 1862. Ч. I. С. 25; Памятная книжка Смоленской губернии на 1863 год. Смоленск, 1863. Ч. I. С. 26; Памятная книжка Смоленской губернии на 1864 и 1865 год. Смоленск, 1865. Ч. I. С. 31.

Отец Софьи Егор Кондратьевич Штанге был не единственным иностранным педагогом и воспитателем, служившим в учебных заведениях Смоленской губернии. М. В. Аксенов в книге «Историческая записка о Смоленской губернской гимназии», помимо Е. К. Штанге, работавшего в названном учебном заведении с момента его открытия в 1804 г. до 1835 г., упоминает также о французе Клавдии Карловиче Дасторе, служившем в гимназии с 1811 по 1821 г.

Известно, что К. К. Дастор (около 1761–1829) получил образование в коллегии иезуитов в г. Гренобле[1]. Согласно его формулярному списку о службе, приехав в Россию, француз сначала служил гувернером и учителем французского языка в Академии художеств с 20 марта 1785 г., затем — с 8 апреля 1786 г. являлся учителем Тверского дворянского училища. 15 марта 1794 г. иностранец принял российское подданство и 31 декабря 1795 г. получил 14-й класс по Табели о рангах (самый низший классный чин, гарантирующий начало продвижения по карьерной лестнице). 30 августа 1804 г. К. К. Дастор был определен учителем в Калужскую гимназию, а 21 апреля 1811 г., по его собственному прошению, был уволен со службы уже в чине коллежского секретаря. 27 сентября 1811 г. он поступил в Смоленскую гимназию учителем французского языка и проработал здесь до 18 марта 1821 г., когда вышел в отставку с пенсией в размере жалования 400 руб. Умер в сентябре 1829 г. в г. Порхове[2].

В документах, касающихся смоленского благородного пансиона, также фигурируют иностранцы. В 1838 г. было принято решение о назначении «французского, а ныне российского подданного Августа Пиалю» надзирателем и танцмейстером в учреждаемый благородный пансион при Смоленской гимназии[3]. С 12 марта 1839 г. в смоленском пансионе стал служить комнатным надзирателем российский подданный «из иностранцев Эдуард Росциус» (или Россиус)[4]. Из формулярного списка известно, что он занял эту должность, окончив образование в Петербургской

---

[1] Аксенов М. В. Указ. соч. С. 177. Автор допустил ошибку в фамилии, согласно формулярному списку, фамилия иностранца — Дастор (ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 3094. Л. 4 об.– 5, 26 об.– 27).

[2] ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 422. Л. 11 об.

[3] ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 260. Л. 10, 11.

[4] ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 276. Л. 10.

медико-хирургической академии и получив квалификацию зубного врача[1]. В 1840 г. он намеревался держать экзамен в Московском университете на учителя немецкого языка[2], но только в 1843 г. ему удалось получить свидетельство домашнего учителя[3]. С 18 октября 1842 г. по 15 апреля 1846 г. Эдуард Россиус был на должности эконома благородного пансиона[4], а затем «по домашним обстоятельствам»[5] сначала покинул пост эконома, а затем ушел и из надзирателей[6].

На освободившуюся должность эконома был определен старший комнатный надзиратель Иван Степанович Фивизио[7]. Однако из-за болезни он вынужден был отказаться от предлагаемого поста[8], но впоследствии все же его принял. Об этом иностранце-наставнике с большой теплотой вспоминает в своих записках Н. А. Щеховской. При поступлении его с братьями в благородный пансион Смоленской гимназии в 1848 г. их встречал «пожилой господин в синем фраке, с гладко выбритым лицом, напоминавшим старушечье, к которому как-то особенно не шла черная и кудрявая шевелюра. Он казался, по-видимому, хорошо знакомым с нашим отцом и немедленно же повел нас по коридорам наверх, в так называемый цейхгауз, где и переодел нас с ног до головы в казенные мундиры»[9]. Позже выяснилось, что этот человек «именуется Иван Степанович Фивизио и занимает должность надзирателя, а вместе с этим заведует всем пансионским хозяйством»[10], живет в самом здании пансиона[11] и прозван воспитанниками «скабкою» (занозой)[12].

---

1 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 754. Л. 9 об.

2 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 350. Л. 31.

3 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 754. Л. 9 об.

4 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 754. Л. 9 об., 10.

5 Эдуард Иванович Россиус, лютеранин, был женат и имел троих детей. Жена и дети указаны православными (ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 754. Л. 9 об.).

6 Там же. Л. 6.

7 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 754. Л. 1.

8 Там же. Л. 3.

9 Щеховской Н. А. Указ. соч. № 9. С. 139.

10 Там же.

11 Там же.

12 Там же. С. 140.

Впоследствии мемуарист убедился, что такое мнение несправедливо: «Иван Степанович был положительно хороший и добрый человек; никому он не желал, да и не сделал зла никогда…», к тому же он отличался большой аккуратностью и чистоплотностью, а любимым его занятием в свободное время было мастерить рамы для гравюр[1]. Иван Степанович Фивизио, вероятно, приходился родственником флорентийцу Степану Ивановичу Фивизио, содержателю двух гербергов в г. Белом в 1813 г. В этом уездном городе с 1 июня 1827 г. содержала пансион для девочек бельская мещанка Елизавета Ивановна Фивизио. В 1832 г. в ее пансионе 11 девочек обучались Закону Божьему, французскому языку, арифметике, российской грамматике, логике, риторике, истории, географии и рисованию[2].

Помимо Ивана Степановича Фивизио в документах Дирекции училищ Смоленской губернии встречается Степан Фивизио. Он «греко-российского исповедания», обучался «партикулярно (то есть на дому, у частных учителей.— *А.Т., О.К.*) и в Смоленской гимназии», в 1833 г. в возрасте 26 лет служил учителем рисования, черчения и чистописания в Смоленском уездном училище[3]. В 1838 г. Фивизио был определен домашним надзирателем в благородный пансион[4].

В своих записках Н. А. Щеховской вспоминает о надзирателе, преподававшем немецкий язык в пансионе,— Федоре Федоровиче Кейзере, страдавшем от злобных проказ воспитанников. Но, по уверению мемуариста, «человек он был серьезный, спокойный и умный, обращался со всеми вежливо и с некоторыми из нас, как, например, со мною, говорил не иначе, как по французски… по просьбе наших родителей, для того чтобы не забыли этого языка»[5]. Из документов III Отделения известно, что в 1843 г. саксонец, учитель Фридрих Кейзер принял в Смоленской губернии присягу на подданство России[6]. В 1844 г. Фридрих (Федор) Вильгельм Кейзер в качестве домашнего учителя учил дочерей губернского

---

1 Щеховской Н. А. Указ. соч. № 9. С. 140–141.

2 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 27. Л. 12 об.– 13.

3 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 25. Л. 48 об.– 49.

4 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 260. Л. 25, 34.

5 Щеховской Н. А. Указ. соч. № 9. С. 142.

6 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 112 об.

архитектора, коллежского асессора Василия Федоровича Бланкенгорна Вильгельмину и Елизавету немецкому и русскому языкам, арифметике[1], в октябре того же 1844 г. Кейзер перешел в Смоленске же «в частный дом для обучения сына умершаго полковника Василия Павловича Щербова»[2]. В 1846–1848 гг. этот учитель преподавал на дому у аптекарского провизора Александра Мего его дочерям Августе и Александре, обучая их немецкому и русскому языкам, математике, географии[3].

В 1848 г. Кейзер выдержал экзамен в Московском университете на учителя немецкого языка и в 1849 г. уже преподавал этот предмет в младших и старших классах Смоленской гимназии. Училищное начальство отметило, что этот наставник «при усердном исполнении своей обязанности и точном знании своего дела, оправданном успехами учеников, вполне заслуживает быть определенным учителем гимназии»[4], то есть войти в штат.

Но в 1853 г. Ф. Ф. Кейзер подал прошение о переводе его надзирателем за воспитанниками в 1-ю Московскую гимназию[5], и 18 сентября 1853 г. попечитель Московского учебного округа сообщил об этом директору училищ Смоленской губернии. 9 октября того же года преподавателю был дан билет, дающий ему свободный пропуск для проезда в Москву для занятия нового места службы[6].

Н. А. Щеховской упоминает учителя французского языка в Смоленской гимназии, прусского подданного Егора Ивановича Яна (George Theophile Gean)[7]. В документах Дирекции училищ Смоленской губернии он именуется Георгием Теофиловичем или Феофиловичем Яном. Согласно формулярному списку 1852 г., ему было 35 лет, он являлся католиком и состоял надзирателем за воспитанниками благородного пансиона при Смоленской гимназии. Г. Т. Ян получил домашнее образование, в 1844 г. выдержал испытания на звание учителя немецкого языка в Минской

---

1 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 572. Л. 5, 20.

2 Там же. Л. 23.

3 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 792. Л. 26; Д. 909. Л. 33–35.

4 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1446. Л. 1–1 об.

5 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1483. Л. 5.

6 Там же. Л. 7.

7 Щеховской Н. А. Указ. соч. № 11. С. 132.

гимназии и 2 августа того же года был определен учителем в Виленскую гимназию, но через несколько дней — 18 августа — был перемещен на ту же должность (но сверх штата) в Могилевское дворянское училище. В фонде дирекции училищ Могилевской губернии в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Минске сохранился формулярный список Георгия Яна как «учителя французского языка в Мстиславском уездном для дворян училище» с жалованием 257 руб. 29 коп. серебром[1].

4 января 1850 г. Г. Т. Ян занял должность надзирателя в благородном пансионе в Смоленске, а с 1 марта того же года ему было «поручено преподавание французского языка в 1-м и 2-м классах Смоленской Гимназии»[2]. В послужном документе Г. Т. Яна 1852 г. особо отмечен тот факт, что иностранец «присяги на подданство России не выполнил, но на верность службы присягнул в Августе месяце 1844 года в Виленской гимназии»[3].

В 1851 г. Г. Т. Ян хотел вернуться в Мстиславское дворянское училище, и тут смоленское училищное начальство обнаружило свою оплошность: училищные власти вдруг заметили, что иностранец получил свидетельство на преподавание немецкого, а не французского языка[4]. Поэтому он обязан был пройти испытания на знания французского языка, что им и было сделано в Смоленской гимназии 31 декабря 1852 г. По французскому языку Г. Т. Ян показал «отличные сведения, а в русском языке, арифметике, географии и всеобщей истории хорошие»[5].

27 октября 1853 г. надзиратель Смоленского благородного пансиона Георгий Теофилович Ян «из Еупена, родившийся в Ахенском округе»[6], наконец подал прошение о принятии российского подданства и 2 декабря 1853 г. принес присягу на верность России в Смоленском губернском правлении[7]. Г. Т. Ян работал в Смоленской губернской гимназии и в 1858 г. обозначен младшим учителем французского языка в чине X класса по

---

1 НИАБ. Ф. 2254. Оп. 1. Д. 311. Л. 314–315

2 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1262. Л. 2 об.–3.

3 Там же. Л. 2 об.

4 Там же. Л. 32–33.

5 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1386. Л. 24–24 об.

6 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1530. Л. 6.

7 Там же. Л. 5.

Табели о рангах[1], а в 1863 г.— в той же должности, но уже коллежским асессором (VIII класс)[2].

Саксонский подданный Фридрих Генрих Август[3] (Фридрих Фридрихович) Боссе (1815–1883[4]), сын седельника[5] Фридриха Генриха Боссе и Христины Доротеи, урожденной Шуман, 3 марта 1859 г. подал прошение директору училищ Смоленской губернии[6]. Иностранец просил допустить его к испытаниям на звание учителя немецкого и французского языков[7]. Но из-за изменившихся жизненных обстоятельств он не смог сдать экзамен в намеченный срок, поэтому в ноябре 1860 г. вновь обратился с прошением к попечителю Московского учебного округа разрешить ему пройти испытания на звание комнатного надзирателя в совете Смоленской гимназии, так как для поездки с этой целью в Москву не имеет достаточных средств[8].

На просьбу был дан положительный ответ, и Боссе показал на экзамене 31 января 1861 г. хорошие знания[9]. В ходе испытаний он дал пробный урок по французскому, который «прошел с успехом, при чем испытуемый оказал способность к ясному изложению, точности выражений и легкости, с какими он может преподавать свой предмет, развивая постепенно незрелые еще понятия учеников»[10]. В марте 1861 г. Ф. Ф. Боссе подал прошение на должность комнатного надзирателя в Смоленский благородный пансион[11], но выяснилось, что принять его можно как слу-

---

1 Памятная книжка Смоленской губернии на 1858 год. Смоленск, 1858. Ч. I. С. 22.

2 Памятная книжка Смоленской губернии на 1863 год. Смоленск, 1863. Ч. I. С. 25.

3 Полное имя по документам, выданным в Дрездене 13 мая 1859 г. (ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2001. Л. 28).

4 Копия свидетельства о рождении Ф. Боссе в Дрездене 21 июля 1815 г. имеется в его документах в фонде Дирекции училищ Смоленской губернии (ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2001. Л. 30). Его смерть 26 сентября 1883 г. зафиксирована в метрической книге Смоленской лютеранской церкви (ГАСО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 13. Л. 67 об.– 68).

5 Седельник — мастер, изготавливающий седла.

6 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2001. Л. 30.

7 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1860. Л. 1–1 об.

8 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2001. Л. 1–1 об.

9 Там же. Л. 5.

10 Там же. Л. 7 об.

11 Там же. Л. 4.

жащего «по найму», то есть с меньшим жалованием, чем государственного чиновника. Ситуацию можно изменить только принятием русского подданства, и 23 июня 1861 г. саксонец подал новое прошение о своем желании принести присягу на верность России[1], что и было исполнено 8 августа 1861 г. в Смоленском губернском правлении[2]. После этого значимого для него события Ф. Ф. Боссе был утвержден в должности надзирателя благородного пансиона[3]. Стоит отметить, что все прошения Боссе подписаны им каллиграфически красивым почерком по-русски. Известно, что с 1870 г. Фридрих Боссе служил в Александровской гимназии Смоленского земства в Вязьме[4].

Итак, иностранные наставники успешно трудились на Смоленщине, главным образом как домашние учителя, будучи «экзаменованными» (то есть пройдя испытания по преподаваемым предметам) и предоставляя в срок в Дирекцию училищ Смоленской губернии отчеты о своей деятельности и свидетельства о благонадежности. Наиболее опытные и уже имеющие хорошую репутацию учителя старались открывать собственные частные школы, при этом большую активность проявляли женщины (жена швейцарца Го (Гау) и дочь учителя Софья Штанге). Некоторые иностранцы стремились получить место в уже существующих учебных заведениях — в губернской мужской гимназии и благородном пансионе при ней. Встречались случаи, когда работу в таковых учреждениях получали иностранцы, не принявшие подданства на верность России и уже в ходе своей работы сделавшие этот важный шаг. Стимулом для него выступали соответствующие решения российского правительства, заинтересованного в том, чтобы делом просвещения юношества занимались именно подданные империи, обладающие необходимой квалификацией.

Многие иностранные учителя и учительницы, работавшие на Смоленщине, оказались вне зоны нашего внимания, так как при изучении документов выяснилось, что они были выходцами из Лифляндии, Эстляндии или Курляндии (то есть прибалтийских губерний, входивших в состав Российской империи) или уже являлись российскими подданными по

---

1 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2001. Л. 14.

2 Там же. Л. 19.

3 Там же. Л. 21.

4 Там же. Л. 31.

рождению, несмотря на иностранную фамилию, а потому факт их происхождения «из иностранцев» уже не упоминался.

Именно учителя, на наш взгляд, представляют наиболее социально и культурно адаптированную к российским реалиям часть иностранцев, так как они уже по роду своей профессиональной деятельности были ориентированы на полноценное включение в социальную среду страны проживания, обязаны были освоить русский язык и историю России настолько, чтобы эти предметы преподавать, помимо традиционных для иностранцев предметов: иностранных языков, математики, географии, рисования и черчения, музыки. При этом среди воспитанников иностранных наставников были не только природные россияне, но и дети из семей иностранцев, что является свидетельством тесного общения между выходцами из Европы, жившими на Смоленщине.

ДЕТАЛИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Из отношения смоленского гражданского губернатора Н. И. Хмельницкого генерал-губернатору витебскому, могилевскому и смоленскому князю Н. Н. Хованскому от 11 сентября 1831 г.:

«Прибывший в Россию в 1828 году и проживавший в Смоленске по срочным видам учитель Мишель Роберт, 27-го прошедшего июня на 64 году от рождения здесь скончался, оставшееся после его имущество, на сумму по оценке 24 руб. 67 коп. находится под присмотром полиции».

К документу прилагался:

«Регистр имуществу оставшемуся после смерти французского подданного Мишеля Роберта с означением цены оному

Означение вещей	Число оному	Сумма Руб.	Коп.
Книг на французском диалекте малых и больших	24	2	40
Картин под названием Биржи Васильева Острова и Михайловского дворца	2		50
Кошельков шелковых вязанных два, софьяный один и с замочком один бисерный	4	2	

Шкатулка карельской березы о десяти ящиках с внутренним замком	1	1	25
Сундук дубовый окованный железом и с медным висячим замком	1	3	
Комод еловаго дерева крашеный о 3х ящиках с внутренними замками и медным прибором	1	2	
Подушечных наволок холстинных две и ткацких 3, итого	5	1	
Простынь ткацких две, простого холста одна, итого	3	1	
Подштаников ткацкого холста	3		60
Платков носовых меткальных белых (миткаль — сорт хлопчатобумажной ткани полотняного переплетения, неотделанный ситец.— *А.Т., О.К.*)	5	1	
Манишек голандского холста	4		40
Рубах поношенных меткального холста	2		80
Скатерть ткацкого холста писаная крушками	1		60
Скатерть такого ж холста	2		50
Получулков или карпеток поношенных (карпетка — получулок, носок.— *А.Т., О.К.*)	4		40
Фрак и панталоны синяго сукна поношенные	2	5	
Жилет парусной материи поношенный	1		80
Перчатки зимние замшовые	1		40
Картин неизвестных портретов в рамах	2		40
Стальных пряжек	4		60
Спальный бумажный ветхий колпак	1		2
Итого	73	24	67

Сверял: секретарь Боярков».
НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5551. Л. 1–2 об.

Из «Журнала исходящих документов Канцелярии смоленского губернатора» от 14 мая 1832 г. за № 49 предписание Смоленской градской

полиции: «В след[ствии] требования Министер[ства] В[нутренних] Дел я предписываю оной полиции в дополнение рапорта ея от 19 Августа прошлаго 1831 года об извещении находящуюся в Париже дочь умершаго в Смоленске в июне 1831 года учителя Мишеля Роберта о смерти сего последнего и об оставшемся после него имуществе. Доставить мне надлежащее свидетельство о смерти означеннаго Роберта и сведения естли возможно где именно жительствует дочь его в Париже».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. 1832 г. Л. 516.

Из отношения министра внутренних дел Д. Н. Блудову генерал-губернатору витебскому, могилевскому и смоленскому князю Н. Н. Хованскому от 24 сент. 1834 г. № 4737: «ныне от гг. Вице-канцлер уведомляет меня, что посольство наше в Париже, в следствие отзыва к нему французского министерства, доносит, что по неотысканию в Париже наследников умершаго Роберта, сделан был им в феврале 1833 года вызов в газетах, но что при всем том и по ныне не открыто никого из родственников умершего.

В следствие сего, предписав Смоленскому Гражданскому губернатору о продаже оставшегося после смерти иностранца Роберта имущества, оцененнаго, как видно из отношения Вашего Сиятельства от 21 Октября 1831 года за № 4424 на сумму 24 ру[б]. 67 коп., и об отпуске вырученных за оное денег в Смоленский Приказ Общественного Призрения, я долгом считаю уведомить о том и Ваше Сиятельство».

НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5551. Л. 6–6 об.

Из письма (под грифом «Секретно») шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа смоленскому гражданскому губернатору Н. И. Хмельницкому от 7 августа 1832 г. за № 3912: «ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, по всеподданнейшему докладу моему по отношению Г. Наместника Царства Польскаго, о желании проживающаго в Варшаве Прусскаго подданнаго, часовых дел мастера Фридриха Черниха, по делам семейственным, отправиться на год в Губернии: Смоленскую и С. Петербургскую; изволил изъявить ВЫСОЧАЙШЕЕ согласие на снабжение помянутаго иностранца установленным на сей конец видом, с тем однакож, чтобы за ним учрежден был неослабный секретный надзор.

Сообщив сию МОНАРШУЮ волю Г. Наместнику Царства Польскаго к зависящему исполнению, я должен считаю уведомить об оной и Ваше Превосходительство для надлежащих с вашей стороны распоряжений по прибытии иностранца Черниха в Губернию, управлению вашему вверенную».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. 1832 г. Л. 553–553 об.

Из журнала исходящих бумаг канцелярии смоленского губернатора от 1 декабря 1832 г. за № 11293 предписание «Г. Краснинскому уездному предводителю дворянства

Не получая … никакого отзыва по отношению моему от 21 сентября сего года касательно неисправнаго содержания иностранцем Бианки Краснинской почтовой гостиницы я покорно прошу Вас М[илостивый] Г[осударь] уведомить меня какое сделано Вами распоряжение по означенному мною отношению».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. 1832 г. Л. 1385 об.

Из «Секретного исходящего журнала» канцелярии смоленского губернатора от 23 января 1833 г. за № 299: рапорт «Краснин[ского] Городничаго от 18 генваря № 62-м о смерти содержателя гостиницы Бианки» оставлен без ответа.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. 1833 г. Л. 273.

Из уведомления генерал-губернатором витебским, могилевским и смоленским князем Н. Н. Хованским смоленского гражданского губернатора Н. И. Хмельницкого от 19 февраля 1834 г. за № 805 о происхождении задержанного в Смоленской губернии голштинского уроженца г. Киля Эдуарда Хальца. По «сделанному Датским правительством изысканию» сведения об этом человеке отсутствуют. «Известно только, что Кильский уроженец, каменщик Фридрих, Яков, Христиан Шульц (Friedrich, Jacob, Christian Schultz) бывший с 1828 года в течение двух лет работником в окрестностях Данцига, намеривался отправиться в Россию, и может быть есть тот самый, который задержан в Смоленской губернии под именем Эдуарда Хальца».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. 1834 г. Л. 145–145 об.

ВКЛАД ИНОСТРАНЦЕВ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И БЛАГОУСТРОЙСТВО

Из иностранцев-архитекторов, работавших на Смоленщине, следует назвать два имени: шотландца Вильяма Гесте и уроженца Пруссии Вильгельма Бланкенгорна.

Работы шотландского архитектора Вильяма Гесте (William Hastie, в России — Василий Иванович, 1753 или 1763–1832), приехавшего в Россию в 1784 г. и не покинувшего ее до конца своих дней, в настоящее время не обойдены вниманием исследователей[1]. Главным образом В. Гесте

---

[1] Пилявский В. Градостроительные мероприятия и образцовые проекты в России в начале XIX века // Сборник научных трудов ЛИСИ. 1958. Вып. 21. С. 75–108; Чернозубова Л. Образцовые проекты планировки кварталов // Архитектурное наследство. 1963. № 15. С. 188–192; Schmidt A. J. William Hastie. Scottish Planner of Russian Cities // Proceedings of the American Philosophical Society. 1970. Vol. 114. P. 226–243; Коршунова М. Архитектор Василий Гесте (1755–1832) // Труды / Государственный Эрмитаж. 1977 № 18. С. 132–143; Лоханов Г. И. Предыстория строительства Малоконюшенного и Театрального мостов в Ленинграде // Вопросы истории, теории и практики архитектуры. Л.: ЛИСИ, 1985. С. 59–65; Гудков А. А. Планировочные работы В. И. Гесте в городах Сибири // Известия высших учебных заведений. Строительство и архитектура. 1988. № 12. С. 47–53; Shvidkovsky D. Classical Edinburgh and Russian Town-Planning of the late 18th and early 19th centuries: The role of William Hastie (1755–1832) // Architectural Heritage. 1991. Vol. 2 (1). P. 69–78; Соминич Г. Е. Архитектор Василий Иванович Гесте в Царском Селе // На рубеже двух эпох: 1801–1825; 1825–1855. Тезисы докладов II Царскосельской научной конференции. СПб., 1996. С. 53–56; Мощеникова М. А. г. София и Царское Село: преемственность градостроительных идей от Ч. Камерона к В. Гесте // Россия и Англия. Страницы диалога. Краткое содержание докладов V Царскосельской научной конференции. СПб., 1999. С. 20–21; Кузнецов П. О. Вильям Гесте // Зодчие Санкт-Петербурга, XIX – начало XX века. СПб., 2000. С. 123–131; Швидковский Д. Шотландские мастера в России эпохи ампира: Вильям Гесте и Адам Менелас // Архитектура в истории русской культуры. Стиль ампир. М., 2003. Вып. 5. С. 68–90; Красносельская Н. Ю. Чугунное литье в проектах мостов архитектора Гесте // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2015. № 1. С. 220–230; Ямалов М. Б. Император Александр I и Башкирский край: памятные вехи истории // Вестник Академии наук Республики

известен как главный архитектор Царского села (с 12 января 1806 г. до конца жизни — 4 июня 1832 г.)[1], для благоустройства и градостроения которого он сумел многое сделать[2], а также создатель проектов переустройства Олонецких заводов на Ижоре (современных Ижорских заводов в Колпино). Образцовый проект В. И. Гесте, предусматривавший конструкцию моста со сводом из чугунных блоков-«ящиков», использовался как самим шотландцем, так и его последователями в 1806–1840-х гг. при строительстве нескольких чугунных мостов Петербурга: Первого Инженерного, Мало-Конюшенного и Театрального, Большого Конюшенного, Певческого, Красного, Синего и Поцелуева через Мойку, Демидова и Ново-Никольского мостов через Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова), Александровского моста через Введенский канал (ныне засыпан) и Ново-Московского моста через Обводный канал[3].

Градостроительные работы В. И. Гесте в Царском Селе имели огромное значение, так как «Царское Село было излюбленной императорской резиденцией и являлось как бы "полигоном" новых архитектурных идей, где опробовались образцы устройства поселений, типы домов и стили архитектурного убранства»[4]. С 1810 г. архитектору были поручены пересмотр и разработка планов российских городов. В декабре 1811 г. Гесте предложил министру полиции план организации работы, который подразумевал сбор

Башкортостан. 2017. Т. 23. № 2 (86). С. 52–64; Клименко Ю. Г. План Москвы 1817 г.: к 200-летию градостроительного документа // Наука, образование и экспериментальное проектирование: тезисы докладов международной научно-практической конференции, профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. 2017. С. 55–57; Гудков А. А. Крупнейший градостроитель Российской империи первой трети XIX века Василий Иванович Гесте (William Hastie) // Труды Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин). 2018. Т. 21. № 1 (67). С. 42–47.

[1] Гудков А. А. Крупнейший градостроитель Российской империи первой трети XIX века Василий Иванович Гесте (William Hastie). С. 43.

[2] Василий Иванович Гесте // Энциклопедия «Царского села. URL: https://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/istorija-carskogo-sela-v-licah/geste-viljam-1763-v-1753–1832.html (дата обращения: 13.11.2018).

[3] Красносельская Н. Ю. Указ. соч. С. 228.

[4] Гудков А. А. Крупнейший градостроитель Российской империи первой трети XIX века Василий Иванович Гесте (William Hastie). С. 43.

уже имеющихся утвержденных планов губернских и уездных городов для того, чтобы вносить необходимые изменения[1]. Изучив издание «Книга чертежей и рисунков. Планы городов», вышедшее в 1839 г. в качестве приложения к Полному собранию законов Российской империи и включавшее планы 419 городов, историк архитектуры А. А. Гудков подсчитал, что 71 из них был утвержден в период градостроительной работы Гесте (1810–1832 гг.)[2]. На основе архивных изысканий в РГИА исследователь установил, что имеются планы, подписанные архитектором В. Гесте, но не вошедшие в указанное издание. По мнению А. А. Гудкова, общее число планов городов Российской империи, составленных и конфирмованных (то есть утвержденных высшей властью) в бытность В. Гесте при Министерстве полиции, насчитывает более 100[3].

После знаменитого пожара Москвы 1812 г. В. Гесте был привлечен императором Александром I для составления плана Москвы, подготовленного архитектором в июне 1813 г. и утвержденного императором с некоторыми замечаниями[4]. Однако главнокомандующий Ф. В. Ростопчин и Комиссия о строении Москвы отклонили проект как дорогостоящий и ведущий к отказу от исторически сложившейся застройки города в пользу проспектов и площадей. Тем не менее многие предложения Гесте были реализованы впоследствии, «свидетельством чему являются современные Театральная и Манежная площади столицы»[5].

Для Смоленщины особое значение имеет тот факт, что В. И. Гесте стал автором послевоенных проектов реконструкции уездных городов Смоленской губернии: Гжатска, Поречья, Красного и Духовщины. Эти проекты были Высочайше утверждены 4 января 1817 г., а 18 января того же года

---

[1] Гудков А. А. Крупнейший градостроитель Российской империи первой трети XIX века Василий Иванович Гесте (William Hastie). С. 43–44.

[2] Там же. С. 44.

[3] Там же. С. 46.

[4] Рапорт архитектора В. И. Гесте в Исполнительный департамент Министерства полиции «_» июля 1813 г., получен 15-го июля 1813 г. // Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб.: Тип. Акад. наук, 1882. С. 499–501.

[5] Орлов А. А. Британцы в Москве в 1812 году: вымысел и реальность // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 133; Schmidt A. J. William Hastie, Scottish Planner of Russian Cities // Proceedings of the American Philosophical Society, 1970. Vol. CXIV.

направлены смоленскому губернатору «для надлежащего и непременного по оным исполнения»[1] (см. Приложение 23). Новые планы Гесте по Вязьме и Дорогобужу также были составлены, но, согласно Высочайше утвержденному решению Комитета министров, зафиксированному в журнале от 20 января 1817 г., было предусмотрено «в означенных городах продолжать строение по прежним планам, стараясь только регулировать улицы»[2].

Известно, что для составления плана Смоленска В. И. Гесте лично приезжал в город и хорошо его изучил[3]. Проект Смоленска, созданный В. И. Гесте и утвержденный Александром I 4 января 1817 г., ныне хранится в РГИА[4], а в электронном виде размещен на сайте Президентской библиотеки[5]. Реализация плана В. Гесте в некоторых частях нашего города (например, в Солдатской слободе) продлилась до 1832 г.[6] (см. Приложение 24). По мнению З. И. Пастуховой, «генеральный план, выполненный В. Гесте, позднее использовали все архитекторы, застраивавшие Смоленск. Планы 1857, 1883, 1897 годов только корректировали разработку шотландца»[7].

За свою деятельность на благо России Василий Иванович Гесте был отмечен орденом Святого Владимира IV степени (1809), получил чин коллежского советника (1819), был обеспечен денежным пенсионом и пожалован домом в Царском Селе «в вечное и потомственное владение», но до конца своих дней оставался подданным Великобритании[8].

Вильгельм Бланкенгорн (Wilhelm Blankenhorn, в России — Василий Федорович, 1787–1855) — землемер и архитектор, не столь известен как

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. 1817 г. Л. 130.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. 1817 г. Л. 188.

3 Там же. Д. 23. 1832 г. Л. 246–246 об.

4 РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 4. 31 л.

5 План города Смоленска. 1817 г. Подписано Его Императорским Величеством 4 января 1817 г. / сенатор Каверин, архитектор Гесте. Рукопись Бумага. Чернила, тушь, акварель. Масштаб: в одном английском дюйме 250 саженей. URL: https://www.prlib.ru/item/357572 (дата обращения: 31.12.2018)/

6 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. 1832 г. Л. 246–246 об.

7 Пастухова З. Иностранные специалисты на Смоленщине // Деловая Смоленщина. 2005. Ноябрь. № 3. С. 34.

8 Вильям (Василий Иванович) Гесте (William Hastie) (1763–1832) // Государственный музей-заповедник «Царское село». URL: http://www.tzar.ru/museums/history/architects/geste/.

Гесте, но также достоин благодарной памяти смолян. Поиск информации о нем начался со знакомства с «Атласом Смоленской губернии», созданным Бланкенгорном и ныне размещенным в электронной версии на сайте Российской государственной библиотеки[1]. Сам уникальный конволют, включающий карты Смоленска, уездных городов губернии и 12 ее уездов, а также общую карту Смоленской губернии хранится в отделе картографических изданий РГБ. Выполнен атлас тушью и пером с раскраской акварелью, произведена ориентация стрелками и компасными розами по сторонам света, заглавия и легенды карт помещены в художественные картуши. На каждом листе соответствующей карты сделана надпись: «Чер. Бланкенгорн». Дата создания атласа его автором указана не была, и в каталоге библиотеки она обозначена предположительно как 1790-е гг. Другую датировку — 1811 г.— в своей кандидатской диссертации «История географического изучения территории Смоленской губернии в XVIII — начале XX веков» дала Н. М. Эрман[2]. При этом 1811 г. указан ею без каких-либо пояснений, что позволяет предположить: эта дата была первоначально выставлена сотрудниками РГБ, а в период оцифровки изменена на более раннюю. Сомнения в том, что «Атлас…» может быть выполнен в конце XVIII в., высказали смоленские географы Т. В. Ватлина и С. П. Евдокимов, основываясь на том факте, что в 1802 г. в составе Смоленской губернии были восстановлены Духовщинский, Ельнинский и Краснинский уезды и, соответственно, Духовщина, Ельня и Красный стали уездными городами, что и отражено в чертежах Бланкенгорна[3].

Изучение биографии В. Ф. Бланкенгорна позволило с большой степенью вероятности датировать «Атлас…» 1824 г., что было приурочено ко времени путешествия Александра I. Последнее обстоятельство объ-

---

[1] Российская государственная библиотека (РГБ). Карт. отд. Атлас Смоленской губернии. Смоленск, 179. 25 л. URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01004230805#?page=1 (дата обращения: 11.05.2018).

[2] Эрман Н. М. История географического изучения территории Смоленской губернии в XVIII – начале XX веков: дис… канд. геогр. наук. Смоленск, 2013. С. 56.

[3] Ватлина Т.В., Евдокимов С. П. История атласного картографирования Смоленщины // Материалы международной конференции «ИнтерКарто / ИнтерГИС». 2014. Вып. 20. С. 451.

ясняет особую тщательность в выполнении работы, художественность оформления, даже изобретательность в создании картушей.

Благодаря сведениям издания «Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова»[1] 1813, 1815, 1818, 1821, 1823, 1825–1836 гг., удалось проследить продвижение В. Ф. Бланкенгорна по карьерной лестнице, получение им классных чинов и наград[2]. В коллекции формулярных списков фонда Смоленского губернского правления Государственного архива Смоленской области сохранились документы о службе Василия Федоровича Бланкенгорна, датированные 1833 и 1852 гг.[3] В них подробно изложены назначения и должности, материальное и семейное положение иностранца. Выяснилось, что Фридрих-Вильгельм (Василий Федорович) Бланкенгорн родился в 1787 г. в Берлине в семье архитектора (в формулярном списке обозначено: «из архитекторских детей»). Он окончил Берлинскую академию, став «кандидатом математики», и в 1808 г. принял важное для себя решение — поступить на российскую службу. Первое назначение — «в Финляндскую губернию землемером по лесной части», а 17 февраля 1810 г. В. Ф. Бланкенгорн получил ту же должность в Смоленской губернии. С апреля 1812 г. иностранец занял место землемера в Сычевском уезде.

С началом Отечественной войны 1812 г. Василий Федорович Бланкенгорн оказался вовлечен в водоворот трагических событий: во время Смоленского сражения 4–5 августа 1812 г. он был в городе и попытался его покинуть, но получил контузию и хотел скрыться в деревне близ Смоленска, был схвачен и возвращен в город. Оккупационные власти принуждали

---

[1] Работа с именным каталогом на официальном сайте Российского государственного исторического архива (URL: http://www.fgurgia.ru) дает возможность ознакомиться со сканами страниц данного издания, содержащими информацию о конкретной персоне.

[2] Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова… СПб., 1813. Ч. 2. С. 83; Там же. СПб., 1815. Ч. 2. С. 88; Там же. СПб., 1818. Ч. 2. С. 88; Там же. СПб., 1821. Ч. 2. С. 89; Там же. СПб., 1823. Ч. 2. С. 68; Там же. СПб., 1825. Ч. 2. С. 70; Там же. СПб., 1827. Ч. 2. С. 71; Там же. СПб., 1828. Ч. 2. С. 75; Там же. СПб., 1829. Ч. 2. С. 77; Там же. СПб., 1830. Ч. 2. С. 60; Там же. СПб., 1831. Ч. 2. С. 61; Там же. СПб., 1832. Ч. 2. С. 61; Там же. СПб., 1833. Ч. 2. С. 61; Там же. СПб., 1834. Ч. 2. С. 62; Там же. СПб., 1835. Ч. 2. С. 61; Там же. СПб., 1836. Ч. 2. С. 62.

[3] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 156. Л. 1–14.

землемера «снять план Смоленска и его окрестностей», но «безуспешно»[1]. Этот факт установила Следственная комиссия, созданная в городе уже после его освобождения от неприятеля. Невиновность В. Ф. Бланкенгорна косвенно подтверждают воспоминания Г. Брандта, который стал свидетелем, что «съемкою Смоленска, плана города или, точнее, части его, по направлению к крепости» в конце августа 1812 г. занимались четыре инженерных офицера армии Наполеона[2], а не местный землемер.

Большинство привлеченных комиссией к следствию, как русских, так и трое иностранцев, в числе которых оказался Бланкенгорн, впоследствии были оправданы, так как выяснилось, что они саботировали распоряжения оккупантов и сами, как и другие жители города, испытали невзгоды и понесли убытки от неприятеля[3]. Суровое наказание (ссылку в Сибирь) понес лишь барон фон Мец, привлеченный французской оккупационной администрацией к сотрудничеству и заподозренный Следственной комиссией в том, что он выдал врагу местонахождение В. Ф. Бланкенгорна[4].

О полном оправдании Василия Федоровича Бланкенгорна свидетельствует тот факт, что следствие по делу никак не повлияло на его дальнейшую успешную карьеру и не было отражено в формулярном списке. Согласно последнему, иностранец продолжил службу в качестве сычевского (до 16 ноября 1814 г.), потом бельского уездного землемера (до 16 июня 1822 г.), затем он был назначен смоленским губернским землемером[5]. Двигался Бланкенгорн и по чиновной лестнице: 31 декабря 1813 г. он получил самый низший чин по Табели о рангах — коллежского регистратора, а затем каждые три года производился последовательно

---

[1] Вороновский В. М. Отечественная война в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. С. 317.

[2] Попов А. И. Инженеры-географы Великой армии в кампании 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. IX: сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2010. С. 108.

[3] Тихонова А. В. Указ. соч. С. 49.

[4] Постникова А. А. Смоленск в 1812 году: оккупация и деятельность «французского» муниципалитета // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 178.

[5] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 156. Л. 1–2.

в следующий класс — губернского секретаря, коллежского секретаря, титулярного советника. 11 ноября 1824 г. Василий Федорович был награжден орденом Святой Анны III степени «за устройство Бельской дороги во время путешествия блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича»[1]. Такое обоснование награды было обозначено в формулярном списке. Несколько иначе оно звучит в уведомлении о награждении, подписанном министром юстиции, генералом князем Д. И. Лобановым-Ростовским и адресованном в Витебск генерал-губернатору князю Н. Н. Хованскому — «приведение в исправность Смоленской дороги»[2]. Когда 9 декабря 1824 г. Василий Федорович Бланкенгорн по делам службы прибыл в Витебск, князь Н. Н. Хованский лично вручил ему полагавшиеся орденские знаки[3].

Памятным оказался для В. Ф. Бланкенгорна и 1826 г.: в феврале этого года определением Смоленского дворянского депутатского собрания он был внесен в список дворян губернии[4] (см. Приложение 25). В том же 1826 г. в течение четырех месяцев — с 19 июля по 11 ноября — Василий Федорович Бланкенгорн находился в отпуске за границей, куда он был отпущен «по Высочайшему повелению»[5]. Причина столь длительного отпуска — необходимость решения в Берлине наследственного дела, которое тянулось несколько лет и без личного присутствия Бланкенгорна могло завершиться утратой им «небольшого достояния его предков»[6]. Будучи на государственной службе, для получения заграничного паспорта на выезд иностранец-землемер подавал прошение смоленскому губернатору И. С. Храповицкому, тот, в свою очередь, генерал-губернатору Н. Н. Хованскому. Последний писал министру юстиции, от которого исходила записка в Комитет министров, на которую последовало Высочайшее повеление, объявленное «по порядку Правительствующему Сенату».

---

1 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 156. Л. 1–2.

2 Город Смоленск. Возвращение к жизни. 1813–1828. Документы Государственного архива Смоленской области. Смоленск: Свиток, 2012. С. 199–200.

3 Там же. С. 200.

4 РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 734. Л. 25; Д. 607. Л. 730; Список дворянских родов, внесенных в родословные дворянские книги Смоленской губернии. Смоленск, 1897. С. 37.

5 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 156. Л. 4.

6 НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 1252. Л. 1.

Только после получения Смоленским губернским правлением указа Первого департамента Правительствующего сената о положительном решении относительно Бланкенгорна ему была определена замена «на время отсутствия»[1]. Губернатор просил генерал-губернатора о снабжении загранпаспортом В. Ф. Бланкенгорна сроком на четыре месяца[2] и сообщал все необходимые данные. Для оформления загранпаспорта был указан маршрут поездки — в Пруссию «через губернии Могилевскую, Витебскую и далее до г. Риги, а оттоль морем в Пруссию, обратный же путь… в Россию на Данцинг, Кенигсберг, Вильну и Смоленск»[3]. Смоленский губернатор уведомлял об уплате пошлины в размере 1 руб. 50 коп. ассигнациями[4] и предоставлял описание «по форме примет Бланкенгорна» (на русском и немецком языках), из которого нам известно, что В. Ф. Бланкенгорну было 39 лет, он высокого роста, имел «волосы черные. Лицо смуглое. Лоб сродственный. Брови черные. Глаза серые. Нос посредственный. Рот умеренный. Подбородок круглый». Была у иностранца и особая примета — «на левой стороне носа бородавка»[5].

Среди обязательных документов для загранпаспорта прилагалось «обязательство о безпрепятствии… к выезду» на гербовой бумаге стоимостью 3 руб., подписанное тремя лицами: штаб-лекарем К. С. Краузом, майором А. Ф. Гернгросом и титулярным советником В. Г. Лутковским. Они гарантировали, что «препятствий никаких не имеется, равно и дел и взыскания с него [Бланкегорна] никаких нет, но естли бы что встретилось, то мы обязуемся на время отлучки его за то ответствовать»[6].

Наконец, загранпаспорт под № 713 от 19 июля 1826 г., подписанный генерал-губернатором, был выдан просителю[7]. На разные формальности

---

1 НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 1252. Л. 9.

2 Там же. Л. 3.

3 НИАБ. Ф. 1297. Оп. 2. Д. 1419. Л. 14–14 об.

4 НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 1252. Л. 3–4.

5 Там же. Л. 6.

6 Там же. Л. 5.

7 Там же. Л. 12. Речь идет об Именном указе, данном Правительствующему сенату 13 февраля 1817 г. «О правилах пропуска чрез границы России иностранцов и разного звания людей, как приезжающих, так и отъезжающих». П. 8 касался права выдачи паспортов генерал-губернаторами и военными губернаторами, в случае их отсутствия гражданскими губернаторами с обязательным уведомлением министра полиции.

ушло три месяца. Эти подробности известны из дела, посвященного выезду В. Ф. Бланкенгорна в отпуск в Берлин в 1826 г. и хранящегося ныне в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Минске в фонде канцелярии витебского, могилевского, смоленского и калужского генерал-губернатора.

Согласно формулярному списку, В. Ф. Бланкенгорн в дальнейшем уже не покидал Россию[1]. За свою добросовестную службу в 1831 г. он был отмечен «знаком отличия беспорочной службы за XV-летнее достоинство», а 22 января 1832 г. награжден орденом Святого Владимира IV степени «в воздаяние ревностной службы и отличных трудов, начальством засвидетельствованных и Комитетом гг. Министров, одобренных Всемилостивейше»[2]. Спустя год, 30 мая 1833 г., Василий Федорович Бланкенгорн был Высочайше пожалован дворянским гербом, имеющим следующее описание: «Щит разделен на две части: в верхней половине в голубом поле находится на треножнике астролябия. В нижней половине в зеленом поле три золотые вверх летящие пчелы. Щит увенчан обыкновенными дворянским шлемом и короною на поверхности коей находятся три страусовых пера. Намет на щите зеленый и голубой, подложенный золотом и серебром»[3]. Астролябия в гербе должна была напоминать о профессии его владельца, а пчелы — символы трудолюбия — свидетельствовали о добросовестном отношении к делу.

Оставаясь губернским землемером, с 31 декабря 1832 г. Василий Федорович был назначен на должность архитектора Смоленской комиссии для устройства зданий батальона военных кантонистов, на этом посту с небольшим перерывом из-за болезни он находился до официального закрытия комиссии 1 декабря 1848 г. Об авторитете иностранца как специалиста говорит факт приглашения его 16 июля 1835 г. в состав Московского комитета под председательством Озерова «для начертания проекта преобразования Межевого корпуса[4], затем 13 ноября 1835 г. («с оставлением в Комитете») Бланкенгорн

---

1 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 156. Л. 4.

2 Там же. Л. 5.

3 Сборник дипломных гербов Российского Дворянства, не внесенных в Общий Гербовник.Т. II. С. 44. URL: https://gerbovnik.ru/arms/3467.html (дата обращения: 11.05.2018).

4 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 156. Л. 5–7.

был переведен из губернских землемеров на должность директора чертежной в Межевой канцелярии[1].

Несмотря на многолетнюю государственную службу на ответственных должностях, В. Ф. Бланкенгорн продолжал оставаться подданным Пруссии[2]. Только 18 июня 1840 г. в Смоленском губернском правлении он вместе со своей семьей был приведен к присяге на верность России. В фонде канцелярии смоленского губернатора в ГАСО сохранилась «Ведомость иностранцам учинившим присягу на верность подданства Российскому престолу в июне месяце 1840 года», к которой «коллежский асессор Василий Федоров сын Бланкенгорн руку приложил»[3].

К 1840 г. относится также запись договора, зафиксированного смоленским публичным нотариусом, между коллежским асессором В. Ф. Бланкенгорном, статским советником П. А. Шупинским, которые действовавали «по доверию членов Смоленского мужского клуба» (элитарного мужского собрания или Английского клуба), и аптекаршей Катериной Мего. У нее вышеназванные господа арендовали помещение для клуба сроком на пять лет (с 1 ноября 1840 г.). Мего предоставляла «для помещения Смоленского мужского клуба и в полное его распоряжение весь верхний без изъятия этаж… каменного … дома, состоящаго в 1-й города части на Большой Одигитриевской улице». Домовладелица должна была произвести большой ремонт: оштукатурить стены и потолки, перебрать и покрасить полы, устроить 8 печей, поменять двери в комнатах и оконные рамы, «отделать прилично парадную лестницу с улицы, со двора же пристроить новую лестницу для заднего хода» и т.д.)[4]. Этот договор показывает, что Василий Федорович Бланкенгорн был уже авторитетным человеком в дворянском обществе Смоленска, и, вероятно, способствовал заключению контракта, участницей которого была его теща — Екатерина Мего.

Продолжив службу как российский подданный, В. Ф. Бланкенгорн был назначен на пост смоленского губернского архитектора с 30 января 1843 г.[5]. Кроме того, с 28 апреля 1849 г. (с момента учреждения в губерниях

---

1 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 156. Л. 7–8.

2 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 18.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. 1840 г. Л. 48.

4 ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 23. Л. 21 об.–22 об.

5 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 156. Л. 8–10.

Российской империи строительных и дорожных комиссий) Василий Федорович, к этому времени уже коллежский советник, стал непременным ее членом в Смоленске[1].

Из документов канцелярии генерал-губернатора известно, что в конце апреля 1849 г. губернский архитектор В. Ф. Бланкенгорн подготовил смету, чертеж и пояснительную записку для работ «относительно исправления дома училища детей канцелярнских служителей», и смоленский губернатор предоставлял эти документы начальству для дальнейших действий по изысканию необходимой суммы[2]. Известно, что в 1853 г. Василий Федорович также осуществлял надзор «за работами по постройке полицейских частей города Смоленска»[3].

Казалось бы, карьера В. Ф. Бланкенгорна шла в гору, однако в его формулярном списке за 1852 г. отмечено событие, явно омрачившее последние годы его жизни: «состоит под судом Смоленской палаты уголовного суда по делу о постройке тюремного замка в городе Духовщине, но дело еще не окончено»[4]. Вероятно, оно разрешилось благополучно для Василия Федоровича, так как в «Памятной книжке Смоленской губернии на 1855 год» он по-прежнему указан смоленским губернским

---

1 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 156. Л. 9–11.

2 НИАБ. Ф. 1297. Д. 14625. 1849 г. Л. 21–22.

3 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 837. 1862 г. Л. 1. Полагающееся В. Ф. Бланкенгорну за эту работу вознаграждение в сумме 78 руб. 75 коп. серебром его наследники пытались востребовать в 1862 г. (ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 837. 1862 г. Л. 1). При наведении справок выяснилось, что на доме во 2-й части Смоленска, приобретенном коллежской советницей Юлией Бланкенгорн, а до 1837 г. принадлежавшем подполковнице Юлии Шванибах, накопилась недоимка оценочного сбора за период с 1838 по 1863 г.— 154 руб. 11 ¼ коп. (Там же. Л. 22 об.). В связи с этим 22 июня 1864 г. деньги, полагающиеся к выплате за работу В. Ф. Бланкенгорна, были зачтены в счет недоимки оценочного сбора (Там же. Л. 27 об.).

4 ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 156. Л. 4. Окончательно дело о строительстве тюремного замка в городе Духовщине завершилось в 1858 г. Это известно из формулярного списка Константина Бернардовича Гейштора, выходца из дворян Виленской губернии, который являлся архитектором Смоленской губернской строительной и дорожной комиссии и также проходил по данному делу. К. Б. Гейштор получил выговор, но последний не был внесен в соответствующую графу послужного списка «после Манифеста». Следовательно, архитектор был прощен (ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 441. Л. 6 об.).

архитектором, непременным членом Смоленской строительной и дорожной комиссии[1].

Из формулярного списка В. Ф. Бланкенгорна следует, что он был достаточно состоятельным человеком, получая приличное для провинциального чиновника жалование в «500 руб. столовых и 400 руб. серебром»[2]. К 1852 г. он являлся владельцем «благоприобретенного имения» в Смоленском уезде с 51 душой мужского пола и 3 дворовыми[3]. Известно, что Василий Федорович был женат дважды: первым браком — на дочери прусского подданного, смоленского аптекаря Вильгельмине Емануиловне Мего[4], а вторым браком (вероятно, после смерти первой супруги[5]) — на Юлии Карловне Зандер[6]. Отец восьмерых детей, из которых к 1852 г. отдельно проживали лишь двое старших — Вольдемар и замужняя Августа, В. Ф. Бланкенгорн должен был заботиться о воспитании и содержании трех сыновей и трех дочерей[7]. При этом, известно, что в конце жизни Василий Федорович активно занимался благотворительностью, состоя членом попечительства смоленского детского приюта. За эту деятельность он неоднократно удостаивался «Высочайших благоволений Ея Императорского Величества» — императрицы Александры Федоровны: 10 декабря 1848 г., 5 ноября 1849 г. и 3 марта 1851 г.[8].

---

[1] Памятная книжка Смоленской губернии на 1855 год. Смоленск, 1855. С. 18.

[2] В результате денежной реформы 1839–1843 годов министра финансов графа Е. Ф. Канкрина 1 серебряный рубль приравнивался к 3,5 рублей ассигнациями.

[3] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 156. Л. 4.

[4] РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 734. Л. 25.

[5] Крестными детей от второго брака были родственники со стороны первой жены В. Е. Мего (ГАСО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–5, 8–9, 20–21).

[6] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 156. Л. 4.

[7] Там же. Л. 4–5. В документах Дирекции училищ Смоленской губернии сохранилось прошение В. Ф. Бланкенгорна от 30 июня 1848 г. о переводе сына Владимира из благородного пансиона в гимназию как вольноприходящего ученика (ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 917. Л. 60) и прошение от августа 1854 г. об определении его сына Вильгельма в Смоленскую губернскую гимназию (ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1558. Л. 65), а также прошение Ю. К. Бланкенгорн от 24 августа 1864 г. об определении в гимназию сына Александра (ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2147. Л. 79–79 об.).

[8] ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 156. Л. 10–13.

Свой земной путь В. Ф. Бланкенгорн завершил на лютеранском кладбище Смоленска, где 5 августа 1855 г. он был похоронен[1]. Могила его утрачена. Ныне свидетельством трудов Василия Федоровича Бланкенгорна остается «Атлас Смоленской губернии», хранящийся в Российской государственной библиотеке.

Несомненно, привлечение иностранных специалистов к проектным и архитектурным работам на Смоленщине отвечало требованиям времени. Губерния, серьезно пострадавшая в ходе Отечественной войны 1812 г., нуждалась в профессионалах при осуществлении масштабного строительства.

Справедливости ради, стоит упомянуть еще одного иностранного архитектора, который никогда не работал в Смоленске, но его творение до сих пор украшает наш город. Это Антонио Адамини (Antonio Adamini, Антон Устинович, 1794–1846, сын Агостино Адамини)[2]. Он представитель многочисленного рода каменщиков и архитекторов из итальянского кантона Тичино (Тессин) в Швейцарии, уроженец Бигоньо близ Лугано. Антонио Адамини приехал в Россию уже квалифицированным специалистом: еще в начале карьеры в феврале 1818 г. ему как помощнику главного каменных дел мастера было назначено жалование в размере 1000 рублей в год[3]. С 1825 г. А. А. Адамини был назначен каменных дел мастером, а с 1827 г.— младшим архитектором на строительстве Исаакиевского собора, где он работал под руководством О. Монферрана. Швейцарец занимался установкой колонн Исаакиевского собора и Александровской колонны[4] (за работы, связанные с Исаакиевским собором, мастер

---

1 ГАСО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 13. Л. 23–24.

2 Редаэлли А.М., Тодорович П. Тессинские строители в Петербурге в первой половине XIX века // История Петербурга. 2006. № 1. С. 24.

3 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 708. Оп. 1. Д. 139. Л. 1.

4 А. Адамини был определен к работам по строительству Исаакиевского собора 21 апреля 1825 г., а уволен 22 июля 1835 г. (РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 310. 1825–1835 гг. 118 л.). Бори Ж.-Р. Адамини — знаменитая семья тессинских зодчих на берегах Невы // Швейцарцы в Петербурге: сборник статей / сост. М. И. Люти, Э. Медер, Е. Тарханова. СПб.: Петербургский институт печати, 2002. С. 148–153; Макогонова М. Л. Швейцарские архитекторы — строители Петербурга XIX — начала XX вв. // Швейцарцы в Петербурге. С. 117–128; Малиновский К. В. Архитекторы из итальянской Швейцарии в Санкт-Петербурге // Швейцарцы в Петербурге. С. 107–116.

12 августа 1828 г. получил 3 тысячи рублей[1], а за знаменитый памятник государю 29 августа 1834 г. был награжден орденом Св. Владимира IV степени[2]). В присутствии государя, при большом стечении публики 30 августа 1834 г. произошло открытие этого грандиозного памятника Александру I в столице Российской империи. На все подготовительные работы по установке колонны ушло 5 лет напряженной работы[3].

В 1830-х гг. А. Адамини участвовал в проведении ремонтных работ в Таврическом[4] и Зимнем дворцах[5], а с 1839 г. состоял архитектором Гоф-интендантской конторы, позже — в Государственном банке (до 1842 г.)[6].

Этот швейцарский архитектор создал проект типового памятника «в воспоминание Отечественной войны 1812 года». К 1848 г. были установлены памятники: 1-го класса на Бородинском поле[7] и 2-го класса в Малоярославце, Смоленске, Полоцке, Ковно, Клястицах и под Красным[8]. Из них сохранился в подлиннике только памятник в Смоленске, заложенный в 1838 г. (см. Приложение 26) и торжественно открытый

---

1 ОР РНБ. Ф. 708. Оп. 1. Д. 139. Л. 31.

2 РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 626. 1830 г. Л. 1–33; Ф. 1263. Оп. 1. Ст. 1671. Д. 654. 9 сентября 1830 г.; ОР РНБ. Оп. 1. Д. 139. Л. 31. Редаэлли А. М., Тодорович П. Указ. соч. С. 23–24. Подробнее см.: Навоне Н. Антонио Адамини и подъем Александровской колонны в Санкт-Петербурге // От мифа к проекту. Влияние итальянских и тичинских архитекторов в России эпохи классицизма / под ред. Л. Тедески и Н. Навоне. СПб.., 2004. С. 441–443.

3 Бори Ж.-Р. Указ. соч. С. 152; Редаэлли А. М., Тодорович П. Указ. соч. С. 22–23.

4 Шуйский В. Иван Старов, Луиджи Руска: Таврический дворец // От мифа к проекту. Влияние итальянских и тичинских архитекторов в России эпохи классицизма / под ред. Л. Тедески и Н. Навоне. СПб., 2004. С. 234.

5 Бори Ж.-Р. Указ. соч. С. 153; Об участии А. Адамини в работах по исправлению позолоты в Зимнем дворце см.: ОР РНБ. Оп. 1. Д. 139. Л. 19.

6 Бори Ж.-Р. Указ. соч. С. 153.

7 РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 126. 1839 г. Л. 84–86.

8 Михайлов К. Поруганная слава. М.: Яуза, Эксмо, 2007. Рисунки, акварели, проекты монументов войны 1812 года А. Адамини сохранились в фонде Научно-технической библиотеки Петербургского государственного университета путей сообщения. URL: http://library.pgups.ru/jirbis2/index.php?option=com_content&view=article&id=351: iz-redkogo-fonda-antonio-agostino-adamini&catid=60: fond-redkikh-knig-i-rukopisej&Itemid=266 (дата обращения: 30.12.2018).

5 ноября 1841 г. на плац-парадной площади (ныне территория Лопатинского сада)[1] (см. Приложения 27–28). Памятник близ Красного у р. Лосьмины был возвигнут в 1847 г.,[2] а в 1931 г. его отправили на переплавку[3]. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. восстановленный монумент был торжественно открыт недалеко от Красного 16 сентября 2012 г.[4].

Среди последних работ Антонио Адамини — перестройка Певческой капеллы в Петербурге[5]. Реконструкцию купола церкви Св. Митрофания Воронежского в столице Российской империи архитектор завершить не успел, и ее выполнил его соотечественник Л. Руска[6]. Умер А. Адамини в Петербурге. Надгробие на его могиле сохранилось до наших дней на кладбище, имеющем название «Смоленское»[7].

Иностранным архитектором, чьи проекты реализовывались в усадьбах Смоленщины, был соотечественник А. Адамини, уроженец швейцарского городка Монтаньоле в кантоне Тичино (Тессин) — Доменико Жилярди (1785–1845, по-русски Дементий Иванович). Он с 1799 г. в течение четырех лет учился в Петербурге: живописи — у Джакомо Феррари и художника-монументалиста Карло Скотти, архитектуре — у Антонио Порта[8].

---

1 Трофимов А. Гимн ратному подвигу // Край Смоленский. 1991. № 3. С. 32–35.

2 Торжественное открытие состоялось 21 мая 1847 г. (Вороновский В. М. Отечественная война 1812 года в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. С. 342). Подробно об истории сооружения памятника в г. Красном см.: Деверилин А. Ю. История создания памятника, посвященного героям 1812 года, в Красном // Край Смоленский. 2018. № 8. С. 12–15 и Открытие памятника в Смоленске / публикация статьи из «Русского инвалида». 1847. № 78 подготовлена А. Ю. Деверилиным // Смоленская старина: сборник Смоленского областного краеведческого сборника /ред.-сост. Н. В. Деверилина. Смоленск: Свиток, 2018. С. 167–175.

3 Трофимов А. Я. Особое мнение // Край Смоленский. 1995. № 11–12. С. 27–34.

4 Алипенкова А, Фахуртдинова Е. Красный — западный страж России // Край Смоленский. 2012. № 10. С. 8–9.

5 Макогонова М. Л. Указ. соч. С. 119.

6 Бори Ж.-Р. Указ. соч. С. 153.

7 Пирютко Ю. М. Швейцарцы в Петербурге: Швейцарский некрополь Санкт-Петербурга // Швейцарцы в Петербурге. С. 550.

8 Пфистер А. Доменико Жилярди между Италией и Москвой Александра I // От мифа к проекту. Влияние итальянских и тичинских архитекторов в России эпохи классицизма / под ред. Л. Тедески и Н. Навоне. СПб., 2004. С. 400.

Затем благодаря материальной помощи от вдовствующей императрицы Марии Федоровны Д. Жилярди в конце 1803 г. смог отправиться учиться в Миланскую Академию искусств, которую он успешно окончил в 1806 г.

Вернувшись в Россию в 1810 г., Д. Жилярди много строил в Москве (восстановление зданий Московского университета[1], перестройка Екатерининского училища, строительство домов А. П. Хрущева, М. Лунина, здания для Опекунского совета и Ремесленного заведения Воспитательного дома), а также усадьбах Кузьминки (князя С. М. Голицына), Суханово и Отрада-Семеновское (графов Орловых), Высокие горы на Земляном валу (Усачевых-Найденовых) и др[2]. Именно с работами Д. Жилярди традиционно связывают особенности московского ампира[3], многие проекты он воплотил в сотрудничестве с А. Григорьевым, с которым вместе воспитывался[4].

Последние годы интерес к творчеству Доменико Жилярди растет, чему способствовала публикация его чертежей из Архива Нового времени в Мендризио (Швейцария)[5]. Российские специалисты вводят в научный оборот описание многих ранее неизвестных или малоизвестных работ Д. Жилярди в России[6].

---

1 Подробнее см.: Пфистер А. Матвей Казаков, Доменико Жилярди: Московский университет // От мифа к проекту. С. 409–410.

2 Белецкая Е. А., Покровская З. К. Жилярди. М.: Стройиздат, 1980. 168 с.

3 Швидковский Д. От Екатерины Великой до Александра I: ментальность монархов и развитие русской архитектуры в эпоху Просвещения // От мифа к проекту. С. 279; Нащокина М. В. Наедине с музой архитектурной истории. М., 2008. С. 67–80.

4 Швидковский Д. Указ. соч. С. 279.

5 Pfister A., Angelini P. Gli architetti Gilardi a Mosca: la raccolta dei disegni conservati in Ticino. Mendrisio: Academy Press: Fondazione Archivio del Moderno, 2007. 244 p.; От мифа к проекту. Влияние итальянских и тичинских архитекторов в России эпохи классицизма / под ред. Л. Тедески и Н. Навоне. СПб.: Акад. Архитектуры; Гос. Эрмитаж, 2004. 582 с.

6 Покровская З. К. Неизвестный Жилярди // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1997. М., 1998. С. 533–546; Лякишева С. И. Произведение Доменико Жилярди в селе Новомихайловка (Корсаковский район Орловской области) // Русская усадьба. 22 (38). СПб.: Коло, 2012. С. 284–291; Чекмарев А. В. Ранее неизвестные произведения семьи Жилярди в России // Русская усадьба. 22 (38). СПб.: Коло, 2012. С. 292–247; Чекмарёв А. В. Два ранее неизвестных мавзолея Доменико Жи-

С именем Доменико Жилярди в Смоленской губернии связывают проекты в имении Барышниковых Алексино Дорогобужского уезда: музыкального павильона, построенного в 1810–1820 гг., и дворца — в 1819–1823 гг.[1]. Строительством руководил ученик Д. Жилярди Д. Поляков[2]. В одной из своих статей «Неизвестные произведения семьи Жилярди» современный искусствовед А. В. Чекмарев вполне обоснованно связал имя Д. Жилярди с созданием проекта Спасо-Преображенской церкви в селе Мольгино Сычевского уезда Смоленской губернии, принадлежавшем графу Никите Петровичу Панину (1770–1837)[3]. Отец Доменико Жилярди — Джованни Баттиста (Иван Дементьевич в русской транскрипции) и сам Доменико, как предполагает исследователь, могли получить протекцию для работы у Паниных через директора московского Воспитательного дома И. А. Тутолмина, близкий родственник которого был женат на младшей сестре владельца Дугино графа Н. П. Панина Софье (1772–1833)[4]. К сожалению, постройки в Алексино и Мольгино нуждаются в серьезных реставрационных работах, но даже в таком состоянии они свидетельствуют о высоком уровне мастерства архитектора.

Благодаря исследованиям А. В. Чекмарева известно, что в Дугино в августе 1809 г. Н. П. Панин поручал «производство всех работ как и доныне архитектору Скоттию, коему вотчинный правитель должен

лярди // История архитектуры и градостроительства. Тезисы докладов секции № 4. 11 апреля 2012 года: материалы научно-практической конференции. М., 2012. С. 27–32; Чекмарёв А. В. Cimitero monumentale под Москвой: об источниках сухановского мавзолея Жилярди // Русская усадьба. 20 (38). СПб.: Коло, 2015. С. 353–371; Чекмарёв А. В. Самый востребованный церковный проект Жилярди. Московский ампир в сельском строительстве московских заказчиков // Русская усадьба. 22(38). СПб.: Коло, 2017. С. 261–298 и др.

[1] Архитектурные памятники Смоленской области: каталог. Кн. 2. М., 1987. С. 399–401; Чижков А. Б., Гурская Н. Г. Смоленские усадьбы. Смоленск: Свиток, 2009. С. 53; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Смоленская область. М.: Наука, 2001. С. 419; Сухова Э. К. Усадьба Алексино Барышниковых // Знаменитые усадьбы Смоленщины / науч. ред. Э. К. Сухова. Смоленск, 2011. С. 57–60.

[2] Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Смоленская область. С. 419.

[3] Чекмарев А. В. Ранее неизвестные произведения семьи Жилярди в России. С. 219–234.

[4] Там же. С. 219–220.

подавать нужное пособие»[1]. Речь идет о Карле Петровиче Скотти[2]. Династия художников-декораторов Скотти, трудившихся при русском дворе, происходила из Италии (местечка Ланцо-д`Интельви близ Комо) на границе со швейцарским кантоном Тичино[3]. Карло Скотти (1747–1823) был учителем Д. Жилярди в 1800–1803 гг.[4].

А. В. Чекмареву удалось установить, что последней крупной перестройкой усадебного дома в Дугино в 1845 г. занимался архитектор «некий Иосиф Бианки, чья подпись стоит на всех сметах по этим работам»[5]. Вероятно, речь идет об Иосифе Карловиче Бианки, который учился в Московском дворцовом архитектурном училище и в 1842 г. получил от Императорской Академии художеств звание неклассного художника архитектуры, а в 1846–1847 гг. служил в Москве младшим архитектором 2-го округа военных поселений[6]. Бианки — итальянская фамилия. Одновременно с этим архитектором в России начинал работать как фотограф Джованни (Иван) Бианки (Giovanni Bianchi, 1811–1893), уроженец Варезе (Италия), окончивший Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве[7]. Есть сведения о петербургском художнике Николае Бианки, участнике выставки в Петербургской Академии художеств в 1839 г.[8]. Вероятнее всего, это родственники.

В документах III Отделения Е. И.В. канцелярии упоминается имя подданного Великобритании, архитектора Егора Макгеля, в 1837 г. принявшего в Смоленской губернии присягу на подданство России[9]. Из документов Дирекции училищ Смоленской губернии известно, что

---

1 Чекмарев А. В. Ранее неизвестные произведения семьи Жилярди в России. С. 230.

2 Там же.

3 Подробнее см.: Антонов В. В. Живописцы-декораторы Скотти в Петербурге // Швейцарцы в Петербурге. СПб., 2002. С. 202–210.

4 Чекмарев А. В. Ранее неизвестные произведения семьи Жилярди в России. С. 230.

5 Чекмарев А. В. Усадьба Дугино Паниных // Русская усадьба. 7 (23). М.: Жираф, 2001. С. 424.

6 Кондаков С. Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. СПб., 1915. Т. II. С. 295.

7 Иван Бианки — первый светописец Петербурга: Каталог выставки. 27 мая — 19 июля 2005 г. / научн. ред. Ю. Б. Демиденко; сост. Ю. Б. Демиденко, А. А. Китаев. СПб., 2005. С. 5.

8 ОР РНБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 223. Л. 9.

9 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 141.

15 сентября 1837 г. «уволенный из 3-й гильдии купеческаго общества Егор Яковлев сын Макгель» подал директору училищ прошение о поступлении на службу «по части народного Просвещения в должность рисования, черчения и чистописания учителя уезднаго Училища» и просил допустить к испытанию в губернской гимназии «в предметах рисовальнаго искусства положенных для Уездных Училищ»[1].

В прошении были перечислены документы, прилагаемые Е. Я. Макгелем: «1, метрическое свидетельство о рождении и крещении моем, данное из Смоленской Духовной Консистории. 2, увольнительныя из Гжатской Градской Думы и городоваго Магистрата, и 3, свидетельство о науках моих, данное от Архитектора и члена С. Петербургской Академии художеств, Михаила Быковского»[2]. Уверенная подпись Е. Я. Макгеля под прошением и расписка о получении документов обратно, сделанные по-русски, свидетельствуют о его хорошем владении русским языком. Документы были востребованы Е. Я. Макгелем в апреле 1838 г. В своем прошении об их возврате он объяснил, что желает «посвятить себя другому роду службы», а не преподаванию[3].

С большой долей вероятности можно утверждать, что Егор Яковлевич Макгель — это сын английского садовника Якова Макгеля (Мак Гиля), работавшего в Дугино у графа Н. П. Панина в 1813–1815 гг.[4]. Из перечня документов Е. Я. Макгеля явствует, что он родился в Смоленской губернии, а «свидетельство о науках» ему подписал архитектор М. Д. Быковский, который создавал архитектурный ансамбль в усадьбе Паниных Марфино под Москвой и предположительно по проекту Быковского в 1830-х гг. в Дугино был построен «дом для служащих»[5]. Вполне возможно, Е. Я. Макгель работал вместе с М. Д. Быковским и хорошо себя зарекомендовал, потому и получил от наставника «свидетельство». В документах III Отделения Егор Яковлевич Макгель именовался именно архитектором[6].

---

1 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 251. Л. 13.

2 Там же. Л. 13 об.

3 Там же. Л. 12.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 47; Ф. 855. Оп. 1. Д. 2497. Л. 6.

5 Чекмарев А. В. Усадьба Дугино Паниных // Русская усадьба. 7 (23). М.: Жираф, 2001. С. 427.

6 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 141.

В настоящее время можно ожидать открытия новых имен иностранных архитекторов, трудившихся в Смоленской губернии в первой половине XIX века. Несомненно, иностранные специалисты, причастные к созданию архитектурного облика Смоленщины, достойны внимания исследователей.

ДЕТАЛИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Из «Книги для записи контрактов договоров и условий» смоленского публичного нотариуса за 1834 г., запись № 6 от 8 марта:

«Тысяча восемьсот тридцать четвертаго года марта восьмаго дня пруский подданный Иоган Христианов сын Кингер заключил сей контракт и Г. 12-го класса Яковом Осиповым сыном Федоровым в том, что нанял я у него Федорова собственный его двухэтажный дом, состоящий города Смоленска в 1-й части 1-го квартала под № 16-м и имеющейся в оном доме мебелью по описи, в коем доме каменном имеется десять чистых комнат с двумя передними и двумя под оным домом теплыми погребами, и принадлежащим к оному дому теплыми строениями, а имянно: одним деревянным флигелем устроенном на 30-ти аршинах, заключающий в себе шесть чистых комнат, две передних, кухню внизу с плитою: мазанкой о четырех комнатах, другим двухэтажным флигелем, устроенным на 26 аршинах в коем в верхнем этаже три чистых комнаты. Внизу две избы и плита, по правою сторону ворот сарай и конюшня о четырех стойлах. Против ворот погреб для льда, сарай и две конюшни о десяти стойлах, коровник. В округе дома сад и в нем баня».

Срок договора был 5 лет с уплатой ежегодно 1750 рублей ассигнациями, в случае пожара или другого нанесения убытков их должен был возместить иностранец, а в случае неисполнения договора обязан был выплатить 3000 рублей ассигнациями.

Имеются расписки в получении обратно контрактов: Я. О. Федорова и Johann Christian Kinger.

ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 11. 1834 г. Л. 5–5 об.

Перевод с французского текста ноты австрийского министерства от 19 февраля 1834 г. (в ответ на запрос об иностранке Марье Маргарите Яровинской, желавшей вступить в поддан-

ство России вместе с сыном Александром и подавшей об этом прошение смоленскому губернатору):

«В следствие Ноты Российскаго Императорскаго Посольства от 26 минувшего июля Тайная Надворная Государственная Канцелярия не оставила предписать надлежащему Департаменту проверить показания Марии Михайловны Еровинской, объявившей что она Австрийская подданная, родом из Калварии в Галиции, откуда она выехала почти за 20 лет пред сим с Русским офицером, с которым она впоследствии прижила сына.

Уведомить не предстоит ли препятствий к вступлению сей женщины с сыном в Российское подданство.

Тайная Надворная Государственная Канцелярия получив ныне донесение по сему предмету от Галлицийскаго местнаго Начальства имеет честь уведомить Российское императорское Посольство что по собранным на месте справкам девушка 10 или 11 лет по имени Мария Маргарита Яросинская, обольщенная обещаниями жены Русскаго офицера, который стоял на квартире в доме деда ея Якова Яросинскаго, во время перехода Российских войск чрез Калварию, уехала тайно почти до 28 лет тому назад с женою сего офицера и что с тех пор от нее не получали никаких известий.

Не смотря на различие в именах сей женщины и той о которой упоминается в вышеозначенной Ноте, кажется нельзя сомневаться по сходству прочих обстоятельств, что сии имена принадлежат одному и тому же лицу.

В сем предположении Австрийское Правительство объявило, что оно не будет препятствовать вступлению Марии Маргариты Яросинской и сына ея в Российское подданство, с тем однако ж чтобы она предварительно испросила на сие согласие надлежащаго Австрийскаго Начальства».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. 1834 г. Л. 245–246.

Из журнала заседаний дворянства Приказа общественного призрения от 1 мая 1834 г. за № 16: «Уведомление Смоленской Градской Полиции при котором прислан подкинутый к дому иностранца Фридриха Штерна женска пола младенец Александра с изъяснением, что об открытии виновных и подкинутии, предписано 3-м города

частям. ПРИКАЗАЛИ: присланного младенца Александру отослать для помещения в Воспитательный дом к смотрителю Граммати».

ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 140. Л. 1109 об.

Из уведомления генерал-губернатором витебским, могилевским и смоленским князем Н. Н. Хованским Смоленского гражданского губернатора Н. И. Хмельницкого от 21 ноября 1834 г. за № 5840 о возможности ответить на просьбу пастора Смоленского Евангелического Общества Лангенбека о передаче для церкви органа из одного из упраздненных в Орше римско-католических монастырей. Губернатору было предложено «объявить Смоленскому Евангелическому Обществу, что если оно действительно имеет надобность в органе, то от него будет зависеть приобресть покупкою орган из церкви упраздненнаго монастыря тринитаров в городе Орше, для чего без сомнения потребуется незначительная сумма, долженствующая поступить в общий вспомогательный капитал Римско-католического Духовенства».

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. 1834 г. Л. 489–489 об.

Из «Книги для записи контрактов договоров и условий» смоленского публичного нотариуса за 1835 г., запись № 23 от 25 мая:

«1835 года Майя двадцать пятаго дня мы нижеподписавшиеся шведский подданный Андрес Густав Гедблюм (иностранная фамилия искажена.— *А.Т., О.К.*) и испанский подданный Доменик Роба, учинили между собою сие условие: в том что я Гедблюм должен служить Ему Роббе с изместными мне положениями, во всяком случае без малейшаго прекословия и везде стараться быть ему полезным, считая от вышеписанного числа сроком по двадцать пятое майя будущаго тысяча восемь сот тридцать шестаго года. На случай есть ли бы я захотел прежде срока, по каким либо причинам отстать от условия, или Д. Робба захотел меня прежде срока удалить от себя, то в таком случае обязуемся с обеих сторон который только нарушит сие условие заплатить правой стороне пять сот рублей ассигнациями и заплатит без замедления, что б не заставило делать, с другой стороны обязуется Г. Робба дать мне за сие означенное время жалованья семдесят пять целковых серебром

и нужный гардероб к представлению: (а впротчем собственное мое Гедблюма) также квартиру и харчи и мытье белья, я же Гедблюм обязуюсь в свободное время иметь без платы полусапожки для представления. Для лучшаго уверения с обоих сторон и заключили сие условие которое и записать, где следует. У подлиннаго тако: Andres Gustav Högblom. Dominique Robba.— 1835-го года майя двадцать пятаго дня сие условие в Смоленске у публичного нотариуса Шведским подданным Доменик Робба лично явлено и в книгу подлинником под № двадцать третьим записано в том свидетельствую

Публичный нотариус Петр Павлов. Оное условие писано на трехрублевом листе. Подлинное условие от явки получили обратно Dominique Robba. Andres Gustav Högblom».

ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 15. 1835 г. Л. 18 об.

Из «Книги для записи контрактов договоров и условий» смоленского публичного нотариуса за 1839 г., запись № 139 от 15 ноября:

Договор между иностранцем прусским подданным Александром Александровым Кернером и дворовым человеком помещика штабс-капитана Василия Константиновича Макалинского Петром Трофимовым об отдаче Кернеру дочери Трофимова, получившей вольную «1836 года февраля 18 дня от артиллерии штабс-капитана Василия Константиновича Макалинского и засвидетельствованной в Смоленской губернии в Духовщинском уездном суде Софью Петрову в отце Трофимову имеющую от роду девять лет для обучения русской грамоте, французскому и немецкому языкам, музыке на фортепиано, танцовать и разным женским рукоделиям сроком впредь на девять лет то есть будущаго тысяча восемьсот сорок восьмаго года ноября по пятнадцатое число. За который срок обязуюсь я Кернер обучить всему тому в настоящем видно как в договоре сказано не требуя от него Трофимова одежды, хлеба и харчей, а содержать мне Кернеру на своем иждивении прилично как свою родную дочь и не позволять ей выйти замуж без позволения родителей и по просшествии означеннаго срока обязуюсь доставить ея Трофимову к родителю ея в город Смоленск на своем иждивении, а буде чего Боже сохрани ея смерти обязуюсь известить

родителей и буде она пожелает еще остаться на дальнейшее усовершенствование наук, то я Кернер приемлю и на дальнейшее время»

Подлинный договор подписали Кернер и Трофимов.

Расписка в получении договора обратно дана А. А. Кернером.

ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 20. 1839 г. Л. 36–36 об.

Из «Книги для записи заемных писем, векселей и протестов» смоленского публичного нотариуса за 1840 г., запись № 145 от 15 мая:

«Тысяча восемьсот сорокового года февраля перваго дня я нижеподписавшийся вольноотпущенный Арсентий Петров сын Колобов занял у содержателя гостиницы города Смоленска иностранца Стефана Карловича Дельторкио денег Государственною серебряною монетою двести восемьдесят пять рублей семдесят одну и три седьмых копейки за указные проценты сроком впредь на три месяца то есть: сего ж года майя по первое число, на которое и должен его ту сумму сполна заплатить, а буде чего не заплачу, то волен он Дельторкио просить о взыскании и поступлении по законам».

Имеется запись о получении денег С. Дельторкио — 6 мая 1840 г. 142 руб. 85 $^{5}/_{7}$ коп. и 15 мая 1840 г. 142 руб. 85 $^{5}/_{7}$ коп., а также выплаты в городской доход по ¼ процента с рубля, то есть всего 35 $^{5}/_{7}$ коп. серебром.

Подтверждающие подписи нотариуса и содержателя гостиницы в г. Смоленске Stefani Deltorcio.

ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 22. 1840 г. Л. 22.

ПУТЕШЕСТВИЕ — «UTILE CUM DULCI» (ПРИЯТНОЕ С ПОЛЕЗНЫМ)

Смоленская губерния, в силу своего географического положения, была привлекательной для иностранных путешественников: она связывала белорусские и центральные губернии, была ориентирована на Москву, а также имела сообщение с Петербургом и прибалтийскими губерниями (в первую очередь, с Лифляндией и ее губернским центром Ригой), а на юге граничила с Орловской и Черниговской губерниями (черноземной полосой России).

При этом путешественников не пугала перспектива печально знаменитых «русских дорог» и возможность добраться сюда только в собственном или нанятом экипаже. На быстрое получение почтовых лошадей на станциях могли рассчитывать лишь те, кто ехал по «государевой надобности», то есть по официальному приглашению императора. Иностранцы, которые сумели добраться до Смоленской губернии, уже имели за плечами опыт получения документов на въезд, встреч с русской таможней на границе Российской империи, посещения III Отделения Собственной Е. И.В. канцелярии в столице и губернаторов в городах по ходу следования (для соответствующих отметок в паспорте и получения подписанного начальником губернии вида на проезд до следующего пункта назначения). Были также обязательные остановки на почтовых станциях или постоялых дворах, возможно, поломки и ремонт экипажа, ночлег и еда в незнакомых прежде местах и, конечно, наблюдения придорожных пейзажей и осмотр достопримечательностей.

О приключениях, которые ждали иностранцев в российской провинции, комфорте или недостатках предлагаемого здесь сервиса, впечатлениях от путешествия ныне можно узнать из делопроизводственных архивных документов или источников личного происхождения (дневников, писем, мемуаров). В распоряжении исследователя истории Смоленщины первой половины XIX века подобных материалов не много, но они достаточно информативны: это бумаги из канцелярии губернатора, записи француза Э. Монтюле и «Русский дневник» баварца Эугена Хесса.

Сразу следует отметить, что мнения о путешествии по России могли быть очень разными у «маленького человека» и высокопоставленной персоны, в первую очередь потому, что разным у них был материальный

достаток и гарантии безопасности. В своей «Повседневной жизни русского путешественника в эпоху бездорожья» историк Н. С. Борисов справедливо замечает: «Во все времена путешествие таило в себе разного рода опасности для благополучия, а иногда и самой жизни путника»[1]. Исследователь приводит стихотворение «Дорожные жалобы» А. С. Пушкина с перечислением возможных проблем, среди которых болезнь, травма или нападение преступника:

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине[2].

То, что для иностранца эти дорожные опасности нередко становились явью, подтверждают «сухие» строки документа: из рапорта смоленской городской полиции в ноябре 1826 г. смоленский губернатор И. С. Храповицкий узнал о явке «в оную» француза Петра Александрова Ламберта «без всякого вида», но с «бумагами», выданными иностранцу Можайским земским судом, «из коих значит что он в сей суд объявил, что во время прохода его из Москвы в Варшаву на большой Смоленской дороге в лесу называемом им Вяземским отнято у него неизвестными людьми все имущество, в том числе и пашпорт», полученный Ламбертом от пензенского гражданского губернатора. Иностранец имел «крайнюю необходимость ехать в г. Вильно» и обращался с просьбою «выдать ему на проезд туда билет». Смоленский гражданский губернатор сообщал своему пензенскому коллеге: «Убеждаясь таковою прозбою его я выдал ему билет на проезд до Вильно, и покорнейше прошу Ваше Пре[восходительст]во

---

[1] Борисов Н. С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 100.

[2] Цит. по: Там же. С. 101.

приказать учинить достоверную выправку в делах ваших и уведомить меня с первою почтою действительно ли помянутому иностранцу Ламберту был выдан от вас билет, в какое время и до какого места». Кроме того, смоленский губернатор просил уведомить об этом и виленского коллегу, так как Ламберт отправился в путь с новым билетом[1].

Кстати, агрессию в дороге мог проявить и иностранец. Так, в том же 1826 г. проезжавший через станцию Васино Дорогобужского уезда курьер испанского чрезвычайного посланника Аениас «разрубил саблею голову» смотрителю станции губернскому секретарю Бердяеву. Причины столь серьезного инцидента в документах канцелярии губернатора не отражены. Пострадавший возбудил иск, и через 5 лет после происшествия денежная компенсация с обидчика была взыскана. Она оказалась «436 реалов составляющих по курсу на ассигнац[ии] сто девять рублей за вычетом в пользу почты одного рубля девяти коп[еек]»[2]. Эти деньги были удержаны из жалования испанского курьера и «доставлены от посланника Нашего, в Мадриде, г. Тайного Советника Убри» управляющему Министерством иностранных дел П. Г. Дивову, тот отослал их смоленскому гражданскому губернатору Н. И. Хмельницкому, а последний 8 августа 1831 г. направил деньги в Дорогобужский земский суд. Губернатор предписывал уездному суду «выдать деньги станционному смотрителю Бердяеву с росписко́ю», которую «немедленно» доставить в канцелярию[3]. Сумел ли пострадавший станционный смотритель поправить свое здоровье после столь драматического инцидента, осталось неизвестным.

В январе 1831 г. в канцелярию смоленского губернатора Н. И. Хмельницкого для «перемены билета» явился «прусский подданный столярных дел подмастерий Иоган Фердинант Апцподин». Иностранец пожаловался: «1) что при проходе его чрез Дорогобуж взят он был неизвестно ему почему в полицию, где вовремя нахождения его пропал из чемодана его галстук, стоющий 5 р. 2) Полицейский служитель взял у него 3 р. 80 ко[п]. на покупку пищи, но оной не покупал ему и денег не возвратил. 3) Во время нахождения его в доме …[дорогобужского городничего] пропала его легавая собака стоющая 50 р. и 4) при отправлении его посредством

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1826 г. Л. 518 об.– 529.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. 1831 г. Л. 796–796 об.

3 Там же.

внутренней стражи в Смоленск отобран от него аглинской (то есть английский.— *А.Т., О.К.*) несессер и отдан конвойному и после ему не возвращен»[1]. Губернатор потребовал от дорогобужского городничего распорядиться «о возвращении означенному иностранцу упомянутых вещей и собаки» и доставить их в губернский город, «по жительству его [иностранца] в г. Смоленске»[2].

В отличие от рядовых иностранных подданных, высокопоставленные гости по максимуму были избавлены от ситуаций дискомфорта. К встречам с такими особами в губернии готовились заранее, чтобы, как говорится, не ударить в грязь лицом.

В декабре 1817 г. через Смоленщину возвращался в Пруссию приезжавший в Россию к своей сестре прусской принцессе Шарлотте, в православии принявшей имя Александры Федоровны и ставшей супругой великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I), прусский принц Вильгельм. 16 декабря 1817 г. ему был устроен большой прием в Смоленске, судя по издержкам, которые понесли те горожане, которые, по просьбе городского головы, были заняты в его подготовке и обнадежены обещанием впоследствии возместить все затраты.

В своем прошении на имя императора в сентябре 1825 г. смоленский мещанин А.К. Булахов называл лично им истраченную сумму на тот памятный прием 1817 г. – 1337 руб. 95 коп.[3]. Смолянин сообщал любопытную подробность: «При отъезде Его Высочества Генерал Бенкендорф находящийся в Свите Его Высочества предлагал мне достаточную сумму за употребленные издержки, от коих я отказался, и Градский голова объявил Генералу Бенкендорфу, что Смоленское Общество за особенное щастие для себя поставляет принять Его Высочество»[4]. Однако, несмотря на значительный истекший после визита срок и неоднократные обращения А.К. Булахова, деньги ему так и не возвратили, потому он был вынужден писать государю, чтобы «взыскать с Смоленского Градского Главы Ивана Филимонова употребленную мною сумму денег и платимой мною чрез столь долгое время процент»[5].

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. 1831 г. Л. 65.

2 Там же.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. 1825 г. Л. 556 об.

4 Там же. Л. 556 об.– 557.

5 Там же. Л. 556 об.

В мае 1818 г. в Россию с визитом направился прусский король Фридрих Вильгельм III со своим сыном — принцем Фридрихом Вильгельмом Прусским и братом — принцем Карлом Мекленбургским. Дочь Фридриха Вильгельма III, супруга великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I) великая княгиня Александра Федоровна 17 апреля 1818 г. стала матерью. Прусский король желал увидеть дочь и внука (будущего императора Александра II).

С 31 мая по 2 июня 1818 г. король с принцами и свитой должен был проезжать по территории Смоленщины (см. Приложения 29–32), чтобы 4 июня торжественно въехать в Москву. Архивные документы из фонда канцелярии смоленского губернатора отражают ту спешную подготовку, которая происходила в ожидании высоких гостей. Губернатор барон К. И. Аш своими предписаниями поручал каждому городничему (Красного, Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы и Гжатска) заняться «приведением улиц, мостов, вообще города в благовидное положение»[1]. Совместно с предводителями дворянства городничие должны были заняться подготовкой почтовых станций, что подразумевало оклейку бумажными обоями стен, подготовку съестных запасов, заготовку почтовых лошадей, проверку упряжи и возниц, чтобы «непременно заставить переместить все худое исправнейшим»[2].

Губернатор лично предписывал уездному предводителю дворянства: «комнаты Краснинского почтового дома надобно непременно к тому времени обить русскими бумажками, хорошего вида (бумажными обоями.— *А.Т., О.К.),* ибо неприлично оставить его с голыми стенами. О сем Вы потрудитесь … побеспокоиться употребив на оное деньги из числа назначенных уже вам к отпуску на штукатурку, отложенную до осеннего времени»[3]. К 17 мая 1818 г. предводители дворянства, включая краснинского, рапортовали о том, что все почтовые станции по ходу следования высоких гостей уже оклеены обоями.

Большая подготовительная работа велась в губернском городе, где требовалось «готовить квартиры ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА в доме г. Малышева и для сдачи в ближайших и лутчих домах» для его приближенных;

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. 1818 г. Л. 1.

2 Там же. Л. 1 об.

3 Там же.

необходимо было изыскать нужное количество «зеркал, посуды столовой и чайной, белья, подсвешников, свеч восковых и протчаго»[1]. До последнего момента предметом волнения местных властей была поставка лошадей и возниц на почтовые станции. Губернатор требовал от Вяземского предводителя дворянства, чтобы «на 3 станции и на 3 подставы потребно не менее…800 или 900 лошадей», но предводитель пытался объяснить начальству, что такой возможности нет: лошади изнурены работой на пашне[2]. По мере приближения времени визита губернатор напоминал уездным предводителям дворянства, что «Государю Императору угодно, чтобы путешествие Его Величества сопровождалось удовольствием и исправностью во всех отношениях со стороны местной»[3].

Но без накладок не обошлось. Уже после визита прусского короля министр полиции С. К. Вязмитинов вынужден был разбираться с жалобой содержательницы почтовой станции Семлево княгини Вяземской на неправильное забраковывание лошадей и притеснения со стороны начальства. В Семлево был прислан следственный пристав петербургской полиции Мылов, и жалобу княгини признали справедливой. С. К. Вязмитинов в ноябре 1818 г. пригрозил губернатору, что «есть ли жалобы просительницы и засим будут продолжаться, то мне не остается ничего более, как представить дело сие на благоразсмотрение Правительствующаго Сената»[4].

Путь третьего сына Фридриха Вильгельма III — прусского принца Карла в сентябре 1820 г. также проходил через Смоленскую губернию: принц возвращался «в Пруссию чрез Москву, Смоленск, Могилев, Белицы, Чернигов и Житомир», в связи с чем требовалось «под экипажи Его Королевского Высочества на каждой станции … 39 лошадей»[5]. Судя по рапортам вяземского городничего, смоленских полицмейстера и городничего, заседателя Духовщинскаго нижнего земского суда, поречского городничего, проезд высокого гостя 18–19 сентября 1820 г. по Смоленщине прошел «благополучно»: дороги, насколько могли, поправили, организо-

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. 1818 г. Л. 8 об.

2 Там же. Л. 12.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. 1818 г. Л. 11 об.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1818 г. Л. 338 об.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1820 г. Л. 1 об.

вали поставу лошадей на почтовые станции, на границе каждого уезда принца встречал и сопровождал по своей территории уездный исправник (см. Приложение 33). В Вязьме 18 сентября 1820 г. встреча со «здешним градским обществом» сопровождалась «поднесением ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ хлеба и соли» с последующим «кофепитием»[1]. В Смоленске в тот же день принц останавливался на ночлег в приготовленной квартире в доме Малышевой, чтобы на следующий день продолжить путь[2]. Все прошло «в самом лучшем порядке», в том числе и благодаря опыту приема отца принца Карла — прусского короля Фридриха Вильгельма III.

В апреле 1821 г. «из С. Петербурга чрез Москву в Варшаву» направлялся наследный принц Мекленбург-Шверина Пауль-Фридрих, который тогда впервые посетил родину своей матери — великой княгини Елены Павловны. Принцу предстояло путешествие по Смоленщине, в связи с чем, по распоряжению исправляющего должность Смоленского гражданского губернатора О. Р. Денибекова, следовало «дорогу по означенному тракту … привести в исправное положение», а «в экипажах ЕГО ВЫСОЧЕСТВА заготовить лучших почтовых лошадей… и обывательских», в каждом уезде «г. исправнику встретить ЕГО ВЫСОЧЕСТВО в начале своего уезда и сопроводить до соседственнаго уезда стараясь отвращать всякое затруднение и остановку в пути»[3]. Несмотря на намерения принца «не иметь нигде ночлегов»[4], следовало «для ЕГО ВЫСОЧЕСТВА и свиты приготовить лучшую квартиру истребовав в оную военный караул»[5]. Губернатор велел сделать все возможное, чтобы путешествие прошло «благополучно», в дороге необходимости «исправления… затруднения, и остановок в заготовлении лошадей ни малейших не было»[6].

Во время своего визита принц уделил особое внимание губернскому городу. Как рапортовал губернскому начальству исправлявший должность смоленского полицмейстера Новиков, в 2 часа ночи 1 мая 1821 г. он встретил принца у московского шлагбаума, препроводил гостя на

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1820 г. Л. 19.

2 Там же. Л. 21.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. 1821 г. 5 об.

4 Там же. Л. 5.

5 Там же. Л. 5 об.

6 Там же. Л. 5 об.

отдых в дом купца Нольчини, а «в 5ть часов утра, ЕГО ВЫСОЧЕСТВО изволил быть в церкви Смоленской Божьей Матери (что на воротах), потом в Успенском и Кафедральном соборе, а наконец обозревал с королевской крепости место положение города и его окрестность, и в 6-ть часов в сопровождении моем (Новикова.— *А.Т., О.К.*) изволил принять путь из Смоленска в Варшаву благополучно»[1].

В целом визит прошел достаточно гладко, если не считать случая под Хохлово, когда экипаж принца «остановился утопшим в грязи, где находился более часов двух, наконец едва смогли через собрание большаго количества людей вытащить»[2]. После произошедшего на местах, конечно, искали виновных в данной оказии (см. Приложение 34).

Следующей важной персоной, проезжавшей через Смоленскую губернию, оказался Вильгельм Фредерик Лодевейк Нидерландский, принц Оранский-Нассауский (1792–1849), супруг великой княгини Анны Павловны (сестры Александра I), в 1840–1849 гг. ставший королем Нидерландов и великим герцогом Люксембургским Вильгельмом II. 7 мая 1825 г. он должен был отправиться из Москвы в Варшаву через Смоленскую губернию.

Смоленский губернатор И. С. Храповицкий за месяц до приема дал своим подчиненным соответствующее предписание: «всем городничим и земским исправникам, дабы они встретив на границах своего управления сего высокаго путешественника, сопроводили онаго до границ других городов и уездов». Для возможного ночлега в уездных городах по пути «в Гжатске, Вязьме или Дорогобуже, и Красном» городничие обязаны были иметь «хорошее помещение с приличной мебелью и украшением», на каждой почтовой станции полагалось подготовить лошадей для смены (количество их в дальнейшем было скорректировано с 24 до 30), «ко времени путешествия Его Королевскаго Высочества» в городах требовалась «надлежащая опрятность улицам, мосты и мостовые», дома «поправлены», а те, что «еще не окрашены и не отделаны повелеть приведением в надлежащий вид и устройство»[3]. Губернатор особо подчеркивал, что «главною заботою Гг. исправников должно быть, что бы к означенному времени, мосты, переправы и самые дороги, по коим

---

[1] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. 1818 г. Л. 8–8 об.

[2] Там же. Л. 10 об.

[3] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. 1825 г. Л. 1–2.

совершатся предполагаемое путешествие не только находились в совершенной исправности, но и по образованию своему имели бы хороший и красивый вид, а равно и верстовые столбы непременно бы поставлены уже были, где еще таковых нет»[1] (см. Приложение 35).

Особенное внимание было уделено «устройству» Смоленска, «где Его Высочество может пробыть иногда довольно времени». Губернатор просил содействия смоленского городского головы: последний должен был «тот час предписать Смоленской Градской Думе, дабы оная все те перилы, которые гнилы или нет в окрестности Облонья заменить новыми, а купец Головкин, непременно бы исправил их на свой щет, так как он обещал сделать в виде усердия, сверх ж того обязать Думу окрасить желтою на купоросе краскою тот забор, который находится между домом занимаемым мною и так называемым апраксинским, а столбы онаго забора окрасить белою краскою на масле»[2]. В результате все было исполнено. Гжатский, дорогобужский и краснинский исправники рапортовали о встрече и сопровождении высокопоставленного путешественника с его свитой. Они сообщали о дороге, которая «была совершенно исправлена и остановок ни в чем не было»[3]. Однако не обошлось без проблем: «одна коляска из свиты Его Высочества увязла в Вяземском уезде», и губернатор, узнав о неприятной оказии от генерал-адьютанта Его Императорского Величества Чернышева, указал вяземскому исправнику на «совершенную … бездеятельность в отношении исправления дорог» и потребовал немедленного приведения в порядок участка дороги[4].

Одну из благостных картинок этого путешествия отразил в своем донесении гжатский городничий: «Его Королевское Высочество наследный принц Оранский изволил прибыть в город Гжатск сего мая 8 числа по полудни в 7мь часов и Его Высочество мною был встречен с числом граждан у шлагбаума и препровожден до квартиры назначенной у купца Александра Будникова, у коей имел честь представляться дворянством Г. Уездный предводитель, градской глава с членами, от коих была поднесена хлеб и соль и Его Высочество благосклонно принял, также был

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. 1825 г. Л. 2.

2 Там же. Л. 10–10 об.

3 Там же. Л. 57.

4 Там же. Л. 60.

угощаем разными фруктами и ласково принимаем, после чего по перемене лошадей Его Королевское Высочество не выходя из коляски отправился из Гжатска в вожделенном здравии»[1].

В 1834 г. принц Адальберт Генрих Вильгельм Прусский (1811–1873), отправляясь «из С. Петербурга обратно в Пруссию чрез Москву, Смоленск и Вильно»[2], проезжал по Смоленщине и останавливался в губернском городе. Предупрежденный министром внутренних дел о визите высокого гостя смоленский гражданский губернатор Н. И. Хмельницкий дал соответствующие предписания, которые следовало исполнить не позднее 10 августа 1834 г.: о поставке до 50 лошадей, приведении в порядок почтовых станций и дорог[3], проверке на прочность мостов, «дабы при проезде через оные не предстояло ни малейшей опасности»[4]. Визит прошел без происшествий. Когда же 16 августа 1834 г. гостя принимали со всеми почестями в Гжатске, «все нужное изготовлено было к столу, но Его Высочеству угодно только напиться чаю»[5]. В Смоленске 18 августа в доме дворянского собрания должностные лица губернии были представлены принцу Прусскому[6] (см. Приложение 36).

В сентябре того же 1834 г. из Москвы в Могилев через Смоленск проезжал генерал прусской службы Редер в сопровождении состоявшего при нем полковника. О предстоящей поездке уведомил смоленского губернатора Н. И. Хмельницкого сам руководитель III Отделения Е. И.В. канцелярии А. Х. Бенкендорф 15 сентября 1834 г., прося принять меры «к спокойному и безостановочному следованию»[7]. Губернатор потребовал от смоленского полицмейстера обеспечить смену лошадей и соблюдение на почтовых станциях «опрятности и исправности»[8], что было исполнено в срок.

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. 1825 г. Л. 55–55 об.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1834 г. Л. 1.

3 Смоленская губернская строительная комиссия специально вела переписку с канцелярией смоленского губернатора об исправлении Московской дороги для проезда прусского принца Адальберта (ГАСО. Ф. 415. Оп. 1. Д. 3).

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1834 г. Л. 3.

5 Там же. Л. 19 об.

6 Там же. Л. 9.

7 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. 1834 г. Л. 2.

8 Там же. Л. 3.

Через девять лет, в 1843 г., в Петербурге, а затем в Москве побывал Фридрих Франц II Мекленбургский (1823–1883), с 1842 г. великий герцог Мекленбург-Шверинский. Его обратный путь проходил через Смоленскую губернию. Вновь потребовалось привести в порядок дороги, мосты, почтовые станции, поставить для великого герцога и его свиты 30 хороших лошадей, подготовить квартиры на случай остановки высокого гостя. Исполняющему должность смоленского гражданского губернатора И. В. Капнисту стало известно, что великий герцог Мекленбург-Шверинский предполагает выехать из Москвы в ночь на 14 июля 1843 г., планирует побывать в Бородино, а затем продолжать путь «через Можайск, Смоленск, Оршу, Минск и Слоним на Брест-Литовск в Варшаву, куда изволит прибыть 21 июля»[1]. Министр внутренних дел 2 июля 1843 г. сообщил исполняющему должность губернатора о предполагаемом маршруте высокого гостя по Смоленщине: «в полночь с 15 на 16 июля ужинать в Вязьме, 16 числа утром в 7мь часов пить кофе в Дорогобуже, того же числа в три часа по полудни обедать в Смоленске, а 17 числа утром пить кофе на дороге»[2]. Требовалось подготовить «приличное помещение, если почтовая станция не представляет удобства. Впрочем он (великий герцог Мекленбург-Шверинский.— *А. Т., О. К.*) предпочтительно желает останавливаться на станциях»[3].

Ожидая гостя, выяснили: участки дороги в Вяземском и Дорогобужском уезде «из-за безпрерывных дождей» сильно размыло, что вызывало серьезное беспокойство исправников. Конечно, как полагается, готовили лошадей и подбирали лучшие дома для приема. 15 июля 1843 г. великий герцог Мекленбург-Шверинский проезжал через Гжатский уезд и «остался доволен»[4], в ночь с 15 на 16 июля останавливался в Вязьме (см. Приложение 37), 16 июля прибыл в Смоленск, где осматривал «памятник войны 1812 года, земляную так называемую королевскую крепость, остатки неприятельских укреплений во время войны 1812 года и окрестности Смоленска, 17 числа в 3 часа ночи отправился из Смоленска и 8 ½ часов утра окончил путешествие через Смоленскую губернию благополучно»[5].

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68. 1843 г. Л. 7.

2 Там же. Л. 12 об.

3 Там же. Л. 13.

4 Там же. Л. 21.

5 Там же. Л. 29.

К сожалению, важные персоны не оставили записок о пребывании на Смоленщине. Да и многие иностранные путешественники в своих дневниках главное внимание сосредотачивали не на провинциальных достопримечательностях, а на описании своих впечатлений от русских дорог и столичных городов. Но есть приятные исключения, например, описание путешествия по России француза Эдуарда Рене Пьера Шарля Дюбуа Монтюле (1792–1828). Это был искушенный турист своего времени[1], который ехал по известному маршруту Санкт-Петербург — Москва — Смоленск — Варшава. Монтюле описал увиденное во втором томе своего сочинения «Путешествие в Англию и Россию в течение 1821, 1822 и 1823 гг.»[2].

Первый город Смоленщины, который упоминает француз,— Вязьма. Это «большой город, расположенный в столь же живописной местности как Москва»[3]. Затем был Дорогобуж на берегу Днепра, «с населением в три тысячи душ», где француз подметил «польские обычаи»[4].

Когда Монтюле приехал в Смоленск, где надеялся отдохнуть, «сама судьба подкинула [ему] очередные трудности, столь частые в этом путешествии»[5]. Француз оказался в губернском городе во время проведения дворянских выборов, поэтому все гостиницы Смоленска были заняты местной элитой. Путешественнику удалось найти пристанище: ему порекомендовали единственную приличную гостиницу, хотя и та, по мнению француза, «была ниже среднего». Ее владельцем являлся итальянец M. Nalcini (речь идет, вероятно, о Д. К. Нольчини). Так как гостиница полностью была заполнена постояльцами дворянского происхождения, хозяин смог поселить европейца в маленьком деревянном доме в глубине своего сада. Дом этот был баней, и французу была отведена лишь ее половина, так как на другой половине в ожидании родов жила служанка синьора Нольчини. Поэтому первая ночь путешественника

---

[1] До своего путешествия по России в 1823 г. Э. де Монтюле побывал в Америке, Египте и Англии. См. о нем: Quérard J.-M. La France littéraire, ou dictionnaire bibliographique: 12 vol. P., 1830. T. 6. P. 271.

[2] Montulé E. Voyage en Angleterreet en Russie, pendant les années 1821, 1822 et 1823. Paris: Bertrand, 1825. T. 2. 352 p.

[3] Там же. Т. 2. С. 295 (здесь и далее перевод с франц. Д. Д. Тихоновой (Пико)).

[4] Там же. С. 296.

[5] Там же.

в Смоленске, несмотря на его желание заснуть, сопровождалась стонами этой женщины, а вторая — криком новорожденного.

В своем сочинении Монтюле так описал губернский город: «Смоленск окружен кирпичной стеной с башнями, но в большой степени разрушенной. Со стороны Польши пространство достаточно открытое, а со стороны России защищено Днепром и высоким откосом. Здание дворянского собрания деревянное. Смоленск находится в 384 верстах от Москвы. В нем до сих пор видны следы пожара 1812 г. Магазины, расположенные в южной части города, находятся в том же состоянии, в каком были оставлены при нашем отступлении»[1].

Весьма неожиданно Монтюле затем переходит к пассажу о роженице и родах: «Когда женщина высшего общества рожает, то вокруг нее носится весь дом. Эта же несчастная, испускавшая истошные крики рядом со мной, не привлекла ничьего внимания; к счастью, она таки разродилась и на следующий день была уже на ногах. Возможно, жар бани облегчил ей роды? Эту идею следует иметь в виду; ведь всем известно, что в теплых странах роды проходят легче»[2]. Видимо, это «смоленское приключение» настолько потрясло воображение иностранца, что он решил поразмышлять об этом между описаниями городов губернии.

Из Смоленска в Красный француз двигался по дороге, обсаженной по сторонам березами в два ряда. Аллея «прерывалась только у города у оврага или там, где были устроены русские укрепления для защиты Смоленска. Время от времени вдоль дороги встречались срубленные деревья с почерневшими и сухими стволами», которые, по словам Монтюле, стали свидетелями сначала победного движения его соотечественников, а затем памятного отступления французской армии. У одной из деревушек путешественник обнаружил 8 или 10 могил, увенчанных крестами, где воины наполеоновской армии нашли свой последний покой. И это вызвало у Монтюле множество мыслей и эмоций: печаль о судьбе соотечественников, думы о семьях погибших, о воинской доблести и бессмертии, о холодной русской зиме и силе провидения[3].

---

[1] Montulé E. Voyage en Angleterreet en Russie, pendant les années 1821, 1822 et 1823. Paris: Bertrand, 1825. C. 296–297.

[2] Там же. С. 297.

[3] Там же. С. 298.

Поэтому первые слова француза о Красном были посвящены «знаменитому отступлению» наполеоновской армии, происходившему здесь в результате известного сражения. Монтюле называет Красный «таким же красивым маленьким городом», каких много в России, с большими постоялыми дворами, где просторные комнаты со столами и диванами, украшенными французскими гравюрами стенами и даже иногда встречавшимся бильярдом. «Сам дом из досок, с портиком из деревянных колонн, выглядит довольно привлекательно… Большие постоялые дворы почти всегда пусты, редко можно увидеть их хозяина». У Монтюле сложилось впечатление, что эти постройки созданы по поручению правительства. «В этом случае, как часто бывает и с другими вещами, государство стремилось как можно скорее совершить переход к цивилизации, а в результате произошло обратное, как и в любой ситуации, когда изменений пытаются достичь слишком быстро»[1]. На самом деле француз не был далек от истины: обустройству дорог и почтовых станций начинают уделять внимание уже при Александре I, но особенно начиная с 1830-х гг., при Николае I[2]. Последнее упоминание о смоленской дороге, обсаженной березами, сопровождается в записках Монтюле признанием, что однообразие пейзажа и сама дорога начинают его утомлять[3]. Произведение французского путешественника дополнялось атласом из 29 листов литографий с акварельной подкраской, среди которых под № 25 был представлен «Вид Смоленска со стороны Днепра, по дороге из Москвы».

Еще одним любопытным источником личного происхождения, описывающим впечатления от Смоленщины 1839 г., является «Русский дневник» 15-летнего Эугена Хесса[4]. Сын баварского живописца Петера

---

[1] Montulé E. Voyage en Angleterreet en Russie, pendant les années 1821, 1822 et 1823. Paris: Bertrand, 1825.

[2] Борисов Н. С. Указ. соч. С. 78–81.

[3] Montulé E. Указ. соч. С. 299.

[4] Хесс Э. Русский дневник [Путешествие из Мюнхена в Петербург, затем через поля сражений французской войны в Москву, а потом домой. Совершено по повелению его величества императора Николая I баварским королевским придворным художником Петером Хессом, его сыном Эугеном Хессом и свиты русского императора генерал-майором Килем и полковником Яковлевым в 1839 году = Reis von München nach St. Petersburg dann über alle Schlachtfelder im französischen Kriege nach Moskau und wieder zurück nach Hause.

Хесса (1792–1871), который был приглашен в Россию Николаем I для создания полотен о крупных сражениях войны 1812 г., Эуген (1824–1862) сопровождал отца в его российском путешествии и описал увиденное достаточно подробно и искренне. Этот подросток, несомненно, обладал художественными способностями и был внимателен к деталям.

Как и у многих других путешественников, которые добирались в Россию водным путем, знакомство Эугена с Россией началось с Петербурга. Здесь юный баварец обратил внимание на церкви и дворцы, конечно, на известные достопримечательности (памятник Петру I, Александровскую колонну, Зимний дворец и др.). «У меня по-настоящему закружилась голова»[1],— признавался в своем дневнике подросток. Мальчика удивляли окружающие люди: чиновники, матросы, извозчики, военные, оборванцы на местной толкучке… Эуген посетил Эрмитаж и из множества выдающихся произведений выделил работы Ф. Снейдерса и П. Поттера с изображениями охотничьих сцен. Кстати, и в Медном всаднике мальчика поразила не статуя Петра, а конь — «совершенно живой!», выполненный «безупречно»[2]. Эуген оценил в Натуральном кабинете птиц и экзотических животных — слона и жирафа[3]. Эти предпочтения были далеко не случайны: в будущем Эуген Хесс станет художником-анималистом[4]. Вместе с отцом мальчик побывал на промышленной выставке, императорской фабрике зеркал, празднике в Петергофе… По столице и ее пригородам иностранцы передвигались на дрожках и в экипаже, даже прокатились в вагоне Царскосельской железной дороги, присутствовали

Ausgeführt auf Befehl seiner Maj. des Kaisers Nicolaus I. von dem königlich baier. Hofmaler Peter Hess, seinem Sohn Eugen Hess und dem kaiserlich russischen Generalmajor Kiel und Oberst Jakovleff im Jahre 1939] / пер. с нем. и прим. Б. И. Асварища. СПб.: Axiôma, 2007. 231 с.

[1] Там же. С. 12.

[2] Там же. С. 20.

[3] Там же. С. 22.

[4] В биографической справке об Эугене Хессе подчеркнуто, что этот художник «посвятил свою кисть романтическому прославлению благородного охотничьего энтузиазма 16 и 17 веков. Художник также отражал военные сцены по примеру своего отца, выбирая те, в которых лошадь играла существенную роль. Э. Хесс оставался склонным к более жанрово-живописным полотнам, особенно с пейзажным фоном». URL: https://www.deutsche-biographie.de/sfz31821.html (дата обращения: 13.11.2017).

при спуске на воду со стапеля 120-пушечного корабля «Россия». Среди трофеев 1812 г., выставленных в Казанском соборе, Эуген особо отметил помещенный в стеклянный ящик «маршальский жезл Даву, захваченный под Красным. Жезл обшит черным бархатом, оправленным серебром, и весь покрыт серебряными орлами»[1].

Пробыв в Петербурге около двух месяцев, вечером 26 июля 1839 г. Эуген с отцом в сопровождении генерала Д. И. Киля из свиты императора и полковника Генштаба Г. К. Яковлева покинул столицу Российской империи. Петер Хесс должен был выполнить почетный заказ Николая I: «запечатлеть для потомков на двенадцати картинах сражения вечно памятной войны гордого завоевателя Наполеона с императором Александром», а для этого совершить «путешествие по всем полям сражений, чтобы их зарисовать»[2]. Эуген был «совершенно счастлив», что вопрос о его участии в этой поездке решился положительно: теперь его ожидало «путешествие по мало посещаемой России», а значит возможность увидеть «те места, где северный орел победил французского»[3].

Кроме того, путешественники были хорошо экипированы. В их распоряжении оказалось три экипажа: один — для сопровождающих Киля и Яковлева, второй — для Эугена с отцом, а третий, называемый «кухонной каретой», предназначался для повара Ивана и слуги. Подросток радостно отмечал в дневнике: «Об удобствах для нас позаботились по-царски, ведь у нас есть повар, роскошные кофейные, чайные и столовые сервизы, железные раскладывающиеся кровати и проч.»[4]. Кроме того, на почтовых станциях баварцам и их сопровождающим обязаны были предоставлять лошадей, а местная администрация городов и местечек по ходу следования — оказывать всяческое содействие.

Прежде чем путешественники достигли Смоленской губернии, они посетили ряд городов и местечек. Город Луга поразил Эугена неприглядностью деревянных домов, грязью на улицах, зато в одной из деревень впервые увидели «настоящих русских с их бородами и в пестрых

---

1 Хесс Э. Русский дневник. С. 26.

2 Там же. С. 30.

3 Там же. С. 31.

4 Там же.

рубахах»[1]. На «большой и красивой почтовой станции» между Лугой и Псковом баварцы познакомились с местным смотрителем-швейцарцем. Затем были: «маленький, но и интересный и живописный» Псков с рекой Великой и руинами древних стен и башен; деревянный городок Остров с часовенкой; белорусские местечки, жители которых носили белые одежды и «сапоги или сплетенные из березовой коры сандалии»[2]. На почтовой станции Резедни путешественникам, «как заведено в России, сразу же принесли самовар (ein Samovar), чайный котел»[3]. Традицию пить чай, привычку спать в походных условиях, стараясь «как-то защититься от мириад мух и комаров»[4], баварцы усвоили быстро.

Эуген сумел оценить белорусские пейзажи с холмами, лесами и озерами. В Клястицах он «впервые стоял на поле сражения», о котором уже ничего не напоминало, но отец сделал здесь «прекрасный рисунок», в том числе и, по просьбе полковника Яковлева, для выбора наилучшего места для установки будущего монумента в память о сражении 1812 г.[5] В местечке Спас довелось побеседовать с 90-летним стариком, который помнил путешествие Екатерины II (тогда ему было 8 лет) и войну 1812 г. (60 лет от роду). Мальчика удивили рассказы этого очевидца о том, как он в военной обстановке «доставлял корреспонденцию, которой обменивались русские полководцы», за что получил аттестат и медаль от Александра I[6]. В деревянном Полоцке Эугену запомнились лишь несколько церквей, «из которых особенно замечательна знаменитая церковь иезуитов, где погребены погибшие здесь баварские офицеры Деруа, Зибейн, Винценти и другие»[7]. Витебск показался подростку красивым городком с маленькими деревянными домами и церквями.

Путешественники, конечно, побывали в деревне Студянке. С проводником, свидетелем событий 1812 г., они поднялись на холм у селения «и оттуда увидели Березину, ту самую Березину, которая навсегда вошла во

---

1 Хесс Э. Русский дневник. С. 33.

2 Там же. С. 38.

3 Там же. С. 40.

4 Там же. С. 42.

5 Там же. С. 43.

6 Там же. С. 45.

7 Там же. С. 44.

всемирную историю!», холмы, где упокоились «тысячи тех несчастных всех наций Европы, которые нашли здесь свою смерть при этой ужасающей катастрофе»[1]. У местных крестьян иностранцы приобрели «пули, пуговицы и самые разные мелочи», сохранившиеся от наполеоновской кампании. Впечатлительный Эуген записал в дневнике: «Это все, что осталось от Великой армии!! Мысль, приводящая в дрожь!»[2] Несомненно, не только ландшафты, но и рассказы очевидцев, реальные предметы 1812 г. помогали отцу Эугена делать зарисовки для своих будущих полотен.

Автор дневника был внимателен: он с интересом наблюдал пейзажи за окном экипажа, красивых пасущихся лошадей и «породу коров без рогов, которые в России есть повсюду»[3], на озерах видел водяных птиц (уток, бекасов и др.), в белорусском лесу собирал «много такой сладкой земляники и малины, какую у нас вряд ли встретишь»[4], любовался русской березой, высокой, «с раскидистой, а не свисающей, как у нас, кроной»,— деревом «с роскошной и сочной листвой»[5]. Мальчик подробно описал транспортные средства, впервые им увиденные,— телегу и паром для переправы через Днепр. Любопытно, что русские телега и паром поразили не только Эугена — их описание можно встретить у французского писателя Теофиля Готье, путешествовавшего по России в 1858 и 1861 гг.[6].

Впереди была уже территория Смоленской губернии, куда подросток-иностранец попал, уже получив впечатления от столицы, местечек Псковской губернии и Белоруссии. Первым городом Смоленщины, с которым он познакомился, стал Красный, куда путешественники прибыли 7 августа 1839 г. Этот город не произвел на Эугена никакого впечатления — «неинтересный и запущенный», но главная цель приезда сюда была достигнута: у города отец нашел подходящее место для рисования, на следующий день много рисовал, а Эуген закрывал его зонтом от солнца. Вместе с сопровождающими баварцы осмотрели место для будущего

---

1 Хесс Э. Русский дневник. С. 50.

2 Там же. С. 52.

3 Там же. С. 38.

4 Там же. С. 39.

5 Там же. С. 44.

6 Готье Т. Путешествие в Россию. М.: Мысль, 1988. С. 329–330, 353.

памятника и проехали «по аллее, по которой так замечательно отступал генерал Неверовский». Так возник замысел картины, посвященной подвигу этого полководца, а также было найдено место для установки монумента, посвященного сражению 1812 г.

Наблюдательный Эуген подмечал все детали, для него значимые. Так, в поле под Красным он впервые в России услышал щелканье перепелов, а в ближайшей деревне рассмотрел крестьянскую избу, куда зашли отдохнуть от зноя. В дневнике мальчик оставил ясное и точное, сравнимое со словесной «фотографией» описание увиденного им в деревенском жилище. Он разглядывал бревна, из которых была сложена русская изба, красивые резные и расписные наличники окон, печь, икону, написанную по византийскому канону и украшенную богатым окладом, лампаду, свисающую с потолка на цепи и обязательно находящуюся при святом образе, а также вышитое полотно на крестьянском столе[1] (см. Приложение 38).

После Красного 9 августа 1839 г. путешественники отправились в Смоленск. Сначала крепостные стены города показались Эугену «мрачными», городские ворота с бело-желтой отделкой — безвкусно декорированными, а местный трактир — откровенно плохим. Но, когда после обеда удалось перебраться на другой берег Днепра и подняться «на гору, возвышающуюся прямо напротив города, чтобы найти место подходящее для общего вида Смоленска», Эуген признается: «нам открылась широкая панорама города и его окрестностей. От ее красоты мы были в восторге»[2].

Кроме того, выяснилось, что кучер, возивший путешественников,— поляк, «судьба которого удивительна во всех отношениях». В юности он поступил на австрийскую военную службу, «сражался в Силезии против французов, дезертировал и перебежал к французам, был с Наполеоном в Испании, потом с ним же проделал немецкий поход, как улан Понятовского пришел в Россию с французами и при осаде Смоленска

---

[1] Готье Т. Путешествие в Россию. М.: Мысль, 1988. С. 55–57.

[2] Там же. С. 58. Русская путешественница О. П. Шишкина в 1845 г. признавала справедливость такой оценки, указывая, что «все наши знакомые, бывавшие в Смоленске, советовали нам приехать в него днем, чтобы полюбоваться его расположением, особенно красивым со стороны Петербурга» (Шишкина О. П. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году. СПб. В Тип. Второго Отделения Собственной Е. И.В. Канцелярии, 1848. С. 52).

был взят в плен. Тогда он отказался от военной службы и так и остался в Смоленске, где живет, как кучер, уже почти тринадцать лет. Ему еще нет и шестидесяти лет, он говорит на польском, русском и кое-как на немецком, французском и итальянском»[1].

Два следующих дня, проведенных в Смоленске, описаны в дневнике с позитивным настроем: подросток отметил, что город «большой и красивый»[2], старинный и окружен «мощной крепостной стеной». Рассматривая ее, мальчик обратил внимание на серьезные разрушения и большое количество птичьих гнезд, удивился широким пряслам, отметил забутовку внутри стены между кирпичной кладкой, попробовал определить на глаз, и достаточно точно, высоту стен. Правда, возраст Смоленской крепостной стены (1596–1602) он значительно преувеличил — «почти тысячу лет»[3].

Во рву рядом с крепостными стенами Эуген заметил «железный монумент» — надгробный памятник Энгельгардту, которого мальчик назвал «курляндским дворянином», вероятно, ориентируясь на фамилию. Как известно, род Энгельгардтов имел не только прибалтийскую, но и смоленскую ветвь в России, и Павел Иванович Энгельгардт (1773–1812) принадлежал именно к «смолянам»[4]. Ценно уже то, что Эуген правильно записал фамилию героя и даже отметил в дневнике, что тот был расстрелян за неповиновение французам и призыв к выступлению против них[5].

Улицы города понравились мальчику: они «очень чистые, довольно широкие и хорошо вымощены», много красивых, недавно построенных каменных зданий, а общественный сад достоин всяческих похвал. Среди церквей, которых в городе много, Эуген выделил кафедральный собор —

---

1 Хесс Э. Указ. соч. С. 58–59.

2 Там же. С. 59.

3 Там же. С. 59.

4 Тихонова А. В. Род Энгельгардтов в истории России. Смоленск: СГПУ, 2001. С. 70–73, 312. Уточнена дата рождения П. И. Энгельгардта (ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 29. Л. 122 об.—123). Памятник, который видел Э. Хесс, был установлен у Молоховских ворот 3 сентября 1835 г. по личному распоряжению Николая I и убран в 1930-е гг.

5 Хесс Э. Указ. соч. С. 60. В вину П. И. Энгельгардту французские оккупационные власти вменили участие в партизанском движении и убийство нескольких французов. Он геройски принял смерть (Тихонова А. В. Род Энгельгардтов в истории России. С. 71).

самый большой и удачно расположенный на холме. «Солидный и красивый мост соединяет город с предместьем, лежащим на противоположном берегу»[1], а река Днепр, к которой «сбегают вниз по крутым склонам» почти все улицы в городе, «совсем не большая, даже не судоходная река, по ней плавают только плоты»[2].

Рассматривая особенности месторасположения города с его чередой холмов и долин, подросток отметил красивый склон города — сначала обрывистый, а затем более пологий, который напомнил ему «почти итальянский пейзаж. Все линии были такими плавными, а краски чрезвычайно насыщенными, включавшими всевозможные тончайшие цветовые оттенки, начиная от золотисто-желтых и кончая самыми темно-зелеными. Кое-где проступали красноватые полоски земли, а из расщелин стремительно низвергались вниз родники. И все это при эффектном вечернем освещении. Да, это была прекрасная картина!»[3]. Такое описание — свидетельство того, что его автором являлся будущий художник. Еще раз Эуген сравнил местность в Смоленске с Римом, когда вечером 10 августа увидел Королевский «бастион, который по приказу Наполеона безуспешно штурмовал маршал Ней.

Бастион находится на довольно высоком, чрезвычайно крутом холме и доступен лишь со стороны города. По уверению тех из нас, кто бывал в Риме, окружающий пейзаж, различимый в надвигающихся сумерках, во всем напоминает римскую Кампанью (это низменность в окрестностях Рима, в регионе Лацио в центральной Италии.— *А.Т., О.К.*)». В подтверждение своих слов Эуген рисует романтическую картину: «Темную равнину с многочисленными мелкими и глубокими оврагами, как серебряные нити, пересекали несколько ручьев. Только кое-где возвышались деревья, и редкие огни поблескивали в тумане. Завершало этот прекрасный вид мерцающее звездами темно-синее небо»[4].

Днем 11 августа путешественники покинули Смоленск, но, уезжая, все время оборачивались, чтобы «любоваться видами этого живописного

---

1 Хесс Э. Указ. соч. С. 60.

2 Там же. С. 60.

3 Там же. С. 60–61.

4 Там же. С. 61.

города»[1]. Следующая остановка была у Валутиной горы, чтобы Петер Хесс мог сделать необходимые зарисовки. Дальнейший путь вел в Вязьму через почтовую станцию в Белой, на подъезде к которой, по словам Эугена, они были встречены «ужасающей грозой и жутким ливнем» и в дальнейшем ехали до Дорогобужа по «бездонной грязи». Рассказ о Дорогобуже ограничился в дневнике упоминанием о деревянных избах, составлявших большинство городских строений, большом числе (десяти-двенадцати) церквей и некоем подобии крепости в центре «местечка»[2].

Вязьму же Эуген назвал «очень приятным городком», несмотря на недавний пожар, который оставил после себя развалины, производившие «очень грустное впечатление». В Вязьме оказалось «много новых и красивых зданий», старинных церквей и женский монастырь. Город был торговый, с несколькими базарами. Путники знали о главной достопримечательности Вязьмы — пряниках, «которым Вязьма обязана в России своей славой». Эуген убедился, что «они совсем не похожи на наши пряники (известные баварские медовые пряники.— *А.Т., О.К.*) и действительно очень вкусные»[3].

Путешественники пробыли в городе два дня и покинули его 14 августа: «отец занимался своими рисунками»[4], в том числе и «зарисовал место, на котором будет установлен монумент»[5] (в Вязьме предполагалось установить один из типовых памятников по проекту А. Адамини, но этот проект не был осуществлен). Эуген в числе своих вяземских впечатлений упомянул «несколько прекрасных, абсолютно ручных журавлей», которые «размеренно и торжественно разгуливали по рынку, разыскивая в мусоре свое пропитание»[6].

Начиная свой путь по Смоленщине, Эуген сумел рассмотреть устройство крестьянской избы. В Вязьме же мальчик оказался на завтраке в доме вяземского головы майора В.И. Смирнова[7], где были «очень богатые»

---

1 Хесс Э. Указ. соч. 62.

2 Там же. С. 63.

3 Там же. С. 65.

4 Там же.

5 Там же. С. 66.

6 Там же. С. 65.

7 Там же. С. 157.

комнаты, но без «малейшего намека на изысканность», а «вместо клавира фигурировала шарманка в виде большого, полированного и, как и вся прочая мебель, богато позолоченного ящика». Конечно, и в этом доме, как отметил Эуген, главной ценностью была икона в богатом окладе с лампадой перед святым образом[1].

Хозяин встретил гостей в мундире с саблей на золотой портупее, с гордостью показал складную кровать, на которой когда-то спал Павел I. Путешественникам был подан хороший завтрак с выбором блюд, соответствовавших «причудливому вкусу» хозяина. Последний же из-за поста не полакомился «ничем, кроме огурца и нескольких икринок»[2].

В тот же вечер в сумерках Эуген увидел последний смоленский город — Гжатск. Он показался подростку большим и застроенным «внушительными каменными домами»[3]. Ранним утром следующего дня путешественники продолжили свой путь, направляясь на Бородинское поле.

В общей сложности пребывание на Смоленщине составило восемь дней. Впереди было Бородино, присутствие на грандиозном празднике и открытии памятника по проекту А. Адамини. От монумента Эуген был не в восторге, однако он отметил в своем дневнике, что это «колоссальный памятник, отлитый из железа» и «место для него выбрано очень удачно, так как на вершине холма памятник виден издалека и со всех сторон»[4].

В дальнейшем Эугена ждали поездка в Тарутино, остановка в Москве, посещение Торжка, Валдая и Великого Новгорода, а затем возвращение в Петербург. Несмотря на множество впечатлений, подросток скучал по дому, а потому назвал 28 октября 1839 г., когда было получено разрешение императора на отъезд на родину, «судьбоносным и одновременно счастливейшим днем». 8 ноября отец и сын на пароходе достигли Любека, и путешествие по России осталось в прошлом, но было запечатлено в «Русском дневнике» Эугена Хесса. Его рукопись семья сохранила до наших дней. На русском языке этот интересный источник впервые был опубликован в 2007 г. в переводе с немецкого Б. И. Асварища[5].

---

1 Хесс Э. Указ. соч. С. 157.

2 Там же. С. 66.

3 Там же. С. 66.

4 Там же. С. 95.

5 Хесс Э. Указ. соч. 231 с.

Результатом той памятной для баварцев поездки по России стали 12 полотен Петера Хесса, созданных в 1840–1857 гг. Девять из них ныне хранятся в Эрмитаже[1], в том числе картины, касающиеся событий Отечественной войны 1812 г. на территории Смоленщины: «Сражение при Вязьме» (1842), «Сражение под Смоленском» (1846) и «Сражение при Красном» (1849 г.), «Сражение у Валутиной горы» (1850). Остается неизвестным местонахождение еще одной «смоленской» работы — «Подвиг генерала Неверовского» (1855). В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи МО РФ в Петербурге находится «Сражение при Лосмине» (1855)[2]. В Государственном историческом музее хранится эскизный рисунок пером П. Гесса к картине, посвященной Вяземскому сражению[3]. Как известно, баварский художник был отмечен российскими орденами Св. Станислава II степени (1839) и Св. Анны II степени (1846)[4].

В 1848 г. по повелению императора художник Б. Грейм выполнил копию с картины П. Хесса «Сражение под Смоленском» «…для Всемилостивейшего пожалования в дар городу Смоленску»[5]. В готовую копию в 1853 г. по личному указанию Николая I были внесены изменения[6]. 18 января 1854 г. в Смоленске состоялось чрезвычайное дворянское собрание[7], на котором губернский предводитель дворянства князь М. Друцкой-Соколинский

---

[1] Асварищ Б.И., Вилинбахов Г. В. Отечественная война 1812 года в картинах Петера Хесса. СПб.: Изд. Гос. Эрмитажа, 2013. 118 с.

[2] Асварищ Б. И. «Третья комната военной живописи» // Наше наследие. 2012. № 3 (103). С. 56–66.

[3] Букреева Е. М., Рахимов Р. Н. Акварели генерала Краузе — дар музею 1812 года графа И. Т. Голенищева-Кутузова // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVII Международной научной конференции, 5–7 сентября 2011 г. / сост. А. В. Горбунов. Можайск, 2011. С. 60

[4] Попов А. И. Хесс (Гесс, Hess) Петер // Отечественная война 1812 года: энциклопедия / рук. авт. колл. В. М. Безотосный. М.: РОССПЭН, 2004. С. 761.

[5] Шульц М. В. К вопросу о картине «Сражение под Смоленском» (1846) Петера Хесса из собрания Государственного Эрмитажа // Междисциплинарные исследования. 2016. № 3(23). С. 271. DOI: 10.7256/2222–1972.2016.3.18065

[6] Там же.

[7] ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 580 оц. 1855 г. Л. 1.

«представил собранию Всемилостивейше пожалованную… дворянству Смоленской губернии копию картины баварского художника Гессе “Сражение при Смоленске”, в память Отечественной войны 1812 года»[1].

В тексте «Верноподданнейшей благодарности за монаршее внимание, изъявленное дворянству» говорилось: «Взирая на Всемилостивейше пожалованную картину, верноподданнейшие смоляне, с чувством глубокого благоговения сознают, что заслуги их отцом, принесенные в годину бедствий на алтарь отечества сохраняются не в одних золотых страницах отечественной истории, но живут в памяти и сердцах наших Августейших Монархов!»[2]. Депутация смоленского дворянства стремилась получить аудиенцию у императора для того, чтобы лично поблагодарить его за этот дар. Но император отклонил просьбу, сославшись на занятость[3] (см. Приложение 39).

Копия с картины П. Хесса, выполненная Б. Греймом, украшала зал Смоленского дворянского собрания и в начале XX в[4]. Ныне полотно хранится в фондах Смоленского государственного музея-заповедника под названием «Выход жителей из Смоленска 6 августа 1812 г.» (СМЗ НВ 11106/14; х., м., 205 х420 см.) и требует серьезной реставрации[5]. Это еще одно напоминание о баварцах, побывавших в Смоленской губернии в далеком 1839 г.

Путешествия по Смоленщине расширяли представления иностранных подданных о России. Смоленск с его холмами и исторически памятными местами, уездные городки со своими традициями, деревни и села с устоявшимся укладом жизни — все это оставалось в памяти иностранцев отдельными эпизодами или неким обобщенным образом российской провинции. Проезд высокопоставленных гостей по Смоленской губернии заставлял местные власти каждый раз прилагать усилия

---

1 Там же. Л. 2 об.

2 Там же. Л. 8–8 об.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 580 оц. 1854 г. Л. 34–34 об.

4 Вороновский В. М. Указ. соч. С. 343–344. Допущена опечатка в фамилии художника. В. М. Вороновский также упомянул, что «в Вязьме, в доме городского общества имеется копия с картины мюнхенского профессора Гесса, пожалованная городу в 1848 г. Государем Николаем I. На ней изображено вяземское сражение 22 октября 1812 г.» (Вороновский В. М. Указ. соч. С. 344).

5 Шульц М. В. Указ. соч. С. 271.

по благоустройству дорог и почтовых станций, что, несомненно, имело положительные последствия для губернии и ее жителей.

ДЕТАЛИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

В метрической книге Смоленского римско-католического костела об умерших имеется запись о смерти «от горячки» 16 сентября 1840 г. австрийского подданного, уроженца г. Вены 54 лет, «директора музыки» Иосифа Людвиговича Геринга. Он был похоронен по обряду римско-католической церкви при Владимирской церкви 19 сентября 1840 г.

ГАСО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 4. Л. 14 об.

Из списка возвращенной в Смоленскую губернскую почтовую контору корреспонденции за 1842 г.:

Когда подано на почту	Из какого города и кем посланы	Куда и кому что посылалось	На какую сумму	
			Руб.	Коп.
Марта 5.	Из Смоленска <…> Иностранкою Луизою Лицор	в С. Петербург Карлу Гицеру, письмо	—	—

Прибавление к «Смоленским губернским ведомостям». 1847. 15 февраля (№ 7). Отдел второй. Часть официальная. С. 74.

Из «Книги для записи заемных писем, векселей и протестов» смоленского публичного нотариуса за 1843 г., запись № 14 от 16 января:

«Тысяча восемьсот сорок второго года июля двадцатого дня я нижеподписавшаяся из дворян жена иностранца Екатерина Ефимова Гофман заняла у дочери 6-го класса девицы Христиньи Иванове Клоч денег Государственною серебряною монетою пятьдесят семь рублей четырнадцать и две седьмых копеек за указные проценты сроком впредь на пять месяцов и одинадцать дней то есть будущаго тысяча восемьсот сорок третьяго года генваря по 1-е число, на которое и должна всю ту сумму сполна заплатить, а буде чего не заплачу, то

вольна она Г. Клочь просить о взыскании и поступлении по законам». К этому заемному письму «из дворян жена иностранца Екатерина Ефимова дочь по мужу Гофман руку приложила».

Имеется запись о выплате Е. Гофман 20 июля 1842 г. в городской доход по ¼ процента с рубля, то есть всего 14 $^{2}/_{7}$ коп. серебром, и 16 января 1843 г. в связи с неуплатой в срок в городской доход по ¼ процента с рубля, то есть всего 14 $^{2}/_{7}$ коп. серебром.

Расписка в том, что «подлинное заемное письмо от явки получила чиновника 6 класса девица Кристина Иванова Клотч».

ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 43. 1843 г. Л. 4 об.

В Смоленской палате гражданского суда было засвидетельствовано в 1846 г. «завещание, данное иностранцем Стефаном Августиновым сыном Маскио, жене его Матрене Федоровой Маскио, на состоящий в г. Смоленске 2 части в Спасо-Преображенском приходе, деревянный на каменном фундаменте дом, с строением, садом, огородом и землею, и находящеюся в доме разнаго рода движимостию, с объявлением цены дому с землею 571 руб. 43 коп., а движимости 285 руб. 71 ½ коп. серебром».

Смоленские губернские ведомости. 1847. 26 апреля (№ 17). Отдел первый. С. 197.

В «Книге Канцелярии могилевского гражданского губернатора для регистрации выданных иностранцам документов на проезд и пребывание в Могилевской губернии» за 1846 г., запись № 23 от 20 марта:

«Билет на проезд до города Смоленска Прусскому подданному уроженцу из Витебской Губернии механику Карлу Вейденбаху с женою Леонорою, сыновьями Александром, Петром и Фердинандом и дочерьми Еленой и Елеонорою, выдан на основании срочного билета от 11 Мая 1844 года за № 42».

Цит. по: Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII — начало XX в.) / сост. И. Л. Вернер; ред. В. И. Адамушко. Минск: Тип. Макарова и К°, 2012. С. 199.

Предписанием Смоленской градской полиции от 27 августа 1846 г. за № 8981 смоленский гражданский губернатор Ф. Н. Шкларевич требовал уведомить его о разрешенном представлении брауншвейгского подданного Георга Клейшнека:

МЕХАНИЧЕСКИЙ и ЖИВОПИСНЫЙ ТЕАТР.
С дозволения Начальства.

Сего 1846 года

Механик Георгий Клейшенек, будет иметь честь на здешнем театре дать представление, состоящее из следующих перемен.

1-е, представление декламации механическими фигурами.

2-е, Оракул в двух актах.

3-е, Балет и Метаморфоза в одном акте.

За сим последуют:

4-е, Полиорама или туманныя картины в 12 представлениях.

Сие новое изобретение Лондонскаго Профессора Кари, до сих пор не было представляемо нигде, кроме Столичных городов, С. Петербурга, Парижа и Лондона, где заслужило полное одобрение и похвалы.

Употребив значительныя издержки на поставку сих туманных картин, Г. Клейшнек льстит себя надеждою, что Почтеннейшая Публика не оставит их своим посещением, с своей же стороны он надеется доставить публике полное удовольствие.

В Антрактах Братья и Сестры Клейшнек, будут иметь честь играть.

Между 1-м и 2-м Актами *Дивертисмент*, на фортопиано в 4 руки с акомпаниментом скрыпки, соч. Г. Грунд. (Возможно, «Г.» здесь не инициал, а сокращение слова «господин». Тогда это Ф. В. Грунд (1781–1874) — немецкий композитор и дирижёр, или имеется в виду отец композитора Георг Фридрих Грунд.— *А. Т., О.К.*).

Между 2-м и 3-м *вариации* на скрыпке соч. Виетана. (А. Вьётан (1820–1881) — бельгийский скрипач и композитор.— *А.Т., О.К.).*

Между 3-м и 4-м *Адажио* на скрыпке соч. Доницетти. (Д.Г.М. Доницетти (1797–1848) — итальянский оперный композитор.— *А.Т., О.К.*)

Цена местам:

Ложа Бель-Этажа	— 3 р.	Серебром.
– Бенуара	— 2 р.	50 к.
Кресла первых 3-х рядов	—	75 к.
– остальных рядов	—	50 к.
Партер	—	30 к.
Галлерея	—	5 к.

Начало в 8 часов вечера.

Билеты можно получать.

При сем Г. Клейшнек имеет честь известить Почтеннейшую **Публику, что он снимает Дагеротипные портреты иллюминованные** по вновь усовершенствованному способу различной величины и именно: меньшие в три вершка, средней величины и большие в поллиста бумаги.

Портреты меньшей величины иллюминованные стоят 4 р. сереб.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 133. 1846 г. Л. 3.

О намерении иностранки Шредер отправится за границу

Смоленское губернское правление, в следствие предложения г. Состоящаго в должности Начальника Смоленской губернии, от 28 минувшаго Апреля за № 6.338, публикует, что Гамбургская уроженка девица Иоганна Фридриха *Шредер*, имея намерение отправиться за границу, ходатайствует о снабжении ея заграничным паспортом, на следование в родину, чрез город Ригу.

Смоленские губернские ведомости. 1847. 3 мая (№ 18). Отдел первый. С. 220.

ЛЮДИ ДЕЛА (КУПЦЫ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, РЕМЕСЛЕННИКИ)

После окончания Отечественной войны 1812 г. в губерниях России, в том числе и Смоленской, проводился «разбор иностранцев», в ходе которого были составлены именные списки с указанием их биографических данных и семейного положения. Благодаря этому источнику стали известны имена иностранных купцов, проживавших на Смоленщине.

Следует отметить, что по Манифесту от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий»[1] (подтвержденному Сенатским указом от 17 августа 1820 г.[2]) и дополнительному постановлению «Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний» от 14 ноября 1824 г. иностранцам, не имевшим званий иностранных гостей или заезжих купцов, запрещена была всякая оптовая или розничная торговля в России[3]. Кроме того, в Манифесте 1807 г. подчеркивалось, что иностранные подданные не могут записываться в купеческие гильдии, не получив российское подданство. Решение о вступлении в него нужно было принять в течение 6 месяцев или пользоваться правами иностранных купцов, не имея привилегий, предусмотренных для российского купечества[4].

По Сенатскому указу от 27 мая 1807 г. иностранцы, которые стали подданными России, могли записываться в купеческие гильдии. Утверждал принадлежность к гильдии Сенат после соответствующего обращения губернского правления в эту инстанцию. Таким образом, иностранные купцы, попавшие «в разбор», уже были российскими подданными, в противном случае они лишались права на принадлежность к купеческой гильдии. Примером тому является судьба указанного в «Списке иностранцам, находящимся в городе Смоленске и за высылкою протчих

---

1 ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22418.

2 ПСЗ-1. Т. XXXVII. № 28385.

3 ПСЗ-1. Т. XXXIX. № 30115. Глава VII. § 73.

4 ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22418.

остающимся в оном» от 25 ноября 1813 г.[1] саксонца, уроженца Эссена «Эрнста Егорова сына Шлонеера», приехавшего в Россию в 1804 г.[2] Как выяснилось из копии свидетельства Смоленской городской думы от 1 мая 1813 г., Шлонеер в 1807 г. был записан в Смоленске купцом 3-й гильдии с капиталом 2050 руб., а 27 января 1812 г.— исключен из смоленского купечества в связи с тем, что не принял присягу России (в соответствии с предписанием министра внутренних дел, сообщенным Смоленской казенной палате военным губернатором города Смоленска Н. Н. Бахметьевым 4 января 1812 г.)[3].

Многие иностранцы, в довоенное время успешно занимавшиеся торговлей на Смоленщине на правах купцов и гостей, понесли большие убытки в 1812 г. и уже не могли объявить требуемый капитал для сохранения принадлежности к купеческому сословию. Примером может служить прошение купца-иностранца Сергея Ивановича Кони, заслушанное на заседании Смоленской городской думы 18 августа 1814 г. Кони просил выдать ему свидетельство, что «до сего времени был в здешнем городе записанным в купечестве на праве гостя» (по справке оказалось, что он принадлежал к 3-й гильдии купечества). В 1813 г. он получил льготу «в платеже в казну с капиталов процентных денег», но в 1814 г. не смог объявить капитал в 8000 руб. «по нанесенному в нашествие неприятеля разорению». Иностранец хотел получить свидетельство о прежнем своем положении, чтобы отправиться вместе с братьями в Москву «для защетов по коммерции». Дума удовлетворила просьбу Кони о выдаче свидетельства с «казенною печатью для предъявления куда следует»[4].

В «Списке иностранцам, находящимся в городе Смоленске и за высылкою протчих остающимся в оном» от 25 ноября 1813 г. купцами 3-й гильдии были названы трое. В дальнейшем они не покинут город до конца своих дней. Это, во-первых, выходец из Пруссии, уроженец Потсдама Василий Иванович Габер с семьей (женой Марьей и тремя сыновьями), проживавший в России более 30 лет. В 1813 году он являлся владельцем

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 18–21 об.

2 Там же.

3 Там же. Л. 32–32 об.

4 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 3. 1814 г. Л. 222 об.– 223.

винной лавки и погреба[1] и был записан в смоленское купечество 8 лет назад[2]. Второй иностранец — уроженец Милана Симон Иванович Чапа, приехавший в Россию через Любек более 35 лет назад. К 1812 г. он указан владельцем каменного дома в Смоленске, в котором проживал с женой и где располагался «герберг», то есть постоялый двор или трактир. Итальянец состоял в смоленском купечестве уже 10 лет, но в результате недавних военных событий был совершенно разорен[3]. Третьим был сын голштинского подданного из Киля, родившийся в России более 30 лет назад Карл Андреевич Брун с матерью Анной Давыдовной, братом Федором и сестрой Марьей. Брун был записан в смоленское купечество 3-й гильдии в 1804 г. Помимо коммерции занимался «пекарным мастерством». Владел деревянным домом в Смоленске[4].

Смоленские купцы-иностранцы С. Чапа и К. А. Брун были привлечены оккупационными французскими властями к работе в муниципалитете в 1812 г. Симон Чапа как член муниципалитета 26 сентября 1812 г. был назначен казначеем города Смоленска и обязывался «вести счеты исправно и не выдавать [деньги] без … предписания» интенданта Смоленска А.Ш. де Вилленбланша[5]. Карлу Бруну Вилленбланшем было поручено «смотрение за мельницами и за доставлением съестных припасов»[6].

Учрежденная в Смоленске в марте 1813 г. комиссия «для исследования о лицах, находившихся в должностях у неприятеля»[7] установила, что «Симон Чапа, итальянец 64 лет, имея в городе лавку и лучший ресторан, принял должность члена муниципалитета, а затем и казначея под угрозой расстрела. В муниципалитете был не более 10 раз и никакого участия в делах не принимал»[8]. О Бруне следствие выяснило следующее: «Немец Брун, смоленский уроженец, 30 лет; он был булочником, и снабжал бе-

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 18 об, 19.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

5 Вороновский В. М. Отечественная война в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. С. 304.

6 Там же. С. 305.

7 ПСЗ-I. Т. XXXII. № 25356.

8 Вороновский В. М. Указ. соч. С. 315.

льем русских чиновников. При нашествии неприятелей не успел бежать из Смоленска. По принуждению определен в муниципалитет и явился туда по предписанию майора Меца. На обязанности его лежал перевод с немецкого языка на русский. Между прочим его посылали в Духовщинский уезд за лошадьми, которых он не доставил»[1]. По постановлению следственной комиссии оба иностранца были освобождены. Поэтому и о Симоне Чапе, и о Карле Бруне в «разборе» конца 1813 г. указано следующее: «Ведет себя соответственно званию. В подозрениях никаких полицией не замечен». При этом упоминалось, что Симон Чапа «ныне по разорению ничем не занимается»[2]. Полное оправдание Бруна и Чапы по делу о «бывших в разных должностях у неприятеля чиновниках» было дано по Манифесту от 30 августа 1814 г.[3].

Для иностранных предпринимателей 1814 г. стал началом восстановления пострадавшего в период войны бизнеса. В докладном реестре Смоленской городской думы за этот год содержится запись от 18 мая о положительном решении по прошению «смоленскаго купца Карла Андреева Бруна… о дозволении… по надобности взять от взорванной от нашествия неприятеля Казанской башни» 5 тысяч кирпичей[4]. 12 ноября того же 1814 г. Дума удовлетворила просьбу «смоленскаго мещанина (вероятно, из-за разорения иностранец перешел из купцов в мещане.— *А.Т., О.К.*) Симона Иванова сына Чапы», желавшего «внутри города Смоленска во 2-й части в собственном своем доме открыть 1-го № герберг и содержать оный с 1-го ноября на один год». Чапа был согласен «платить в казну 100 руб. да в доход города 100 руб.»[5]. Те же 100 руб. в городской бюджет мещанин Чапа вносил ежегодно, но 11 мая 1817 г. итальянец продал свой «дом каменной о двух этажах с разными пристройками» московскому купцу Ивану Карловичу Нольчини. Об этой сделке было объявлено 27 октября того же 1817 г. на заседании Смоленской городской думы, чтобы с будущего 1818 г. «числить оный дом за ним Нольчини»[6].

---

1 Там же. С. 316.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 18 об.– 19.

3 Вороновский В. М. Указ. соч. С. 319.

4 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 5. 1814 г. Л. 128.

5 Там же. Л. 273 об.– 274.

6 Там же. Л. 313–313 об.

С просьбой об открытии «герберга № 1» 18 декабря 1814 г. обратился в Смоленскую думу купец Василий Иванович Габер. Он намеривался устроить постоялый двор с трактиром «в наемном архиерейском каменном доме» с 15 декабря 1814 г., выплачивая 100 руб. в год[1]. В. И. Габер продолжал содержать герберг и вносил необходимые суммы в городской бюджет в 1816–1817 гг.[2] и в последующие годы.

Решением Смоленской городской думы от 25 декабря 1824 г. на основании объявления В. И. Габером капитала и выплаты «40 руб. и четверть процентных 20 руб.» в качестве земской повинности иностранцу было выдано свидетельство о принадлежности к купцам 3-й гильдии вместе с семейством, состоящим «из 7 мужских душ и 2 женских»[3].

В декабре 1825 г. сохранилось собственноручно подписанное по-русски «объявление» купца 3-й гильдии Василия Ивановича Габера в Смоленскую городскую думу о своем капитале в 8 тысяч руб. и выплате им 40 руб. в качестве земской повинности. В. И. Габер просил выдать ему «свидетельство для предоставления в уездное казначейство и получения от него установленнаго на право торговли свидетельства»[4]. Купец перечислял членов своей семьи: сыновей Карла и Екима, «уволенных из общества», Александра, жену Марью Кондратьеву, дочь Анну[5]. В том, что Габер получил требуемое свидетельство, сомневаться не приходится, так как «по справке» за ним не значилось недоимок[6].

Любопытно, что жена иностранца «купецкая жена Марья Габерова» также активно занималась торговлей: именно у нее в 1817 г. во время проезда через Смоленск императора Александра I городской староста по поручению думы взял «разных виноградных напитков на 114 руб.»[7]. Договор о цене был «словесный», однако деньги М. К. Габер не получила

---

1 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 5. 1814 г. Л. 310 об.– 311.

2 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 26. 1816. Л. 11 об.; Д. 30. 1817 г. Л. 171.

3 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 64. 1824 г. Л. 755 об.– 756.

4 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 72. 1825 г. Л. 21.

5 Там же. Л. 21 об.

6 Там же. Л. 67.

7 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 64. 1824 г. Л. 477 об. Сохранилось и прошение Марьи Кондратьевны Габер от декабря 1819 г. о возвращении ей средств, собственноручно подписанное просительницей (ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 33. Л. 53).

даже к 1824 г., когда ожидался новый проезд государя. В связи с жалобой купчихи, городская дума решила навести справки и «доложить присудствию немедленно»[1]. Чем закончилось это разбирательство, осталось неизвестно.

В 1825 г. Марья Габер — владелица каменного дома в 3-й части Смоленска, который оценивался в значительную сумму (10 тысяч руб. ассигнациями)[2]. В 1832–1833 гг. купчиха содержала гостиницу в собственном каменном доме в 1-й части города «с платежом в городовой доход акциза шестидесяти рублей»[3]. В 1845 г. М. К. Габер указана владелицей дома на Новой улице во 2-й части города (с оценкой в 400 руб. ассигнациями)[4], а в 1-й части Смоленска — дома в 300 руб.[5] В 1853 г. купчиха 3-й гильдии Мария Кондратьевна Габер пожелала открыть гостиницу в своем доме в 1-й части Смоленска, внеся в городской доход 35 руб. серебром[6]. Согласие Смоленской городской думы на это начинание было получено, о чем дума проинформировала губернатора, а тот обратился к генерал-губернатору. В результате 7 марта 1853 г. Смоленской городской думе было сообщено о положительном предписании генерал-губернатора в отношении открытия Габер новой гостиницы[7].

Младший сын Марьи Кондратьевны и Василия Ивановича Габеров Петр Васильевич не продолжил семейное дело: с 1841 г. он был уволен из купеческого общества и хотел служить учителем[8]. Петр успешно прошел необходимые испытания и получил место преподавателя истории

---

1 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 64. 1824 г. Л. 478.

2 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 71. 1825 г. Л. 21.

3 Будни старого Смоленска 1929–1837 годы: сборник документов. Смоленск: Свиток, 2013. С. 433. По статистическим данным III Отделения Е. И.В. канцелярии в 1836 г. в Смоленской губернии было 4 гостиницы, для сравнения в соседних белорусских губерниях: в Витебской — 2, а Могилевской — 47. (ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 2. Д. 256. 1836 г. Л. 6).

4 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 263. 1845 г. Л. 28 об.– 29.

5 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 262. Л. 75 об.

6 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. 1853. Л. 1.

7 Там же. Л. 1 об.– 4.

8 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 420. Л. 8.

и географии в Дорогобужском уездном училище[1]. С 7 сентября 1850 г. он по собственному прошению был переведен в Сычевское уездное училище[2]. 27 сентября 1855 г. Петр Васильевич Габер, уже будучи в чине титулярного советника, подавал прошение о зачислении его «в Государственное подвижное ополчение, по первому воззванию», желая принять участие в военных действиях Крымской войны[3]. Но, вероятно, в ополчение он не попал, так как имени П. В. Габера нет в списке преподавателей Смоленской губернии, награжденных бронзовыми медалями памяти войны 1853–1856 гг.[4]. 29 июня 1857 г. Петр Васильевич Габер был уволен в отставку по болезни[5].

По архивным документам удалось проследить дальнейшую биографию еще одного купца-иностранца — Карла Андреевича Бруна. В 1821 г. этого 36-летнего купца избирали городским старостой. Он пытался отказаться от должности, так как она была обременительной. К. А. Брун ссылался на то, что хозяйство приходится вести одному, при этом заботиться о матери, сохраняя ее имущество, так как сам он «в 3-ей гильдии Смоленского купечества… состоит, при капитале объявленном от матери его Анны Давыдовой дочери Бруновой, прежде сего до нашествия неприятеля то есть до 1812 года»[6]. Карл пояснял, что занят «ежедневно своею промышленностью, которая доставляет городу пользу в необходимых съестных припасах, в лучшем виде против прочих»[7]. К тому же К. А. Брун указывал, что состоит «по выбору немецкого общества при Евангелической церкви уже 9 лет без перемены кирки форштеером (церковным старостой.— *А.Т., О.К.*)»[8]. Однако Смоленская городская дума отклонила самоотвод Бруна на том основании, что иностранец был избран не думой, а «по балотированию городским обществом»[9]. Купец

---

1 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 420. Л. 21, 25–25 об.

2 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1155. Л. 2–5 об.

3 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1644. Л. 2–2 об.

4 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1834. Л. 6–7 об.

5 ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1786. Л. 11.

6 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 54. 1821 г. Л. 37 об.

7 Там же. Л. 63.

8 Там же. Л. 37 об.

9 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 54. 1821 г. Л. 38.

вновь просил думу обратиться через городских старост к городскому обществу по поводу избрания вместо него другого кандидата, и на это получил согласие[1]. Тем не менее, заверив запись о себе в списке смоленских обывателей за 1826 г., К. А. Брун подтвердил, что «служил гласным при градской думе», а форштеером при лютеранской церкви продолжал состоять более 10 лет[2].

В 1821 г. Карл Брун обращался в Смоленскую городскую думу с еще одной просьбой: уступить ему участок в 1-й части города на Ильинской улице (на углу возле губернаторского дома) для постройки деревянного дома на каменном фундаменте. Свою просьбу купец обосновывал тем, что по Высочайше конфирмованному новому плану города под застройку отходила принадлежащая ему земля во 2-й части Смоленска на Армянской улице. Дума приняла решение: поручить губернскому землемеру проверить справедливость такого обмена и его законность[3]. Вероятно, получить землю в 1-й части города у купца не получилось, так как в списке домовладельцев в 1825 г. Карл Андреевич Брун указан владельцем лишь двух домов во 2-й части Смоленска, оцениваемых в 3 тысячи руб. ассигнациями[4]. В 1826 г. этот купец обозначен хозяином «деревянного дома с принадлежащим ему строением и землею во 2-й города части прихода Благовещенской Пресвятые Богородицы», который являлся наследством «покойного родителя» и находился в собственности семьи 43 года[5]. В 1842 г. дом К. А. Бруна на Армянской улице Смоленска оценивался в 3000 руб. ассигнациями[6], а в 1845 г. два дома на той же улице стоили те же 3000 руб. ассигнациями[7].

Занятие Бруна в Смоленске состояло в «хлебопечении и торговле хлебом и пенькой»[8]. В журнале Смоленской городской думы за 1824 г. содержится упоминание о взыскании с Карла Бруна как купца 3-й гильдии 40 руб.

---

1 Там же. Л. 63 об.

2 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 80. 1826 г. Л. 79.

3 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 54. 1821 г. Л. 293–294.

4 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 71. 1825 г. Л. 47 об.

5 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 80. 1826 г. Л. 79.

6 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 200. 1842 г. Л. 11 об.

7 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 262. 1845 г. Л. 101 об.

8 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 80. 1826 г. Л. 79.

за 1823 г. и 40 руб. за 1824 г. «на земскую повинность»[1]. В декабре 1825 г. «объявление» о требуемом для купца 3-й гильдии капитале и выплате полагавшихся 40 руб. земской повинности подавала мать К. А. Бруна «купецкая вдова Анна Давыдова Брунова», указывая членами своей семьи сына Карла и дочь Марью. Просительница желала иметь «на право торговли свидетельство»[2]. При этом сам документ «за неумением русской грамоты» вместо Анны Давыдовны подписывал ее сын Карл Брун[3]. Так как недоимок обнаружено не было[4], не оказалось препятствий к выдаче свидетельства.

Из книги записи сделок и договоров смоленского нотариуса Петра Павлова за 1835 г. удалось узнать, что «Смоленский купец Карл Андреев Брун» вполне успешно вел свое дело в Смоленске. В книге имеется запись от 12 декабря под № 49 о договоре Бруна с «иностранцем мекленбургской нации Егором Христофоровым сыном Зейделем» сроком на 5 лет о том, чтобы «производить вместе пекарное ремесло» в пекарне «у Троицкого монастыря». В документе указано, что это предприятие и прежде существовало, а данный контракт лишь продолжение прежнего: «как и пред ним производимо было нами, то есть нанятие квартиры, рабочие, люди, дрова, освещение и все прочие, что касается производства работы» зависело от Е. Зейделя, а «внутреннее заведение» было делом К. Бруна, который должен был поставлять «безостановочно» по 10 мешков муки нужного сорта. Ее Е. Зейдель обязан был «сполна оплачивать». Весь доход от заведения шел Е. Зейделю, но К. Брун получал надежного покупателя муки, который платил за каждый пудовый мешок крупитчатой муки (качественной белой пшеничной) на 1 руб. «выше существующих цен в городе Смоленске». Зейдель же обязывался не покупать муку у сторонних лиц в течение всего срока договора. В случае невыполнения условий одной из сторон виновный должен был выплатить неустойку в размере 1 тысячи руб. ассигнациями. Зейдель получал копию договора, а Брун — его оригинал на гербовой бумаге достоинством 3 руб. Оба участника контракта его подписали, нотариус отметил факт выдачи документа на гербовой бумаге. Расписки Е. Зейделя и К. Бруна (по-русски) свидетельствуют, что

---

1 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 64. 1824 г. Л. 735.

2 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 73. 1825 г. Л. 17–17 об.

3 Там же. Л. 17 об.

4 Там же. Д. 73. 1825 г. Л. 164.

соглашение было исполнено[1]. В 1837 г. мать К. А. Бруна Анна Давыдовна вновь получила свидетельство как купчиха 3-й гильдии, при этом указав в документе и своего сына Карла[2].

О том, что и в дальнейшем дела купца К. А. Бруна шли в гору, говорит перечисление «движимаго и недвижимаго имения его, заключающагося в деревянном доме на каменном фундаменте в г. Смоленске, с землею; крестьянах с землею и дворовых людях в Смоленском уезде». Это имущество упоминалось в объявлении в «Смоленских губернских ведомостях» в связи со смертью «Смоленскаго купца Карла Андреева Бруна»[3]. По этому поводу в Смоленский городовой магистрат в марте 1847 г. вызывали наследников, кредиторов и должников Бруна. В объявлении сообщалось, что в магистрате наследникам будет объявлено решение «по делу о взыскании с Поречскаго купца Семена Захарова 1,000 руб. ассигнациями по переданному контракту, и до 2,000 руб. ассигнациями, удержанных будто бы им Захаровым, при расчете за пеньку»[4]. По величине иска можно судить о значительных объемах сделок Бруна как предпринимателя. Обращение к книге лютеранской церкви позволило установить точную дату его смерти: Карл Брун в возрасте 67 лет скончался в Смоленске 25 октября 1846 г. и 28 октября был похоронен на лютеранском кладбище города[5].

Среди смоленских купцов в конце 1810 — первой половине 1830-х гг. видную роль играл итальянец Дементий Карлович Нольчини. Он вступил в смоленское купечество в 1818 г.[6]. Выше уже упоминался московский купец Иван Карлович Нольчини, купивший в 1817 г. каменный двухэтажный дом у Симона Чапы. В доме нового владельца И. К. Нольчини Дементий Карлович просил разрешения открыть герберг первого номера с 1 января 1818 г.[7] Разрешение купец получил 9 января 1818 г.[8]. Именно

---

1 ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 16. 1835 г. Л. 1–2.

2 Будни старого Смоленска. С. 527.

3 Смоленские губернские ведомости. 1847. 29 марта (№ 13). Отдел первый. С. 1.

4 Там же.

5 ГАСО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 13. Л. 12 об.– 13.

6 Будни старого Смоленска. С. 743.

7 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 33. 1818 г. Л. 16–16 об. Документ был подписан по-итальянски: Mercante de Smolensk Dominico Nolchini.

8 Там же. Л. 17.

в этой гостинице, как было выше упомянуто, останавливался во время своего проезда через Смоленск в мае 1821 г. наследный принц Мекленбург-Шверина Пауль-Фридрих[1]. В 1823 г. у Нольчини нашел приют, путешествующий по России француз Монтюле[2].

Дементий Карлович Нольчини продолжал содержать в Смоленске гостиницу в собственном доме во 2-й части Смоленска, выплачивая в городскую казну ежегодно по 150 руб. Сведения об этом встречаются в журналах Смоленской городской думы за 1824 г.[3] и спустя десятилетие, в 1834 г. При этом в 1834 г. указано, что дом для гостиницы «исправлен и омебилирован», но сумма, уплаченная владельцем за узаконенное свидетельство на гостиницу, осталась прежней[4].

Дементий Карлович ежегодно получал свидетельство в качестве купца 3-й гильдии, подтверждая капитал в 8 тыс. рублей и выплачивая полагающийся взнос в городскую казну[5]. Он активно занимался общественной деятельностью: в 1826 г. избирался словесным судьей, с 1829[6] по 1835 г. состоял гласным Смоленской городской думы, в которой работал очень активно и оставил службу по болезни только в октябре 1835 г.[7].

Известно, что Нольчини пытался снять с себя обязанности гласного и раньше. 17 марта 1832 г., будучи купцом 3-й гильдии, он обращался с просьбой освободить его от выборной должности, ссылаясь на то, что «избрание почитает обременительным, как по тому уважению, что уже продолжал общественную службу 4 года, так и потому, что имеет сверх оной должности, которые требуют о своем предмете аккуратной и своевременной отчетности. А при том, будучи одинок, от таковых должностей терпит расстройство по торговым его оборотам»[8]. Помимо этих обязанностей, Дементий Карлович был «смоленским сиротским судом

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. 1821 г. Л. 8–8 об.

2 Montulé E. Voyage en Angleterre et en Russie, pendant les années 1821, 1822 et 1823. Paris: Bertrand, 1825. T. 2. P. 295.

3 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 64. 1824 г. Л. 737 об.

4 Там же. С. 446.

5 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 72. 1825 г. Л. 5.

6 Будни старого Смоленска. С. 15.

7 Там же. С. 629.

8 Там же. С. 49.

с 1830 года определен к малолетней иностранца Маске дочери Екатерине и имению ее опекуном»[1].

Согласно ревизской сказке, Д. К. Нольчини в 1834 г. было 45 лет и он состоял в смоленском купечестве с 1818 г.[2] С этого времени он являлся церковным старостой смоленской римско-католической церкви[3]. В метрической книге римско-католического костела есть запись о смерти 2 декабря 1835 г. купца 3-й гильдии 55-летнего Дементия Карловича Нольчини от чахотки и погребении его 5 декабря 1835 г. «при Смоленской римско Католической приходской церкви»[4] (см. Приложение 40).

На средства Д. К. Нольчини его душеприказчик смоленский купец В. С. Кульбацкий сделал пожертвования на строительство церкви Благовещения у Молоховских ворот и открыл в Смоленске детский приют, где сам служил директором и казначеем[5]. Спустя три года после смерти Д. К. Нольчини на его средства в Смоленске был возведен новый деревянный костел Рождества Пресвятой Богородицы вместо сгоревшего в 1812 г. Новый храм построили «на холме, представлявшем одну большую могилу, в которой находились тысячи тел французов, погибших в ходе битвы под стенами Смоленска в сражении 1812 г.

Костел не имел особых архитектурных достопримечательностей, однако, по воспоминаниям очевидцев, отличался богатым внутренним убранством»[6]. Могила благотворителя этого не сохранившегося храма Доминико (Дементия Карловича) Нольчини до сих пор находится на католическом кладбище Смоленска у каменного костела, возведенного в 1896 г.[7].

---

1 Там же.

2 Будни старого Смоленска. С. 743.

3 Там же. С. 49.

4 ГАСО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 4. Л. 5 об.

5 Василий Степанович Кульбацкий // Памятная книжка Смоленской губернии на 1858 год. Смоленск, 1858. Ч. II. С. 7.

6 Отец Птоломеуш (Я. Кучмик) Францисканцы в Смоленске // Материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию возобновления деятельности Смоленского римско-католического прихода Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии (Смоленск, 23 сентября 2006 года) / сост. Н. Н. Илькевича, о. Птоломеуша (Яцека Кучмика). Смоленск: Годы, 2007. С. 228.

7 Кулешов С. Я. Смоленский некрополь. СПб., 2004. С. 28.

Из содержателей гостиниц в Смоленской губернии стоит указать еще одного итальянца — уроженца Флоренции Степана Ивановича Фивизио, упомянутого как содержатель двух гербергов в г. Белом в 1813 г. и владелец деревянного дома и лавок в городе (последние сдавались им в наем). С 1797 г. итальянец был записан в бельское купечество, но с 1802 г. перешел в мещанство. В документе по «разбору иностранцев» было указано, что этот иностранец находится в России с 1787 г. и уже не раз присягал на верность России[1]. Среди владельцев гостиниц в уездах встречается имя итальянца Бианки, который в начале 1830-х гг. содержал краснинскую почтовую гостиницу[2].

Упоминания иностранных фабрикантов на Смоленщине в документах достаточно редки. Известно, что в сентябре 1813 г. смоленскому губернатору К. И. Ашу поступило прошение от «иностранца, урожденнаго в городе Берлине стальнаго фабриканта Ивана Данилова сына Поля» о законном виде на жительство в Смоленской губернии. В 1813 г. И. Д. Поль управлял «заведенной стальной фабрикой»[3] в вотчине графини Софьи Владимировны Паниной в селе Покрове Бельского уезда.

История немецкого предпринимателя в России оказалась богата событиями: с 1806 г. он три года работал в Риге, затем служил в Москве в «аглицкой канторы у банкира Андрея Кноф», который отправил Поля на свою «стальную фабрику» в Уфимскую губернию[4]. Энергичный иностранец проработал там два года, а вернувшись в Москву, заключил контракт с генерал-майором Орловым и поступил мастером на его стальную фабрику в Тульской губернии. В 1811 г. И. Д. Поль приехал в Санкт-Петербург и по новому контракту с генерал-майором Полторацким стал управляющим на его фабрике в Рязанской губернии. В Москву И. Д. Поль вернулся незадолго до военных событий 1812 г. По требованию военного губернатора графа Ф. В. Ростопчина он принес присягу «на верность Российскому императору» и был готов «к защите от неприятеля»[5], но вскоре попал в плен. Бежав, Поль

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812. Л. 65.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. 1832. Л. 1385 об. Бианки умер к 18 января 1833 г. (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. 1833 г. Л. 273).

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109. 1813 г. Л. 4.

4 Там же. Л. 1.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109. 1813 г. Л. 1 об.

оказался в Духовщине, где познакомился с капитаном Ф. К. Фландером, который находился в этом уездном городе «для защиты отечества с командами». Фландер определил И. Д. Поля к графине С. В. Паниной, у которой до войны служил управляющим[1]. Получил ли немецкий фабрикант вид на жительство в Смоленской губернии, осталось неизвестным.

Успешными бизнес-проектами первой половины XIX в. можно признать открытие кофейных домов. Уже в первые годы после событий Отечественной войны они приносили солидный доход в Петербурге. Показательно, что «на торгах за наем «кофейного дома „Свеаборг", состоящего на 3 версте от Калинкина моста по Петергофской дороге …» требовалось заплатить более 1200 руб. ежегодно (С.-Петерб. ведомости. 1816. 28 июля. № 60. С. 594)»[2].

Попытка же открыть кофейный дом в Смоленске в 1826 г. оказалась неудачной. Причиной стало то обстоятельство, что инициатором нового предприятия выступил иностранец. Из записи в журнале Смоленской городской думы от 20 января 1826 г. известно, что некий швейцарский гражданин Христиан Подрут подал в думу прошение, предлагая открыть в Смоленске кофейный дом и обещая платить «за него в городовой доход 50 руб. денег»[3]. Рассмотрев вопрос, члены думы дали швейцарцу отрицательный ответ. Основанием послужил тот факт, что проситель «есть подданный Швейцарии, а не российской, и как Высочайше утвержденного 1824 года ноября в 14 день дополнительного постановления об устройстве гильдий и торговле протчих состояний 1й Главы § 7 отделением 3м дозволено в губернских городах содержать всякие торговые заведения купцам 3 гильдий российским подданным, то оному просителю иностранцу Подруту в прошении Его … отказать»[4]. 2 апреля того же года Смоленская городская дума заслушала жалобу смоленских мещан на то, что этот иностранец, снимающий квартиру в доме надворного советника Воеводского, незаконно производит

---

[1] Там же. Л. 4.

[2] Носова Г. В. Питейные откупа в России в 1811–1815 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы XX Международной научной конференции, 5–7 сентября 2016 г. / сост. И. В. Корнеев. Бородино, 2017. С. 336.

[3] ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 78. 1826 г. Л. 36 об.

[4] Там же. Л. 36 об.– 37.

кондитерские изделия. Дума решила уведомить об этом полицию, так как если иностранец не состоял «по здешнему городу ни в каком звании»[1], он не имел права вести торговлю.

Христиан Подрут обратился в Думу с просьбой причислить его вместе с сыновьями Христианом и Генрихом к кондитерскому цеху в Смоленске, а казенная палата упомянула в своем предписании только самого предпринимателя без сыновей, поэтому на заседании Смоленской городской думы 26 апреля 1826 г. было принято решение обратиться в казенную палату за разъяснением[2]. 29 апреля дума вновь вернулась к вопросу о Подруте, чтобы сообщить в городскую полицию о запрете иностранцу до записи в цех «производить кондитерские изделия»[3], 15 мая в думе заслушали сообщение о сделанном полицией 2-й части Смоленска предписании по этому поводу[4]. 22 мая дума получила указ Смоленской казенной палаты о разрешении записать Подрута с семейством в цех и сделала соответствующие распоряжения[5]. Наконец, 2 ноября того же года в думе огласили «рапорт Смоленской ремесленной управы от 1-го ноября с № 59-м» о том, что Подрут с сыновьями, в связи с тем что кондитерского цеха в Смоленске нет, был причислен «к живописному цеху» на основании «Устава о цехах» (главы XII § 18)[6].

Любопытно, что иностранцы, прежде работавшие в столице, решались переехать в провинциию, чтобы попробовать свои силы в новом качестве. Примером может служить судьба уроженца города Эвиана, «сардинского подданного Иоганна Грена». Он прибыл в Россию в 1840 г. в качестве учителя и обучал детей французскому языку в Санкт-Петербурге[7], а в 1848 г., в возрасте 34 лет, поступил управляющим к рославльской помещице А. П. Челищевой в село Кузьминичи и стал заниматься устройством там сахарного завода[8].

---

1 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 78. 1826 г. Л. 238–238 об.

2 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 78. 1826 г. Л. 277 об.– 278.

3 Там же. Л. 290.

4 Там же. Л. 340 об.

5 Там же. Л. 363–363 об.

6 Там же. Л. 798 об.– 799.

7 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 336. 1849 г. Л. 29.

8 Вероятно, владелица имения во второй половине 1840-х гг. решилась на модернизацию

Из рапорта рославльского исправника от 20 февраля 1852 г. известно, что в это время в Кузьминичах проживал французский «сахарный фабрикант» Теофил Гонор Кассен. Ему было 49 лет, он жил в Кузьминичах с семьей: женой — 45-летней Марией Магдаленой Мелани, урожденной Регар, и 21-летней родственицей Марией Мелани[1]. При этом сначала в Россию приехали женщины — 28 апреля 1851 г., а затем и сам Теофил Гонор Кассен — 1 сентября 1851 г.[2]

Стоит назвать некоторых иностранных мастеров, работавших на помещичьих фабриках Смоленской губернии. Так, на фабрике князя П. Ф. Шаховского в Юхновском уезде в течение 1820–1827 гг. трудился брауншвейгский подданный Мольденгауер. Последний подавал жалобу, в связи с тем что князь не оплатил выполненную мастером работу[3]. Обращение иностранца рассматривалось как дипломатический скандал, результат урегулирования которого остался неизвестным.

Из ведомостей об иностранных подданных, составлявшихся в каждую «треть года» в канцелярии губернатора с целью их предоставления в Министерства внутренних дел и иностранных дел, известно, что на прядильной фабрике в Ельнинском уезде у барона Черкасова в 1839–1841 гг. работал чесальщиком шерсти 45-летний Клод Морис Фашерон (Faucheron), уроженец Ерани близ Парижа. У француза до этого был уже солидный опыт: четыре года он трудился на парижской фабрике, а затем в 1834–1839 гг. в Москве[4]. В имении Барышникова в Дорогобужском уезде в конце 1850-х гг. проживал «саксонский подданный, техник, Эдуард Фридрих Альберт Клоч»[5].

Архивные документы сохранили имена иностранцев-ремесленников. Так, много лет в Смоленске трудился представитель «цецарской нации» (то есть бывшей Священной Римской империи), уроженец

своего хозяйства. Об этом свидетельствует и факт приглашения в 1846 г. австрийского агронома Александра Антоновича Дерфельдта, занимавшегося «хозяйственными распоряжениями» в селе Кузьминичи (ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 283. 1846 г. Л. 77).

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 552. 1852 г. Л. 22.

2 Там же. Л. 23.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. 1827 г. Л. 528–528 об.; Д. 33. 1827 г. Л. 799 об.– 800.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1840 г. Л. 65, 72; ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. 1841 г. Л. 43, 63.

5 Смоленские губернские ведомости. 1859. 4 июля (№ 27). Отдел первый. С. 606.

Гесен-Дармштадта Данила Иванович Граф (Краф), каретных дел мастер. Он жил в России с 1801 г. «на праве гостя», в 1813 г. в списке проживавших в Смоленске иностранцев он указан с семьей — женой и дочерью. Деревянный дом Графа (Крафа) сгорел в 1812 г.[1].

Однако Данила Иванович Граф сумел в дальнейшем поправить свое материальное положение: в 1825 г. его дом во 2-й части Смоленска был оценен в 3500 руб. ассигнациями[2]. В 1826 г. 45-летний вдовец Д. И. Граф со своими четырьмя детьми — Федором, Карлом, Александрой и Анной — имел «дом деревянный с принадлежащим ему строением во 2-й города части прихода Благовещенского Святые Богородицы», кроме того, иностранцем были куплены земли близ владения, а также пустое место в Офицерской слободе[3] (см. Приложение 41). В 1832 г. Д. И. Граф получил еще один дом в этой же части города (по завещанию от дочери прапорщика Лукерьи Сачневой)[4], а с 1837 г. он владел землей в Нижнем митропольском проулке в Смоленске[5]. В 1842–1845 гг. дом этого иностранца на Армянской улице во 2-й части города оценивался в 2500 руб. ассигнациями или 714 руб. 28 ½ коп. серебром[6].

Данила Иванович Граф был хорошим мастером, так как смоленские помещики охотно отдавали ему на обучение своих воспитанников и крепостных. Известно, что Д. И. Граф в 1822 г. принял на обучение каретному делу воспитанника губернского доктора Цекерта Жана Вейера[7]. Последний в возрасте 22 лет в 1827 г. окончил свое обучение[8], вероятно, освоив все секреты мастерства.

В «Книгу смоленского публичного нотариуса Петра Павлова для записки контрактов, договоров и условий» на 1834 г. внесено соглашение от 28 марта между помещиком Иваном Богдановичем Вонлярлярским и каретных дел мастером Данилой Ивановым Графом.

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 21 об., 19.

2 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 71. 1825 г. Л. 47 об.

3 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 80. 1826 г. Л. 78.

4 Будни старого Смоленска. С. 559.

5 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 200. Л. 26 об.

6 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 200. Л. 11 об.; Д. 262. 1845 г. Л. 101 об.; Д. 263. 1845 г. Л. 8 об.– 9.

7 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. 1828 г. Л. 1 об.

8 Там же. Л. 2.

Помещик передавал иностранцу «крепостных своих двух мальчиков для обучения мастерства Тимофея Азарьева и Максима Никонова». Далее в документе шло перечисление того, чему должен был обучить их Д. И. Граф: «1-го, Азарьева, каретному дрожечному, колясочному, брички, станки, ходы колеса и кузова, зимние кибитки, сани и всему оному принадлежности. 2-го, Никонова, кузнечному мастерству, как-то ковки дрог, оковки колес и всему тому до принадлежности … экипажей». Срок обучения был определен в четыре года, то есть до 1 мая 1838 г. Однако мастер имел право по своему усмотрению продлить этот срок еще на год или два, обязуясь «обучить вышеписанному мастерству в прочном и лучшем виде что нужно для отделки летних и зимних экипажей», помещик же не мог забрать ребят раньше срока. Иностранец должен был предоставлять ученикам «хлеб, харч равно портомойное и банное за свой щет», а И. Б. Вонлярлярский — обеспечивать мальчиков одеждой и обувью.

В случае нарушения соглашения одной из сторон виновник выплачивал неустойку в размере 200 рублей. Условия были подписаны обоими участниками сделки и нотариально заверены. Запись в книгу была внесена под № 16. Подлинник договора «на рублевом листе» должен был хранить у себя Д. И. Граф, а копию — И. Б. Вонлярлярский. По истечении срока оба явились к нотариусу и предъявили документы, контракт был выполнен. В книге есть подписи Данилы Графа и Вонлярлярского (последний дал подписку в том, что подлинник предоставлен). Данила Граф расписался по-русски[1]. Подобные договоры с другими помещиками мастер заключал ежегодно, что свидетельствует о его хорошей репутации и доходности ремесла[2].

Известно, что в 1843 г. гессен-дармштадтский подданный, каретных дел мастер Данила Граф и его дети приняли российское подданство, что, вероятно, объяснялось стремлением отца обеспечить стабильное будущее своим наследникам, так как сам ремесленник был к тому времени в преклонном возрасте (более 60 лет)[3]. Сын Данилы Графа, смоленский мещанин, лютеранин Федор Данилович (1813–1887) был женат

---

1 ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 12. 1834 г. Л. 2–2 об.

2 ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 11. 1834 г. Л. 8–8 об.; Д. 14. 1835 г. Л. 9–9 об.; Д. 15. 1835 г. Л. 2–3.

3 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 112 об.

на православной Марии Захаровне[1] и имел детей также православного вероисповедания. Ф. Д. Граф похоронен на Смоленском окопном кладбище, где сохранился его надгробный памятник[2].

Помимо Данилы Ивановича Графа каретным мастером в Смоленске являлся иностранец Кристоф Богданович Вебер. Он также обучал своему ремеслу крепостных или вольноотпущенных, отданных иностранцу смоленскими дворянами на определенный срок. Имя Вебера упоминается в контрактах 1839 г.[3].

Известным смоленским шляпником был австриец Федор Иванович Штерн. Он родился около 1768 г. и к 1826 г. был женат на уроженке Пруссии Анне Ивановне. В 1820 г. иностранец купил деревянный дом во 2-й части города Смоленска «Одигитриевского приходу»[4] (см. Приложение 42). В 1842–1845 гг. дом Ф. И. Штерна на Одигитриевской улице оценивался в 2000 руб. ассигнациями[5].

Архивные документы дают основание считать, что Федор Иванович также брал к себе учеников. «Для обучения шляпочным и протчим женским рукоделиям» иностранцу Ф. И. Штерну с 28 апреля 1830 г. была отдана подопечная смоленского воспитательного дома Авдотья Александрова. К 1834 г. она достигла совершеннолетия и «приучилась помянутому рукоделию» настолько, что уже могла ремеслом «содержать себя прилично»[6]. 20 марта 1834 г. Смоленский приказ общественного призрения рассматривал прошение Авдотьи Александровой «о выдаче ей для безпрепятственнаго прожития свидетельства» и просьбу ее удовлетворил. Об этом решено было известить мастера Федора Ивановича Штерна[7].

По договору 14 сентября 1839 г., заключенному Ф. И. Штерном с губернским секретарем В. В. Потемкиным, о направлении «вольноотпущенной девки» (то есть бывшей крепостной, получившей вольную) Матрены «на обучение головных дамских уборов шитья, мытья и глаженья оных», мастер

---

1 ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2427. 1855 г. Л. 270 об.– 271.

2 Кулешов С. Я. Смоленский некрополь. СПб., 2004. С. 8.

3 ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 20. Л. 13 об.

4 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 80. 1826 г. Л. 32 об.– 33.

5 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 200. 1842 г. Л. 7 об.; Д. 262. Л. 94 об.

6 ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 140. Л. 668 об.– 669.

7 Там же. Л. 671 об.

обязывался «содержать ее во все время на моем Штерна хлебах, харчах, банном и портомойном» в течение четырех лет (до 14 сентября 1843 г.). При этом иностранец волен был «есть ли надобность укажет за леность и неповиновение ее Матрену наказать розгами по мере вины отечески но не жестоко смотреть за ее поведением». Помещик же обязывался в течение всего срока обучения «давать ей [Матрене] обувь и одежду приличную», а мастеру платить «ежегодно по пятидесяти рублей ассигнациями», внося всю сумму «при начале каждой половины года с роспискою»[1].

В этом договоре обращает на себя внимание предусмотренная для мастера возможность применять физические наказания. Вероятно, они были явлением обыденным, а с другой стороны, это право особо оговаривалось в контракте. Можно предположить, что иностранные мастера при обучении могли не церемониться с учениками, находящимися в крепостной зависимости, а упомянутая выше Матрена — вольноотпущенная, поэтому вопросу наказаний было уделено особое внимание. Договор заключал помещик, он же обязывался выплачивать денежную сумму и рассчитывал, что в дальнейшем девушка будет работать в его семье.

Федор Иванович Штерн ежегодно вносил 20 руб., полагавшихся по раскладке «в пользу городовых доходов». Как было записано в «Особом журнале» Смоленской городской думы, эта сумма взималась с иностранца «за делание им модных нарядов»[2].

Еще в 1813 г. «в разборе иностранцев» в Смоленске был указан золотых дел мастер, имевший права «гостя» «Данила Антонов сын Гинц» с сыном Александром. Ювелир, указанный как прусский подданный (отец Данилы Гинца был уроженцем Данцига и подданство России не принимал), родился в Смоленске в 1779 г. Несмотря на работу с драгоценностями, Данила Гинц в 1813 г. недвижимости в Смоленске не имел[3]. Вероятно, родственник ювелира иностранец Карл Гинц в 1825 г. владел во 2-й части Смоленска домом или квартирой, оцененной в 100 руб. ассигнациями[4]. В 1845 г. собственность Гинца в Офицерской слободе была оценена без изменений[5].

---

1 ГАСО. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 20. Л. 26.

2 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 170. 1838 г. Л. 852.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 21 об., 19.

4 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 71. 1825 г. Л. 36.

5 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 200. 1842 г. Л. 57.

Другой смоленский мастер-сапожник «иностранец Кристиан Иванов сын Царт» 29 октября 1823 г. обращался в Смоленскую городскую думу. Он просил дать ему возможность получить пустопорожнюю землю близ собственного «на каменных этажах деревянного дома на большой улице, идущей от Днепровских ворот к Троицкому монастырю, на правой стороне»[1]. Получив от губернского землемера и соседей Царта сведения о возможности удовлетворить просьбу, дума 3 мая 1824 г. дала иностранцу положительный ответ[2].

Сапожным делом зарабатывал средства к существованию уроженец Рима Франц Иванович Бревольский, в 1813 г. живший в собственном деревянном доме в Белом. Итальянец имел права «гостя», в 1807 г. присягал на верность России, но документы свои утратил и обращался к местным властям, желая их восстановить. Иностранец имел семью: жену — местную мещанку Авдотью Федоровну и двух детей Федора и Марфу[3].

Седельный мастер[4] из Бреславля (Силезия) Христиан Готфрид[5] (Карл Иванович) Шперлинг проживал в Ельне. Он приехал в Россию в 1792 г., а в 1814 г. в ходе «разбора иностранцев» смог представить аттестат от дворянина Болковского[6], указавшего, что Шперлинг «вел себя добропорядочно трезво и препоручимые ему… работы отделывал во всей исправности» в течение шестилетнего срока службы у помещика[7]. Иностранец во время войны 1812 г. утратил свои бумаги. На родине его отцом было оставлено наследство в 350 талеров. Потребовалась продолжительная переписка, растянувшаяся на два года, чтобы выяснить, что в Бреславле проживают родные Шперлинга (а у него было пять братьев и три сестры), которые могли бы подтвердить подлинность личности Карла Шперлинга и его право на наследство[8]. Получение же другого наследства, доставшегося Карлу Шперлингу от Галача из Бреславля, инициировало

---

1 ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 64. 1824 г. Л. 261 об.– 262.

2 Там же. Л. 263.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 65–66 об.

4 Седельный мастер или шорник — ремесленник, изготавливающий конскую упряжь.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. 1829 г. Л. 768.

6 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. 1812 г. Л. 69.

7 Там же. Л. 72.

8 АВПРИ. Ф. 1. Разряд II-11. Д. 50. 1824 г. Л. 1–14 об.

восьмилетнюю переписку между МИД, МВД, губернским, уездным начальниками и самим иностранцем[1].

В 1834 г. К. И. Шперлингу исполнилось 63 года, он был вдовцом с двумя сыновьями Фридрихом (Федором) и Ипполитом и жил в собственном доме в Ельне, продолжая заниматься своим ремеслом[2]. В 1850 г. Ипполит Карлович Шперлинг с семейством приняли русское подданство в Смоленской губернии[3]. Через год присягу России принес и его брат — ельнинский мещанин, прусский подданный Федор Карлович Шперлинг[4]. Дети последнего Иван и Мария (замужем за коллежским регистратором Андреем Белавенцевым[5]) продолжали оставаться подданными Пруссии и получали очередные виды на жительство в 1862 г.[6].

В ведомости иностранцев в Рославле, составленной в феврале 1840 г., упоминаются саксонец Рудольф Рейнвард и прусский подданный Иоганн Гейнрих Мелавиль, поселившийся в России в 1832 г. Оба трудились столярами в доме титулярного советника Жадейки[7].

Все вышеупомянутые ремесленники селились в городах, но были и те, кто выбирал для жительства сельскую местность, что диктовалось особенностями производства. Речь идет о швейцарских сыроварах, которые появились в губернии в начале 1820-х гг. и стали изготавливать здесь твердый швейцарский сыр. Для России это было совершенно новое дело: у нас традиционно производили не твердые сыры, а творог, который путем специальной обработки (многочасового томления в русской печи) высушивали и могли хранить в течение нескольких месяцев в глиняной посуде с топленым маслом. Именно такой продукт назывался у нас «сыром»[8],

---

1 АВПРИ. Ф. 1. Разряд II-16. Д. 43. 1821 г. Л. 1–12.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. 1834 г. Л. 21.

3 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 269.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 851. 1859 г. Л. 1–2 об.

5 Там же. Л. 5.

6 Там же. Л. 4–12. Кстати, прошение Ф. К. Шперлинга о выдаче его детям Ивану и Марье видов на жительство от 14 февраля 1862 г. подписал «по слабости зрения» просителя его сын Николай Карлович Шперлинг (Там же. Л. 5).

7 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. 1840 г. Л. 11 об.

8 Донченко Л. В., Надыкта В. Д. История основных пищевых продуктов (введение в специальность). М.: ДеЛипринт, 2002. С. 122.

его изготавливали на так называемых «сырнях», в том числе и в Смоленской губернии[1].

Твердые сыры привозились в Россию из-за границы как деликатес. Первый российский сыроваренный завод был организован «по швейцарскому способу» в конце XVIII века в имении князя И. С. Мещерского (1775–1851) Лотошино Старицкого уезда Тверской губернии[2]. Известно, что мастером там с 1814 г. служил швейцарец Иоганес Мюллер[3], выходец из деревни Райхенбах (кантон Берн). Его считали первым сыроваром-швейцарцем в России[4]. Однако, по сведениям исследовательницы Г. Чудин (Швейцария), первая сыроварня ее соотечественника В. Йенни (W. Jenni) действовала в Гатчине в 1796–1810 гг.[5].

Первое датируемое документальное свидетельство о деятельности швейцарских сыроваров в Смоленской губернии относится к крупной вотчине графов Паниных — Дугино Сычевского уезда. Швейцарские сыроделы Иоганнес Цвайфель, Николаус Вильд, Феликс Вебер получили 12 октября 1823 г. билеты на жительство в Дугино от исправлявшего должность смоленского гражданского губернатора[6]. Позднее (уже в 1833 г.) в Дугино работали швейцарские сыровары Бальтазар и Николаус Вильды из кантона Гларус[7]. Берн и Гларус традиционно стали главными кантонами, из которых в Россию приезжали швейцарские сырных дел мастера. Г. Чудин датирует начало работы первой сыроварни в Дугино Сычевского уезда Смоленской губернии 1841 г. (то есть значительно позже) и связывает его с именем швейцарца Самуила Карлена (Sam. Karlen)[8].

---

[1] Тихонов Ю. А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII–XVIII веков: сосуществование и противостояние. М.– СПб.: Летний сад, 2005. С. 214.

[2] Историко-статистические очерки производства пищевых продуктов / сост. А. И. Белов. СПб., 1890. С. 41.

[3] Tschudin G. Schweizer Käse im Zarenreich. Zur Mentalität und Wirtschaft ausgewanderter Bauernsöhner und Bauerntöchter. Zürich: HansRohr, 1990. S. 302.

[4] Степанов А. И. Русские и швейцарцы. Записки дипломата. М.: Научная книга, 2006. С. 306.

[5] Tschudin G. Указ. соч. С. 298.

[6] ГАСО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 357. 1824 г. Л. 55

[7] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. 1834 г. Л. 286, 748.

[8] Tschudin. Указ. соч. С. 301.

То, что швейцарцы выбрали крупное помещичье хозяйство, далеко не случайно: это связано со спецификой изготовления швейцарских сыров, для производства которых необходимо иметь большие скопы цельного непастеризованного молока высокой жирности. Сыр делают с использованием двукратного (а не единичного) нагревания молока и сычужной закваски. Круги сыра большого веса длительно выдерживают, такой сыр возможно хранить много лет без утраты вкусовых качеств[1]. Необходимое количество молока для производства могли поставлять крупные вотчины, такие как Дугино. Само наличие сыроварни это предполагало: «чтобы окупались издержки, за один раз надобно варить не меньше 30 или 40 фунт. сыру (фунт равен 409,5 г); а так как на каждый фунт сыру надобно 10 фунтов молока, то для того, чтобы сварить 30 ф. сыру, нужно около 300 фунт. молока»[2].

Смоленские помещики предпринимали попытки устроить в своих имениях образцовое хозяйство, «насколько это возможно, по способу швейцарскому, поставив себе в образец хозяйство кантона Берна»[3]. Такой проект стремился осуществить помещик Вонлярово Смоленского уезда А. А. Вонлярлярский. В 1848 г., когда имение посетил профессор Горыгорецкой земледельческой школы Р. Е. Кнюпфер, скотный двор в Вонлярово был уже «перестроен совершенно по-швейцарски: из него ежедневно выносят навоз, собирая его в особые кучи. Эта работа как и все обращение с скотом, равно как и делание сыра, все это состоит под ведением выписанного из кантона Берна швейцарца, который вместе с тем обязан обучать этой отрасли хозяйства здешних крестьян. Все господское поле по новому плану будет разделено на 4 фольварка или фермы, на которых будут построены дома наподобие деревенских домов

---

[1] Тихонова А. В. Швейцарское сыроделие в XIX веке: секреты рождения международного бренда // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (25). Ч. 1. С. 183–184.

[2] Верещагин Н. В. О сыроделии и о сыроварных ассоциациях в Швейцарии. Составлено по собственным наблюдениям Н. В. Верещагиным. СПб.: Издание склада артельных сыроварен, 1869. С. 4.

[3] Кнюпфер Р. Е. Агрономические путешествия по России. Статья III. Обозрение некоторых имений Смоленской губернии // Журнал Министерства государственных имуществ. 1848. № 7. С. 21.

в Швейцарии. Устройству одного такого дома начало уже было положено, когда мы посещали имение»[1].

В «Обозрении» Р. Е. Кнюпфера 1848 г. отмечалось, что и в Дугино «устроено хорошее молочное хозяйство в швейцарском вкусе»[2]. С 1830-х гг. уходом за скотом в этой большой помещичьей вотчине также занимались швейцарцы[3]. В имении графа Орлова-Денисова в Гжатском уезде «смотрительницей за скотом» в 1833 г. названа швейцарка Марья Арнольд, приехавшая в Россию в 1828 г.[4]. В Самуйлово у Голицына ту же работу выполняла в 1833 г. француженка, вдова Фанни Гетте, проживавшая в России с ноября 1822 г.[5]. По словам Р. Е. Кнюпфера, в 1848 г. в Александрино Сычевского уезда у князя Лобанова-Ростовского «кормом с лугов и полей содержится всего 1700 штук рогатого скота простой породы, а из получаемого от него молока делают сыр»[6].

Сыроделов привлекала природа Смоленщины, в первую очередь наличие заливных лугов. Швейцарцы осознавали, что губерния обладала значительным нереализованным потенциалом[7]. Не случайно один из российских путешественников XIX века после возвращения из Швейцарии заметил: «Если бы швейцарский земледелец прочел мой отзыв о климатических, почвенных и хозяйственных условиях наших северо-западных губерний (к которым примыкала и Смоленская губерния — *А. Т.*, *О. К.*), ему конечно не пришло бы в голову, что я должен говорить о нищенстве этих губерний; он подумал бы, что я рисую

---

1 Там же. С. 21. Параллельно с этими преобразованиями владелец Вонлярово выступил заказчиком крупномасштабных строительных работ в усадьбе и устройства роскошного пейзажного парка с прудами. Несмотря на значительное состояние помещика, это привело к большим долгам, которые лишь росли. В 1867 г. имение со всеми его хозяйственными постройками было выставлено на продажу (Деверилина Н. В. Вонлярово // Деверилина Н. В. «Я посетил тебя, пленительная сень…». Смоленск: Маджента, 2014. С. 49–53).

2 Кнюпфер Р. Е. Указ. соч. С. 14.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. 1834 г. Л. 43 об.– 44.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. 1834 г. Л. 40 об.

5 Там же. Л. 41.

6 Кнюпфер Р. Е. Указ. соч. С. 17.

7 О мерах к улучшению сельского хозяйства в Смоленской губернии, агронома А. Верещагина // Памятная книжка Смоленской губернии на 1857 год. Смоленск, 1857. С. 208.

картину обетованной земли, где человечество имеет все в избытке, при единственном условии труда»[1].

Швейцарцы работали на Смоленщине в качестве арендаторов сыроварен у землевладельцев, получая за свой труд от 5 до 20% с валовой выручки[2], а иногда и до 30%[3]. Прибыльность этого бизнеса оценили и представители других государств. В Вяземском уезде в 1828–1831 гг. работал уроженец Царства Польского, польский подданный, «сырных дел мастер» Яков Салио, получивший по запросу Вяземского земского суда паспорт для проживания в Смоленской губернии[4]. Характерно, что Салио не раз выезжал из Смоленской губернии в Москву, Калугу, Могилев и возвращался обратно[5]. Вполне вероятно, что эти поездки были связаны с организацией производства и сбыта сыра.

В январе 1831 г. Яков Салио перебрался в Гжатский уезд, где работал до 1833 г. (ежегодно на его имя выписывался билет по запросам Гжатского земского суда)[6]. Из документов гжатского городового маклера известно, что 1 января 1833 г. между помещиком села Алексияновки (Самуйлово) Гжатского уезда Смоленской губернии князем Павлом Алексеевичем Голицыным и поляком-сыроваром Яковом Салио был заключен договор. Согласно его условиям, Голицын обязывался выплатить мастеру за изготовление сыров в течение двух лет 5 тысяч руб. серебром (из них трижды

---

[1] Благотворительность Швейцарии и причины ее вызвавшие составленная графом Цукатто. СПб., 1880. С. 46.

[2] Чтения Н. В. Верещагина в Императорском сельскохозяйственном музее. По вопросам о молочном скотоводстве и хозяйстве. СПб., 1886. С. 12.

[3] В пореформенный период в России контракты со швейцарцами могли заключаться и с указанием конкретной суммы годового жалования, с учетом фиксированной цены ведра молока в данной местности (Ф. 398. Оп. 40. Д. 13.420. 1876 г. Л. 8–9). Были случаи, когда арендаторы отказывались от жалования, обязываясь варить сыр», получали «в свою пользу ½ чистой прибыли с проданного товара» (Дмитриев К. Переработка молока в масло и сыр. М.: 2-е изд. М. 1899. С. 17).

[4] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. 1828 г. Л. 948; Д. 40. 1829 г. Л. 288 об.; Д. 30. 1830 г. Л. 712 об.; Д. 33. 1831 г. Л. 901, 1496, 1498.

[5] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41. 1829 г. Л. 994; Ф. 1. Оп 1. Д. 30. 1830 г. Л. 712 об.

[6] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. 1831 г. Л. 53; Д. 35. 1831 г. Л. 568 об.; Д. 26. 1832 г. Л. 107 об.; Д. 53. 1833 г. Л. 6 об.

в год в 1833 г. по 833 руб. 33 коп., а затем остальную сумму в конце 1834 г.). Салио должен был в течение указанного срока перерабатывать все молоко данного хозяйства в сыр, а также обучить двух крепостных крестьян этому ремеслу настолько, чтобы «сделать их настоящими мастерами своего дела»[1]. Условия сделки были выполнены, так как маклер не отметил претензий сторон по окончании срока действия договора. Известно также, что в 1837 г. в имении князя П. А. Голицына Карманово Гжатского уезда освоил технологию изготовления швейцарского сыра крепостной Л. Прокофьев[2], возможно, прошедший обучение у иностранного мастера.

В «имении князя Александра Голицына» того же Гжатского уезда в 1831–1833 гг. сыроварением занимался Бернард Антонов Массино, приехавший в Россию в 1818 г.[3] В 1833 г. ему было 38 лет, и он не имел семьи[4]. В 1843 г., по документам Смоленского губернского правления, «поляки» Бернард Массино и его брат Иоанн с семейством проживали в Вяземском уезде. Сами иностранцы тогда уточнили, дав показания Вяземскому земскому суду, что они ошибочно названы поляками. На самом деле они «италианские подданные уроженцы Сардинского королевства города Урноваса провинции Паланцы, но по какому случаю названы польскими уроженцами того они не знают»[5]. Братья Массино желали быть приписанными к вяземскому мещанству.

В 1846 г. канцелярия смоленского губернатора вела продолжительную переписку, чтобы уточнить сведения, сообщенные Массино. Из ноты сардинского министерства в ответ на обращение российской миссии в Турине выяснилось, что «братья Массино (а не Массено) действительно итальянские подданные, родом из Орнаваско, в Сардинском Королевстве»[6], к тому же являются детьми бедных родителей. Итальянские власти указывали, что родные братьев Массино, оставшиеся в Орнаваско, нуждались в материальной поддержке[7].

---

1 ГАСО. Ф. 1103. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 9. 1836 г. Л. 92.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. 1831 г. Л. 53; Д. 26. 1832 г. Л. 107 об.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. 1834 г. Л. 35.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 141. 1846 г. Л. 1 об.

6 Там же. Л. 4.

7 Там же. Л. 12.

В имении помещика Мальцова — сельце Новом Гжатского уезда — работал сыроваром сардинский подданный Павел Чиан, который прибыл в Россию в 1830 г. В 1833 г. ему исполнилось 26 лет и он был холост. Билет П. Чиана на проживание в Смоленской губернии за № 92 был подписан смоленским гражданским губернатором 24 июля 1833 г. сроком до 23 января 1834 г.[1]. Этот иностранец в 1836 г. упоминается как сыровар имения Зайцово у прежнего владельца Мальцова. К этому времени Чиан уже принял российское подданство и был записан гжатским мещанином[2].

К 1839 г. сыроварением на Смоленщине, судя по ведомостям об иностранцах, составленным исправниками, занимались только швейцарцы[3]. Однако по «Ведомости о проживающих в Смоленской губернии иностранцах», направленной на имя управляющего Министерством внутренних дел от 31 июля 1841 г., помимо шести сыроваров-швейцарцев (трех — в Гжатском, двух — в Сычевском и одного — в Рославльском уездах), сыроделами были указаны один люблинский и один польский уроженцы, трудившиеся в Вяземском уезде[4].

Швейцарцы, работавшие на Смоленщине в первой половине XIX в. (Витверы, Карлены, Реберы, Вильды, Дубахи, Лертшеры, Лауенеры), хотя и трудились в разных уездах, поддерживали дружеские и семейные связи[5]. Архивные данные позволяют утверждать, что швейцарские сыроварни в первой половине XIX века действовали главным образом в Гжатском уезде: в Пречистом, Карманово, Самуйлово, Столбово (владельцы — князья Голицыны), Зайцово (Маслов), Вырубово (князь Н. В. Долгоруков) — и в Сычевском уезде: в Дугино (графы Панины), Татарке (Н. Е. Ломоносов), Александрино (князь Лобанов-Ростовский), Тесово (Логиновы). Кроме того, швейцарцы занимались сыроделием в Климово Бельского уезда (Н. Ф. Энгельгардт); Новом селе Вяземского уезда (граф А. И. Рибопьер);

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. 1834 г. Л. 35 об.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 9. 1836 г. Л. 92.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1840 г. Л. 11 об.

4 АВПРИ. Ф. 161. II-8. Оп. 82. Д. 116. 1841 г. Л. 262 об., 263 об.

5 Тихонова А. В. Швейцарские сыровары в российской провинции в первой половине XIX века: генеалогическое исследование // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XVIII международной научной конференции (Москва, 14–16 апреля 2016 г.). М.: Аквилон, 2016. С. 489–491.

Засижье Дорогобужского уезда (С. П. Гурьева); Вонлярово Смоленского уезда (А. А. Вонлярлярский). Сыроварни не только обслуживали потребности помещиков, но и поставляли продукцию на рынки Москвы и Петербурга, принося прибыль своим владельцам.

В 1855 г., если основываться на данных Смоленского губернского статистического комитета, в Гжатском уезде Смоленской губернии указано заводов: «*Сыроваренных*, принадлежащих помещикам,— 7,— оборотный капитал коих 6000 руб.; выделано товару на 31,205 р.— прибыли 25,205 или 420%»[1]. При сравнении с другим производством в Смоленской губернии выяснилось, что «высший чистый доход дают сыроваренные учреждения (420%), а за ними кожевенные помещичьи 144%,— далее салотопенные и мыльные (60%), свечно-сальные 36% и, наконец, кожевенные обывательские 30%. Разницу в результатах заводов обывательских с помещичьими нельзя иначе объяснить, как лучшею добротою товаров на последних и более выгодными местными обстоятельствами»[2].

Таким образом, благодаря архивным документам возможным стало восстановить основные события в судьбах иностранных купцов и ремесленников, трудившихся на Смоленщине в первой половине XIX века. Удобное географическое положение Смоленской губернии (связь с Москвой, Петербургом и Ригой, близость белорусских губерний, Царства Польского и южных губерний через Черниговщину) располагало к ведению здесь предпринимательской деятельности.

В случае востребованности профессии и успешной адаптации к реалиям российской действительности иностранные мастера и предприниматели охотно принимали подданство Российской империи. Особый случай — швейцарцы-сыровары, которые, несмотря на длительную работу в провинции, не становились российскими подданными. В данном случае сохранение принадлежности к Швейцарии служило гарантией признания их профессионального мастерства, соответствия производимого продукта швейцарским национальным традициям и его высокого качества.

Наличие в Смоленске приходов лютеранской и римско-католической церквей позволяло состоятельным иностранцам не только принимать активное участие в жизни своей общины, но и оказывать местному

---

[1] О мерах к улучшению сельского хозяйства… С. 217.

[2] Там же. С. 217.

населению благотворительную помощь. Купцы, будучи выходцами из европейских государств, избирались гласными Смоленской городской думы и занимались вопросами городского благоустройства. Иностранные мастера обучали своему ремеслу русских учеников. Документы свидетельствуют, что присутствие иностранцев как людей дела было чрезвычайно полезным явлением для развития российской провинции.

ДЕТАЛИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Из ведомости Вяземского городнического правления об иностранцах, проезжающих через город Вязьму в сентябре месяце 1847 г.:

27 сентября 1847 г. подданные Персии Урмий Халат Якуба и Кастан Яхба останавливались в доме вяземской мещанки Марфы Тихоновой на двое суток для продажи картин. Урмий Халат Якуба находился в Вязьме «по билету выданному от господина Начальника Курской губернии от 18 июня 1847 года за № 118 на проезд в город Волхов», а Кастан Яхба — «по билету выданному от военного губернатора города Орла и Орловского гражданского губернатора от 14 августа 1847 года за № 151 на проезд в город Оренбург».
ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 785. 1847 г. Л. 54.

Из ведомости Вяземского городнического правления об иностранцах, проезжающих через город Вязьму в октябре месяце 1847 г.:

20 октября 1847 г. персидский подданный Петр Реболи и итальянец Мондони Барсотти на одни сутки останавливались в доме вяземского купца Дмитрия Семеновича Горбачева, имея билеты от полтавского гражданского губернатора от 29 июля 1847 года на проезд в г. Ревель за № 9370 и 9371.

31 октября 1847 г. итальянские музыканты из Пармы Доминик Прати, Антон Касали, Антон Корти, Делфи Петро, Дориак Молин останавливались в доме вяземского мещанина Борышева на трое суток, зарабатывая тем, что «с органом ходил[и] по домам». В Вязьму музыканты приехали, имея билеты на проезд в Ригу, выданные лифляндским гражданским губернатором 4 сентября 1847 года за № 2309, 2310, 2311 и 2312.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 785. 1847 г. Л. 57–58.

Об отъезжающих за границу

«От Канцелярии Смоленскаго Гражданскаго Губернатора публикуется, что Прусский подданный уроженец из Данцига, Обер-Кельнер Адольф *Бурхард*, имеет намерение отправиться за границу в Германию и Италию».

Смоленские губернские ведомости. 1847. 11 октября (№ 41). Отдел первый. С. 628.

«Иностранцы: Саксонский подданный Доктор медицины и Хирург Карл *Шмидт*, Прусский подданный, учитель Фридрих *Плек*, Виртембергский подданный, живописец *Готлоб*, и Австрийский подданный камердинер Франц *Шенигер*, намерены отправиться за границу, в Германию».

Смоленские губернские ведомости. 1847. 1 ноября (№ 44). Отдел первый. С. 660.

Из записи о смерти в метрической книге Смоленского римско-католического костела от 28 февраля 1848 г.: «в Смоленске скончался Прокоп Марков от чахотки, быв причащен Святых Тайн». Он «крепостной [иностранца] Г. Клоч римско-католического вероисповедания, имев от роду 48 лет. Оставил жену Прасковью, сыновей Андрея, Осипа и дочь Марьянну». Был похоронен на кладбище Смоленской приходской римско-католической церкви 2 марта 1848 г.

ГАСО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 4. Л. 55.

Из записи о смерти в метрической книге Смоленского римско-католического костела от 10 апреля 1848 г.: «в Смоленске скончался Иван Мобер от водяной болезни быв причащен Святых Тайн». Он «французский подданный римско-католического вероисповедания, имев от роду 90 лет». Был похоронен на кладбище Смоленской приходской римско-католической церкви 12 апреля 1848 г.

ГАСО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 4. Л. 56.

Из «Алфавита о прибытии иностранцев» за 1848 г., включавшего помесячные списки со сведениями об иностранцах, проживавших в Петербурге

«№ по порядку	**№ Контромарки**	**Фамилия, имя, звание, подданство, кому рекомендован и предмет приезда**	**Когда, откуда, с какими видами прибыл, приметы и жительство**	
			В Россию	**В С.-Петербург**
[Март 1848 г.]	444	Georg Staub Швейцарский уроженец кондиторский ученик Георг Штаубе Для следования с родителями	1833 Берн Лета 20 Рост мал[ый]. Волосы белокур[ые]. Лице ов[альное].	1848 из Смоленск[ой] губ[ернии]. № 19
[Июнь 1848 г.]	1218	Якоб Ребер Швейцарский уроженец эконом В Смоленск. губ.	1848 Любека Лета 42 Рост сред[ний]. Волосы рус[ые]. Глаза кар[ие]. Лице ов[альное]	1848 Вас[ильевский остров] 5 599
[Сентябрь 1848 г.]	2038	Жан Делаваль французский подданный. Учитель Возвр[атился].	1845 Париж Лета 57	1848 из Смоленск[а] № 78
[Сентябрь 1848 г.]	2495	Kubli Швейцарский урож. сыроделатель Петер Кубли	1834 Приметы:	**1848 из** Гларус № 7647

		Кому рекомендован. Возвращается в Смоленскую губ. **Предмет приезда.** к князю Долгорукову	**Лета,** 38 **Ч.** **Рост,** **К.** ср[едний] **N.** Волосы, т [емно] р[усые]. **Глаза,** **Лице,**	**Жительство** 3 3 179
[Октябрь 1848 г.]	2737	Георг Штаубе Швейцарский уроженец кондит[ерский] подм[астерье]. Возвр[атился]. У Излера (известный в Петербурге кондитер.— *А.Т., О.К.*)	Гларус Лета 20 Рост мал[ый] Волосы белые Глаза зел[еные] .	1848 из Смолен. губ. № 106
[Февраль 1849 г.]	161	Жан Каригет (Jean Comodin Carigiet) учитель Для посещения сына помещика Гурьева в училище	1845 Берна	1849 из Смоленска выдан Дорогобуж. Земского суда № 131 Лит[ейная часть] 5 649»

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. 3 эксп. Д. 35. 1848 г. Л. 89 об., 233 об., 338, 383, 429 об., 558. Жирным выделен типографский текст.

В ведомости о «раздаче денег бедным дворянам», приложенной к отчету о расходовании средств, полученных от двух спектаклей («живых картин») в 1849 г., среди 42 имен указаны две женщины, названные женами иностранцев,— Екатерина *Гофман*

с двумя малолетними сыновьями и Татьяна *Альт* с дочерью. Им было выдано соответственно три и два рубля серебром (суммы благотворительной помощи колебались от одного до пяти рублей).

ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37. Л. 4 об.

В Алфавите «О принятии подданства», составленном в III Отделении Его Императорского Величества канцелярии в Смоленской губернии в 1850 г., указан прусский подданный, «инструментальный мастер» Яков Зальцман с семейством.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 16. 1828–1852 гг. Л. 89 об.

Из рубрики «Отправляющиеся за границу»:

«Прусский подданный Эдуард *Марграф* с тремя малолетними своими детьми — сыном Владимиром и дочерьми Оттилиею и Софьею, намерен отправиться за границу в Пруссию».

Смоленские губернские ведомости. 1851. 18 августа (№ 33). Отдел первый.

«О прекращении сыска Фишера.

Сыск прусскаго подданнаго Фердинанда Фишера,— о котором сыскные статьи Калужскаго губернскаго правления разосланы были по Смоленской губернии, 13-го Ноября 1854 года при № 46 губ. ведомостей,— прекращается».

Смоленские губернские ведомости. 1855. 22 января (№ 4). Отдел первый. С. 72.

Из официальной части прибавления к газете «Смоленские губернские ведомости»:

«Смоленское губернское правление, в разные присутственные места и должностным лицам Смоленской губернии и всей империи сообщает, а нижним предписывает:

По рапорту Смоленскаго земскаго суда, от 16 минувшаго Июня за № 4884,— об отыскании места жительства Австрийскаго подданнаго Иоганна *Вейса».*

Прибавление к «Смоленским губернским ведомостям». 1855. 2 июля (№ 27). Официальная часть. С. 2

Из отношения чиновника особых поручений Неверовича, состоявшего при начальнике Смоленской губернии, в Смоленскую врачебную управу от 2 августа 1855 г. за № 102:

«Проживающий в г. Смоленске французский подданный Франц Гернер обратился к г. Начальнику Смоленской губернии с жалобою на причиненные ему Доктором Нахманом оскорбления и сделанные ему угрозы с приставлением к груди его пистолета». В ходе расследования инцидента выяснилось, что Ф. Гернер «23 лет от роду слабаго телосложения с чахоточным расположением, страдает болями в груди, кашлем с извержением мокроты и по временам кровохарканьем». Болезнь его развивалась продолжительное время, и усугубил ли ее конфликт с врачом, не представлялось возможным выяснить. Кроме того, жена Нахмана подала жалобу в суд на побои мужа. Однако при медицинском освидетельствовании на седьмой день после случившихся «истязаний» эта «женщина довольно крепкаго телосложения» имела «здоровый вид», так как «употребляла усилия к сопротивлению». В ходе следствия на квартире Нахмана были изъяты розги «в числе пяти пуков», при их осмотре выяснилось, что «только один из них по всему вероятию был в употреблении». Врачебная управа лишь констатировала ситуацию, а какие решения по вышеназванным делам принял суд неизвестно.

ГАСО. Ф. 754. Оп. 1. Д. 387. Л. 1–19.

Из прошения иностранки Наталии Клаузель исправляющему должность директора училищ Смоленской губернии П. Д. Шестакову от 25 августа 1855 г.: «Желая поместить сына своего Карла Клаузела вверенной Вашего Высокоблагородия Гимназии, покорнейше прошу зделать Ваше распоряжение для принятия его.

При сем честь имею представить свидетельство о его происхождении, метрическое свидетельство, а также свидетельство лекаря».

ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1635. Л. 22.

Из рубрики «Об отправляющихся за границу»:

«Коллежский советник *Тенгоборский*, отправляясь за границу, намерен взять с собой проживающих в Поречском уезде трех

иностранцев: Швейцарскаго подданнаго, из Женевы, частнаго курьера Урбана *Бауд*, Бельйскую подданую Губернтиму *Жакмен* и его г. Тенгоборскаго воспитанницу, Сардинскую подданную, малолетнюю Ольгу *Перели*».

Смоленские губернские ведомости. 1856. 8 сентября (№ 36). Отдел первый. С. 679.

Из рубрики «Об отъезжающем за границу»:

«Швейцарский уроженец из кантона Гларуса, винокур, Фридерик *Кубли* намерен отправиться за границу».

Смоленские губернские ведомости. 1856. 17 ноября (№ 46). Отдел первый. С. 959.

ТУРКИ И КУРДЫ НА СМОЛЕНЩИНЕ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

После окончания Крымской войны на территорию России, в том числе и в Смоленскую губернию, стали прибывать турецкие военнопленные, среди которых были и курды. В связи с этим от властных институтов империи потребовалась разработка специального законодательства, в котором учитывались отечественный опыт и нормы международного права[1]. «Высочайше утвержденным 16 марта 1854 г. Положением о военнопленных Турецкой службы»[2] и последовавшими за ним Высочайшими повелениями были определены конкретные губернии для размещения и содержания военнопленных. Смоленская губерния должна была принимать нижние чины, как и Орловская, Курская, Вологодская, Владимирская, Ярославская и Пензенская губернии[3].

В рапорте от 12 января 1855 г. командир Орловского внутреннего гарнизонного батальона Саблин сообщал военному губернатору города Смоленска и гражданскому губернатору Н. А. Ахвердову, что в Смоленск направляется партия пленных турок нижних чинов в количестве 104 человек в сопровождении 3 унтер-офицеров и 22 рядовых Орловского батальона[4]. Саблин просил сделать необходимые распоряжения по размещению, питанию и обеспечению подводами «означенной партии» во время ее следования по территории Смоленской губернии. В рапорте подчеркивалось, что военнопленные уже проделали большой путь от Харькова в Курск, а затем в Орел.

Из полученного в Смоленске 17 января 1855 г. отношения Курского губернского правления, датированного 31 декабря 1854 г., следовало, что из Харькова в Курск должны были прибыть пленные турки — 20 обер-офицеров и 363 нижних чина. По решению Курского губернского правления их следовало разделить на три группы: одну оставить

---

1 Миловидов Б. П. Иностранные военнопленные и российское общество в годы Крымской войны // Российская история. 2010. № 5. С. 154.

2 ПСЗ-2. Т. XXIX. Х. 1. № 28038.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 351. 1855 г. Л. 1.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 1–1 об.

в Курске, а две другие отправить в Орел и Смоленск[1]. В Курск прибыло 17 обер-офицеров и 312 нижних чинов, из них 104 нижних чина были сданы под надзор курской городской полиции, остальных военнопленных отправили в Орел[2]. Позже выяснилось, что харьковское губернское начальство предполагало распределить пленных между Тулой, Курском, Орлом и Смоленском в другом количественном соотношении[3]. Но в результате военному губернатору Смоленска и гражданскому губернатору Н. А. Ахвердову пришлось заниматься размещением партии, состоящей из 104 военнопленных. По этому поводу 29 января 1855 г. губернатор сообщил рославльскому городничему (Рославль был обозначен в маршруте, и пленные должны были прийти туда 2 февраля 1855 г.[4]) о том, что этих людей надо разместить в уездном городе (губернатор ссылался на тот факт, что в Смоленске уже находятся 68 военнопленных и постоянно квартируют полки)[5]. К тому же по Высочайшему повелению, о котором уведомил губернатора главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями в своем предписании от 30 августа 1854 г.[6], в уездных городах разрешалось размещение пленных.

Н. А. Ахвердов предлагал поместить пленных турок в Рославле на обывательских квартирах (что допускалось § 35 Высочайше утвержденного Положения о пленных 16 марта 1854 г.[7]). За размещенными таким образом пленными следовало учредить «строжайший надзор, дабы со стороны их не было допускаемо никаких беспорядков, равным образом, чтобы не было повода к справедливым жалобам с их стороны, и чтобы обид и насмешек им жителями отнюдь делаемо не было»[8]. Губернатор уведомлял городничего, что уже дал казенной палате распоряжение об отпуске кормовых денег, необходимых на содержание военнопленных,

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 17–17 об.

2 Там же. Л. 18–19.

3 Там же. Л. 20–22.

4 Там же. Л. 8.

5 Там же. Л. 14 об., 7 об.

6 Там же. Л. 12, 14.

7 Там же. Л. 14 об.

8 Там же. Л. 15.

а надзор поручил осуществлять инвалидной команде, о чем «сообщено Командиру гарнизонного батальона»[1].

Согласно Положению о пленных, Высочайше утвержденному 16 марта 1854 г., туркам нижних чинов полагалось по 9 копеек серебром в сутки, провиант на человека составлял 1¾ фунта сухарей или 3 фунта печеного хлеба, ¼ фунта круп, 5 золотников соли и ½ фунта мяса в день[2], что было близко «к довольствию солдат русской армии»[3]. По Положению 1854 г. собственность пленных была неприкосновенной, деньги и ценности им полагалось вернуть при репатриации[4].

2 февраля 1855 г. партия пленных турок прибыла в Рославль, о чем городничий поспешил рапортовать смоленскому губернатору. В составе партии оказалось 103 человека (поименный список прилагался[5]). Впоследствии выяснилось, что один пленный был «за болезнью оставлен в Карачевской градской больнице»[6], а затем присоединился к «рославчанам»[7]. Городничий в тот же день в новом рапорте начальнику губернии предложил использовать пленных на работах по благоустройству города, оплачивая их труд поденно, но отмечал наличие важной проблемы — ветхость одежды и обуви многих прибывших (в зимнее время!)[8].

В новом рапорте смоленскому губернатору от 18 февраля 1855 г. командир Орловского внутреннего гарнизонного батальона Саблин сообщал, что в Смоленск направлена еще одна партия пленных турок в количестве 63 человек (в сопровождении 1 унтер-офицера и 11 рядовых Орловского батальона)[9]. Узнав об этом, смоленский губернатор предписанием рослав-

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 8–9.

2 ПСЗ-2. Т. XXIX. Ч. 1. № 28038. Золотник = 4,265 г. Фунт = 409,5 г

3 Миловидов Б. П. Иностранные военнопленные и российское общество в годы Крымской войны // Российская история. 2010. № 5. С. 154.

4 Бессонов В. А. Военнопленные Крымской войны 1853–1856 гг. в Калужской губернии // Труды регионального конкурса в области гуманитарных наук. Вып. 7. Калуга: Полиграф- Информ, 2006. С. 54.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 30–31 об.

6 Там же. Л. 43.

7 Там же. Л. 28–28 об.

8 Там же. Л. 29.

9 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 32.

льскому городничему от 25 февраля того же года предлагал и этих турок оставить в Рославле на обывательских квартирах под надзором инвалидной команды. При этом подчеркивалось, что все необходимые распоряжения казенной палате и командиру смоленского внутреннего гарнизонного батальона Н. А. Ахвердов уже сделал[1]. 28 февраля 1855 г. он проинформировал городничего о разрешении, по Высочайшему повелению, использовать пленных «для очищения улиц и для других городских надобностей»[2].

Из рапорта городничего от 19 марта 1855 г. Н. А. Ахвердов узнал, что ожидаемая партия турок, попавших в плен под Александрополем, в количестве 63 человек (2 фельфебеля и 10 унтер-офицеров, 41 нижний чин) прибыла в Рославль[3]. И эти пленные были в крайне изношенной одежде и обуви, так как добирались из Курска через Орел в Смоленск без смены обмундирования[4]. Смоленский губернатор поставил в известность Инспекторский департамент Военного министерства о размещении прибывших турецких пленных, в дальнейшем начальник губернии обязан был ежемесячно предоставлять в департамент ведомость о численности военнопленных на подведомственной ему территории[5].

В общей сложности в Рославле оказалось 167 турок (один из них находился в больнице, где в апреле 1855 г. умер[6]). Для уездного города эти «новые жители» стали источником тревог и неприятных происшествий. Об эксцессах губернатор был информирован благодаря секретным рапортам городского головы. Последний в апреле 1855 г. писал Н. А. Ахвердову о том, что «пленные турки час от часу начинают шалить, не имея надлежащего присмотра…», проявляют неповиновение капитану инвалидной команды, а иногда без охраны выходят из города. Был случай, когда пленные турки гнались за девушкой, которая несла отцу еду в поле[7]. Губернатор приказал городничему провести расследование и доложить о результатах. Из рапорта городничего от 25 мая 1855 г. стало известно следующее: инвалидная

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 33–38.

2 Там же. Л. 41–41 об.

3 Там же. Л. 60.

4 Там же. Л. 63.

5 Там же. Л. 46–48 об., 69, 82.

6 Там же. Л. 81.

7 Там же. Л. 77–78.

команда плохо следит за пленными; местные жители из любопытства сами стараются познакомиться с турками и даже «зазывают их в дом». В случае виновности пленных те «подвергались по мере вины полицейскому аресту, тюремному заключению, и даже в разное время одиннадцать человек были наказаны телесно»[1]. Причиной произошедшего конфликта турок с капитаном инвалидной команды стало недоразумение, спровоцировавший инцидент пленный оказался серьезно болен, и его пришлось освободить из-под ареста[2]. В деле сохранились жалобы трех рославчан на драки с участием турок, употребление ими вина и отсутствие должной стражи, «могущей вполне усмирить их [пленных] при случающихся буйных и самовольных разгулах»[3]. Горожане высказывали опасения и по поводу возможных пожаров (в связи с курением трубок и выбрасыванием «из комнатных печей в окна горящих головней»[4]). Беспокойство местных жителей было связано и с тем, что со стороны городничего производилась несвоевременная и неполная оплата за постой пленных. Сам городничий посчитал эти жалобы необоснованными.

В целом отношение местных жителей к пленным в самом Рославле, как, впрочем, и в других населенных пунктах страны, «отличалось любопытством и настороженностью»[5]. Однако сосредоточение в маленьком уездном центре значительного контингента военнопленных, обладавших иным языком, культурой и верой, могло стать средой для возникновения конфликтов, и это обстоятельство не могло не беспокоить власти. Смоленский губернатор, ознакомившись с жалобами и оправданиями местного начальства, потребовал от городской полиции Рославля навести порядок и оплатить постой[6], последнее было выполнено лишь в августе 1855 г.[7].

Что касается вопроса о ветхости одежды турок, то смоленский губернатор проинформировал об этом Инспекторский департамент еще

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 87 об.

2 Там же. Л. 88–89 об.

3 Там же. Л. 96 об.

4 Там же. Л. 96 об.

5 Миловидов Б. П. Иностранные военнопленные и российское общество в годы Крымской войны. С. 162.

6 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 98–98 об.

7 Там же. Л. 110.

в марте 1855 г. Ответ был получен лишь в июне того же года: пленных предписывалось одеть и обуть, получив все необходимое от командира гарнизонного батальона (на основании уже упоминаемого Положения о пленных)[1]. Губернатор дал соответствующие указания командиру батальона, рославльскому городничему и смоленскому полицмейстеру (последнему — в отношении турок, расквартированных в Смоленске)[2]. Но проблема обеспечения военнопленных одеждой оказалось трудно разрешимой, и к ней пришлось возвращаться еще не раз.

10 августа 1855 г. министр внутренних дел в своем предписании за № 1582 сообщал начальнику Смоленской губернии о Высочайшем повелении по размену пленных. В нем констатировалось, что с согласия французского правительства «при размене наших пленных с французскими недостаток сих последних был пополнен находящимися у нас турками»[3]. В связи с этим надлежало отправить в Одессу «в распоряжение Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора половинное число всех турецких пленных нижних чинов, проживающих в Смоленской губернии»[4]. Архивные документы свидетельствуют, что к 19 августа 1855 г. в г. Смоленске проживало 73 турка[5]. Из приложенного к предписанию поименного списка военнопленных следует, что 64 из них были захвачены в Синопском сражении в октябре 1853 г., а 9 («вновь прибывшие») были взяты в плен «под Тульчию на Дунае в марте месяце 1854 года»[6].

Рославльским городничим 23 августа 1855 г. также был составлен поименный список пленных турок, включавший 161 человека. Известно, что один из них — Махмуд Вели — пожелал принять подданство России и перейти в православие «и по последовавшему разрешению Начальства ныне приготовляется духовенством к принятию таинства Святого крещения»[7]. В примечании к списку указывалось, что «все означенные пленные турки 5-го пехотного полка, взятые отрядом генерала Бебутова

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 99–99 об.

2 Там же. Л. 100–103 об.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 1.

4 Там же. Л. 1.

5 Там же. Л. 4.

6 Там же. Л. 6–7 об.

7 Там же. Л. 18.

при Александрополе и один из них значущийся под № 101-м Измаил Гусейн взят при Журже но каким порядком и которого числа не знает. Сверх того из числа обеих партий (первая — из 104 человек, прибывшая 2 февраля, и вторая — из 63 человек, прибывшая 8 марта 1855 года[1].— *А.Т., О.К.*) в г. Рославле умерли по три человека, всего шесть человек, которые в сем списке не помещены»[2].

Смоленский губернатор распорядился отправить в Одессу сначала 117 военнопленных турок (всех 73 «смоленских» и только 44 «рославльских»), о чем и было сообщено командиру внутреннего гарнизонного батальона[3]. Были урегулированы вопросы с кормовыми деньгами, обеспечением подводами, сопровождением (конвой состоял из 5 рядовых и 1 унтер-офицера)[4], а также маршрутом следования[5].

Однако перед отправкой в Одессу весьма остро встал вопрос обмундирования пленных. Согласно Табели, Высочайше утвержденной 11 февраля 1855 г. и приложенной к приказу военного министра от 24 февраля за № 41, обмундирование военнопленных «европейских турок» включало: «серого армейского сукна фуражную шапку, куртку, зимние брюки, шинель, рукавицы, галстук черного сукна, рубах две, сапогов две пары и полушубок», а для «азиатских» следовало «употреблять на прописанные вещи сукно крестьянское»[6]. В Смоленске «крестьянского сукна» не оказалось, и командир смоленского внутреннего гарнизонного батальона Белановский предложил закупить у местного купечества «фабриканское сукно» в необходимом количестве[7]. Это предложение потребовало обсуждения, был предоставлен образец ткани (в архивном деле даже сохранился фрагмент сукна[8]). В результате перечисленные вещи для 53 «азиатских турок» были подготовлены[9].

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 15.

2 Там же. Л. 19 об.

3 Там же. Л. 24.

4 Там же. Л. 36.

5 Там же. Л. 43–44.

6 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 342. 1855 г. Л. 14–14 об.

7 Там же. Л. 55–55 об.

8 Там же. Приложение к л. 67.

9 Там же. Л. 68.

23 сентября 1855 г. партия пленных из Смоленска прибыла в Рославль, но «один из турок Али Ахмед замеченный в пути следования в дурных поступках и грубости против партионного офицера и по объявлении им о сем Г. Городничему, который приказал упомянутого турка отчислить от партии и передать для отправления за караулом посредством этапа; согласно чего, этот турок и отправлен при открытом листе за № 1051, выданном от Городничего 29-го числа сентября по тракту на г. Мглин». 26 сентября 1855 г. теперь уже 72 пленных из Смоленска и 44 пленных из Рославля, присоединенных к ним и получивших полагавшиеся им одежду и обувь, были отправлены в Одессу[1].

В конце сентября 1855 г. начальник Смоленской губернии получил очередной циркуляр командира Отдельного корпуса внутренней стражи от 25 августа 1855 г. и сообщил о нем уездным властям. Циркуляр предписывал организовать на местах точный учет военнопленных, форма для заполнения прилагалась. Судя по ведомостям, составленным в соответствии с циркуляром, в сентябре 1855 г. военнопленных было 161 человек (1 пожелал принять православие и был крещен)[2], в октябре — 116 человек (44 человека покинули Рославль, отправившись «для размена на русских в г. Одессу по Высочайшему повелению», 1 умер)[3]. Наконец, 5 января 1856 г. на отпуске (черновике) препроводительного письма к очередной ведомости была сделана лаконичная запись: «За отправлением пленных в г. Одессу дело кончить»[4].

В ведомости, представленной губернатором в Инспекторский департамент Военного министерства 12 января 1856 г.[5], были указаны 5 турок, плененных в сражении под Александрополем 15 ноября 1853 г.[6], которые добрались из Орла в Смоленск 5 ноября 1855 г. и были размещены «под надзором полиции» на квартире в 3-й части города. Согласно предписанию губернатора, присмотр за состоянием их здоровья должен был осуществлять главный лекарь военного госпиталя г. Смоленска[7]. Пленным

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 60–60 об.

2 Там же. Л. 118, 109.

3 Там же. Л. 120.

4 Там же. Л. 126.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 738. 1855 г. Л. 11.

6 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 738. 1855 г. Л. 2.

7 Там же. Л. 5.

были выделены положенные 9 коп. в сутки[1], а командир смоленского внутреннего батальона обязан был заботиться о их снабжении одеждой и обувью[2]. В марте 1856 г. к пленным добавился еще один турок, прибывший из Курской губернии, некто Али Мустафа Оглы[3].

В письме министра внутренних дел на имя начальника Смоленской губернии от 14 марта 1856 г. сообщалось, что, по Высочайшему повелению, следует выслать в Одессу для размена всех военнопленных турок, находившихся в губернии, предварительно поставив в известность инспекторский департамент Военного министерства[4]. К этому времени, как уведомил министра внутренних дел саксонский посланник в Париже барон Зебах, основываясь на сообщении графа Валевского, «все русские пленные, находящиеся в руках французов, в числе 2771 чел. Из коих 106 офицеров, будут освобождены и направлены в Одессу, частью из Тулона, частью с Острова Принчино. По всеподданнейшему докладу о сем Государю Императору, Высочайше повелено: выслать в Одессу, для размена, оставшихся у нас на жительстве до 1200 нижних чинов и 69 штаб и обер-офицеров и независимо от сего, до 1500 нижних чинов и 50 офицеров из числа Карского гарнизона»[5].

Смоленский губернатор сделал соответствующие предписания, и рославльский городничий в своем рапорте от 28 марта 1856 г. доносил в губернскую администрацию, что в Одессу могут отправиться 114 пленных турок, но «все они без исключения нуждаются в соответствующем настоящему времени обмундировании и обуви исключая полушубков»[6]. В свою очередь, смоленский полицмейстер 2 апреля 1856 г. сообщил о 5 турецких военнопленных, из которых лишь один не имел необходимой одежды[7]. После предписания губернатора Н. А. Ахвердова полковнику Белановскому о необходимости обмундирования военнопленных тот отрапортовал: «Для военнопленных турецких нижних чинов, рубахи

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 738. 1855 г. Л. 4 об.

2 Там же. Л. 5 об.– 6.

3 Там же. Л. 12, 15.

4 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 76 об.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 76.

6 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 87.

7 Там же. Л. 89–89 об.

и сапоги построены, и шинелей, курток с шароварами и фуражок, при вверенном мне баталионе из крестьянского сукна по недоброкачественности оного, производить постройку таковым вещам, упомянутым туркам совершенно не могу, потому что в одежде этой не могут доследовать до места их назначения», а поэтому «2-го сего апреля за № 5506, прошу я Московскую комиссариатскую комиссию разрешения обмундировать пленных турецких нижних чинов одеждою из фабриканских сукон». Сразу после получении сукна Белановский обещал быстро «построить означенные одежды»[1].

В то время, как решался вопрос об обмундировании для «смоленских» турок, в Рославль 11 мая 1856 г. прибыла очередная партия турецких военнопленных в сопровождении поручика витебского гарнизонного батальона. Она следовала в Витебскую губернию «для жительства». Рославльский городничий партию остановил и в рапорте начальнику губернии от 12 мая 1856 г. просил распоряжений для дальнейших действий, добавляя при этом, что «вся партия турок имеет совершенно негодную одежду и даже некоторые оборвались до безобразия»[2]. Выяснилось, что эти военнопленные из Карского гарнизона вышли из Харькова и 27 апреля 1856 г. прибыли в Карачев Орловской губернии, откуда и отправились в Витебск, выступив из Карачева еще до получения орловским губернатором указаний об отправке пленных в Одессу[3].

Вновь прибывших в г. Рославль пленных также следовало снабдить одеждой. На 112 человек необходимые вещи были найдены, а деньги для обмундирования остальных командир смоленского внутреннего гарнизонного батальона Белановский просил выделить из казенной палаты[4]. Московская комиссариатская комиссия в просьбе отказала, и Белановский рапортовал, что вынужден «немедленно приступить к постройке вещей из крестьянского сукна», несмотря на его низкое качество[5]. 28 мая 1856 г. Белановский доложил губернатору, что обмундирование для 5 турок из Смоленска и 114 турок из Рославля готово, определены и конвойные

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 91 об.

2 Там же. Л. 93–93 об.

3 Там же. Л. 94.

4 Там же. Л. 98.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 99 об.

для следования в Одессу[1]. Смоленский губернатор дал распоряжение казенной палате: выдать кормовые деньги и «потребное число контрмарок для взымания обывательских подвод, на случай больных и под своз тяжестей, полагая на каждые 25 человек больных по одноконной обывательской подводе и под своз тяжестей на каждые 12 человек также по одной одноконной подводе»[2]. 5 июня 1856 г. партия пленных (5 человек) была отправлена из Смоленска через Рославль в Одессу[3]. 14 июня 1856 г. к ним присоединились 114 турок из Рославля[4].

Что касается партии турок, прежде направлявшихся в Витебск, для них Московская комиссариатская комиссия 7 июня 1856 г. выслала необходимые материалы[5]. В результате эти военнопленные были обмундированы и подготовлены для следования в Одессу. 16 июля 1856 г. партия выступила из Рославля (с присоединением еще 6 человек, находившихся в городских больницах «для выздоровления»). Таким образом, всего в партию вошло 300 человек пленных в сопровождении 3 унтер-офицеров и 20 рядовых[6]. В Рославле был оставлен лишь Ахмед Магомедов Оглы, пожелавший принять присягу на верность России и православную веру[7].

7 декабря 1856 г. министр внутренних дел С. С. Ланской подписал секретный циркуляр начальникам губерний за № 225 «О доставлении списков оставшимся в России, после бывшей войны, лицам из иностранных войск». Циркуляром предписывалось отдельно составить списки: 1) желавших принять российское подданство, а для турок — и православие; 2) тех, кто, не желая принять российское подданство, будет выслан за границу; 3) находящихся в российских госпиталях, которые смогут выбрать, принимать ли подданство или быть высланным; 4) тех, кто

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 332. 1855 г. Л. 103 об.– 104.

2 Там же. Л. 106.

3 Там же. Л. 114.

4 Там же. Л. 123 об.

5 Там же. Л. 122.

6 Там же. Л. 129–129 об., 135.

7 Там же. Л. 137-137 об. О фактах принятия турками православной веры упоминает и А. Ф. Гавриленков. См.: Гавриленков А. Ф. Мусульмане в Смоленской губернии во второй четверти XIX - начале XX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 4(28). С. 26.

останется в России по каким-то иным причинам. В списках сведения должны были указываться подробно (с упоминанием «нации», имени на иностранном языке, местонахождения «для успокоения их родственников или для устройства наследственных или других частных дел их в отечестве»). В случае же смерти военнопленных и других лиц, оставшихся в России после войны, следовало «без всякого замедления» доставить в Инспекторский департамент Военного министерства «установленные свидетельства»[1].

Смоленский губернатор, получив циркуляр, разослал его уездным городничим и исправникам[2]. Из полученных от них рапортов стало известно, что военнопленных на территории Смоленской губернии к этому времени уже не было. Рославльский городничий в своем рапорте от 23 февраля 1857 г. привел «именные списки о числе умерших и окрещенных военнопленных турок из числа находившихся в 1855 и 1856 годах в городе Рославле», указав, что один турок, принадлежавший к партии, которая проходила через Рославль, направляясь в Смоленск, умер в 1854 г.[3]. Ровно через год, 14 февраля 1858 г., губернатор потребовал от городничего вновь предоставить списки и установленные свидетельства о смерти военнопленных[4]. 12 марта 1858 г., согласно рапорту городничего, необходимые документы были отправлены на имя губернатора[5].

После окончания Крымской войны Смоленская губерния приняла лишь турецких пленных и среди них курдов, в то время как сама война являлась крупным военным конфликтом, в который были вовлечены и страны Европы (в первую очередь участники коалиции против России — Великобритания, Франция, Сардиния. Вступлением в войну Российской империи угрожали Пруссия, Австрия и Швеция). Документы свидетельствуют также о том, что российское правительство дифференцированно подходило к военнопленным туркам и европейцам: последним было увеличено денежное содержание. Такой подход, по мнению В. А. Бессонова, «основывался на традиционном тяготении

---

1 ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 476. 1856 г. Л. 1–1 об.

2 Там же. Л. 2–3 об.

3 Там же. Л. 18.

4 Там же. Л. 33.

5 Там же. Л. 34.

России к Европе и политической демонстрации подчеркнуто лояльного отношения к подданным европейских держав, которые стали противниками по "недоразумению" и не рассматривались как враги»[1].

Следует подчеркнуть, что и к пленным туркам российские власти проявляли лояльность: князь Горчаков в приказе, ужесточающем ответственность за надзор, посчитал необходимым отметить важность соблюдения чиновниками гуманности: «вежливостью и человеколюбием, обращаться с ними [пленными] вообще ласково, заботиться о хорошем их положении и довольствии» и даже при необходимости «для здоровья» разрешать прогулки «по малолюдным улицам и под надзором постовых»[2].

В Смоленске 7 июня 1855 г. пленные турки стали свидетелями торжества освящения знамени дружины № 27 смоленского ополчения, ратники которой отправлялись на фронт[3] (см. Приложение 43). Сведения о пребывании военнопленных турок, точнее курдов, в Рославле, тоже нашли отражение на страницах газеты. Так, в 1856 г. в «Смоленских губернских ведомостях» была опубликована статья «Курды в Смоленской губернии», принадлежавшая К. Микешину и перепечатанная из газеты «Северная Пчела» (см. Приложение 44). Автор, ссылаясь на знакомого из Рославля, рассказывал о курдах, которые, по его словам, составляли большинство военнопленных и попали в Рославль «после Баш-Кадык-Ларского дела» 1853 г., выигранного русскими войсками. Как известно, в сражении при Башкадыкларе 19 ноября 1853 г. турки потеряли до 6 тысяч человек[4].

Курды в Рославле, как утверждал автор статьи, проявляли трудолюбие, честность, доброту, щедрость, несмотря на собственную нужду, и бесстрашие во время пожара. В подтверждение Микешин приводил конкретные примеры, которые не могли не вызывать «самую искреннюю признательность и уважение». Любопытно, что пленные стали для автора статьи поводом для сравнения «цивилизованных» англичан

---

1 Бессонов В. А. Указ. соч. С. 54.

2 Цит. по: Шкедя О. П. Турецкие военнопленные в России во время Крымской войны // Восточный архив. 2008. № 18. С. 24.

3 Никифоров Ф. Смоленск // Прибавление к № 26-му 1855 года «Смоленских губернских ведомостей». 25 июня 1855 г. Часть неофициальная. С. 157–160.

4 Военный энциклопедический словарь. М., 1986.
URL: http://www.hrono.ru/sobyt/1800sob/1853bashka.html (дата обращения: 20.07.2013).

с «дикими» курдами, и вывод, по мнению Микешина, оказывался не в пользу Европы, поэтому автор предостерегал соотечественников от преклонения перед Западом[1]. Как свидетельствовали современники, многие пленные прибыли в Рославль «закутанные в какие-то тряпки, в изорванном платье… походили скорее на толпу нищих, чем на воинов Блистательной Порты», покидали же уездный город одетыми не только в казенное обмундирование — некоторые щеголи имели собственного изготовления «красные курточки, обшитые в хитрый узор серебряными и золотыми позументами, а также и пунцовые фески с огромными синими шелковыми кистями»[2].

Курды в Рославле послужили объектом научного исследования, предпринятого известным российским ориенталистом и археологом Петром Ивановичем Лерхом (1828–1884). Академия наук с разрешения Военного министерства направила ученого в Рославль «для изучения в отношениях историческом, этнографическом и лингвистическом, находящихся в том городе пленных курдов»[3]. Интересно, что поводом для научной командировки в Рославль стала именно статья К. Микешина[4]. Востоковеды Дорн, Бетлингк, Броссе, Куник и Кеппень, аргументируя в письме непременному секретарю Академии наук необходимость поездки в Рославль такого специалиста, как П. И. Лерх, писали: «Изучению курдского народа в лингвистическом отношении доныне сделаны только первые сочинения: но нет сомнения, что язык курдский может служить значительным источником для весьма разнообразной, еще не раскрытой истории иранских языков. Доныне из многих путешественников, посещавших страны, обитаемые курдами, ни один не был достаточно приготовлен к разысканиям сего рода. Господин Лерх, на которого пал наш выбор, есть первый европеец, предварительно ознакомившийся с курдами в отношениях географическом, этнографическом, лингвистическом и историческом. Для этого он

---

1 Микешин К. Курды в Смоленской губернии (Из Сев. Пчел.) // Прибавление к «Смоленским губернским ведомостям». 1856. 14 января (№ 2). Часть неофициальная. С. 10–13.

2 Шкедя О. П. Указ. соч. С. 24.

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 504. 1856 г. Л. 1.

4 Курдоев К. К. Труды П. И. Лерха по курдоведению (к вопросу об изучении истории курдов в России) // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник IV. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. С. 41.

пользовался значительным числом старых и новых описаний путешествий на языках английском, французском, немецком и русском, изучил все доныне обнародованные исследования о курдских наречиях и ознакомился в особенности как с содержанием курдской летописи, сочиненной курдским князем на персидском языке, так и с другими источниками»[1].

В своем отношении военному губернатору г. Смоленска и смоленскому гражданскому губернатору Н. А. Ахвердову от 21 февраля 1856 г. непременный секретарь Императорской академии наук просил «оказать г. Лерху всякое зависящее от Вас содействие и пособие»[2]. 5 марта 1856 г. губернатор дал соответствующее предписание рославльскому городничему[3]. 15 апреля 1856 г. П. И. Лерх, уже приехав в Рославль, выслал недавно вышедший из печати первый том своей работы «Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях» Н. А. Ахвердову, прося губернатора принять книгу «как знак глубокого … уважения»[4]. Губернатор в ответном письме поблагодарил Лерха[5].

18 апреля 1856 г. ученый вновь писал губернатору, отмечая, что, пробыв в Рославле в течение шести недель, имел «все необходимые для … занятий удобства»[6]. За время, проведенное в уездном городе, П. И. Лерх «научился достаточно хорошо говорить по-курдски»[7] и смог подготовить необходимые записи и отчет о работе в Рославле[8], включенные затем во второй том его знаменитого трехтомника.

Крупный филолог О. Дж. Джалилов отмечал: «П. Лерх первым в России начал вести записи курдского фольклорного материала из уст курдов. Второй том его трудов “Исследование об иранских курдах и их предках северных халдеях” издан в 1857 г. в Петербурге, содержит материалы курдского устного поэтического творчества, записанные в 1856 г. со слов курдских военнопленных, находившихся в г. Рославле… Его фольклорные

---

1 Цит. по: Курдоев К. К. Указ. соч. С. 41–42.

2 ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 504. 1856 г. Л. 1.

3 Там же. Л. 2–3.

4 Там же. Л. 4.

5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 504. 1856 г. Л. 5–5 об.

6 Там же. Л. 6.

7 Курдоев К. К. Указ. соч. С. 42.

8 Там же.

записи в основном сделаны на наречии курманджи и частично заза со слов курдов, выходцев из Мардина, Джзире, Дерсима, Муша, Диарбекира, Урфи, Харпута, Эрзерума и т.д. Курдские тексты, записанные алфавитом Лепсиуса, сопровождались русским переводом»[1]. Исследователи народного эпоса курдов подчеркивают, что в заслугу П. Лерху можно поставить фиксацию произведений устной словесности — двух сказок и одной басни на диалекте курманджи и двух сказок на диалекте заза[2].

В своем письме смоленскому губернатору от 18 апреля 1856 г. П. И. Лерх просил для «желанного успеха» исследования позволить ему сопровождать пленных курдов, вскоре отправляемых в Одессу, до Чернигова или Киева, «чтобы по возможности пополнить собранные… сведения»[3]. В связи с этим ученый обращался к губернатору с просьбой снабдить его «подорожными по казенным надобностям от города Рославля до Киева и обратно в Рославль», а также доставить ему «маршрут военнопленных в Одессу» и «уведомить офицера, которому поручено будет отправление военнопленных, о цели… путешествия»[4]. Согласно резолюции на прошении Лерха, подорожные были ему даны 26 апреля 1856 г.[5]. Губернатор сделал соответствующие распоряжения командиру смоленского внутреннего гарнизонного батальона[6], уведомив Лерха.

В будущем П. И. Лерх не только завершил свою трехтомную работу «Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях» (1856–1858), но и составил грамматику курдского языка, ввел в научный оборот ряд курдских текстов. В биографической справке о нем из «Русского биографического словаря» отмечено, что Лерх «приобрел в этой области замечательно обширные и основательные сведения, какими не

---

1 Джалилов О. Дж. О некоторых вопросах курдского народного творчества. С. 199. URL: https://docplayer.ru/27459222-O-nekotoryh-voprosah-kurdskogo-narodnogo-tvorchestva-o-dzh-dzhalilov.html (дата обращения: 13.11.2018).

2 Курдские сказки, легенды, притчи и предания / пер. с курдск. Орд. Джалила, Дж. Джалила и З. Джалил. М., 1989. URL: https://www.libfox.ru/291785–2-narodnoe-kurdskie-skazki-legendy-i-predaniya.html#book (дата обращения: 13.11.2018).

3 ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 504. 1856 г. Л. 6 об.

4 Там же.

5 Там же. Л. 6.

6 Там же. Л. 7–8 об.

обладал в то время никто ни в России, ни за границей»[1]. Таким образом, «Рославльские» курды не только сыграли немаловажную роль в филологических штудиях П. И. Лерха, но и способствовали поддержанию научного интереса к истории и языку курдов.

ДЕТАЛИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Из «Памятной книжки Смоленской губернии на 1858 год» биография лютеранского пастора Августа Егоровича Лангенбека:

«С 28 на 29 Июля 1857 года, в городе Смоленске, скончался, на 98 году от рождения, Смоленский дивизионный пастор Август Егорович Лангенбек (его имя в записи о смерти в метрической книге Смоленской лютеранской церкви — August Wilhelm Langenbeck. В тексте биографии допущена опечатка. Согласно метрической записи, А. Е. Лангенбек умер 29 июля 1857 г. в возрасте 89 лет 2 месяцев и 20 дней. См.: ГАСО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 13. Л. 26 об.—27.— *А.Т., О.К.*), муж — замечательный по высокому уму, отличному образованию, праведной и полезной для ближних жизни. Он родился 21/9 Мая 1768 года, в Горнбурге, Ганноверском королевстве, где отец его был пастором, который и дал ему приготовительное образование. 17-ти лет он уже был студентом в Иене, и что всего замечательнее, был одним из слушателей Шиллера, преподававшаго в том университете историю; после двухлетняго нахождения в Иене, где учился теологии, Философии и Филологии, Лангенбек отправился в Гэттинген и там продолжал слушать лекции из тех предметов; по экзамену в Гэттингене, получил степень кандидата теологии, после чего несколько лет находился в родительском доме, занимаясь воспитанием младших братьев своих, из коих один, впоследствии, приобрел себе более чем Европейскую известность, бывши професором Хирургии в Гэттингене (этот брат Августа Лангенбека отец знаменитаго профессора Хирургии в Берлине Лангенбека). Кроме обязанности воспитания братьев, Лангенбек два года безвозмездно исправлял должность пастора при двух церквах и доходы отдавал вдовам двух умерших пасторов. В 1805 г. он получил степень доктора Философии после

[1] Лерх Петр Иванович // Русский биографический словарь / под ред. А. А. Половцова. В 25 т. М., 1914. Т. 10. С. 318.

защищения тезиса своего: **De Virtute**. С 1806 г. по 1811 год был учителем в высшей гимназии в г. Штааде в Ганновере, и глубокая ученость его уже тогда была известна вне отечества его, где для него открывался обширный круг действий. Но прежде, чем окончательно решить будущее свое направление, он желал видеться с братьями своими, жившими тогда в России, и для того, в 1811 г., отправился сюда. В Могилеве познакомился с помещиком Корсаком, по просьбе котораго сопровождал сына его, в качестве гувернера, в Берлин для окончания ученаго образования молодаго Корсакова; чрез два года он возвратился с ним в Россию и поступил в дом помещика Мевес воспитателем его сыновей. Исполнив эту обязанность, он наконец решился возвратиться в Ганновер, и уже в последний раз навещал и прощался с знакомыми, любившими его; но неожиданное несчастие изменило предположения Лангенбека: в отсутствие его дом, где он жил, загорелся и Лангенбек все потерял: деньги, которыя старался сберечь, весь гардероб, и, что для него всего важнее было, драгоценную библиотеку, богатую редкими сочинениями и рукописями. Безпомощное полложение заставило его отложить намерение возвратиться в отечество и он принял приглашение помещика Хржановскаго, вблизи г. Невиля, в доме котораго прожил шесть лет как друг и как ментор. Однако ж мысль о возвращении в отечество неоставляла его; а между тем его родители уже умерли, братья жили далеко друг от друга; в это время он получил приглашение занять вакантное место дивизионнаго пастора в Смоленске и 16 марта 1819 г. вступил в эту должность; в этом же году он и женился. В 1841 году назначен консисториальным советником С.-Петербургской протестантской консистории, в 1846 году получил наперстный крест. Преклонность лет и совершенная телесная слабость заставили Лангенбека, к общему и непритворному сожалению почитавших и любивших его прихожан, вытти в отставку 27 января 1857 г.; преданность прихожан выразилась тем, что они, не желая расставаться с таким пастырем, с течении двух последних лет содержали на своем иждивении другаго пастора в помощь Лангенбеку. Его господствующею мыслею было — сооружение новаго лютеранскаго храма, вместо прежняго деревяннаго, ветхаго и неудобнаго; но материальных средств к сему ни каких небыло; наконец его старанием составилась сумма для

сооружения храма и 12 мая 1857 г., не задолго до его кончины, он имел отраду видеть сбывшеюся его лучшую надежду: им заложен основный камень новаго храма, который в том же году уже воздвигнут в черне. До самой смерти Лангенбек сохранил все умственныя способности. Лангенбек был глубокий знаток древних и новых языков и до последней минуты жизни непереставал заниматься предметами философии и теологии; кроме всего этого он был поэт и часть его стихотворений давно напечатана под заглавием: **Harfe und Laute;** в настоящее время приготовляется второе издание этих стихотворений умноженное и дополненное новыми его сочинениями; стихотворения Лангенбека проникнуты высоким благоговением к Творцу и любовию к ближнему. После него остались, в значительном числе, проповеди, которыя также в непродолжительном времени будут напечатаны. Перевод Лангенбека в стихах на немецкий язык **Tartuffe par Molière** занимает первое место между переводами этого поэта. Но, выше всех этих достоинств, он был христианин в полном смысле этаго слова; строгий исполнитель евангельских добродетелей, он с кротостию учил тому других; забывая личную пользу, он делал добро и помогал ближнему и словом, и делом, и нещадил для сего своего достояния, котораго, после его смерти, и неосталось. Он был друг детей и дети любили его, им он посвещал большую часть своего времени, для них он сочинял многочисленныя стихотворения, он учил их вселял в юныя сердца первыя семена добродетели… И кто близкий твой забудет тебя добрый, кроткий, просвещенный старец! Вечная память тебе праведный человек!..» (А. Е. Лангенбек похоронен в г. Смоленске, на немецком кладбище.— *Так в примечании к документу*).

Памятная книжка Смоленской губернии на 1858 год. Смоленск: В типографии губернского правления, 1858. Ч. II. С. 8–11.

В кассовой книге о приходе денежных сумм Смоленской гимназии на 1858 г. содержится запись от 9 декабря по статье № 107:

«В постороннюю сумму внесено французскою подданною Софиею *Буланже* на изготовление ей свидетельства на звание домашней учительницы двенадцать рублей двенадцать копеек».

ГАСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 135. 1858 г. Л. 38–38 об.

Из рубрики «Намерены отправиться за границу»:

«Проживающий в Сычевском уезде сын Прусского подданного Эдуарда Марграфа Василий *Марграф* — в Германии».

Смоленские губернские ведомости. 1859. 2 мая (№ 18). Отдел первый. С. 582.

«Саксонский подданный, техник, Эдуард Фридрих Альберт *Клоч*, проживающий в Дорогобужском уезде в имении г. Барышникова».

Смоленские губернские ведомости. 1859. 4 июля (№ 27). Отдел первый. С. 606.

«Проживающий Рославльского уезда в селе Полуеве в имении помещика Аничкова, иностранец Ангальт-Дессауский подданный, музыкант Бернгард *Шнейдер*».

Смоленские губернские ведомости. 1859. 11 июля (№ 28). Отдел первый. С. 631.

«Проживающий в Сычевском уезде в имении г. Логиновой швейцарский уроженец из кантона Берн, сыровар Христиан *Гильтобранд*».

Смоленские губернские ведомости. 1859. 18 июля (№ 29). Отдел первый. С. 655.

«Проживающий Бельского уезда в имении помещика Александра Викторовича Рачинского, Турецкий подданный из Охрада ученик Андрей *Анастатьев*, на родину через Одессу».

Смоленские губернские ведомости. 1859. 22 августа (№ 34). С. 781.

«Отставной полковник Андрей Иванович *Барышников* и дворянин Сергей Андреевич *Барышников*, а также проживающие в Дорогобужском уезде иностранцы: Франкфуртский уроженец Антон *Ребельбранн*, Нассауский подданный Вильгельм *Гассельбах*, Австрийский подданный камердинер Иосиф *Шенигер* и Брауншвейгский подданный музыкант Иоган *Цицольд* — гг. *Барышниковы* в Германию, сроком на один год».

Смоленские губернские ведомости. 1859. 5 декабря (№ 49). Отдел первый. С. 1193.

«Иностранец, Швейцарский подданный, сыроделатель Иоганн Рудольф *Карлен* с детьми своими *Эдуардом* и *Софьею*»

Смоленские губернские ведомости. 1860. 9 января (№ 2). Отдел первый. С. 24.

«Проживающая в г. Смоленске Французская подданная, компаньенка Луиза София *Буланже с* дочерью Альфонсиною, коим и выдан 30 минувшаго Апреля, от Г. Управляющаго Смоленскою губернию, заграничный паспорт».

Смоленские губернские ведомости. 1860. 7 мая (№ 19). Отдел первый. С. 355.

Из отношения начальника Смоленской губернии А. П. Самсонова смоленскому губернскому правлению от 17 мая 1860 г. за № 5502:

«Датская подданная Луиза Гицер в поданной мне просьбе объясняет, что по день смерти отца ея (7 марта 1843 г.) Датского подданнаго Федора Гицер, она проживала в Смоленске по билетам выданным отцу ея с семейством, состоявшим из матери ея и сестры, в билетах тех была включаема и она просительница Луиза Гицер и находилась при семействе, последний билет был выдан ея отцу 10 Апреля 1841 года за № 64, но после смерти отца ей не был выдан особый паспорт и она, находясь в болезненном состоянии, проживала при замужней сестре Смоленской мещанке Шульчевской, а ныне не желая далее стеснять собою сестру, ходатайствует о выдаче ей билета на проживание в Смоленской губернии». Начальник губернии просил собрать сведения и документы Гицер и передать их в его Канцелярию.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 400. 1860 г. Л. 4–5.

«Об открытии на Смоленской телеграфной станции, корреспонденции на иностранных языках

Начальник Смоленской телеграфной станции публикует, что на этой станции, с 1-го сего Июня открыта заграничная корреспонденция на немецком, французском и английском языках».

Смоленские губернские ведомости. 1860. 18 июня (№ 25). Отдел первый. С. 492.

Из отношения военного губернатора города Твери и тверского гражданского губернатора начальнику Смоленской губернии А. П. Самсонову от 28 сентября 1860 г. за № 6195: «Проживавший в Смоленской губернии, по срочному виду за № 127, Великобританский подданный из Кандинга эконом Адольф Гольст с семейством, прибыв в Тверскую Губернию, просит выдать ему билет в Бежецком уезде». Так как А. Гольст выехал из Смоленской губернии, «неиспросив… установленнаго на проезд вида», тверской губернатор уточнял, «не было ли каких препятствий к выезду». А. П. Самсонов навел справки у дорогобужского исправника и подтвердил, что таковые отсутствовали.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 448. 1860 г. Л. 1–5.

Из официальной части прибавления к газете «Смоленские губернские ведомости»:

«Смоленское губернское правление, в разные присутственные места и должностным лицам Смоленской губернии и всей империи сообщает, а нижним предписывает:

По рапорту Духовщинского земскаго суда, от 16-го минувшаго Мая за № 343,— об отыскании Саксонской подданной Амалии *Земдер,* для спроса по делу о передержательстве ея, Земдер, помещиком Духовщинского уезда Лесли, с просроченным билетом».

Прибавление к «Смоленским губернским ведомостям». 1861. 2 июня (№ 22). Официальная часть. С. 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реальные истории пребывания в России и деятельности иностранцев, представленные в этой книге, очень разные, но объединяющим началом для них является Смоленская губерния первой половины XIX века. Некоторые представители европейских государств, которые жили здесь еще до начала военной кампании 1812 г., были вынуждены испытать оккупацию и участвовать в восстановлении пострадавшей от «великого разорения» губернии. Судьбы женщин и детей, которые сопровождали Великую армию Наполеона, в большинстве случаев складывались трагически. Оставшись без документов и средств к существованию, эти люди были лишены возможности вернуться на родину. Бывшие военнопленные наполеоновской армии, принявшие российское подданство, трудились на Смоленщине в качестве врачей, учителей, ремесленников.

Стоит отметить, что европейцы в послевоенный период были в губернии явлением привычным. Многие из них работали в городах докторами, преподавателями, архитекторами, занимались каким-либо ремеслом, открывали свое дело или жили в качестве компаньонов и гувернеров, садовников и егерей в дворянских усадьбах. Квалифицированные специалисты требовались на штатные должности в губернские и уездные учреждения. Но иностранцы должны были подтвердить соответствующими российскими свидетельствами свои профессиональные способности. В случае, если эти специалисты отвечали за физическое или нравственное здоровье россиян, давали знания по конкретным учебным дисциплинам, они обязаны были освоить русский язык. Если иностранцы хотели пользоваться преимуществами государственных служащих (как российские врачи, учителя, землемеры и архитекторы), они должны были вступить в российское подданство. Последнее давало детям право наследования недвижимости и дворянского достоинства. Документы позволили проследить и судьбы детей некоторых иностранцев, присягнувших на верность России в Смоленской губернии.

Несмотря на неточность статистических сведений и недостатки в организации учета иностранцев, можно с уверенностью утверждать, что Смоленская губерния оказалась местом проживания представителей многих европейских государств, где у них была возможность реализовать свои профессиональные способности, обрести семью, создать для нее

материальный достаток, а также сохранить вероисповедание (благодаря наличию лютеранского и католического приходов в Смоленске). В некоторых семьях иностранцев, где жены были русскими, дети становились православными.

Благодаря географическому положению Смоленщины на пути из Европы в центр России губернию посещали высокопоставленные лица из монарших дворов Европы и рядовые путешественники. По делопроизводственным документам канцелярии смоленского губернатора, дневнику Э. Хесса и запискам Э. Монтюле мы можем судить о впечатлениях, которые оставались у иностранцев после их визита на Смоленщину.

Экстраординарным событием в истории губернии после Крымской войны было появление турок и курдов в Смоленске и Рославле. Изучение языка «рославльских» курдов стало исследовательской базой для создания большого научного труда петербургского филолога П. И. Лерха.

Несмотря на то, что иностранцы составляли сотые процента в сравнении с общей численностью населения Смоленской губернии, они внесли определенный вклад в развитие провинции. Достаточно вспомнить, что исторический центр современного Смоленска в своей основе сохраняет градостроительный план шотландца Гесте и наш город до сих пор украшает памятник швейцарца Адамини.

Приложения

1. Текст клятвенного обещания при принесении иностранцем присяги на верность России

Я нижеименованный обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом и пред святым его Евангелием в том, что как сам я так и семейство мое желает быть навсегда верными подданными ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕРОССИЙСКОМУ ГОСУДАРЮ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ и его наследнику который назначен будет и во всем повиноватся не шадя живота своего до последней капли крови не иметь никакого запрещеннаго с неприятелями ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА сношения ниже переписки как внутри так и вне ГОСУДАРСТВА И ВСЕ ПО ВЫСОКОМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖАВСТВУ силе и власти принадлежащия права и преимущества узаконенные и впредь узаконяемыя по крайнему разумению силе и возможности предостерегать и оборонять и притом по крайней мере старатся споспешествовать все что к ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА верной службе и пользе Государственной во всех случаях касатся может о ущербе же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА интереса, вреде и убытка как скоро о том уведаю не только благовремянно объявлять но и всеми мерами отвращать и недопущать тщатися и всякою мне вверенную тайность крепко хранить буду и таким образом себе весть и поступать как верному ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА подданному благопристойно есть и надлежит и как пред Богом и Судом его Страшным в том всегда ответ дать могу как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет в заключении моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь.

По сей присяге присягал Иван Клаус Пастор Фридрих Шнабелъ.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. 1814 г. Л. 5–5 об. Подлинник. Рукопись. Подпись — автограф.

2. Из докладного реестра Смоленской городской думы от 4 августа 1814 г. за № 300

Указ Смоленской Казенной палаты от 29-го прошедшаго июля за № 5815-м коим прописывает, что здешнее губернское правления сообщениями той палаты дало знать, что являвшиеся в оное военнопленные разных наций учинившие на верность России присягу: Пьер Ерсон, Бруя Луи, Шеделио Жак, Гутурб Жан, Мак Жозеф, Жан Сажинской, Франциско Антон Иванов сын Компанини и Делятр Александр, итого 8 человек, по случаю объявленнаго ими желания записаться в Смоленское мещанство отосланы в здешний городовой магистрат к постановлению об них разсмотрения, оная Дума рапортами представляет о записке и согласно положения Комитета Г. Г. Министров с льготою на 10-ть лет от всех податей в Смоленское мещанство тем же положением в 5-м пункте постановлено поелику каждый подданный по узаконениям долженствует быть причислен к какому нибудь сословию или знанию, то таковых военнопленных ремесленников учинивших на подданство присягу записывать в мещане освободить на 10-ть лет со дня записки и в сие звание от всех мещанских податей и повинностей, яко новых подданные не имеющих еще оседлости и собственности, предписывает вышеупоминаемых военнопленных 8 человек записать в Смоленское мещанство с льготою на 10 лет считая оную сначала сего 1814го по будущий 1824 год.

Августа 4 числа оный указ принят к сведению и о получении ево казенной палате отрапортовать.

ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 5. Л. 211–212. Подлинник. Рукопись.

3. Отношение смоленского гражданского губернатора И. С. Храповицкого к генерал-губернатору Н. Н. Хованскому от 7 мая 1826 г. за № 4324

№ 3908 11 майя 1826

Управление Смоленскаго Граждaнскаго Губернатора

Его Сиятельству, Господину Генерал-Лейтенанту, Сенатору, Генерал Губернатору и кавалеру Князю Николаю Николаевичу Хованскому

№ 4324
7 Майя 1826

Французская уроженка Мария Николаева дочь по второму мужу Делатре вошла ко мне с прошением, в коем изъясняет, что она находясь в России с 1812 года в числе французских пленных, ныне восприяла намерение возвратиться в отечество свое вместе с 15-летним сыном своим прижитым от первого мужа Николаем Иосифовым Тузо, почему просит мене о снабжении ея пашпортом на проезд с сыном во Францию. К выезду их за границу не предстоит никаких препятствий и об отъезде их сделаны уже троекратные публики чрез припечатание в С. Петербургских ведомостях в № 24 и других, в которых объяснено: что она «вдова и сын ея Делатре» по ошибке; ибо она была по первому мужу Тузо вдовою, а второй муж просительницы в живых и означенный сын прижит ею от перваго мужа Тузо, убитого 1812 года в сражении под Вязьмою. В доказательство того, что она действительно французская пленная, предоставила за подписанием благородных особ два свидетельства.

В следствие сего оные свидетельства, и выше изложенное прошение ко мне иностранки Делатре я имею честь сообщить на благоуважение Вашего Сиятельства испрашивая надлежащаго по сему предписания и самого паспорта причем долг имею присовокупить, что Делатре присем имеет 50-ти лет росту малаго, волосы на голове черные, на бровях темно русые, глаза карие, нос посредственный, рот умеренный, подбородок обыкновенный, лице смуглое, особые приметы: на правой щеке и левом глазу бородавки. А у сына ея Николая Тузо, волосы на голове и бровях светлорусые, глаза карие, нос продолговат. Рот обыкновенный, подбородок круглый, лице овальное. Немного рябоват.

Губернатор Храповицкий

НИАБ. Ф. 1297. Оп. 2. Д. 1419. Л. 1–2 об. Подлинник. Рукопись. Подпись — автограф.

4. Отношение могилевского гражданского губернатора А. И. Баженова генерал-губернатору смоленскому, витебскому и могилевскому князю Н. Н. Хованскому от 28 ноября 1832 г. за № 18509

№ 7443
Управление
Генерал
губернатора
Канцелярия
Отделение II

28 Ноября 1832
№ 18509

Могилевского
Гражданского
губернатора

1 Декабря 1832

Господину Генерал Губернатору Смоленскому, Витебскому и Могилевскому

Бабиновичский Уездный Предводитель в представлении ко мне от 17 Ноября (№ 149) изъясняя что Иностранец Италианской Нации из провинции Бононии Людвиг Серафима сын Фанти, прошлаго 1812 года, когда французские войска от г. Смоленска рейтеровались, то по убитии отца его служившаго в итальянском конном полку в чине капитана, остался он в малолетстве у помещиков Ивана и жены его Катерины Богомольцов, у которых с возрастом, получил и приличное воспитание; но не имея средств, ниже возможности исходатайствовать о дворянском об своем происхождении надлежащих доказательств и как по основанию Высочайшаго Его Императорскаго Величества Указа 19 Октября 1831 года, он должен избрать род жизни, то для забрания об нем надлежащих справок, предоставил выданные ему свидетельства: Помещиком Иваном Богомольцом с подробным объяснением обстоятельства его происхождения, и таковые ж его Предводителя и прочих лиц, просит о учинении сношений с Итальянским Правительством о доставлении о происхождении иностранца Фанти сведения и документов.

Имея честь представить о сем на благоуважение Вашему Сиятельству с приложением выше помянутых свидетельств я покорнейше прошу неоставить известить меня о последующем по сему распоряжении Вашего Сиятельства.

Гражданский Губернатор *А. И. Баженов*

Исполнено 12 Декабря № 4207

НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 6215. Л. 1–2 об. Подлинник. Рукопись на бланке канцелярии генерал-губернатора. Подпись — автограф.

5. Свидетельство о происхождении Жана Вейера, выданное доктором медицины Е. Цекертом

1812-м году ноябре месяце, при рейтираце неприятельско-французских войск, Командир Лейб-гвардии Его Величества Кирасирскаго полка генерал-майор Будберг, в м. Лядах между протчими пленными взял и пяти лет мальчика Жан Батиста Вейера, который по показанию его, сын маркитанта 84-го пехотного французского полка, что подтвердили и солдаты того же полка, кои знали родителей вышеупомянутаго Жан Батиста Вейера, который по малолетству оставлен был мне генерал-майором Будбергом в местечке Дубровке, где и проживал при мне до 1822 года. Удостоверяю в вышеписанном даю сие свидетельство за подписанием моим и приложением печати.

Июня 18-го дня 1826 года фольварк Усвятье Могилевско-Белорусской губернии.

Егор Цекерт
Доктор Медицины

ГАСО Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. 1828 г. Л. 3. Подлинник. Рукопись. Автограф. Документ оформлен на гербовой бумаге стоимостью 1 руб., заверен сургучной печатью Е. Цекерта.

6. Прошение Т. Витенштейн на имя вдовствующей императрицы Марии Федоровны (приложение к письму министра юстиции Д. И. Лобанова-Ростовского на имя Смоленского гражданского губернатора И. С. Храповицкого от 19 февраля 1822 г.)

Всемилостивейшая Государыня!

Осмеливаюсь припасть к священным стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, и молить о оказании Милости, гонимой роком невинно страждущей Вашей верноподданной: будучи рождена под властию прусского Короля, от капитана чернаго гусарского полка Генриха Блюма Витенштейна, там названною Шарлотою, а здесь в России Терезиею Ивановою; отдана была отцом на воспитание родной моей тетки, Вестфальской полковнице 12-го уланскаго полка

Ласковской, которая по нашествию общаго врага Европы Наполеона Бонапарте, принуждена была отправится с мужем своим и со мною в Россию против воли моей. Будучи еще четырнадцати лет, я знала уже злодейский умысел Наполеона, против Любезной нам России! С растерзанною душою, я следовала за кровавыми стопами изверга человечества. Судьбою определено мне быть в славном для России Можайском сражении; но гибельном врагу человечества! Там тетка моя убита в глазах моих; а я ранена в правую руку. К щастию человеческаго рода, храбростию Российских войск, неприятель был прогнан заграницу; а я осталась в Смоленске, от куда была отправлена в Бобруйск, отдана онаго Города Коменданту 2-го пионернаго полка полковнику Берх, у котораго жены я жила два года и ею выдана замуж за унтер офицера того же полка дворянина Шванскаго. По прошествии полутора года он умер, и я терпела ужаснейшую бедность, но по просьбе моей получила свободный пашпорт для проезда в свое Отечество; но не имея средства по не состоянию моему возвратиться в оное, принуждена была проживать трудами рук своих в Могилевской губернии, в местечке Новом Быхове. В оном стоял 46-го Егерскаго полка Майор Ильин. Не имев пропитания я мыла белье на офицеров и вышеупомянутаго Майора, который видя крайнюю мою бедность, уговаривал меня выйти замуж за свободнаго человека живущаго у него (при капитане Касперовиче и порутчике Мацкевиче), на что я согласилась терпев мучительную бедность; но не вышед еще замуж я узнала, что он крепостной человек. Я сказала Господину Майору: что не желаю выйти замуж. Тогда он спросил у меня пашпорт, который я ему и подала; но он взяв оный, скрыл его от меня, сказав: что естьли я не выйду замуж за его человека, то он даст мне пятьсот розок. Будучи иностранкою, под его караулом и не знав русских прав, я в страхе согласилась выйти замуж. Протоиерей Иван не спросив меня по обряду грекороссийской церкви моего желания, и будучи застращена майором (который находился при браке) заключил невольный брак. Теперь (вероятно, это описка, и правильно «терпя».— *А.Т., О.К.*) лютые наказания, от Господина Майора я узнала, что мой муж находится только у его воуслужениии; а принадлежит по крепостям, отставному капитану Ивану Владимировичу Г. Сорневу, находящемуся Смоленской губернии в Духовщинском уезде, куда я явилась к матери

Господина Сорнева; но она недоверив мне, что я нахожусь за их крепостным человеком, отослала меня в духовщинский нижный земский Суд; который не допрося меня, отослал в Смоленск, из Смоленска в Могилев, А как в оной Губернии не находилось майора Ильина, то отослали меня в Витебск; из Витебска для суждения по лифляндским правам в Ригу. Где взяв с меня допрос, отослали опять в Могилев; а из онаго города в Смоленск, который переслал меня в Духовщинский уездный Суд, от куда взята секретарем Кислинским, онаго же суда, от него на росписку Господином мужа моего, Сорневым, который желая мне свободы, сам советовал подать в Смоленское губернское правление просьбу, о даче мне свободнаго пашпорта; но Губернское правление не могло меня снабдить оным, а отослало опять к Господину Сорневу. И так Всемилостивейшая Государыня! Описав произшествие случившиеся со мною со времени нашествия врага человечества, падаю к стопам Вашего Императорскаго Величества моля вас, как чадолюбивую Мать России пекущейся вобще о угнетенных судьбою человеков! Европе известны благотворения Ваши, и потому я осмеливаюсь искать Высокаго покровительства ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, чтоб имела средство возвратиться в отечество, и видеть любезных сердцу моему. Воля ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА священна, и я надеюсь, что буду иметь свободу по одному милостивому вниманию вашему; уверена, что доставите сладостное удовольствие престарелым родителям моим, обнять потерянную дочь их; и вместе со мною славить им ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЮ ГОСУДАРЫНЮ. С благоговением припадая к Священным стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, щастием почитаю именоваться Ваша

Всемилостивейшая Государыня
верноподданнейшая Тереза Витенштейн.

Живущей Смоленской губернии Духовщинскаго уезда
Господина отставного флота Лейтенанта Василия Николаева Клачкова.

Верно: За столоначальника *И. Кинборский*

7-го генваря
1822 года.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1822 г. Л. 208–209 об. Копия заверенная. Рукопись.

7. Прошение Т. Витенштейн на имя государя императора Александра I (приложение к отношению управляющего Министерством внутренних дел В. С. Ланского смоленскому гражданскому губернатору И. С. Храповицкому от 13 октября 1824 г.)

ВСЕАВГУСТЕЙШИЙ МОНАРХ,
ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ

Напред сего была я подданная Короля Прусскаго 24 чернаго гусарскаго полка капитана Витенштейна дочь Терезия, и отдана была отцом моим 12 Вестфальскаго полка родной моей тетке полковнице Лясковской, которая в 1812 году следовала в Россию против русскаго войска, и при бывшем сражении под Можайском убита, и я также ранена была в правую руку, потом осталась в плену и находилась в Бобровской крепости под покровительством комендантши Берховой, жила у нее два года, которая по благодеянию своему выдала меня в замужество за служащаго во 2-м пионерном полку из дворян унтер-офицера Ивана Шванскаго, с которым жила я полтора года. И оный муж мой, находясь при команде в крепости Бобруйске, умре, после смерти его дан был мне пашпорт для жительства во все российские города, а потому из означенной крепости отправилась я Могилевской губернии в местечко новый Быхов, где имела крайнюю бедность в пропитании. Питалась своими трудами мыла белье для общества 46-го Егерьскаго полка Г. Г. Штаб и Обер офицеров, в числе коих находился онаго ж полка майор Ильин, которой уверил меня, что есть у него хорошаго поведения вольной человек Петр Ильин, и уговаривал вытти за него замуж, а как я бывши при бедном состоянии, и неимея ни от кого дальнейшаго покровительства, питая себя надеждою добраго совета, а кольми паче вольностию мужа моего, объявила свое желание вытти в замужество, и когда была обручена то по прошествии несколько времени узнала, что нареченный муж мой не есть вольный, а крепостной его майора Ильина человек, и видя себя обманутою, пошла в дом к нему Ильину и отозвалась, что не согласна идти в замужество, сказанной же Майор Ильин войдя в азарт, сказал мне, что тебя угодно получить пятьсот розог, или вытти за моего человека замуж; при каковом случае находились свидетельми онаго ж полка капитан Кашперович, порутчик Масиевский и фельдфебель Соколов, я ж именованная оробевши от

онаго наказания, вторично объявила желание идти в замужество, и когда браком сочеталась, тогда вышеписанный Майор Ильин начал делать мне притеснения, безвинныя нападения и жестокия наказания, так, что бывши я беременною от своего мужа и от больших наказаний розгами и палками, родила неживаго мужеска пола младенца, и по прошествии полутора года, когда узнала я от мужа своего, что он не есть крепостной Майора Ильина, а заставлен ему за триста рублей капитаном Иваном Сорневым, то я нехотя более терпеть от Майора Ильина истязаний решилась прибегнуть под покровительство капитана Сорнева, и когда в прошлом 1819-м году пришла к нему в дом, то к нещастию моему в доме его Сорнева не нашла, а находилась в то время в доме мать его Марья Сорнева, которой объявила я все вышеписанное, но только она в том, что я нахожусь за упомянутым человеком в замужестве, мне не поверила и отослала меня в Духовской Земской Суд, которой посредством Внутренней стражи препроводил меня в Смоленское Губернское Правление, а из онаго отправлена в Могилевское Губернское Правление, где взят от меня допрос, и отослана была в Витебское Губернское Правление, а из онаго препровождена в Рижское Губернское Правление, где также отобран от меня допрос, потом обратно послана в Могилевское Губернское Правление, а оное препроводило меня в Смоленское Губернское Правление, от котораго отдана я упомянутому капитану Ивану Сорневу на росписку, оный же отдал меня во услужение флота капитан-лейтенантше Катерине Клачковой, где я в прошлом 1821 году приняла христианскую Веру, но и поднесь нахожусь у нее Клачковой, не имея ни от кого никакой себе защиты и покровительства, равно и настоящего прибежища, и ныне припадая к стопам МОНАРШЕЙ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА милости, осмеливаюсь нещастная утруждать сею моею прозьбою, и прошу

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО решите судьбу нещастной и многостраждущей, более пяти лет претерпеваю нещастный случай, не имея у себя для пропитания и заработков ни какого законнаго вида, и ныне нахожусь в самом бедном положении,— я неотвергаю себя от законнаго брака и желаю жить вместе с мужем моим, но только чтобы не быть в подданстве, которому подвергнут муж мой, и быть под игом рабства Майора Ильина; и претерпевать от него несносныя наказания.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Всеподданнейшая *Terezia Witenstein*

Августа 26-го дня
1824-го года
Жительство имею
Смоленской губернии
В Духовском уезде в доме
Флота Капитан-Лейтенантши Катерины
Клачковой.

Верно: Начальник Стола *Д. Синицин*

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. 1824 г. Л. 855–856 об. Копия заверенная. Рукопись. Подписи — автографы.

8. Письмо помещика А. Лешевич-Бородулича смоленскому гражданскому губернатору К. И. Ашу

№ 182 25 Августа 1813 года

Ваше Превосходительство!
Милостивый Государь
Казимир Иванович.

Из числа пленных препровожденных в Рославль после дела под городом Красным Рославльского дворянства господин предводитель Федор Сергеевич Бородавицын рекомендовал в дом наш для занятия детей наукам французов полковника Фука, служившаго в Италианской Армии Провиантским Генерал Директорат, и сына Его отправлявшего при нем должность Секретаря, а для лечения в окрестности нашей свирепствовавших тогда, и до ныне еще не со всем прекратившихся болезней, Италианца Палиари бывшаго лекарем при походных гошпиталях той же Италианской Армии. На поведение пленных пяти месячных их у меня пребывания. Я не могу пожаловаться, но усердие и успех с каковым Господин Палиари пользовал разного рода больных, желание его вступить в подданство к нашему Милосердному Государю Императору и опасность его болезни не позволяющая ему даже в самом покойном экипаже отправиться в путь заставляет Ваше

Превосходительство покорнейше просить о помощи кому следует, оставить пленного Италианца Палиари до того времени, пока он совершенно выздоровеет, или на прошение о вступлении в подданство к нашему Государю Императору последует разрешение, до того же я за него ручаюсь в том, что он не только ни каким порядком и беспокойством не зделает но еще по выздоровлении своем будет делать пользу сохранением жизни и здоровья многих окрест живущих разного звания людей, а для большей в сем удобности, жена моя и я намерены ему помочь заведением на собственное наше иждивение гошпиталя и аптеки в нашем селе Мошенце, которое отстоит от городя Рославля не далее шестидесяти а от местечка Рогнедина не далее двух верст. Гошпиталь мы располагаем устроить на ста пятдесят человек, число коих будут составлять сто человек наших крестьян, а пятдесят на законном основании будет приниматься посторонних больных с умеренною платою за содержание и пользование нашими лекарствами. На сей предмет зделаны уже некоторые приготовления, которые остановились ныне за болезнию Господина Палиари и требованием всех пленных к отправлению.

В надежде Милостиваго Вашего Превосходительства ко мне расположения, я отправил французов в Рославль, а больнаго италианца оставил у себя до вашего разрешения, ибо в теперешнем его состоянии отправление его в путь значило бы отдать его руками той смерти которая, похитя у нас двести шесть душ в Рославльском селе Лучах, была его усердием и старанием выгнана. В протчем с истинным моим почтением и таковою же преданностию честью поставляю быть

Вашего Превосходительства
Милостиваго Государя
Покорнейший слуга
Алексей Лешевич-Бородулич
Милостивой Государыне Александре Егоровне
свидетельствую мое усерднейшее почтение
1813
20-го
VIII
Село Мошенец.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183.1813 г. Л. 21–22 об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

9. Справка о военнопленном Л. Гренане, составленная исправником Бельского уезда Богуславским для смоленского гражданского губернатора 17 сентября 1813 г.

Щитающейся по спискам в числе военнопленных подлекарь Людовик Гренан объявлял Смоленскому Гражданскому губернатору

Имя его Людовик Гренан сын Парюса Гренана и Марии Луизы Понсиер, уроженец из Медона Сенского департамента Сенского уезда закона римско католическаго 35 лет от рождения находился при штаб-докторе Л` Аршамбо в 4 италианской армии в продолжение 9 лет, женат никогда не был. Отца и мать оставил в Медоне, не имеет другой профессии никакой кроме лекарской, медицине систематической не учился, а приобрел познания оной посредством опыта под руководством сказанного штаб-доктора в доказательство же своего показания какое и показал уже на практике надеится иметь от Г. Каховскаго, у котораго по взятие в плен имел пребывание и прочих дворян Бельского уезда свидетельство, ибо во время свирепствования в тамошних местах епидемических болезней пользование Его принесло значительную пользу помещикам и их крестьянам, рецептов писать однако не умеет и ни на каком языке не учен писму а говорит только по французски и от навыка по немецки. Для пользования больных лекарства составляет сам из собственной аптеки. Желает в вечное подданство России. В армии или госпитале за полученными им ранами находится не может а пользовать будет практикой или у помещика Каховского или у других кому для домашнего пользования нужен будет.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. 1813 г. Л. 36. Подлинник. Рукопись.

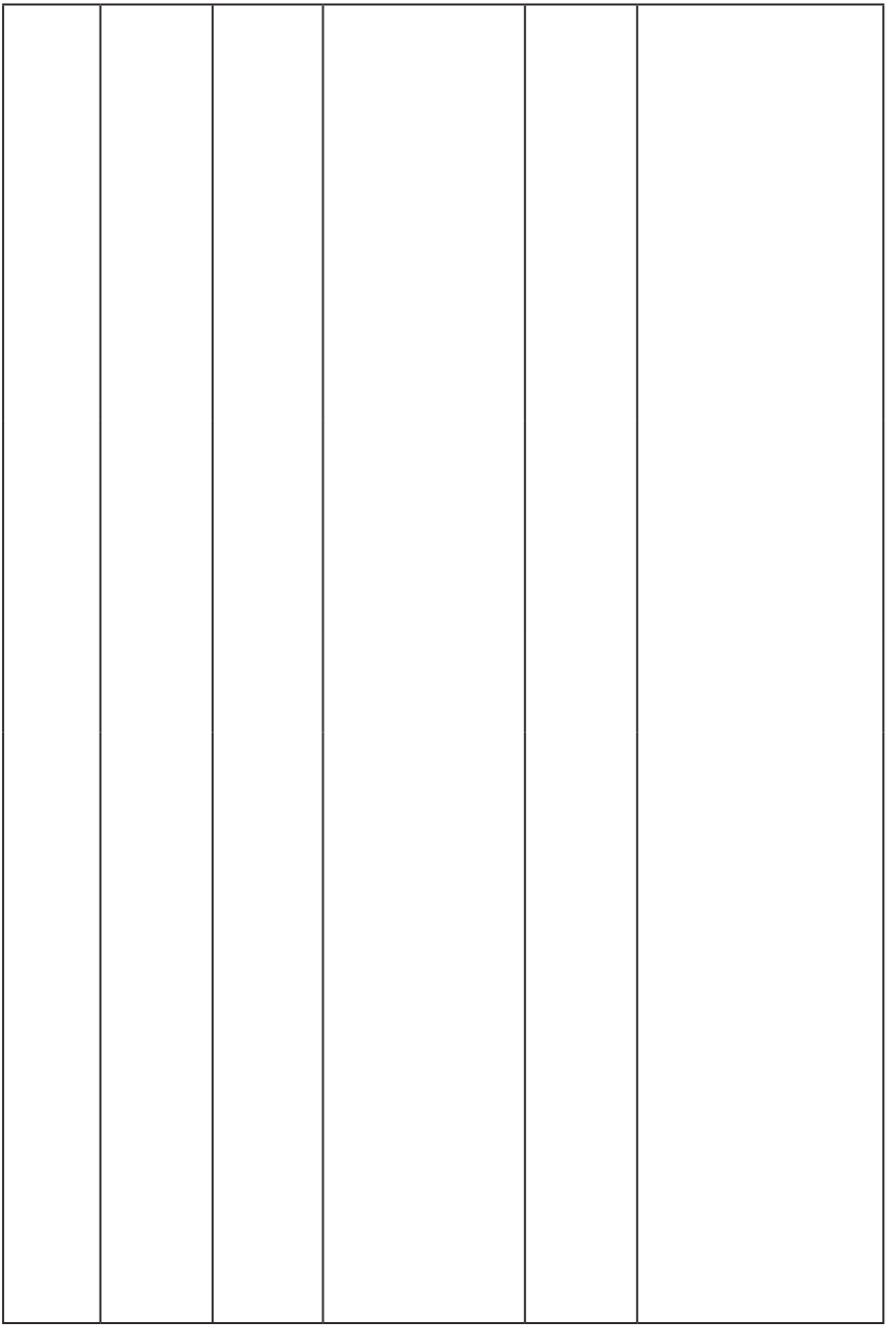
В переводе с французского прошения самого Л. Гренана указано, что он говорит «на языках, французском-немецком и российском, но пишет только на французском, и несколько на латинском».

10. Формулярный список о службе Врача Смоленского детского приюта титулярного советника Валя. 1853 г.

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание	Из какого звания происходит	Есть ли имение:				Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ль каких особенных по службе деяний или отличий; не был ли особенно, кроме чинов, чем награждаем, и в какое время; сверх того если находясь под судом или следствием, был оправдан и признан невинным: то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончено?	Годы	Месяцы и числа
		У него самого и у родителей		У жены буде женат				
		Родовое	Благоприобретенное	Родовое	Благоприобретенное			
Лекарь 3го Отделения Франц Иванов, сын Валь, врач Смоленского детского приюта 61 года от роду, вероисповедания римско-католического	Из военнопленных французов во время их нашествия в 1812 году	Нет	Деревянный дом в городе Смоленске	Нет	Нет	Императорскою Медико-Хирургическою академию признан лекарем третьего отделения, тысяча восемьсот пятнадцатого марта второго	1815	марта 2

X	XI	XII	XIII	XIV	XV
Был ли в походах против неприятеля и в самих сражениях и когда именно?	Был ли в штрафах под следствием и судом; когда и за что именно предан суду; когда и чем дело кончено?	К продолжению статской службы способен и повышения чином достоин ли; если же нет, то по каким причинам?	Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени; являлся ли на срок и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительною?	Был ли в отставке с награждением чина, или без оного, которого по какое именно время?	Холост или же нет, на ком, имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число рождения детей, где они находятся и какого вероиспо ведания?
Не был	Не был	Способен и достоин	Согласно прошению его по Положению Комитета Г.г. Министров 25 апреля 1825 года уволен был в отпуск за границу на шесть месяцев без жалованья, того же года июня 17, явился к должности	В отставке находился с 3го сентября 1825 по 6е ноября 1848 года	Женат вторым браком на дочери коллежского асессора Столпакова, имеет дочь от первого брака Елизавету, родившуюся 8 августа 1816 года, вероисповедания жена православного, дочь лютеранского

						По прошению его принят в военно-медицинскую службу и определен в артиллерийский госпиталь ординатором с жалованьем и прочими довольствиями по табели 6 ноября 1819 года тысяча восемь сот двадцать второго года, октября двадцать шестого	1822	октября 26
						Командирован был на время пересечения коммуникаций через реку Неву в батальон-депо учебного карабинерного полка	1824	декабря 3
						По прошению его за болезнью уволен от службы	1825	сентября 3
						По предложению бывшего Смоленского гражданского губернатора от 13 июня 1831 года за № 237 пользовал больных жителей г. Смоленска пораженных холерою во все время свирепствования оной, а также был командирован во многие селения Смоленского и Краснинского уездов для прекращения эпидемии. За оказанные им усердие и успех при пользовании	1831	Сентябрь 4

						больных людей подвергшихся холере и за полезную готовность на помощь ближнему изъявлена ему от начальства губернии письменная признательность С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения по удостоению Комитета Г.г. министров, за заслуги оказанные им по прекращении болезни холеры, изъявлена ему признательность начальства По приглашению Управлявшего смоленскою удельною конторою от 29 декабря 1832 года за № 8625 пользовал больных удельных крестьян без всякого возмездия в продолжении трех лет ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР по Всеподданнейшему докладу Г. Министра ИМПЕРАТОРСКОГО двора в следствие отношения Белорусского генерал-губернатора за без[воз]мездное пользование удельных крестьян ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожаловать соизволил		

						в 1833 году бриллиантовый перстень. По словесному поручению Г. Начальника губернии пользовал в 1835 году более 300 человек больных крестьян имения помещика Аничкова Смоленского уезда, подвергшихся воспалительной и нервной горячки которую и прекратил с успехом. По распоряжению Губернского начальства находился [в] 1835, 1836, 1838 и 1839 годах при губернском рекрутском присуствии для освидетельствования рекрут в годности их к военной службе По приказанию Г.г. Министра внутренних дел в следствие прошения к ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ священника Г. Поречья Льва Еленева о[б] обращении внимания на искусство, человеколюбие и бескорыстие его, сделавшего ему Еленеву операцию вырезания рака, изъявлена ему за таковой похвальный подвиг чрез	1841	ноябрь 27

						Смоленскую врачебную управу признательность		
						С ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения определен врачом при Смоленском детском приюте	1848	ноября 6
						По представлению Г. Министра внутренних дел, объявлена ему за труды, понесенные им при подании в 1848 году пособия больным холерою признательность начальства	1849	генваря 31
						ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА соизволила в ВЫСОЧАЙШЕМ рескрипте в 5 день ноября 1849 года на имя графа Строгонова, состоявшемся изъявить ему за труды по детскому приюту особенное ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА благоволение	1849	ноября 5
						ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ изъявлено ему за труды по детскому приюту совершенное благоволение	1853	генваря 13
						ВЫСОЧАЙШИМ приказом отданным по гражданскому ведомству 28 февраля 1853 года за № 42 произведен за	1853	февраля 28

						выслугу лет в титулярные советники со старшинством с 16 февраля 1849 года Инспектор *Строгонов* Акушер *Бер* Оператор (хирург.— *А.Т., О.К.*) *Севрук*		

ГАСО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 253. Л. 1об.— 8. Подлинник. Подписи — автографы.

11. Акт жителей города Смоленска на имя смоленского гражданского губернатора от августа 1848 г. о благодарности доктору Ф. И. Валю

1848 года августа дня, мы ниже подписавшиеся жители города Смоленска, будучи преисполнены чувствами истинной благодарности к вольнопрактикующему врачу Францу Ивановичу Валю, проживающему в Смоленске, двадцать пять лет, за оказываемые в болезненных случаях всегда и всякому, не различая звания и состояния, пособия, и в особенности людям бедного состояния, и более того убедились в самоотвержении его во время поразившей город Смоленской смертоносной холеры, ибо он Г. Валь не оставил ни одного дома из нас; ни одного лица, обращавшегося к нему с просьбою о пособии, пренебрегая собственною опасностью и спокойствием во всякое время дня и ночи; нуждающиеся получали скорую помощь без возмездия, и даже он самым бедным доставлял необходимые лекарства собственно от себя; доказательством готовности его служить страждущему человечеству, приводим прежние его подвиги: а, [в] 1831 году жители Смоленска были поражены также холерою; Г. Валь был вольнопрактикующим и по отлучке уездного врача принял на себя его обязанность.., готовность эту на помощь ближнему засвидетельствовал письменным актом Г. Начальник губернии; б, в 1833 году по докладу Министра императорского двора о болезненном пользовании

Г. Валем удельных крестьян, Государь Император соизволил пожаловать ему бриллиантовый перстень; в, впоследствии времени он сделал важные операции, Поречскому священнику Льву Еленеву, о чем подробно объяснено Г. Министру внутренних дел в просьбе того священника, а в недавнем времени Духовщинскому помещику князю Тенишеву; г, неизлишним находим указать на два горестные для самого Г. Валя случаи: он имел двух сыновей, служивших офицерами, одного в Финляндском драгунском полку, а другого инженером путей сообщения; ибо эти молодые люди, единственная надежда при преклонных летах отца их, не имеющего никакого почти состояния, сражены смертью, последний умер от холеры, находясь на службе в городе Ярославле; сведение о его смерти Г. Валь получил во время жесточайшего свирепствования в городе Смоленске холеры, и мы были свидетелями как Г. Валь, сраженный этою горестью не хотел оставить своих человеколюбивых занятий и, с опасностью собственной жизни, посещал всех тех, кто молил его о помощи, все это торжественно свидетельствуем мы нижеподписавшиеся и могут подтвердить значительные лица в уездах, пользовавшиеся его пособиями. А потому мы, нижеподписавшиеся, поручили Смоленскому вице-губернатору Александр[у] Николаевичу Хитрово Акт сей представить Господину Начальнику губернии, Федоту Николаевичу Шкларевичу, и убедительнейшее просить Его Превосходительство чрез известное ему посредство, о действиях Г. Валя представить высшему начальству, для доклада ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМУ ГОСУДАРЮ нашему, награждающему всякое человеколюбивое действие, и какое угодно будет сделать распоряжение объявить нам, чрез посредство доверенного от нас лица.

ГАСО. Ф. 754. Оп. 2. Д. 59. Л. 4–5. Копия. Рукопись.

12. Список с отношения генерал-майора Балабина генерал-губернатору смоленскому, витебскому и могилевскому князю Н. Н. Хованскому от 23 сентября 1831 года за № 4797

От Ельнинской Повивальной бабки Каролины Штелер поступило в III-е отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии прошение, в коем объясняя, что недавно в ссоре с женою живописца Федотова, выведенная ругательствами над Поляками и ею из терпения,

в пылу гнева, непомня самою себя, она имела безумие сказать, что нелюбит ни Русских, ни Русскаго Государя, что безразсудные слова ее дошли до сведения местнаго начальства и Ваше Сиятельство в предписании к Смоленскому Гражданскому губернатору признавая ее преступницею в оскорблении Его Императорского величества, изволили приказать поступить с нею по всей строгости законов,— просила представить Государю Императору искреннее ее разкаяние в произнесении помянутых слов, как следствия безумного гнева от сделанного ей личнаго оскорбления.

Его Величеству благоугодно было на просьбе бабки Штелер собственноручно написать: «Велеть оставить, прекратив дело».

За отсутствием Генерал Адъютанта Бенкендорфа имею честь сообщить Вашему Сиятельству сию Высочайшую Волю, для Вашего к исполнению по оной, разпоряжения.

Верно. Коллежский Советник *Муханов*

ГАСО. Ф. 1. Д. 31. 1831 г. Л. 489–489 об. Копия заверенная. Рукопись.

13. Копия свидетельства Ф. А. Гау о науках с расписками учителя в получении документа и непринадлежности к масонским ложам и тайным обществам

№ 3766

Дано сие Филиппу Антонову Гау, в том, что он как из представленных бумаг видно, Швейцарский уроженец из Женевскаго Кантона, родился 1792 года Ноября 20 дня и крещен в веру Христианскую Католическаго исповедания. В следствие поданнаго им Гау прошения о желании вступить в Домашние учители, и по разсмотрении представленных, на основании § § 14, 15, 16 и 17 Высочайше утвержденнаго в 14 день Июля 1834 года положения, удостоверительных свидетельств, которыя найдены удовлетворительными, допущен он был к испытанию в Императорском Московском университете и оказал познания в Граматических правилах Французскаго языка хорошия, и сверх того, в присутствии, Испытателей, дал с успехом пробную лекцию по предмету Французский Граматики. А потому дозволено ему Гау преподовать Французский язык, на праве Домашняго Учителя, и исправлять его должность, но он как не поданный

Российской Империи, не может пользоваться выгодами и преимуществами сего звания. 1847 года Ноября 4 дня, у подлиннаго тако. В верности всего здесь сказаннаго свидетельствую с приложением печати Канцелярии моей, Попечитель Московского Учебного Округа, Генерал-Адъютант Генерал-Лейтенант, Сенатор и Кавалер Граф Строганов исправляющий должность Правителя Канцелярии Фаворский.

№ 397

Свидетельство это, на основании § 25 Высочайше утвержденнаго в 1 день день Июля 1834 года положения о Домашних Наставниках и Учителях, Домашним Учителем из Иностранцев Филиппом Гау, при поступлении в дом Коллежскаго Советника Хитрово, в Смоленской Дирекции явлено и в книгу входящую под

№ 236 записано. Г. Смоленск. Апреля 23 дня 1848 года. Подлинное подписал Директор Лыкошин. *Подлено получил Филипп Гау.*

1848 года Апреля дня, я нижеподписавшийся дал сию подписку в Канцелярию Директора Училищ Смоленской Губернии в том, что не принадлежу ни к каким Массонским ложам и другим тайным обществам, под каким бы они названием не существовали внутри Российской Империи, и впредь принадлежать небуду.

К сему руку приложил Филип Гау.

ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 909. Л. 10–11. Копия с автографом. Рукопись.

В копии свидетельства за № 3766 имеется описка: вместо 4 ноября 1837 г. указано 4 ноября 1847 г., что подтверждается документами: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1467. Л. 1; Д. 256. Л. 1.

14. План предполагаемого к открытию в г. Смоленске частного пансиона, для обучения детей женского пола, женою иностранца Филиппа Гау, Камиллою-Иоганною-Софиею Гау

1, Пансион открываемый мною для обучения девиц, по числу преподаваемых предметов, не будет превышать 15. Отделений в нем полагается три.

2, Учебные предметы будут преподаваться следующие: Закон Божий, Русский язык, Арифметика, История, География, Французский и Немецкий языки, рисование, чистописание, рукоделие, музыка и танцы.

3, Для преподавания Закона Божия будет приглашен Священник, Французскому языку будет обучать муж мой домашний учитель Филипп Гау, прочие предметы будут преподаваемы мною. В случае же увеличения числа воспитательниц, более 10-ти будут приглашены мною учители гимназии.

4, Девицы поступающие в заведение будут состоять из полных пансионерок, с платою по 173 руб., а полупансионерок по 100 руб. сереб. в год. Число полных пансионерок назначается не более 5-ти, а полупансионерок до 10-ти. Заведение будет помещаться в собственном моем доме.

5, Для преподавания предметов будут приняты в руководство книги и учебные пособия, одобренные только училищным Начальством.

Распределениеучебных занятий в предполагаемом к открытию частном пансионе для детей женского пола.

	До полудни	По полудни
Понедельник.	Закон Божий Французский язык.	Русский язык. Чистописание, рисование и рукоделие.
Вторник.	История. Немецкий язык.	Арифметика. Музыка и танцы.
Среда.	Русский язык. География.	Французский язык. Немецкий язык и рукоделие.
Четверток.	Французский язык. Арифметика.	История. Чистописание и Рисование.
Пятница.	Закон Божий Немецкий язык.	География. Музыка и танцы.
Суббота.	Французский язык. Русский язык.	Не полагается.

ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1457. Л. 7–7 об. Подлинник. Рукопись.

15. Объявление «Об открытии в г. Смоленске Г-жею Го, частного для девиц пансиона»

С разрешения Его Превосходительства Г. Товарища Министра Народнаго Просвещения от 15-го Октября 1853 года, открывается мною в г. Смоленске частный для девиц Пансион.— Заведение будет помещаться в собственном моем доме, находящемся близь плац-параднаго места. Предметы, входящие в состав преподавания следующие: Закон Божий, Русский язык, Арифметика, История, География, Французский язык, Немецкий язык, рисование, чистописание, рукоделие, музыка и танцы. Занятия будут происходить утром от 9-ти до 12-ти часов и после обеда от 2-х до 4-х часов. Для преподавания Закона Божия будет приглашен Священник, а прочие предметы наук будут преподаваемы Учителями Гимназии.— Девицы, поступающия в заведение будут состоять из полных пансионерок (живущих) с платою по 175 руб. сер. В год и полупансионерок (приходящих) по 100 руб. сер. В год; деньги вносятся за полгода вперед. Живущия воспитанницы сверх платы, представляют единовременно на первоначальное обзаведение 25 руб. серебром. Воспитанницы в классах имеют на себе платья коричневаго цвету, с черными передниками, по образцам, принятым в казенных заведениях. (1.)

Содержательница частнаго для девиц Пансиона Анна ГО.

Смоленские губернские ведомости. 1855. 28 ноября (№ 48). Официальная часть. С. 387.

16. Билет на проживание в Смоленской губернии, выданный иностранцу Иогану Александру Гессе от 16 марта 1844 г.

От
состоящего в должности
Смоленскаго Гражданскаго
Губернатора
иност. Гессе
№ 32-й
16 Марта 1844 года

Дан на свободное пребывание в Смоленской губернии по 15 марта будущего 1845 года Любек[ск]ому уроженцу учителю музыки Иогану Александру Гессе.

Приметы
вероисповедания лютер[анского]
лета 24
волосы
черные
брови
роста среднего
глаза карие
нос
умеренной
рот
подбородок круглый
лицо овальное
особых примет не имеет

Подпись предъявителя

Оный иностранец билет сей должен предъявить в Полиции и с ним в другие места неездить, а ежели бы сего пожелал, то должен явиться к Начальнику Губернии для получения другого вида, или для возобновления сего непременно в срок, в противном же случае будет взыскано за просрочку по 60 коп. серебром за каждыя сутки.

В должности Смоленскаго Гражданскаго Губернатора *И. Капнист*

1844 года Марта 22 дня сей билет в Смоленском Земском суде явлен и в книгу под № 8 записан.

Непременный Заседатель *Глинкин*
Секретарь *Пекинов*

Сей явки Смоленскаго Земскаго суда печать

ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 66. 1844 г. Л. 78–79. Подлинник. Рукопись на гербовой бумаге стоимостью 2 руб. серебром с сургучной печатью И. В. Капниста и печатью Смоленского земского суда.

17. Прошение С. Е. Штанге об открытии частной школы для девочек в Смоленске. Март 1853 г.

Господину Директору Училищ Смоленской Губернии.
Девицы Софьи Штанге
Прошение.

Предполагая открыть в Г. Смоленске Частную Школу для первоначальнаго обучения детей женскаго пола, и потому представляя при сем План

предполагаемой к открытию школы, распределение учебных предметов, свидетельства: 1, о поведении 2, о испытании в Совете Смоленской Гимназии на первоначальное обучение чтению и письму и 3, выписку из метрических книг, покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие исходатайствовать мне разрешения Высшаго Начальства на открытие в Г. Смоленске Частной Школы для первоначальнаго обучения детей женскаго пола.

Девица Софья Штанге

Марта дня

1853 года.

ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1456. Л. 1. Подлинник. Рукопись. Подпись — автограф.

18. План, предлагаемый С. Е. Штанге для ее частной школы для первоначального обучения детей женского пола в г. Смоленске

Учебныя предметы:

Закон Божий, Русский и Немецкий язык, Арифметика, Чистописание и рукоделие.

Закон Божий преподаваем будет Священником и прочие предметы самою содержательницею.

Учащихся предполагается иметь приходящих до 16 девиц, годовая плата за учение от 5 до 10 руб. сереб.

Школа эта будет помещаться в собственном моем доме находящемся во 2-й города Смоленска части.

Девица Софья Штанге

ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1456. Л. 3. Копия. Рукопись. Подпись — автограф.

19. Свидетельство С. Е. Штанге, выданное Дирекцией народных училищ Смоленской губернии 13 ноября 1857 г.

№ 1377

Дано из Смоленской Дирекции Училищ девице Софье Егоровой Штанге в том, что она согласно прошению и по представлении свидетельства о поведении была испытываема в Совете Смоленской

Гимназии и оказала познания в чтении, письме на Русском и Немецком языках и Арифметике хорошия, а потому на основании предписания Департамента Народнаго Просвещения от 16-го Декабря 1834 года за № 12495 дозволяется ей преподавать в частных домах означенныя предметы. Г. Смоленск

Ноября 13 дня 1851 года

Исправляющий должность Директора Инспектор *Автограф*

Автографы 6 старших учителей

Письмоводитель Плескачевский

ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1456. Л. 6. Подлинник. Рукопись с сургучной печатью Смоленской губернской мужской гимназии. Подписи — автографы.

20. Выписка из исповедной книги Смоленской градской Одигитриевской церкви о С. Е. Штанге

Дочь умершаго Титулярнаго Советника Георгия Кодратова Штанге, Девица Софья Георгиева Штанге в прошедшую Св. Великую Четыредесятницу сего 1851 года, в исповеди и Святаго Причастия была. Лет ей значиться 34.

В чем свидетельствую подписом и приложением церковной печати.

Одигитриевский Священник Корнилий Кулагин

№ 43-й

20-го Ноября, 1851 года.

ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1456. Л. 7. Подлинник. Рукопись с приложением церковной печати Одигитриевской церкви г. Смоленска. Подпись — автограф.

21. Донесение директора училищ Смоленской губернии попечителю Московского учебного округа от 24 марта 1853 г. № 390

Девица Софья Егорова Штанге вошла ко мне с прошением о дозволении ей открыть в Г. Смоленске Школу для обучения детей женскаго пола Закону Божию, чтению и письму на Русском и Немецком языках

и Арифметике, представляя при сем план школы, распределение преподаваемых учебных предметов, свидетельство о поведении девицы Штанге, и о испытании ея в науках в Совете Смоленской Гимназии и выписку из исповедных книг, имею честь покорнейше просить на открытие этаго заведения ходатайства В. П-ва (Вашего Превосходительства.— *А.Т., О.К.*).

При этом имею честь донести В. П-ву, что открытие этой Школы по недостатку в настоящее время в Г. Смоленске подобных заведений признаю со своей стороны полезным.

ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1456. Л. 2–2об. Отпуск. Рукопись.

22. Свидетельство С. Е. Штанге об открытии частной школы

№ 593

Дано из Смоленской Дирекции училищ, девице Софии Штанге, в том что ей 29 Апреля 1853 года разрешено Г. Товарищем Министра Народнаго Просвещения открыть в Г. Смоленске частную школу для обучения детей женскаго пола. Г. Смоленск. Мая 19 дня 1853 года.

ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1456. Л. 8. Копия. Рукопись.

23. Препроводительное письмо анкт-петербургского военного министра С. К. Вязмитинова смоленскому гражданскому губернатору П. Н. Каверину к планам В. Гесте

№ 55 Пол[учено] 31 генваря 1817 г.

Господину Смоленскому Гражданскому Губернатору.

Министерство Полиции

Департамент исполнительный
Отделение 2
18 генваря 1817.

Управляющий Смоленской губерниею г. Сенатор Каверин в марте 1816-го года возвратил ко мне посланные к нему для поверки с местным положением сочиненные находящимся при министерстве полиции архитектором Гесте планы разоренных неприятелем городов Смоленской губернии Смоленска, Поречья, Гжатска, Красного

№ 75

С препровождением Высочайше конфирмированных планов пяти городов Смоленской губернии

и Духовщины, которые он г. Сенатор Каверин по поверке их с местным положением признал удобными в исполнении, кроме предложения архитектора Гесте, заключающегося в том, что в Смоленске дворы ямщиков к Московской улице должны быть купеческие, но что там уже выстроено ямщичьих двадцать два двора, и земля на которыя новые находятся, принадлежит ямщикам.

Обстоятельство сие и прожектированные архитектором Гесте планы означенным пяти городам представлял я Комитету Гг. Министров, который журналом 23-го минувшаго декабря состоявшимся положил построенные в Смоленске к московской улице ямщиками двора оставить в настоящем существовании, согласно с мнением сенатора Каверина; при чем доставлены ко мне и самые планы означенным пяти городам, удостоенные Высочайшаго утверждения 4-го Генваря Сего года.

С таковом положением Комитета Гг. Министров уведомляя сим Ваше Превосходительство и вместе с тем препровождая Высочайше конфирмованные 4-го сего Генваря планы городам: Смоленску, Гжатску, Поречью, Красному и Духовщине для надлежащего и непременного по оным исполнения, я рекомендую при том Вашему Превосходительству, точные с оных планов копии представить по порядку Правительствующему Сенату и Министерству полиции.

С. Петербургский Военный Генерал-губернатор *Вязмитинов*

Директор *Лавров.*

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. 1817 г. Л. 130–131. Подлинник. Рукопись. Подписи — автограф.

24. Предложение генерал-губернатора витебского, могилевского и смоленского князя Н. Н. Хованского смоленскому гражданскому губернатору о рассмотрении плана В. Гесте от 6 июня 1832 г. за № 2278

№ 51 *19-го июня 1832*

Управление
Генерал Губернатора

(Смоленскаго,
Витебскаго,
Могилевскаго)
Канцелярия
Отделение II

В Витебске
«6» Июня 1832
№ 2278

С препровождением списка

Господину Смоленскому
Гражданскому Губернатору.

Получив представление Вашего Превосходительства от 8-го Мая за № 5143, о найденных Вами неудобствах в произведении построек по Высочайше конфирмованному в 1817-м году для города Смоленска плану, в части называемой солдатскою слободою, в которой пролегает нынешняя и вновь назначенная Краснинская дорога, я сообщал о том с приложением присланного Вами плана сей части города на разсмотрение Министерства Внутренних Дел, и, по разпоряжению онаго, означенный план препровождаем был на разсмотрение к состоящему при сем Министерстве Архитектору Гесте, коему положение города Смоленска совершенно известно, потому, что он был туда командирован во время первоначальнаго составления общего плана сему городу.

Архитектор Гесте по разсмотрению оной части плана г. Смоленска, в донесении Министерству Внутренних Дел изъяснил подробно причины, по коим не настоит надобности в изменении Высочайше конфирмованного на город Смоленск плана, каковыя причины найдены и Г. Министром Внутренних Дел уважительными.

Получив об оном отзыв Г. Тайнаго Советника

Блудова и при нем список с означеннаго донесения Архитектора Гесте, нахожу нужным препроводить оный к Вашему Превосходительству, с тем, дабы Вы, Милостивый Государь мой, если имеете основание несоглашаться с таковым изъяснением и утверждать первое представление свое, то вправе изъяснить сии основания и сверх того подкрепить оныя представлением выкотировке из Высочайше утвержденнаго плана к тому месту, которое найдено Вами неудобным к простроению, с показанием на оном оврагов, ям и прочих неудобств.

Генерал-Губернатор, Генерал от Инфантерии

Кн. Хованский.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. 1832 г. Л. 246–246 об. Подлинник. Рукопись на бланке Канцелярии генерал-губернатора. Подпись — автограф.

25. Из журнала заседания Смоленского губернского депутатского собрания от 12 февраля 1826 г.

1826 года февраля 12 дня по Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Собрание Смоленской губернии Г. Г. Губернскаго Предводителя и Уездных Депутатов Дворянства, слушав прошение здешняго

г. Губернскаго землемера Титулярнаго Советника и Кавалера Василья Федорова сына Бланкенгорна, при котором представляя ВЫСОЧАЙШУЮ на всемилостивейше пожалованный ему святыя Анны третьей степени просит внести его по здешней губернии в Дворянскую родословную книгу в которую часть следовать будет и дать Грамоту. Из предъявленной же в доказательство Грамоты Капитула Российских императорских Орденов 26-го ноября 1824 данной видно, что в воздаяние ревностной и усердной службы отличнаго усердия и деятельности, оказанных в приведении в исправность Смоленской дороги, Генерал Губернатором Генерал Лейтенантом Князем Хованским засвидетельствованных Всемилостивейше пожалованный Г. Бланкенгорн в 16 день того ноября кавалером ордена

Святаго [Владимира] Анны 3 Степени, а из формулярнаго об нем списка значит, что он в службу вступил из Кандидатов Математики Пруской Берлинскаго университета, в Финляндской губернии по лесной части землемером 1808 июля 28, перемещен таковым же в Смоленскую губернию 1810 февраля 17, в Сычевки землемером 1812 апреля 10, коллежским регистратором 1813 декабря 31, перемещен в Белую 1814 ноября 16, губернским секретарем 1816 декабря 31, коллежским секретарем 1819 декабря 31, губернским землемером 1822 июня 16, титулярным советником того же года декабря 31-го, за устройство больших дорог к проезду Государя Императора чрез Смоленскую губернию награжден орденом Святой Анны 3 степени 1824 годов ноября 28-го. В штрафах и под судом не был. Женат на дочери аптекаря Мего Вильгельмине Емануиловой, имеет сына Александра 2-х лет, дочерей Августу 1 ½ года и Софию 2-х недель; имение за ним состоит по городу Смоленску одна душа. В ВЫСОЧАЙШЕ же изданной ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ 1785 года апреле в 21 день Дворянству грамоты 77-го статьею повелено: «в первую часть родословной книги внесут годы действительнаго Дворянства по алфавиту толкование действительное Дворянство не иные суть как те роды кои от нас самих и других Коронованных Глав в Дворянское достоинство Дипломом, Гербом и печатью пожалованы указом 1815 года октября 21 дня повелено чиновников получивших ордена.

Вносить в родословную книгу ПРИКАЗАЛИ: просителя Титулярного Советника Василья Федорова сына Бланкенгорна, как чиновника украшеннаго орденом Святыя Анны 3 степени согласно 77 статьи Высочайше жалованной грамоты и указу 1815 октября 21 внести в с дочерью Софьею как рожденною после получения ордена в первую часть Дворянской родословной здешней губернии книги и дать грамоту; чтож лежит до других детей рожденных прежде получения этого ордена — то как нет на сие законоположения, Собрание приступить не может, о сем когда явится объявить; а дело изключа из нерешенных хранить в архиве. С представленной же грамоты на орден оставя к делу копию, подлинную ему возвратить.

Губернский предводитель *Лесли*

Смоленский дворянства депутат Александр *Лесли*

Духовщинский дворянства депутат и кавалер *Автограф*

Ельнинский Дворянства депутат *Николай Энгельгардт*

Краснинского Дворянства депутат *Михайло Вечистов*
Рославльского Дворянства депутат *Повало-Швейковский*
Сычевского Дворянства депутат и кавалер *Автограф*
Юхновского Дворянства депутат *Автограф*
Поречского Дворянства депутат *Александр Черевин*
Вяземского Дворянства депутат *Федор Воронец*
Гжатской депутат *Автограф*
Секретарь *Автограф*
ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 157. 1826 г. Л. 41–42 об. Подписи — автографы.

26. О заложении памятника в городе Смоленске

Прошлаго августа 30-го числа, Высокоторжественный день Тезоименитства Его Императорскаго Высочества, Государя Наследника; Цесаревича и Великаго Князя АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, и Рождения Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княжны ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ, ознаменован был у нас в городе Смоленске достопаятным событием. Этот всерадостный для каждаго Русскаго день был избран для заложения памятника, который по Высочайшему повелению предположено устроить на главнейшем месте сражения, бывшаго в 1812 году. Таковый памятник, долженствующий свидетельствовать отдаленному потомству о знаменитой битве Россиян, бывшей в городе Смоленске в незабвенную войну 1812 года с многочисленным неприятелем, положено воздвигнуть в самом городе Смоленске, на бывшем главном пункте сражения, на парадой площади, против моста, ведущаго к так называемой Королевской крепости.

Закладка происходила следующим порядком:

В 10-ть часов утра Военные и все Гражданские Чиновники собрались в Успенском Кафедральном Соборе для слушания Божественной Литургии. Священнодействие совершал Преосвященный Тимофей Епископ Смоленский и Дорогобужский, а по окончании Литургии совершено положенное в сей день молебствие. Потом Крестняй ход, сопровождаемый Преосвященным Тимофеем со всем Духовенством, Военными и всеми Гражданскими Чиновниками, и многочисленным народом, отправился на место закладки, и проибыл в таком порядке на приуготовленное для

памятника место, где, в присутствии Его Сиятельства Господина Военнаго Губернатора города Смоленска и Смоленскаго гражданскаго Губернатора, Князя Петра Ивановича Трубецкаго, Господ Губернскаго Дворянства предводителя, Вице-Губернатора, Председателя Смоленской Казенной Палаты и прочих Чиновников. Совершено водоосвящение, по окончании коего Преосвященный Тимофей произнес приличную сему случаю Речь, весьма назидательную, тронувшую слушателей до глубины сердца. За сим последовала самая закладка памятника и положена медная доска с именем Его высокопревосходительства господина генерал-Губернатора Смоленскаго, Витебскаго и Могилевскаго, Петра Николаевича Дьякова, Господина Военнаго Губернатора города Смоленска Князя Трубецкаго и прочих значительных лиц.

По совершении закладки провозглашено многолетие ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и всей августейшей Фамилии, а в заключении возглашена вечная память незабвенному МОНАРХУ АЛЕКСАНДРУ I-му и потом православным воинам на брани убиенным. По окончании сего, Крестный ход возвратился прежним порядком.

Во все время этой церемонии, на плац-парадном месте были построены во фронт: Смоленский Внутренний Гарнизонный баталион и Смоленский баталион Военных кантонистов. Также особо поставлены были и Воспитанники Училища Приказа служительских детей. Когда Крестный ход при возвратном пути прошел плац-парадное место, тогда Жандармский взвод и оба баталиона два раза проходили скорым маршем мимо заложеннаго памятника, в присутствии Его Сиятельства Господина Военнаго Губернатора города Смоленска Князя Трубецкаго, первый раз повзводно, а в другой колоннами.

При этом торжестве стечение народа было весьма многочисленно; погода была прекраснейшая и совершенно благоприятствовала столь достопамятному торжеству и дню Праздника, который сверх того знаменит и совершаемою в этот день памятию Святаго Благовернаго Великаго Князя Александра Невскаго, за шесть пред сим веков с малым своим воинством многократно храбро поражавшаго многочисленных неприятелей на брегах Невы реки.

Таким образом окончилось сие приятное для каждаго Русскаго событие, оставившее какое-то особенное умилительное для души впечатление, которое на всегда пребывать будет в сердцах Русских, одушевленных

благоговейною признательностию к Милосердому МОНАРХУ, столько внимательно пекущемуся о благе верноподданных Своих.

В этот же день вечером в городском саду, именуемом Блонье, было гулянье. Большое стечение Публики оживляемо было приятнейшею погодою, при чем играла музыка и пели песельники. Вечер кончился иллюминованием сада и всего города.

Смоленские губернские ведомости. 1838. 26 сентября (№ 39). С. 202–204.

27. Уведомление военного губернатора г. Смоленска и смоленского гражданского губернатора П. И. Трубецкого от генерал-губернатора витебского, могилевского и смоленского П. Н. Дьякова о дате открытия памятника 1812 г. от 17 июля 1841 г. за № 3628

№ 201

УПРАВЛЕНИЕ
ГЕНЕРАЛ
ГУБЕРНАТОРА
Смоленскаго, Витебскаго,
Могилевскаго

Канцелярия

Отделение III

17 июля 1841
В м. Бешенковичах
№ 3628

доложить
Его Сиятельству
Г. начальнику Губернии

20 июля 1841 г.

Господину Военному Губернатору г. Смоленска и Смоленскому Гражданскому губернатору.

Г. Управляющий Министерством Внутренних Дел, на основании полученнаго отношения от Г. Товарища Министра Финансов, отзывом от 9-го текущаго июля (3679) уведомляет меня, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР соизволил назначить открытие устроиваемаго в г. Смоленске в память сражения при оном в 1812 году монумента, 5-го ноября сего года, то есть, в тот самый день, в который Французы окончательно выгнаны из Смоленска, и в который установлено там богослужение пред иконою Пресвятыя Богородицы; что для исполнения ВЫСОЧАЙШАГО повеления Г. Военный Министр сообщил Главнокомандующему Действующею Армиею дабы для означеннаго торжества проведен был в Смоленск Алексопольский Егерский полк и находились при торжестве Г. Командир 3 пехотнаго корпуса, Дивизионный

Начальник и бригадный Командир 2-й бригады 8 пехотной дивизии, и что о сем уведомлен от своего Начальства Председатель Смоленской Казенной Палаты, под ведением коего производить сооружение означеннаго монумента.

О таковом отзыве Тайнаго советника Буткова долгом считаю уведомить Ваше Сиятельство, для зависящих с Вашей стороны распоряжений.

Генерал-Губернатор,
Генерал-Адъютант *Дьяков*

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. 1840 г. Л. 265–265 об. Подлинник. Рукопись на бланке Канцелярии генерал-губернатора. Подпись — автограф.

28. Описание торжества в Смоленске 5 (17) ноября 1841 г., по случаю открытия памятника 1812 г.

5-го Ноября в 8 часов утра звон колокола при Кафедральном Соборе известил жителей Смоленска о предстоящем торжестве. Вскоре за этим Преосвященный Тимофей, Епископ Смоленский и Дорогобужский, прибыл в церковь Божией Матери Одигитрии, что над Днепровскими воротами, куда собралось и прочее духовенство. К 9½ часам рота Александрийского егерского полка, (который, по Высочайшему повелению, нарочито приведен был для этого дня из города Рославля), в полном составе с знаменем и музыкантами прибыла к Одигитриевской церкви, а взвод жандармской команды приведен был ея начальником к дому Военного Губернатора, который, в сопровождении коменданта и отставного Генерал-Майора Шембеля, въ 10 часов отправились верхами в голове наряженного конвоя к Днепровским воротам, для сопутствования икон в крестном ходу. Генерал Шембель приглашен был к этому торжеству, так как он, быв в Отечественную войну 1812 года бессменным ординарцем Главнокомандовавшаго армиею Князя Кутузова-Смоленского, имел счастье, по приказанию светлейшего, возвратить в Смоленск икону Смоленской Божией Матери Одигитрии из армии, после трехмесячного

в рядах ея пребывания. К 11 часам съехались в церковь: Смоленский Генерал-Губернатор и все непринадлежавшие к строю генералы, штаб- и обер офицеры, а равно и гражданские чины, для слушания божественной литургии и участия потом в торжественном шествии.

Между тем войска, составлявшие парад, как-то Алексапольский егерский полк и Смоленские батальоны: внутренней стражи и военных кантонистов заняли на плац-парадном месте вокруг памятника предназначенные им места.

По окончании литургии началось шествие. При появлении у наружных дверей церкви Иконы Божией Матери стоявшие там войска отдали ей честь и отправились, при многочисленном стечении народа, к плац-парадному месту, имея в голове своей военного Губернатора, Коменданта и Генерала Шембеля. Процессия шла по главным улицам города и когда вступила на плац-парадное место, тогда находившиеся там войска отдали Святыне должную честь при звуках музыки и барабанном бое. Пока процессия подвигалась к памятнику, губернский предводитель Дворянства с дворянами, участвовавшими в битве под Смоленском, заняли место с левой стороны памятника, внутри устроенной около него решетки; а с другой стороны, но вне решетки, поместились все военные и гражданские чиновники; сзади памятника расставлены были полукружием отставные ветераны 1812 года из нижних чинов, проживающие многолетия ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I, и всему храброму воинству и вечной памяти Императору Александру и всем павшим под Смоленском воинам, Преосвященный Тимофей окропил памятник святой водою и у подножия его сказал сильную и во всех отношениях приличную настоящему торжеству речь. После этого в сопровождении командира 3 пехотного корпуса Генерал-Адъютанта Ридигера и начальника 8 пехотной дивизии Генерал-Лейтенанта Панютина, присутствовавших по Высочайшему повелению, при этом торжестве, Преосвященный окропил также святой водою войска и знамена каждого батальона. Этим окончилось священнодействие; процессия возвратилась тем же порядком в Одигитриевскую церковь, а войска, пройдя мимо памятника церемониальным маршем, разошлись по домам, где ожидало их радушное гостеприимство Смоленского купечества. Вся войска, бывшие в этот день в строю, а равно и ветераны 1812 года были угощены заблаговременно приготовленными винными и мясными порциями.

В 3 ½ часа по полудни дан был Военным Губернатором большой обед, на который приглашены были: Преосвященный Тимофей с почетнейшим духовенством, Генерал-Адъютанты: Ридигер и Дьяков, Генерал-Лейтенант Панютин, губернский предводитель с почетнейшими дворянами и прочие Генералы, Штаб и Обер Офицеры, также гражданские чины и прибывшие к этому дню уездные Предводители Дворянства и градские головы из уездных городов. Вечером того же числа дворянство дало великолепный бал и ужин, на котором находились до 400 особ обоего пола.

Цит. по: Никитин П. Е. История города Смоленска. М.: В Тип. С. Селивановского, 1848. С. LXI–LXIII.

29. Предписание санкт-петербургского военного министра С. К. Вязмитинова смоленскому гражданскому губернатору К. И. Ашу от 25 апреля 1818 г. за № 1242

№ 264

Министерство Полиции
Департамент исполнительный

Отделение 1
Стол 2

25 апреля 1818
№ 1242

О заготовлении обывательских лошадей и всего нужнаго для путешествия ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЯ ПРУССКАГО

Пол[учено] 30 апреля 1818

Господину Смоленскому Гражданскому Губернатору

Г. Начальник Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА сообщил мне, для зависящаго с моей стороны распоряжения, маршрут путешествия ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЯ ПРУССКАГО и список особам Его сопровождающим, с означением числа экипажей, присовокупляя к тому, чтоб для следования с королем назначен ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ Генерал-Адъютант Князь Трубецкой, который сообщит мне о числе лошадей, потребных сверх сего для особ, назначенных на встречу ЕГО КОРОЛЕВСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и для придворной кухни и услуги.

В следствие сего препровождая при сем точныя копии с маршрута и списка особам смету

короля составляющим, я поручаю вашему Превосходительству, как в заготовлении по означенному в маршруте тракту, к показанному в оном времени, обывательских с подводчиками лошадей для проезда ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА со свитою сколько оных, смотря по показанному в записке числу экипажей, будет потребно, так в приготовлении квартир и оного нужнаго для встречи и препровождения Королевскаго ВЕЛИЧЕСТВА, а равно и наблюдения за исправностию дороги и проч. Поступить на основании прежде данных всем при подобных случаях предписаний, без наималейшаго упущения.

Лошадей по проезде отпустить и обо всем донести мне обстоятельно. Позже от Генерал Адъютанта Князя Трубецкого будет ко мне доставлено сведение о числе лошадей потребных для особо назначенных на встречу короля и для придворной кухни и услуги, я не оставлю вовремя дать знать о том всем для надлежащаго распоряжения.

Санктпетербургский Военный Генерал-губернатор *Вязмитинов*

Директор *Лавров*.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. 1818 г. Л. 623–623 об. Подлинник. Рукопись. Подписи — автографы.

30. Маршрут проезда прусского короля Фридриха Вильгельма III с 28 мая по 4 июня 1818 г.

Какой губернии	Из Вирбалена:	Мили	
Царства Польскаго	Вилковшики	2	Обед
	Мариенполь	3 ¾	9 июня / 28 майя
	Игловка	3	
	Прен	3	Ночлег
		верст	11 3/4 9 июня / 28 майя
Виленской	Гезна	15	
	Стоклишки	10	
	Сумилишки	30	
	Троки	17	
	Г. Вильно	27	Ночлег
			99 10 июня / 29 майя
	Медники	28	
	Г. Ошмяна	21	
	Нарбутовщина	15	
	Г. Сморгоны	17	Обед
	Пруды	12	
Минской	Молодечно	23 ½	
	Мясота	11 ½	
	Рядошкевичи	19 ½	
	Суковичи	11 ½	
	Г. Минск	22	Ночлег
			181 11 июня / 30 майя
	Юхновка	21	

	Смолевичи	15 ½	
	Жодин	18 ¼	
	Борисов	19	Обед
	Лошница	18	
Могилевской	Крупки	23	
	Маслеки	15	
	Толочин	20	
	Кохановка	18	
	Г. Орша	28	Ночлег
	Дубровна	16 ¼	12 июня / 31 майя
	Козяны	13	
	Ляды	17 ¼	
Смоленской	Г. Красной	21	Обед
	Корытна	23	
	Г. Смоленск	23	13 июня Ночлег
			113 ½ 1 июня
	Бредихоно	23	
	Пнева	17	
	Михалевка	25	
	Г. Дорогобуж	23	Обед
	Васино	26	
	Семлево	27	
	Г. Вязьма	26	Ночлег
			14 июня / 2 июня
			167
	Теплуха	29	

	Г. Гжатск	31	
	Гриднево	34	Обед
Московской	Г. Можайск	27	
	Шелковка	22	
	Подлипки	25	
	Перхушково	25	
	Подмосковная (по выбору Гр. Тормасова)	29	15 июня / 3 июня Ночлег
	Москва	28	------- 16 июня / 4 июня

Верно. За начальника стола *Н. Тукмачев*.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. 1818 г. Л. 625–625 об. Заверенная копия. Рукопись.

31. Список свиты прусского короля Фридриха Вильгельма III во время его визита в Москву. 1818 г.

Список особам сопровождающим Короля Прусскаго в Москву
Е. В. Крон-Принц с 1 или 2 адъютантами
Е. В. Принц Король Мекленбургский с 1 адъютантом
Обер-Шталмейстер Яго
Полковник Вицлебен
3 Адъбтанта ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
Тайный советник Албрехт
Тайный советник Ломбард
Тайный советник Шель
Вся свита с услугою будет следовать в 14 или 15-ти экипажах
Верно: За начальника стола *Н. Тукмачев.*

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. 1818 г. Л. 624. Заверенная копия. Рукопись.

32. Предписание санкт-петербургского военного министра С. К. Вязмитинова смоленскому гражданскому губернатору К. И. Ашу от 26 апреля 1818 г. за № 1272

№ 265
Министерство
Полиции
Департамент
исполнительный

Отделение 1
Стол 2
26-го апреля 1818
№ 1272

О выставке лошадей для путешествия ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЯ ПРУССКАГО и для отправляемой на встречу Ему Придворной услуги

Пол[учено] 30 апреля 1818

Господину Смоленскому Гражданскому Губернатору

В след за отношением ко мне Г. Начальника Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, о путешествии ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЯ ПРУССКАГО, известным Вашему Превосходительству из предписания моего от 25-го Апреля (№ 1242), получил я таковое ж отношение от означеннаго к сопровождения ЕГО Королевскаго ВЕЛИЧЕСТВА Генерал-Адъютанта Князя Трубецкого, который препровождая ко мне маршрут путешествия короля и список особам Его сопровождающим в том же самом виде, в каком приложены оныя при означенном предписании моем к вам за № 1242, уведомляет при том, что 10-го Майя, отправлена будет на встречу к Его Величеству придворная услуга на пяти повозках, для коей и просил приготовить на каждой станции, значущийся по маршруту от Москвы до границы по тридцати по шести лошадей; а для путешествия ЕГО Королевскаго ВЕЛИЧЕСТВА считает нужным приготовить также на всякой станции по крайней мере по сту шестидесяти лошадей, полагая в экипажи короля и принцов по осьми, а в прочие по шести лошадей, кроме двух фельдъегерских.

В следствие сего поручаю Вашему Превосходительству к исполнению сего требования и к выставе по вверенной Вам губернии показанного

числа лошадей учинить немедленно надлежащее распоряжение, поступая впрочем во всем до сего относящемся по точной силе помянутого предписания моего от 25-го Апреля Вам даннаго.

С. Петербургский Военный
Генерал-губернатор *Вязмитинов*
Директор *Лавров*

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. 1818 г. Л. 626–626 об. Подлинник. Рукопись. Подписи — автографы.

33. Донесение вяземского городничего смоленского гражданскому губернатору К. И. Ашу о подготовке к проезду прусского принца Карла от 14 сентября 1820 г.

№ 1309 *Пол[учено] 15 сент. 1820*

Ответ на № 7193

Донесение от Вяземскаго городничаго

Сентября 14 дня 1820 г.

Смоленскому господину гражданскому губернатору и ковалеру

Предписание Вашего Превосходительства от 10 Сентября мною получено по эстафете 11-го числа сего Сентября месяца о заготовлении для провоза Его Высочества прусского принца Карла квартиры и по городу на станции исправных лошадей. Донесть честь имею, что в городе Вязьме квартира для Его Высочества находится со всею принадлежащею мебелью, прислугою и принадлежащими ко столу съестными припасами, в готовности, и постовые лошади на станции состоят во всей исправности.

Городничий Каризна

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. 1820 г. Л. 11. Подлинник. Рукопись. Подпись — автограф.

34. Рапорт смоленского уездного исправника Клапотовского исправляющему должность смоленского гражданского губернатора О. Р. Денибекову от 5 мая 1821 г.

5 мая 1821

О неисправлении выделенаго на Краснинской дороге участка крестьянами помещика Рачинскаго.

Правящему должность Смоленскаго Гражданскаго Губернатора, Господину Смоленской палаты уголовнаго Суда, председателю и кавалеру Осипу Романовичу Денибекову

Смоленскаго земскаго суда исправника и кавалера Клапотовскаго

Рапорт
Майя 5-го дня
1821 года
№ 1170

При наступлении нынешнего весеньяго времени земский суд по обязанности Своей оповестил всем владельцам, а в небытность их управляющим с подписками, с тем чтобы каждой участок исправление больших дорог назначенной был в самой исправлености, и чтобы проезжающим ни малейшаго затруднения или препятствия произойти не могло, как видно было в приложенном в копии с именного высочайшаго повеления, распоряжение таковое суда в самом ли заданными подписками действии исполняется, то для усмотрения лично, я сам к усмотрению испрвности и нашел между протчем на большом тракте краснинской дороги при селе Хохлове помещика Василия Рачинскаго, по плотине состоящей при мельнице на реке Ухиньи проезду вовсе нет. По заставлении ж проведена дорога ниже где чрезвычайная топина, и проезд в самом легком екипаже весьма затруднителен. То явясь я к помещику самому и убеждая его оную важностию привести в исправность, здесь приличности моей Г. Рачинский приказал прикащику ево Ивану Ковалеву, и старосте Филиппу Парфенову все сие исполнить неприменно в точности, прикащик получивши таковые приказания, заверил меня

что будет выполнено по силе высочайших правил, и чтобы с оной стороны вся моя заботливость далее на щет онаго непростиралась. И обнадеживаясь сими заверениями прибыл я к своей должности, где получено уже было предписание распорядится постановкою лошадей для Его ВЫСОЧЕСТВА принца Мекленбург Шверинскаго. Особу сию имел щастие я встретить на границе своего уезда и провести также до настоящей Краснинской, нашел подъезжая, к означенному селу Хохлову, то место положение гати нисколько исправлено небыло, где екипаж Его Светлости потопкости и нискаго положения места, дороги, остановился утопшим в грязи где и находился более часов двух, наконец едва смогли чрез собрание большаго количества людей вытащить, где усмотрено мною что последствии таковые могут еще возвратится и на других владельцов подобные сему от пренебрежения в поправке дорог, а ответственность бедственная относится будет до меня, то я обстоятельствых таковых для разсмотрения, а с означенными неисполнителями о поступлении по законам, честь имею представить Вашему Превосходительству и просить начальничьего вашего на имя Смоленскаго земскаго суда предписания.

Исправник Клапотовский

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. 1821 г. Л. 10–10 об. Подлинник. Рукопись. Подпись — автограф.

35. Повестка краснинского городничаго от 12 апреля 1825 г. за № 2584 о приезде принца Оранского

Жителям города Красного Г. Г. чиновникам, купцам и мещанам

Получив от правящаго Должность господина Смоленскаго Гражданскаго губернатора и кавалера предписание сие вам на истрожайше подтверждая дабы вы без отлагательства непременно согласно воли НАШЕГО МОНАРХА распорядились заготовлением всех нужных материалов к украшению домов, заборов и тротуаров, а равно и чистоте по улицам непременно к числу мая сего 1825-го года извещен я, что проезд ЕГО КОРОЛЕВСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ПРИНЦА ОРАНСКАГО который 9-го числа того же мая будет иметь ночлег в городе Смоленске, а 10-го в городе Красном почему в обязанность себе поставляю по долгу моей службы о сем всех живущих города Красного с подписками каждого на обороте сей повестки известить; буде же в противном случае за кем либо из жителей онаго города замечена будет мною неисправность то таковых не премину с 1-ю отходящею почтою донести вышнему начальству и поступить с ними по законам как с ослушниками ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Апреля 12 дня 1825 г.

Сию же повестку к Его Превосходительству мною будет доставлена, и еще сим извещаю дабы никто из купцов и мещан из города Краснаго не отлучался без моей воли.

Городничий Капитан *Гедеонов*.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. 1825 г. Л. 61–62. Подлинник. Рукопись. Подпись — автограф.

На обороте л. 62 и л. 66–66 об. автографы горожан — 59 подписей-автографов.

36. Повестка должностным лицам губернского города о явке для представления принцу Адальберту Прусскому от 18 августа 1834 г.

Нужное

Смоленский Гражданский Губернатор приглашает всех Г.Г. членов присудственных мест и прочия должностных лиц прибыть 18-го сего

августа в 9-ть часов утра в дом сдешняго Дворянскаго Собрания, где они будут иметь честь представляться Его Королевскому Высочеству Принцу Адальберту Прусскому.

Гражданский Губернатор *Хмельницкий*

Смоленск
18 августа 1834
ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1834 г. Л. 9. Подлинник. Рукопись. Подпись — автограф.

37. Рапорт вяземского городничего исполняющему обязанности смоленского гражданского губернатора И. В. Капнисту от июля 1843 г.

№ 3468 *21 июля*

Его Превосходительству состоящему в Должности Смоленского Гражданского Губернатора Господину Статскому Советнику и Кавалеру Ивану Васильевичу Капнисту

Вяземскаго Городничего

Рапорт

Во исполнение предписания Вашего Превосходительства от 30 июня сего года за № 9025-м честь имею донести, что Его Высочество Великий Герцог Мекленбург Шверинский со свитою изволил прибыть в город Вязьму, сего июля с 15-го на 16-е число в 2 ¾ часа по полуночи, остановился в гостинице купца Морозова, где напившись кофе, чрез полчаса отправился в путь по Смоленскому тракту благополучно.

Городничий *Автограф*

ГАСО Ф. 1. Оп. 1. Д. 68. 1843 г. Л. 31–31 об. Подлинник. Рукопись.

38. Описание русской крестьянской избы из «Русского дневника» Э. Хесса. 1839 г.

Русская крестьянская изба целиком построена из круглых, очищенных от коры бревен, которые положены друг на друга и вырезаны так, что по углам концы одного бревна входят в концы другого. Щели затыкаются паклей. Щипец довольно острый, а крыша крыта досками или соломой. Печные трубы из кирпича и низкие. Все русские очень заботятся о красоте окон. Обычно они большие и дают много света, а с внешней стороны, наверху и внизу, украшены пестро расписанной резьбой.

Около жилого дома, примерно в восьми-двенадцати футах от него, как правило, стоит амбар, тоже сложенный из бревен, где находится хлев и прочее. Большие ворота, рядом с которыми есть маленькая калитка, соединяют амбар с домом. А сзади эти два здания объединены третьим, имеющим длинную дощатую стену и крышу, подпертую спереди столбами. Здесь стоят телеги, сани, плуги и тому подобное.

Внутренность избы состоит фактически из одной комнаты, в которой и живет семья. Комната небольшая, с низким потолком и стенами из обтесанных бревен. В пакле, которой заткнуты щели, скрывается великое множество вредных насекомых.

Значительную часть комнаты, больше четверти, занимает огромная печь. Это как раз та самая часть дома, на которой, рядом с которой и в которой русский крестьянин, в сущности, и живет. Печь сложена на глине из обожженной глиняной плитки, которая от жара и дыма со временем становится черной. В ней много самых разных устройств, благодаря чему в ней можно варить и печь, а что еще требуется от простой кухни? В печи женщины моются, а мужчины, когда хотят почувствовать себя счастливыми, залезают в нее, чтобы оказаться в парной бане в собственном смысле этого слова.

Внизу к подножью печи приделана глиняная лежанка для сна, и можно было бы подумать, что там уже достаточно тепло. Так нет, русские устраивают свою постель на самом верху печи и совершенно счастливы, оказавшись зажатыми между закопченным от дыма потолком комнаты и этим вулканом.

Обычно вблизи печи стоит также самый необходимый для русского домашнего обихода предмет, а именно самовар, или чайный котел. Ни-

какой настоящий русский не может быть доволен жизнью без чая. Весь день он пьет горячий или холодный чай, конечно, без молока и без сахара. Лишь иногда он положит в рот крохотный кусочек сахара.

На печи находится также место и для многочисленных предметов, необходимых в доме, таких как каркас для сушки белья, кухонная посуда и разнообразные инструменты.

По стенам вдоль всей комнаты поставлены лавки, в одном из углов стол, и над ним висит большой священный образ, в котором написаны только голова и руки, а все остальное покрыто золотом и серебром, очень богато проработанными рельефом, и иногда со вставками из драгоценных камней и жемчуга.

Вообще-то несколько странно, что чопорный византийский стиль с его маленькими, угловато нарисованными старцами и т.д., который находишь в тысячелетних церквях древней Руси, сохранился в этих священных образах до сегодняшних дней. Они тоже написаны в технике энкаустики (Энкаустика (от греческого «выжигаю») — техника живописи с использованием расплавленного цветного воска.— *А.Т., О.К.*).

Сверху, с потолка, на цепи свисает очень изящная серебряная филигранная лампада. Обе эти вещи, образ и лампада, могут быть пышными или скромными, но они непременно присутствуют даже в самой бедной хижине.

На столе лежит продолговатый кусок полотна, концы которого отделаны белой и красной бахромой и очень тонко вышиты красным. Убранство комнаты завершают несколько плохих, пестро раскрашенных гравюр на стенах с сюжетами из священной истории или портретами императора, полководцев и т.д.

Цит. по: Хесс Э. Русский дневник / пер. с нем. и прим. Б. И. Асварища. СПб.: Axiôma, 2007. С. 55–57.

39. Уведомление министра внутренних дел Д. Г. Бибикова начальнику Смоленской губернии Н. А. Ахвердову о принятии благодарности смоленских дворян, в связи с пожалованием копии картины П. Хесса от 4 февраля 1854 г. за № 281.

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩИХ ДЕЛ
Министерства

Отделение 1
Стол 2
4 февраля 1854
№ 281

Господину Начальнику *Смоленской* Губернии

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР по всеподданнейшему докладу о желании Дворянства Смоленской Губернии прислать Депутатов для принесения верноподданническаго благодарения за ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалованную Дворянству картину «Сражение при Смоленске» ВЫСОЧАЙШЕ отозваться изволил, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО приемлет с благоволением таковыя верноподданническия чувства Дворянства Смоленской губернии, но к принятию Депутатов не имеет времени.

О таковой МОНАРШЕЙ воле имею честь уведомить Ваше Превосходительство, в ответ на представление Ваше от 28 минувшего Января за № 1216.

Министр Внутренних Дел,
Генерал-Адъютант *Бибиков*

Директор *Автограф*

ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 580 оц. 1854 г. Л. 34–34 об. Подлинник. Рукопись на бланке Департамента общих дел МВД. Подписи — автографы.

40. Запись о смерти Д. К. Нольчини из метрической книги римско-католического костела в г. Смоленске. 1835 г.

№№	Число смерти	Когда? Где? Кто? От каких болезней или по какому случаю умер? Был ли причащен Св. Тайн?	Какого был состояния и звания? Сколько жил? Из какого прихода и кого оставил детей	Каким именно священником и когда похоронен
90.	Декабря 2.	1835 года декабрь. Тысяча восемьсот тридцать пятаго года декабря 2го дня в Городе Смоленске скончался Дементий Карлов сын Нольчини от болезни чахотки по принятии Святых тайн.	Купец 3-й гильдии Дементий Карлов сын Нольчини, римско Католическаго исповедания от роду лет 55.	Тело его при Смоленской римско Католической церкви ксендз Гераклий Ильинич 1835 года декабря 5-го дня похоронил.

ГАСО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 4. Л. 5 об.

41. Запись о каретных дел мастере Даниле Ивановиче Графе из «Списка обывателей города Смоленска с указанием их семейного положения и недвижимого имущества, им принадлежащего». 1826 г.

Имя и прозвание обывателя в том городе старожилой родившагося, или вновь поселившагося, и его лета.	Холост, или женат, на ком или вдов.	Много-ли родственников мужескаго, или женского пола и их имена и лета	Много-ли детей мужескаго, или женского пола и их имена и лета	Есть-ли в городе за ним дом, или иное строение или место или земля, им-ли построено, или наследственное или купленное или в приданное получено, в каком месте в городе и какой номер	В городе живет тот обыватель или в отлучке.	Какого он промысла.	В каких градских или иных службах был или есть.
За иностранцом Данилою Ивановым сыном Графом. Имеет лет 45-и: —	вдов		Имеет детей 1-го Федора 11-и <лет>, другому Карлу 8-ми лет, дочерей двух Александру 13-и вторую Анну 5 лет	Имеет дом деревянный с принадлежащею ему строением и землею 2-й города части прихода Благовещенскаго Святыя Богородицы Куплено поданной Гражданской палате 1826 года сентября 30 дня — а протчие места смежные в протчих владельцах купил на что именно акты. Еще имею место в офицерской Слободе пустопорожнее, прежде был дом.	Жительство имеет в городе Смоленске	Каретных дел мастер и разных Экипажей	

Ausbilder Daniel Graf

ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 80. 1826 г. Л. 77 об.— 78. Подлинник. Рукопись. Автограф.

42. Запись о шляпном мастере Фридрихе Штерне из «Списка обывателей города Смоленска с указанием их семейного положения и недвижимого имущества, им принадлежащего». 1826 г.

Имя и прозвание обывателя в том городе старожилой родившагося, или вновь поселившагося, и его лета.	Холост, или женат, на ком или вдов.	Много-ли родственников мужескаго, или женского пола и их имена и лета	Много-ли детей мужескаго, или женского пола и их имена и лета	Есть-ли в городе за ним дом, или иное строение или место или земля, им-ли построено, или наследственное или купленное или в приданное получено, в каком месте в городе и какой номер	В городе живет тот обыватель или в отлучке.	Какого он промысла.	В каких градских или иных службах был или есть.
Иностранец австрийской Фридрих Штерн припиской — 58 лет	Женат на иностранке пруской Анне Ивановне		–	Имеет дом деревянный купленный <у чиновника> 10-го класса Григория Алексеева Эльмановича в 1820 году имеет купчею в 2-й города части Одигитриевского приходу.	Живет в городе	Жена–Занимаеца дамска-шляпочными нарядами	

За неумением грамоты Фридриха Штерна иностранца Австрийскаго Аптекарь Григорий Лукашевич

ГАСО Ф.1260. Оп. 1. Д.80. 1826 г. Л.32 об.— 33. Подлинник. Рукопись.

43. СМОЛЕНСК

Июня 6-го, в семь часов по полудни, в квартире Г. Начальника Дружины № 27, Полковника Гернгроса, собрались, по его приглашению, почетныя лица военнаго и гражданскаго ведомств, и все Гг. Офицеры Дружины; также были собраны урядники и по одному ефрейтору и по два ратника от каждой роты.— На особо приготовленном столе лежали: Знамя для Дружины — дар Всемилостивейшаго Царя, как залог святой любви к Вере, Престолу и Отечеству, возле знамени древко, гвозди и молотки. По прибытии Его Высокопревосходительства Господина начальника Смоленскаго Ополчения, Генерала от Инфантерии Евгения Александровича Головина, было приступлено к обряду прибития знамени по уставу. Когда кончился этот обряд и Начальник Дружины принял знамя для установки его к св. иконам, присутствовавшие приветствовали драгоценный залог громким восторженным: «ура!». За тем были предложены тосты за здравие ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Начальника и Офицеров Дружины.

На другой день, 7 июня, в 9-ть часов утра Смоленск огласился торжественными звуками благовеста в Кафедральном Соборе.— Улицы оживились народом всех званий и возрастов. Все спешили к плац-парадному месту на котором воздвигнут памятник 1812 года, площадь плац-парада и прилегающие к нему улицы и дома были преисполнены народом. Все желали взглянуть и сердцем принять участие в торжестве освящения знамени, Всемилостивейше пожалованнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ Дружине № 27. Прежде мы опишем обстановку торжества: на первом плане памятник, вид котораго всегда, а в этот раз в особенности, настраивал к великим, святым чувствам; за памятником огромное древнее земляное укрепление и крепостная стена — свидетели кровавых битв и геройских подвигов наших предков,— как бы дополняли собою значение памятника; пред памятником Дружина в полном составе, под ружьем, была выстроена развернутым фронтом; по средине, между памятником и фронтом, был приготовлен аналой для священнодействия, пред аналоем развевалось знамя, оно из штофной материи, зеленаго цвета, по средине золотой крест-символ, что с упованием и надеждою на крест и врата ада одолеются, вкруг креста безсмертныя слова: За Веру, Царя и Отечество. За аналоем с одной стороны находились военные и гражданские чины в полной парадной форме

и прочия почетныя лица, с другой воспитанники благороднаго Пансиона при губернской Гимназии. У памятника и на возвышении, на котором он устроен, поместились дамы, разноцветная одежда которых образовала самый причудливый цветник, поражавший глаза красотою. По сторонам памятника были устроены палатки для завтрака и стояла сплошная масса народа, а вокруг всего плац-параднаго места, образовалась живая рама из народа. Погода была превосходная.— В 10 с половиною часов прибыли Гг. Начальник Смоленскаго Ополчения и начальник губернии. Дружина отдав им воинскую почесть, двинулась: первые два взвода зашли правым плечом, а седьмой и восьмой левым, таким образом дружина составила из себя подобие буквы П.

В 11 часов раздался благовест в Кафедральном соборе и прочих церквах, дававший знать о торжественном шествии из собора крестнаго хода, и за тем он вступил на плац-парадное место в преднесении Чудотворной Иконы Смоленския Божиея Матери Одигитрии и в сопровождении Преосвященным Тимофеем Епископом Смоленским и Дорогобужским, и хора кафедральных певчих.— Дружина отдала должную почесть.— Когда крестный ход занял принадлежащее ему место, был прочтен аудитором устав о знамени и артикул. Преосвященный соборне начал священнодействие, по окончании коего приступлено было к освящению знамени, которое Начальник и Офицеры дружины держали за полотно распростертым; по окроплении святою водою, Преосвященный взял знамя и над ставшими на колена Начальником и Офицерами Дружины прочел молитву, по окончании коей они встали и запечатлели свое высокое призвание — стать за Веру, Царя и Отечество, целованием священнаго для них знамени, и Начальник Дружины с коленопреклонением принял его из рук Архипастыря, а сей последний в кратком, но исполненном высоких чувств, слове, изобразил великость Монаршей милости, даровавшей знамя, значение его и обязанности воина в отношении к нему. За тем Протоиерей Коченовский, который прежде состоял при нашей Миссии в Швейцарии, а теперь, оставив покой, изъявил желание безвозмездно сопровождать Смоленское Ополчение в походе,— прочел присягу, за ним все ратники единодушно повторяли слова ея. После сего Полковник Гернгрос приблизился с знаменем к Дружине, отдавшей ему честь, и раздались звуки мушкетерскаго похода.— Когда Начальник Дружины стал передавать знаменному уряднику знамя, громкие восторженные крики: ура! раздались во всех рядах Дружины, с тем

же воодушевлением были подхвачены народом и долго, долго раздавался этот заветный клик. По приказанию Начальника Смоленскаго ополчения Адъютант его Поручик Засецкий звучным и внятным голосом прочел приказ, отданный Его Высокопревосходительством, по случаю освящения знамени. Приказ этот, исполненный задушевных и религиозных чувств, должен был произвести глубокое впечатление — и произвел: ратники с благоговением внимали словам маститаго старца — воина и доблестнаго своего Начальника, а у жителей, сочувствовавших мыслям его, навернулись слезы. Громкое: ура, оживило всех.

С разрешения Его Высокопревосходительства, приводим слова приказа:

«Воины Дружины
СМОЛЕНСКОЙ
Начальники и подчиненные!

Ныне настал для Вас день великий: Царь, призвавший Вас к оружию на защиту Отечества, дарует Вам Знамя со Крестом, как залог доверия своего, что Вы под Знаменем сим станете твердою грудью против врага сильнаго числом и в деле военном искуснаго.— Но промыслом Господним сильно и любезное Отечество наше; сильно еще более Верою и преданностию к Престолу, чем многочисленностью рати своей.— С верою во Христа Спасителя и с оружием в руках мы противу — станем супостату злобному и коварному, и меч его сокрушится о твердую грудь Вашу.

Но помните, что, служа под Знаменем Креста Господня, Вы, как воины христианские, должны жить и поступать по заповедям Господним.— Повиновение Начальству есть первая Ваша обязанность, а за тем, пребывая в страхе Божием, Вы должны терпеливо переносить все труды военные, уклоняясь от дел беззаконных и нечистых; ибо от Бога дается истинная храбрость, которая неубоится числа врагов.— Помните слова мои: продолжайте с ревностию учиться стройности и порядку воинскому, и под Знаменем Креста, коим ныне осеняет Вас Церковь Православная, уразумейте призвание Ваше; будьте послушны и верны долгу своему; тогда Вы будете истинныя чада Церкви, тогда десница сильнаго во бранях Господа, укрепит Вас — и враг не устоит перед Вами; тогда сердце Царево возвеселится о Вас».

За чтением приказа, протодиакон Кафедральнаго собора, голосом, покрывшим всю площадь, провозгласил многолетие: ГОСУДАРЮ ИМ-

ПЕРАТОРУ, победоносному Российскому воинству и Государственному подвижному Ополчению.

После сего, был поднесен Начальнику Ополчения серебряный позлащенный крест, дорогой работы, приуготовленный Статским Советником Булычевым при содействии других — приглашенных им лиц, на благословение Смоленскаго Ополчения; Начальник Ополчения передал крест Начальнику Дружины, а от сего последняго принял Протоиерей Кочеповский и с крестом сим и святою водою обошел ряды ратников. Преосвященный, со всем духовенством, также обошел всю дружину, окропляя святою водою и благословляя на защиту Веры, Царя и Отечества.— За тем крестный ход, в сопровождении духовенства, возвратился в Кафедральный Собор.

По приказанию Начальника Ополчения, Дружина прошла церемониальным маршем,— прошла стройными, истинно-воинскими рядами. Не видя, трудно поверить, что в короткое время из простаго поселянина, привыкшаго владеть только плугом, образовалось воинство, готовое помериться в силах с любым врагом.— А Офицеры Ополчения? О! на них мы смотрим с глубоким уважением, с безпредельною благодарностию: одни из них, прослужив Царю, были мирными сельскими хозяевами, другие мирные исполнители гражданских обязанностей; но забыв и довольство, и спокойствие, и семейныя радости,— они вступили в ряды защитников отчизны и с благородною гордостию надели русский кафтан. Говорить ли о их трудах, о их рвении свято и по мере сил исполнять новыя для них обязанности? За чем: их труды, их подвиги пред глазами каждаго. Хвала вам, наши доблестные защитники! — Идите, по указанию Царя — перваго защитника нашего, идите — и крест, развеваемый над вашими главами врученным ныне вам знаменем, осенит вас и поможет вам низвергнуть гордыню врага его! А молитвы ваших близких, молитвы всех нас за вас, будут везде сопутствовать вам; Всевышний, не отвергнет, услышит их, сохранит и помилует вас!.. И свершив ваше призвание, возвращайтесь к нам под покровом того же знамени, возвращайтесь и скажите: смотрите, братие, вот оно, родное, мы запечатлели его своею кровию, но не посрамили ни вашей, ни своей чести! О! вы скажете это: единый дух, воодушевляющий всех нас ныне, в том порукой нам…

Начальник Ополчения благодарил воинов за их добрую службу и они весело отвечали на привет его.

После церемониальнаго марша, ратники построились по ротно и здесь же на плац-парадном месте были угощены вином и булками белаго хлеба, пожертвованными Коммиссионером акцизно-откупнаго Коммиссионерства И. Ф. Базилевским, а граждане Смоленские пожертвовали на сей предмет сто руб. серебром.

Начальник Дружины Полковник Гернгрос пригласил Его Высокопревосходительство Господина Начальника Ополчения и прочих лиц к роскошному завтраку, устроенному в открытой палатке; во время завтрака играл прекрасный оркестр музыки, принадлежащий младшему Штаб-Офицеру Дружины Майору Криштафовичу.— Когда был провозглашен тост за здравие и долгоденствие ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА,— грянуло ура, бывшие вблизи ратники подхватили его и оно, полное восторга, все звучнее и звучнее, разлилось громовым эхом по древним твердыням Смоленска. За тем последовали тосты в честь начальника Смоленскаго Ополчения, всего Государственнаго подвижнаго ополчения, начальника Дружины, Офицеров и ратников ея. Наконец раздался последний тост: за здоровье наших безпримерно-стойких храбрецов Севастопольцев,— тост, принятый всеми с необыкновенным восторгом.

В заключение этого описания, разскажем подмеченный нами случай. Во время освящения знамени, за рядами ратников явился пленный турок; несчастный видимо желал узнать: в чем дело; он приподымался, поворачивал голову во все стороны, напрягал внимание — и все таки ничего не понимал; наконец обратился к близ-стоявшему русскому человеку в сибирке, с каким-то исковерканным русским словом, смысл котораго трудно было угадать; однакож, тот, к кому оно относилось, понял желание бедняка и с увлечением стал объяснять: что за причина такая всему этому. Турок, казалось, со вниманием слушал; но все таки ни чего не понял. И виден нехристь, заметил разскащик, указывая соседу на турка, в толк не возьмет, что за причина такая всему этому.

Так точно не поймут и не уразумеют все враги наши чувств, которыя, как выразился старец-воин в своем приказе, сильнее искусства их.

Ф. Никифоров

Никифоров Ф. Смоленск // Смоленские губернские ведомости. 1855. 25 июня (№ 26). Прибавление. Часть неофициальная. С. 157–160.

44. Курды в Смоленской губернии

После Баш-Кадык-Ларского дела, большое число пленных Турок размещены были в разных городах России; в том числе более ста человек приведено было в Рославль.

Надобно было видеть, пишет мне знакомый из Рославля, в каком жалком положении пришли в наш город эти несчастные. Большая часть из них состояла из Курдов, жителей древней Ассирии, на восток за рекою Тигром. Закутанные, вместо чалмы, в какие-то тряпки, в изорванном платье, смуглые и даже вовсе черные, Курды походили скорее на толпу нищих, чем на воинов Блистательной Порты. Для постоя им отведен был большой дом, где они по обычаю восточных народов, разместились на полу, густо устланном соломою. Спустя три дня, я был у них, и познакомился со многими. Курды, по большей части, высокого роста, с хорошим телосложением, плечистые и в то же время тонкие в талии, с правильным, а многие даже с приятным очертанием лица.

Почти у каждого Курда на левой руке повязан талисман, состоящий из записки с таинственным значением предохранения их от смерти на войне. Курд говорил мне, что один Турок давал ему 800 пиастров (40 р.с.) за такой талисман. Курд отвечал, что жизнь дороже денег. У многих есть Алкоран, который они носят на груди в кожаном мешочке. Алкоран состоит из небольшой книжечки, в виде компактного издания басен Крылова, с листами разноцветной бумаги, на которой золотыми буквами выписаны правила закона Магометова. На некоторых листах нарисованы губы и глаз Магомета. Курд, вынимая из мешочка свой Алкоран, завернутый в клок навощеной бумаги, предварительно целует его несколько раз, особенно золотые губы и глаз Магомета. Сверх того, у каждого из них есть четки, которые Курд, если не участвует в общем разговоре, беспрестанно перебирает, нашептывая свои молитвы.

Весною, когда сошел снег, пленные стали выходить на улицу, где очень часто под звуки какой-то балалайки с металлическими струнами, составляли пляску. Взявшись за руки, они становились полукругом, и, под общий напев, двигались в одну сторону по окружности; после двух шагов вперед делали прыжок. Впрочем, описывать танцы невозможно, их надобно видеть: письмо не в состоянии передать прыжков, грации и различных движений человека, тем более, что в пляске восточных

народов бывают также па, которыя не могут быть обозначены терминами Европейских танцев. Я особенно любовался их ловкостью, когда они играли в чихарду. Один из Курдов, скрестя руки на груди, становится на площадке, а пятьдесят других прыгают через него, с разгона. Надо заметить, что Курд высокого роста, и стоит совершенно прямо. Я не видал, чтоб из пятидесяти прыгающих через одного, кто нибудь прыгнул неловко. В этой игре можно было заметить всю легкость, расторопность и быстроту приемов каждого Курда. Летом они постоянно проводили жизнь на открытом воздухе, сидя на улице у своей квартиры, или на окнах, свесив ноги на улицу. Иногда, в жаркий день, два, три человека по нескольку часов, с закрытыми глазами, неподвижно сидели на земле у забора, и только легкая улыбка на загорелом лице, обращенном прямо к солнцу, выражала сладостное забвение мусульманина. Между пленными Курдами было несколько Турок, которые преимущественно умеют наслаждаться кейфом. Драгоценная способность в положении пленного!

Пользуясь совершенною свободою, пленные часто уходили в поле, и бродили там по лугам до позднего вечера, или садились где либо на берегу реки, опустивши ноги в воду, и долго вели между собою задушевную беседу о дальней родине. Иногда они ходили купаться в соседних озерах, и всякий раз возвращались с этой прогулки с цветами. Замечательно, что они не составляют разноцветных букетов, а каждый Курд собирает в пучок только одного цвета цветки, которые потом, навязав на палку, приносит домой и бережет с величайшею заботливостью. У северных народов редко можно встретить такую нежную привязанность к цветам, как у Курдов. Розу они считают цветком священным. У них есть поверье, что до Магомета розы не имели запаха. Однажды Магомет, сидя в своем саду, задумчиво опустил голову над кустом роз. Грустные размышления о суете мира сего занимали тогда его душу, Магомет заплакал, и крупные капли слез его оросили ближайшие розы, которые с того мгновения начали издавать запах.

Курд набожен, воздержан и трудолюбив. Он встает до солнца, совершает свое омовение, и потом молится Богу. В это время он совершенно предается своей молитве, так что ни какое обстоятельство не заставит его отложить исполнение религиозного долга. Он спит очень мало, и считает за грех спать много, говоря, что человек во сне слишком много отнимает у себя времени, которое должно быть посвящено на службу Богу и добрым

делам. Курд ест очень немного; он из девяти копеек, получаемых им на ежедневное содержание, почти третью долю издерживает на табак; на остальное покупает себе два, три стакана молока и булку белого хлеба, и этим бывает сыт целые сутки. В то же время он очень щедр, и никогда не отказывает бедному. Если к нему, когда он держит в руке хлеб, калач или булку, подойдет нищий, Курд не станет ломать свой обед на части, а отдаст все. В праздничные дни Курды приглашают к себе бедных за общий стол, и садят их на первое место. Сколько раз случалось, что Курд, купивший себе на рынке яблок, возвращался на квартиру, не покушав яблока: он по дороге домой все раздарил бедным. Однажды, когда я сидел с Курдом у себя в доме, к нам подошел нищий, и обратился ко мне за милостыней. Я указал ему на кухню и прибавил: «ступай туда, там тебя накормят». Курд с удивлением посмотрел на меня и потом спросил: «а у тебя деньги есть?» и на ответ мой, что со мною нет мелких, он торопливо достал свой кошелек, вынул оттуда не большую монету, и, подавая мне секретно, чтоб не видал нищий, сказал: «на, отдай!» Потом он объяснил мне, что просящему надобно лично оказывать милость или милостыню, а не отсылать к другим, которые, может быть, и откажут ему.

Сколько раз мне случалось видеть, как Курд останавливал на улице простую женщину, которая несла воду, брал ея ведра и доносил их по указанию до ея дома, не только не требуя, но даже всегда отказываясь от благодарности.

Летом, когда начались полевые работы, Курды ходили косить и жать, получая за работу обыкновенную плату; но потом, когда наши заметили, что они работают несравненно живее и спорее наших наемных работников (один успевает за троих), им стали платить вдвое против прочих.

Вскоре на Курдах появились блистательные красные курточки, обшитые в хитрый узор серебряными и золотыми позументами, а также и пунцовые фески с огромными синими шелковыми кистями. Вообще к концу лета костюмы их поправились во всех отношениях. На заработанные деньги они купили себе сукна и других материалов, сами кроили, шили, вязали обновки, и надо признаться — все это было сделано с большим уменьем и вкусом. В продолжение целого года, сколько я имел случай наблюдать их, Курды жили чрезвычайно миролюбиво и необыкновенно дружески между собою. Небольшие размолвки между ними продолжались не более одного дня. Они говорят, что более суток сердиться не

нужно, грех,— «глаз лопнет». Словом у Курдов много патриархальных добродетелей. Лучшим подтверждением этой истины может служить отзыв граждан всего Рославльского общества, которое особенно оценило их в день страшного пожара, истребившего в нынешнем (1855) году, в продолжение трех часов, лучшую половину города.

Необыкновенные жары до пожара, и потом необыкновенная буря во время пожара, так усилили огонь, что ни какие человеческие силы не в состоянии были остановить его. Все, что было на пути огня, в несколько минут исчезало совершенно. В эти-то страшные часы Курды показали чудеса своей неустрашимости, ловкости и самоотвержения. Они, с обыкновенною быстротою, всбирались на крыши домов, устилали их мокрыми одеялами, войлоками и проч., и таким образом весьма много содействовали к сохранению некоторых зданий. Когда в соборной церкви загорелись главы, Курды, скинув свои туфли и чалмы, благоговейно вошли в собор и, с чувством полного уважения к Святым, выносили оттуда образа и другие церковные принадлежности в места безопаснейшие.

Усердие их глубоко тронуло всех граждан, а честность, бескорыстие и готовность услужить доставили им самую искреннюю признательность и уважение всех, кто только умеет ценить добродетели даже у врагов своих. Здесь следовало бы пред целым светом поставить в паралелль с патриархальными добродетелями полудиких Курдов образованные и просвещенныя добродетели цивилизованных Англичан. Что же после этого ученость их, чем они до сих пор гордятся перед всеми? Действительность показала нам, что цивилизация Англии породила только корысть, себялюбие, тщеславие, пустую гордость, жестокость и пьянство. И эту цивилизацию они хотят теперь насильно навязать России!

Положа руку на сердце, может ли сказать Англичанин, что он чище и благороднее Курда? Увы…… В какую бездну пороков несчастная цивилизация влечет теперь Запад!

Да идет чаша сия мимо благословенной России!

К. Микешин
(Из Сев. Пчел.)

Микешин К. Курды в Смоленской губернии (Из Сев. Пчел.) // Смоленские губернские ведомости. 1856. 14 января (№ 2). Прибавление. Часть неофициальная. С. 10–13.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Angelini P. 128
Blackwood 83
Carigiet J. C. см. Каригет Ж.
Deltorcio S. см. Дельторкио С.К.
Faucheron см. Фашерон К.М. 181
Feveryear K. 83
Hamaid 83
Hastie W. см. Гесте В.И.
Högblom A.G. см. Гедблюм А.Г.
Jenni W. см. Йенни В.
Key 83
Kubli P. см. Кубли П.
Montulé E. см. Монтюле Э. Р. П. Ш.Д.
Pfister A. см. Пфистер А.
Robba D. см. Роба Д.
Schmidt A. J. 112, 114
Shvidkovsky D. см. Швидковский Д.
Staub G. см. Штаубе Г.
Tschudin G. см. Чудин Г.
Адальберт Генрих Вильгельм, принц Прусский 146, 276–277
Адамини Агостино 125
Адамини А.У. 125–127, 158, 159, 225
Адамушко В.И. 163
Аениас 139
Азарьев Т. 183
Аксенов М.В. 98, 101
Албрехт 271
Александр I 14, 84, 112, 114, 115, 116, 119, 126, 127, 128, 144, 150, 152, 153, 170, 226, 233, 263, 266
Александр II 8, 141, 262
Александра Федоровна, императрица 124, 140, 141
Александрова А. 184
Али А. 209
Али Мустафа Оглы 210
Алипенкова А. 127
Альт Т. 199
Анастатьев А. 221
Аничков 56, 94, 221, 244
Анна Павловна, великая княгиня 144
Апрелева 96
Апухтин 78
Апцподин И.Ф. 139
Арнольд М. 190
Асварищ Б.И. 151, 159, 160, 279
Асмус Ш.Л. 97
Ахвердов Н.А. 203–217, 280
Аш А.Е. 236
Аш К.И. 16–17, 29–30, 33, 35, 46–48, 51, 80–81, 141, 178, 235–236, 267, 272–273
Баженов А.И. 229
Балабин 249
Балкашин 32
Баннам Ф. 19
Барсотти М. 195
Барт Л.Б. 72
Барышников 96, 181,221
Барышников А.И. 221
Барышников И.И. 19
Барышников С.А. 221
Барышниковы 96, 129, 221

Бауд У. 201
Бахметьев Н.Н. 167
Бачуловский П. 20
Бебутов В.О. 207
Белавенцев А. 187
Белавенцева М.Ф., урожд. Шперлинг см. Шперлинг М.Ф., в замуж. Белавенцева
Белановский 208, 210, 211
Белецкая Е.А. 128
Бенкендорф А.Х. 6, 44, 45, 110, 140. 146, 250
Бланкенгорн В.Ф. 104, 112, 115–125, 260–261
Бланкенгорн С.В. 261
Бер И.А. 87, 248
Бердяев 139
Берман И. 32
Берх 38, 231, 233
Бессонов В.А. 14, 16, 17, 20, 24, 204, 213, 214
Бест К.П. 53, 54
Бетлингк О.Н. 215
Бетхер К. 76
Бианки 111, 178
Бианки Дж. 130
Бианки И. 130
Бианки И.К. 130
Бианки Н. 130
Бибиков Д.Г. 280
Бланкенгорн А.В. 124, 261
Бланкенгорн В.В. 124
Бланкенгорн В.В. 104
Бланкенгорн В.Е., урожд. Мего 124, 261
Бланкенгорн В.Ф. 104, 112, 112–125, 260–261
Бланкенгорн Е.В. 104
Бланкенгорн С. 261
Бланкенгорн Ю.К., урожд. Зандер 123, 124
Блудов Д.Н. 110, 260
Боасье Ю. 96
Богомольцов И. 29, 229
Богомольцова Е. 29, 229
Болковский 186
Бори Ж.-Р. 125, 126, 127
Борисов Н.С. 138, 150
Бородавицын Ф.С. 235
Борышев 195
Боссе Ф.Г. 106
Боссе Ф.Ф. 106–107
Боссе Х.Д., урожд. Шуман 106
Бранденбург 48
Бревери Н.П. 43
Бревольская А.Ф. 186
Бревольская М.Ф. 186
Бревольский Ф.И. 186
Бревольский Ф.Ф. 186
Брест В. 96
Броссе М.И. 215
Брун А.Д. 168, 172, 174, 175
Брун К.А. 168–169, 172–175
Брун М.А. 168, 174
Брун Ф.А. 168, 174
Бруя Л. 22, 227
Брюдель Б.Г. 77
Будберг 31, 230
Будников А. 145
Букреева Е.М. 160
Буланже А. 222
Буланже Л.С. 220, 222
Буланже С. 222

Булахов А.К. 140
Булель К. , в замуж. Лельевер см. Лельевер К., урожд. Булель
Бурхард А. 196
Бутурлин М.Д. 53, 54, 62, 63
Быковский М.Д. 131
Вагнер М.А. 98
Валерова Е. 37
Валерова М. 37
Валь Е.Ф. 59
Валь Ф.И. 12, 52–65, 238–249
Валь Э. 59
Вандервельд М. 27
Вассерваль Ж. 96
Ватлина Т.В. 116
Вебер К.Б. 184
Вебер Ф. 188
Вейденбах А. 163
Вейденбах Е. 163
Вейденбах К. 163
Вейденбах Л. 163
Вейденбах П. 163
Вейденбах Ф. 163
Вейер Б. 30, 230
Вейер Ж.Б. 30–32, 182, 230
Вейс И. 199
Вели М. 207
Верещагин А. 190
Верещагин Н.В. 189, 191
Вернер И.Л. 26, 163
Вечистов М. 262
Виетан см. Вьётан А.
Вилинбахов Г.В. 160
Вилленбланш де А.Ш. 168
Вильгельм Фредерик Лодевейк Нидерландский, принц Оранский-Насауский, великий герцог Люксембургский Вильгельм II 144–146, 276
Вильгельм, принц Прусский 140
Вильд Б. 188
Вильд Н. 188
Вильды 193
Винтер А., урожд. Гиршвельд 93
Винтер Г.В. 93
Винтер А. 93
Винценти 153
Витверы 193
Витенштейн Т. она же Витенштейн Ш.
Витенштейн Ш. 36, 38–43, 230–235
Витенштейн Г.Б. 36, 231, 233
Виттак П. 76
Вицлебен 271
Воейков П. 95
Вонлярлярский А.А. 97, 189, 194
Вонлярлярский И.Б. 182–183
Воронец Н.Ф. 98
Воронец Ф. 262
Вороновский В.М. 118, 127, 161, 168, 169
Вьёбуа 82
Вьётан А. 164
Вяземская, княгиня 142
Вязмитинов С.К. 15, 20, 21, 24, 46, 47, 51, 142, 257–258, 267–268, 272–273
Гааз Ф.П. 62, 71
Габер Александр В. 170
Габер Анна В. 170
Габер В.И. 167, 170, 171
Габер Е.В. 170
Габер К.В. 170
Габер М.К. 170–172
Габер П.В. 171–172

Гавриленков А.Ф. 212
Гассельбах В. 221
Гау (Го) А.К. она же Гау К.-И.-С., Гау К., Гау С., урожд. Гофмейстер 91, 92, 93, 107, 251–253
Гау К.-И.-С. см. Гау (Го) А.
Гау К. см. Гау (Го) А.
Гау С. см. см. Гау (Го) А.
Гау Ф.А. 86–93, 250–251
Гварц С. 38
Гедблюм А.Г. 134–135
Гедеонов 276
Гедеоновы 61
Гейман Г.Е. 28
Гейштор К.Б. 123
Генш К.К. 27
Геринг И.Л. 162
Гернгрос 284, 285, 288
Гернгрос А.Ф. 120
Гернер Ф. 200
Гессе А.А. 94–95, 253–254
Гессе И.А. 95, 253–254
Гессе И.А.А. см. Гессе А.А.
Гессе П. см. Хесс П.
Гесте В.И. 112–116, 225, 257–260
Гетте Ф. 190
Гильтобранд Х. 221
Гинтер 78–79
Гинц А.Д. 185
Гинц Д.А. 185
Гинц К. 185
Гиршвельд А., в замуж. Винтер 93
Гицер К. 162
Гицер Л. 222
Гицер Ф. 222
Глинкин 254
Го А.К. см. Гау (Го) А.К.
Го К. см. Гау (Го) А.К.
Го С. см. см. Гау (Го) А.К.
Го Ф.А. см. Гау Ф.А.
Говард Г. 96
Голенищев-Кутузов И.Т. 160
Голицын 96, 190
Голицын А. 192
Голицын П.А. 191, 192
Голицын С.М. 128
Голицыны 193
Головин Е.А. 284
Голынская Л. 87, 89
Гольст А. 223
Горбачев Д.С. 195
Горбунов А.В. 15, 25, 61, 160
Гордто Ф.И. 66
Горчаков А.М. 214
Готлоб 196
Готье Т. 154, 155
Гофман Е.Е. 162–163, 198
Гофман К. 79
Гофман Э.К. 72
Гофмейстер К.-И.-С., в зам. Гау (Го) см. Гау (Го) А.К.
Грандваль Л. 48
Граф Анна Д. 182, 282
Граф Александра Д. 182, 282
Граф Д.И. 31, 182–183, 184, 282
Граф К.Д. 182, 282
Граф М.З. 184
Граф Ф.Д. 182, 183–184, 282
Грейм Б. 160–161
Грена И. 180
Гренан Л. 52, 237
Гренан М.Л., урожд. Понсиер 237

Гренан П. 237
Григорьев А. 128
Григорьев П. 49
Гронже С. 38
Грузинский Е.А. 53
Грунд Г.Ф. 164
Грунд Ф.В. 164
Гудков А.А. 112, 113, 114
Гуммель Ф.И. 72
Гурская Н.Г. 3, 129
Гурьев 198
Гурьева С.П. 194
Гусев 97
Гусейн И. 208
Гутурб Ж. 22, 227
Гюар А., в замуж. Копелло см. КопеллоА.
Гюбенталь К.И. 74
Даву Л.-Н. 152
Дальп М. 98
Дамуассо А. 47
Данилова К. 38
Дастор К.К. 101
Деверилин Ю.А. 127
Деверилина Н.В. 127, 190
Делаваль Ж.Ж. 97, 197
Делатре 27, 228
Делатре М.Н. 27, 228
Делло И.П. 43
Делфи П. 195
Дельторкио С.К. 136
Делятр А. 22, 26, 227
Демиденко Ю.Б. 130
Денибеков О.Р. 143, 274
Денисович 45
Денушель Л.И. 77
Деруа 153
Дерфельдт А.А. 181
Джалилов О.Дж. 216, 217
Дивов Н.А. 53
Дивов П.Г. 139
Дмитриев К. 191
Дмитриев П. 78
Добрынкин Н.Г. 29, 30
Додье К. 47
Докоп-Белль 75
Долгоруков 76, 198
Долгоруков Н. 95
Долгоруков Н.В. 193
Домбровская М. 37
Доницетти Д.Г.М. 164
Донченко Л.В. 187
Дорн Б.А. 215
Древс М.И. 93
Дружинин Я.А. 78
Друцкой-Соколинский М. 160
Дубахи 193
Дубровин Н.Ф. 114
Дурасов Е.А. 34
Дурлахер А.И. 67–68
Дурова Н.А. 27
Дьяков П.Н. 44, 263, 264–265, 267
Дьячков 98
Дюйграф К. 37
Дюйграф Э. 37
Дюмон А. 18, 20, 21
Дюре Анна 37
Дюфло А. 96
Евдокимов С.П. 116
Евсеева М.К. 66
Екатерина II 51, 128, 153
Елена Павловна, великая княгиня 143

Еленев Л. 57, 244, 249
Ермоленко Г.Н. 3, 52
Ерсон П. 22, 227
Жадейка 187
Жакмен Г. 201
Жилярди Д. 3, 127–130
Жилярди Дж. Б. 129
Заенчовская или Заензовская В. 37
Зальцман Я. 199
Зандер Ю.К., в замужестве Бланкенгорн см. Бланкенгорн Ю.К., урожд. Зандер
Засецкий 286
Захаров С. 175
Зебах 210
Зейдель Е.Х. 174
Зеленская З. 37
Земдер А. 223
Зибейн 153
Зубова, в замуж. Мезенцева В. см. Мезенцева В., урожд. Зубова
Иванов М.В. 73
Иванова Т. см. Витенштейн Ш.
Ивашевы 71
Йенни В. 188
Излери 198
Ильин, майор 38–42, 231–234
Ильинич Г. 281
Илькевич Н.Н. 177
Иордан Р. 72
Каверин П.Н. 115, 257–258
Каменская П. 27
Каменский А. 27
Каменский Л. 27
Канкрин Е.Ф. 124
Капнист И.В. 147, 254, 277
Кардинель 37
Кари 164
Каригет Ж. 198
Каризна 273
Карл, принц Мекленбургский 141
Карл, принц Прусский 142–144, 273
Карлен Р. 222
Карлен Самуил 188
Карлен Софья 222
Карлен Э. 222
Карлены 193
Карлова Е. 49
Касали А. 195
Касперович 39, 231
Кассен Мария Магдалена Мелани, урожд. Регар 181
Кассен Т.Г. 181
Каховский А.И. 52, 237
Квецинский Ф. 87, 89
Кейзер Ф.Ф. 103–104
Кеппень 215
Кернер А.А. 135–136
Киль Д.И. 150, 152
Кингер И.Х. 132
Кислинский 232
Китаев А.А. 130
Клапотовский 274–275
Кларк М. 95
Кларк С. 95
Клаузель К. 200
Клаузель Н. 200
Клаус Б. см. Клаус И.
Клаус И. 18–20, 226
Клачков В.Н. 40, 232
Клачкова К. 42, 234, 235
Клейнмихель П.А. 62

Клейшнек Г. 163–165
Клименко Ю.Г. 113
Клотч К.И. см. Клоч Х.И.
Клоч Э.Ф.А. 181, 196, 221
Клоч Х.И. 162, 163
Кноф А. 178
Кнюпфер Р.Е. 189, 190
Ковалев И. 274
Колбе Ф. 34, 80
Колечицкая Аннет 83
Колечицкая А.И. 12, 68, 69, 83, 84
Колобов А.П. 136
Компанини А. 25
Компанини А.С. 25
Компанини В. 25
Компанини И. 25
Компанини Ф. 25
Компания (или Компанини) Ф.А.И. 22, 25, 26, 227
Кони С.И. 167
Кононов В.А. 16
Копелло А., урожд. Гуар 84–85
Кормузен Л. 37
Корнеев И.В. 179
Коробанова А. 87, 88, 89
Корсак 219
Корсаков 219
Корти А. 195
Коршунова М. 112
Котович 90
Котц Дж. 77
Красносельская Н.Ю. 112, 113
Крау М. 37
Крауз К.С. 50, 120
Краузе, генерал 160
Краутель И. 34, 80
Краф Д.И. см Граф Д.И.
Краф Ф.Д. см. Граф Ф.Д.
Кревс Ф.Ф. 71
Кубли П. 197
Кубли Ф. 201
Кузнецов П.О. 112
Кулагин К. 256
Кулешов С.Я. 177, 184
Кулле Ф. 76
Кульбацкий В.С. 177
Куник А.А. 215
Курдоев К.К. 215, 216
Кутлер И. 34
Кутлер М. 34
Кучмик Я. см. Птоломеуш 177
Кушников П. 96
Л` Аршамбо 52, 237
Лаверн Ж.Ф. 18, 22
Лавров 258, 268, 273
Лаком В. см. Мария Федоровна, француженка
Ламберт П.А. 138, 139
Лангенбек А.Е. 93, 134, 218–220
Ландерф А. 96
Ланоа 30
Ланский В.С. 41, 233
Ланской С.С. 212
Ларшамбо 52, 237
Ласковская 36, 231
Лауенеры 193
Лебедев А.Н. 23
Леблян 20
Левесьи Е. 27
Лельевер К. 94
Лельевер К., урожд. Булель 94
Лепсиус К.Р. 217

Лертшеры 193
Лерх П.И. 215–218, 225
Лесков Н.С. 45–46
Лесли А. 223, 261
Лесли А.А. 12, 43, 44, 45, 46, 60, 61–62, 63
Лесли О.Н. 223,261
Лешевич-Бородулич А. 51, 235–236
Либерт К.В. 52
Ливер Ж. 22
Липпо А. 22
Лицор Л. 162
Лобанов-Ростовский 190, 193
Лобанов-Ростовский Д.И. 119,230
Логинов А. 23
Логинова 221
Логиновы 193
Ломбард 271
Ломоносов Н.Е. 193
Лор Э. 4
Лоханов Г.И. 112
Лукашевич Г. 283
Лунин М. 128
Лутковский В.Г. 120
Лыкошин 48, 89, 251
Лыкошин А.И. 48
Лыкошин В. 95
Лыкошин Я. 48
Люти М.И. 125
Лякишева С.И. 128
Лямина Е.Э. 12, 69, 83
Мак Гиль см. Макгель Я.
Мак Гиль Я. см. Макгель Я.
Мак Ж. 22, 227
Макалинский В.К. 135
Макарова Н. В. 66
Макгель Е.Я. 130–131
Макгель Я. 33, 80, 131
Макгрегор Д. 75
Макогонова М.Л. 125, 127
Малашева П.И. 68, 84
Малиновский К.В. 125
Малышев 141
Малышева 143
Мальцов 193
Мандилени А. 69
Мандилени Л.Я. 68–71, 84
Манеель см. Макгель Я.
Манеель Я. см .Макгель Я.
Маргаф Василий 221
Маргаф Владимир 199
Маргаф О. 199
Маргаф С. 199
Маргаф Э. 199, 221
Мария Федоровна, императрица 36, 38, 41, 43, 128, 230, 232
Мария Федоровна, француженка (она же Лаком В.) 43–44, 46
Марков А. 196
Марков О. 196
Марков П. 196
Маркова М. 196
Маркова П. 196
Марконети К.Ф. 77
Масиевский 41, 233
Маске Е. 177
Маскио М.Ф. 163
Маскио С.А. 163
Массино Б.А. 192
Массино И. 192
Мацкевич 39, 231
Мачинский А. 96

Мевес 219
Мего Августа 104
Мего Александра 104
Мего А.Е. 72, 104
Мего В.Е., в замуж. Бланкенгорн см. Бланкенгорн В.Е., урожд. Мего
Мего Е. 72
Мего Е.И. 72, 122
Медер Э. 125
Мезенцева В., урожд. гр. Зубова 87, 89
Мелавиль И.Г. 187
Мельгавер К. 94
Менелас А. 112
Месмер А. 74
Метике, врач 50–51
Метике А. 51
Метроль К.И. 97
Мец фон 118, 169
Мещерский И.С. 188
Микешин К. 214–215, 292
Миловидов Б.П. 14, 15, 16, 25, 53, 202, 204, 206
Митрофаний Воронежский Святой 127
Михайлов К. 126
Мицюк Н.А. 3, 98
Мобер И. 196
Моен М. 27
Молин Д. 195
Мольденгауер 181
Монтюле Э. Р. П. Ш. Д. 137, 148–150, 176, 225
Монферран О. 125
Мотон Л. 97
Мощеникова М.А. 112
Муханов 250
Мылов 142
Мюллер И. 188
Навоне Н. 126, 127, 128
Надыкта В.Д. 187
Найти В. 79
Наполеон 3, 14, 16, 24, 36, 51, 61, 118, 152, 155, 157, 224, 231
Нахимов 85
Нахман 200
Нащокина М.В. 128
Неверович 200
Неверовский Д.П. 155, 160
Неимеер А. 95
Никитин П.Е. 267
Никитина Н.В. 3, 4, 66, 68
Никифоров Ф. 214, 288
Николаев П.А. 66
Николай I 32, 44, 66, 73, 74, 85, 140, 141, 150, 151, 152, 156, 160, 161, 266
Николев Я.С. 82
Николева Екатерина С. 82
Николева Елена С. 83
Николева М.С. 11, 74, 82, 83
Николева Н.С. 82
Николева Т.С. 82
Никонов М. 183
Новиков 143, 144
Нольчини Д.К. 144, 148, 175–177, 281
Нольчини И.К. 169, 175
Носова Г.В. 179
Обер 25
Оглы А.М. 210, 212
Озеров С.Н. 121
Ольга Николаевна, великая княжна 262

Орлов А.А. 84, 114,
Орлов, генерал-майор 178
Орлов-Денисов 95, 190
Орловы 128
Павел I 159
Павлов П. 135, 174, 182
Палиари Ф. 51, 235–236
Панин Н.П. 33, 34, 80, 81, 129, 131
Панина С.В. 178, 179
Панина С.П. 129
Панины 3, 129, 130, 131,188, 193
Панисяк И.В. 3, 52
Панютин 266, 267
Папст Х.Ш. 39
Парфенов Ф. 274
Пасикова 76
Паскевич И.Ф. 61
Пассек Т.П. 39
Пастернак Е.Е. 12, 69
Пастухова З.И. 3, 115
Паули 70
Пауль-Фридрих, принц Мекленбург-Шверинский 143–144, 176, 274–275
Пейрото П. 97
Пекинов 254
Пенский 95, 96
Перели О. 201
Песталоцци И.Г. 68, 84
Пиалю А. 101
Пилявский В. 112
Пирютко Ю.М. 127
Плек Ф. 196
Плескачевский 256
Повало-Швейковский 262
Подлинова 21
Подрут Х. 179–180
Подъяпольская М. 71
Покровская З.К. 128
Полет 96
Полет С. 96
Половцов А.А. 218
Полтева Н.М., в замуж. Штриттер см. Штриттер Н.М., урожд. Полтева
Полторацкий, генерал-майор 178
Поль И.Д. 178, 179
Поляков Д. 129
Полякова М.А. 54
Понсиер М.Л., в замуж. Гренан 237
Понятовский Ю. 155
Попов Н.О. 87, 88, 89
Попов О.Н. 88
Порта А. 127
Постникова А.А. 118
Потемкин В.В. 184
Прати Д. 195
Прейс Н. 75
Прометей 64
Птоломеуш отец 177
Пуле Л.Л. 72
Путята Е.А. 23
Пушкин А.С. 54, 138
Пфистер А. 127, 128
Рахимов Р.Н. 160
Рачинский А.В. 221
Рачинский В. 274
Ребельбранн А. 221
Ребер Я. 197
Реберы 193
Реболи П. 195
Регар Магдалена Мелани см. Кассен
Редаэлли А.М. 125, 126

Редер 146
Резенер Ф. 84
Рейнвард Р. 187
Рейс И. 33, 78, 80
Рекс К. 22
Ремизов А.М. 69
Рибопьер 52
Рибопьер А.И. 193
Ридигер 266–267
Рикварт Б.Х. 45
Рипомонти 82
Роба Д. 134–135
Роберт И. 72
Роберт М. 108–110
Рожер Ж.М.М. 96
Роппа А., в замуж. Фанти 30
Ростопчин Ф.В. 114, 178
Росциус или Россиус Э.И. 101, 102
Рулан И. 96
Руска Л. 126, 127
Руссо Ж.Ж. 64
Саблин 202, 204
Сажинский Ж. 22, 227
Салио Я. 191–192
Салтыкова В.С. 74
Самбекин 88
Самсонов А.П. 222, 223
Сантер А.Н. 23–24
Сантер Н. 22–24
Сатцонговен А.Э. 97
Сачнева Л. 182
Севрук Т.М. 248
Селезнев И. 70
Селю А.Ф. 67
Сентимер Е.Ф. 66
Сентимер Ф.Ф. 65–66
Серпутовский С. 33
Сестие М. 33, 80–82
Синицин Д. 235
Сироткин В.Г. 15, 24, 25
Скотти К. 127, 129–130
Смирнов В.И. 158
Соколов 41, 233
Солодянкина О.Ю. 6, 80, 86
Солоницын В.А. 43
Соминич Г.Е. 112
Сорнев И.В. 40–42, 231, 232, 234
Сорнева М. 40, 42, 232, 234
Старов И. 126
Степанов А.И. 188
Степченков Л.Л. 73
Стокман А. см. Штокман А.
Столпакова, в замуж. Валь 59, 239
Строгонов А.Р. 246, 248
Сухова Э.К. 3, 129
Сухтелен П.К. 39
Сушарт Н.И. 82
Тарханова Е. 125
Тедески Л. 126, 127, 128
Тенгоборский 200–201
Тенишев 57, 249
Тимофей Первосвященный 262–263, 265–267, 285
Тихонов Ю.А. 188
Тихонова А.В. 4, 6, 8, 46, 118, 156, 189, 193
Тихонова Д.Д. (Пико) 148
Тихонова М. 195
Тоди 83
Тодорович П. 125, 126
Трок 47
Трофимов А.Я. 127

Трофимов П. 135, 136
Трофимова С.П. 135
Трубецкой П.И. 44, 263, 264, 267, 268, 272
Трукитель П. 18, 21–22
Тузо М.Н. 27, 28, 29, 228
Тузо Н.И. 28, 29, 228
Тукмачев Н. 271
Тутолмин И.А. 129
Убри 139
Ульман М.Ф. 95
Ульман С. 95
Урусова 98
Усачевы-Найденовы 128
Фаворский 251
Фанте 29
Фанти А., урожд. Роппа 30
Фанти Л. 29, 30, 229
Фанти С. 30
Фахуртдинова Е. 127
Фашерон К.М. 181
Федоров Я.О. 132
Федотов А.М. 73, 249
Федотова Е. 73, 249
Феррари Дж. 127
Фивизио Е.И. 103
Фивизио И.С. 102–103
Фивизио С. 103
Фивизио С.И. 103, 178
Филимонов И. 140
Финариско М. 37
Финен С. 95
Фишер Ф. 199
Фландер Ф.К. 179
Флорсати 22
Фогель И.Е. 33, 80, 81–82
Франк Ж. 95
Фребус Т. 95
Фриденталь Е.Г. 66
Фридрих Вильгельм III, король Пруссии 141–142, 269–271
Фридрих Вильгельм, принц Прусский 141
Фридрих-Евгений, герцог Вюртембергский 36
Фридрих Франц II Мекленбургский 147, 277
Фрост К.А. 73
Фук 235
Фюзейе Д. 60
Хальц Э. 111
Хесс П. 150–161, 280
Хесс Э. 12, 137, 150–159, 225, 278–279
Хитрово А.Н. 87, 89, 249, 251
Хлюстин 83
Хмелиовская А. 37
Хмельницкий Н.И. 51, 55, 70, 77, 108, 110, 111, 134, 139, 146, 276–277
Хованский Н.Н. 27, 28, 51, 55, 70, 76, 84, 108, 110, 111, 119, 134, 227, 229, 249, 259–260
Хомченко С.Н. 61
Храповицкий И.С. 28, 31, 41, 84, 119, 138, 144, 227–228, 230, 233
Хрущев А.П. 128
Царт К.И. 186
Цвайфель И. 188
Цекерт Е. 31, 182, 230
Цицольд И. 221
Цукатто 191

Цыбульский 30
Цызырев 43–44
Чапа С.И. 168–169, 175
Чекмарев А.В. 3, 128, 129, 130, 131
Челищева А.П. 180
Червяков А. 21
Черевин А. 262
Черкасов 181
Черних Ф. 110–111
Чернозубова Л. 112
Чернышев А.И. 145
Чернышев В.Я. 29
Чиан П. 193
Чижков А.Б. 3, 129
Чудин Г. 188
Шамборант А.В. 79
Шамборант В.В. 79
Шамборант В.И. 79
Шамборант Е.В. 79
Шамборант Н.В. 79
Шаховской П.Ф. 181
Шванибах Ю. 123
Шванский И. 38, 231, 233
Швейн К. 78
Швидковский Д. 112, 128
Шеделио Ж. 22, 227
Шеио К. 71
Шеио М.Б. 71
Шель 271
Шембель 265, 266
Шенигер И. 221
Шенигер Ф. 196
Шестаков П.Д. 200
Шишкина О.П. 155
Шкедя О.П. 214, 215
Шкларевич Ф.Н. 164, 249
Шлонеер Э.Е. 167
Шлосиер Д.Е. 71
Шляпечка И. 46
Шмидт К. 196
Шнабелъ Ф. 19, 226
Шнейдер Б. 221
Шнирелянд И. 38
Шперлинг И.К. 187
Шперлинг И.Ф. 187
Шперлинг К.И. 186–187
Шперлинг М.Ф., в замуж. Белавенцева 187
Шперлинг Ф.К. 187
Шперлинг Х.Г. см. Шперлинг К.И.
Шредер И.Ф. 165
Шрейдер 49
Штанге Е.К. 98–101
Штанге С.Е. 100, 101, 107, 254–257
Штаубе Г. 197, 198
Штелер К.Ф. 72–73, 249–250
Штерн А.И. 283
Штерн Ф.И. 133, 184–185, 283
Штокман А. 16–17
Штриттер Б.И. 68
Штриттер Н.М., урожд. Полтева 68
Шуйский В. 126
Шульц А.-О.-Л. 74
Шульц М.В. 160, 161
Шульц Ф. см Хальц Э.
Шульц Х. см. Хальц Э.
Шульц Я. см Хальц Э.
Шульчевская 222
Шуман Х.Д., в замуж. Боссе см. Боссе Х.Д., урожд. Шуман
Шупинский 84
Шупинский Н. 94

Шупинский П.А. 122
Щепкина К.Н. 87
Щербов В.П. 104
Щеховской Н.А. 12, 61, 63, 89, 102, 103, 104
Эльманович Г.А. 283
Энгельгардт А. 95
Энгельгардт А.В. 24
Энгельгардт Н. 261
Энгельгардт Н.Ф. 193
Энгельгардт П.И. 156
Энгельгардт П.П. 94
Эрман Н.М. 116
Яго 271
Яковенко В.Я. 62
Яковлев Г.К. 150, 152, 153
Яковлев П.А. 39, 40
Якуба У.Х. 195
Ямалов М.Б. 112
Ян Г.Т. 104–105
Ян Г.Ф. см. Ян Г.Т.
Ян Е.И. см. Ян Г.Т.
Яровинская М.М. 132–133
Яровинский А. 133
Яросинская М.М. см. Яровинская М. М.
Яросинский Я. 133
Яфф С.И. 94
Яхба К. 195

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 4
НОВЫЕ РОССИЙСКИЕ ПОДДАННЫЕ 15
Детали провинциальной жизни *34*

ИНОСТРАНКИ В КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ 37
Детали провинциальной жизни *47*

ПРЕДСТАВИТЕЛИ САМОЙ ГУМАННОЙ ПРОФЕССИИ 51
Детали провинциальной жизни *76*

«ПОСВЯЩАЮЩИЕ СЕБЯ ВОСПИТАНИЮ ЮНОШЕСТВА» 81
Детали провинциальной жизни *109*

ВКЛАД ИНОСТРАНЦЕВ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО
И БЛАГОУСТРОЙСТВО 113
Детали провинциальной жизни *133*

ПУТЕШЕСТВИЕ — «UTILE CUM DULCI» (ПРИЯТНОЕ
С ПОЛЕЗНЫМ) 138
Детали провинциальной жизни *163*

ЛЮДИ ДЕЛА (КУПЦЫ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ,
РЕМЕСЛЕННИКИ) 167
Детали провинциальной жизни *196*

ТУРКИ И КУРДЫ НА СМОЛЕНЩИНЕ ПОСЛЕ
ОКОНЧАНИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 203
Детали провинциальной жизни *219*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 225
Приложения 227
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 294

TIKHONOVA A. V., KOZLOV O. V.

FOREIGNERS IN THE SMOLENSK REGION (1812–1861)

DOI 10.54016/SVITOK.2023.11.19.001

Tikhonova A. V., Kozlov O. V.
Foreigners in the Smolensk region (1812-1861): monograph / A.V. Tikhonova, O. V. Kozlov. — Smolensk: Scroll, 2023. — 308 p.

The monograph, for the first time, comprehensively covers the problem of the stay of foreigners on the territory of the Smolensk province in the first half of the 19th century and on the eve of the Great Reforms of Alexander II. Based on the analysis of documents from the federal archives of the Russian Federation, the National Historical Archive of Belarus in Minsk, the Foreign Policy Archive of the Russian Empire of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, the State Archive of the Smolensk Region, and a large number of published sources, the authors consider issues of nationality and state affiliation of foreign nationals, their numbers, and professional occupations and adaptation of foreigners to living conditions in the province. The book reflects stories related to the passage of royalty from European countries and foreign travelers through the Smolensk region.

The monograph is addressed to historians and everyone interested in the history and culture of the Russian province.

The cover reproduces the lithograph with watercolor tint «Vue de Smolensk» from the atlas: Montulé, E. de. Voyage en Angleterre et en Russie: pedant les année 1821, 1822 et 1823: Chez Arthus Bertrand, 1825.

Key words: foreigners, foreign subjects, Smolensk province, Russian Empire, Russian province, first half of the 19th century, 1812–1861, foreign specialists, Europeans in Russia, Kurds and Turks in Russia.